

Rq 183.244
3

О. Ш. ТВИНЧИДЗЕ

Антим Ивериец

„МЕЦНИЕРЕБА“

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

О. Ш. ГВИНЧИДЗЕ

АНТИМ ИВЕРИЕЦ

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1989

9 (с. 922 : Д 498) + 655.11 (с. 922) (09)

63.3 (2Г)
Г 255

В книге повествуется о жизни и деятельности знаменитого румынского просветителя, церковного, общественного, политического и культурного деятеля Антима Иверийца (Иви-реанула), по происхождению грузина, о той роли, которую он сыграл в политической жизни Румынии и, особенно, в организации книгопечатного дела в Валахии, Сирии и Грузии.

Значительное место уделено книгопечатной деятельности ученика Антима — Михая (Михаила) Иштвановича.

Книга предназначена для историков, а также для широкого круга читателей.

Ответственный редактор д-р ист. наук Г. Г. Жордания

Рецензенты: д-р ист. наук Э. В. Хоштариа
канд. ист. наук Л. Е. Семенова

Р 2 183244

6333-2000
შეგთავსებულია

0503020906
Г М 607 (06)—89 203—89

ISBN 5—520—00453—6

ს.ქ. სსრ ©. გამომცემლობა
ს.ს. ს.ს. გეგმობა
ბ.ბ.ბ.ბ.ბ.ბ.ბ.

«Мецниереба», 1989

О КНИГЕ О. Ш. ГВИНЧИДЗЕ «АНТИМ ИВЕРИЕЦ»

(Вместо предисловия)

Будучи оппонентом докторской диссертации О. Ш. Гвинчидзе, я занялся изучением его труда. К сожалению, неожиданная смерть вырвала Отара Шалвовича из наших рядов и строки эти приходится писать к посмертному изданию его труда.

О. Ш. Гвинчидзе выбрал для своей диссертации очень нужную, но трудную для исполнения тему — историю грузино-валахских связей конца XVII — начала XVIII века.

Грузия и Валахия — далекие одна от другой страны, и связи между ними в те времена были редкими и трудноосуществимыми.

В политической истории народов обоих государств огромную роль играло господство Османской империи. Турецкие завоевательные походы установили политическое господство османов над этими странами, народы которых подверглись беспощадной эксплуатации. Постоянная ожесточенная борьба против ига захватчиков стала базой, на которой выработались определенные общие черты в общественно-политической жизни народов; сближала их и общая религия. И наконец, когда в XVII веке Русское государство как крупная европейская держава начало выступать в качестве главной силы в антиосманской борьбе, вокруг него сплотились и другие страны, ведущие борьбу с османским игом, в том числе Грузия и Валахия.

В конце XVII века Москва стала центром встреч и установления непосредственных контактов и связей между деятелями Грузии и Валахии. Изучение этих связей и явилось целью, поставленной О. Ш. Гвинчидзе в его работе. В конце XVII — начале XVIII в. эти связи воплотились в деятельности выдающегося сына грузинского народа — Антима Ивирачула (Иверийца), молодым плененного турками, проданного в рабство, затем выкупленного и ставшего впоследствии видным деятелем греческо-православной церкви в Константинополе, а затем митрополитом церковной организации Валахии.

Тем не менее, самый неизгладимый след о себе в культурной жизни Валахии и Грузии он оставил как автор и издатель многих книг религиозного и светского содержания, которые публиковал в созданных им же типографиях.

За 26 лет проживания в Валахии Антим опубликовал 64 книги на греческом, румынском, арабском и славянском языках. Кроме того, он создал арабскую типографию в Алеппо и сыграл большую роль в создании первой грузинской типографии в Тбилиси в 1709 г. О. Ш. Гвинчидзе обоснованно высказал мнение, что грузинская типография, существовавшая в Москве в 1705 г., также была создана при участии Антима Ивирианула.

Ко всему этому следует добавить, что Антим, по существу второе лицо, после господаря, в Валахии, сыграл заметную политическую роль как один из руководителей прорусской антитурецкой партии в среде бояр Валахии и поплатился жизнью за свою патриотическую деятельность.

Для раскрытия деятельности Антима Ивирианула О. Ш. Гвинчидзе проделал очень большую исследовательскую работу. Об этом выдающемся типографе, политическом деятеле и ученом-богослове существует довольно значительная литература на румынском, русском, грузинском и других языках. Но главная трудность, которую пришлось преодолеть исследователю, состояла в скудости источников; их вообще очень мало, и они небогаты по содержанию. Автору пришлось применить незаурядное искусство по сопоставлению и осмыслению отдельных фактов, чтобы на их основе сделать обоснованные предположения.

Своим сочинением О. Ш. Гвинчидзе доказал, что дружеские отношения между народами социалистических стран, сложившиеся в эпоху социализма, имеют глубокие корни. Между Румынией и Грузией, в частности, они складывались в конце XVII—начале XVIII в. и осуществлялись при посредничестве Москвы.

Книга О. Ш. Гвинчидзе является безусловным вкладом в советскую историческую науку.

Доктор ист. наук,
профессор, член-корр. АН
Молдавской ССР

Н. А. МОХОВ

ВВЕДЕНИЕ

С возникновением мировой социалистической системы хозяйства у Советского Союза, как и у других социалистических государств, появилась и начала интенсивно развиваться принципиально новая внешнеполитическая функция по организации всестороннего дружественного сотрудничества, братской взаимопомощи и широкого обмена опытом со всеми странами социализма. Расцвет стран социалистического содружества показал, что только социализм по-настоящему обеспечивает все необходимые условия для тесного сближения народов, для самого широкого сотрудничества между ними во всех областях человеческой деятельности.

Важнейшей чертой сотрудничества социалистических стран является то, что оно строится на принципах пролетарского интернационализма—идеологии дружбы и братства. Культурное сотрудничество, основанное на этих признаках, означает глубокое уважение к особенностям и традициям каждой национальной культуры, оказание бескорыстной взаимной помощи в целях общего культурного развития и подъема, обеспечение наиболее благоприятных условий для быстрого роста всех сторон духовной жизни социалистических наций. В условиях социалистического содружества открываются поистине безграничные просторы для всестороннего взаимовлияния и взаимообогащения национальных культур. Всемерное содействие укреплению единства социалистических стран, развитию тесных экономических и культурных связей между ними, еще большему сплочению братской семьи свободных народов на основе великих идей марксизма-ленинизма является важнейшей задачей Советского государства.

Верно оценить прошлое в отношениях народов и, вместе с тем, установить главные тенденции их развития, содействовать прогрессу, дальнейшему сближению стран социализма, что вполне определенно проявляется ныне как закономерность, невозможно без учета опыта истории, без изучения вековых связей между народами этих стран. Отсюда понятно обращение советских историков к всегда актуальной теме истории возникновения и развития дружбы народов, исследование которой имеет большое научное и политическое значение.

Дружественные отношения между народами СССР и тех Дунайских княжеств — Валахии¹ и Молдавии — уходят корнями в далекое прошлое. Изучение конкретно-исторического материала свидетельствует об интенсивных экономических, политических и культурных связях этих народов еще с древних времен. Особенно прочными и многосторонними были традиции их культурных взаимоотношений.

Предметом исследования в настоящем сочинении является освещение грузино-валашских культурных взаимосвязей в конце XVII — начале XVIII века, в установлении и развитии которых важную роль сыграли Антим Ивиреанул (Antim Ivireanul — Антим Ивериец)² и Михай, или Михаил Иштванович (Mihail Istvanovici). В частности, мы поставили перед собой задачу: по возможности полно выявить роль Антима и Михая в установлении связей между Грузией и Валахией в указанное время как в области печатного дела, так и в области искусства.

Разумеется, эти взаимоотношения являются важнейшими сторонами культурных связей Грузии и Валахии в конце XVII — начале XVIII в. Думается, однако, не будет лишним вспомнить о некоторых фактах, подтверждающих существование связей между грузинским и валашским народами и в иные, более ранние времена. Страницы истории хранят следы таких контактов, которые носят самый разнообразный характер.

Имеется свидетельство о том, что захваченные крымскими татарами в плен валахи, грузины, русские, поляки вместе сражались в 1433 году под крепостью Теодоро, т. е. Мангуп, в Крыму³.

¹ Валахия — историческая область, ныне южная часть Социалистической Республики Румынии, расположенная между Карпатами и Дунаем. Валашское княжество было создано в начале XIV столетия в результате объединения мелких воеводств.

² Иверия — древнее название Грузии. Антим Ивиреанул — т. е. Антим Иверийский, Антим Грузинский, а по-грузински Антимоз Ивериели, Антим, по национальности грузин, великий румынский просветитель, общественный и церковный деятель Валахии, прозванный Антимом Ивиреанулом. Будучи грузинским деятелем, он был бы наречен именем Антимоза Ивериели, но своего соотечественника грузины не стали бы именовать Ивериели, так же как, например, русские не стали бы именовать Ломоносова Михайло Русский (как принято в народе именовать иностранцев). Поэтому в нашем сочинении, издаваемом на русском языке, румынскому варианту «Ивиреанул» мы предпочли русский — «Ивериец».

³ Popa-Lisseanu G. Români în izvoarele istoriei medievale, Buc., 1939, p. 173.

Современник грузинского царя Вахтанга VI Иесе Тлашадзе, сопровождавший брата царя Доментия во время его поездки по разным странам, в своем сочинении «Бакарини» отмечает, что в конце XVII века Доментий побывал в Валахии⁴.

В грамоте валахского правителя Шербана Кантакузино, выданной постельнику Раду 23 января 1679 года, встречается слово „Ivirinti“⁵, что, по мнению румынского ученого Д. Богдана, равнозначно слову «грузинский»⁶.

Как явствует из документов, грузины имели связи в далеком прошлом не только с Валахией, но и с Молдавским княжеством. В купчей крепости от 22 февраля 1614 года записан некто Toader Ivirinti (Тоадер Ивериец). Это имя также упомянуто в книге господаря Молдавского княжества 9 марта 1625 года⁷.

Имеются сведения, свидетельствующие о том, что антиохийский патриарх Макарий, посетивший Дунайские княжества в середине XVII века, 20 марта 1653 года совершил богослужение в монастыре Барновени, при котором присутствовал грузинский епископ, приехавший незадолго до этого из Москвы с богатыми дарами. Он прибыл в Молдавское княжество для встречи с патриархом Макарием, который должен был посвятить его в сан епископа Грузии, ибо грузинская церковь, хотя и автокефальная, но, очевидно, поддерживала связи с антиохийским патриарфством⁸.

Представляет большой интерес сообщение выдающегося государственного деятеля и известного ученого средневековой Молдавии Димитрие Кантемира о том, что после своего поселения в Москве (1712 г.) он познакомился здесь с прославленным грузинским поэтом — царем Арчилом, который передал ему генеалогию грузинских правителей, переведенную на греческий язык⁹. Примечательно и то, что Д. Кантемир в своем известном труде «История Оттоманской империи» приводит некоторые сведения из истории Грузии. Повествуя о периоде правления султана Сулеймана I Кануци (Законодателя) (1520—1566), Д. Кантемир описывает эпизоды тяжелых боев, которые

⁴ Иесе Тлашадзе. Бакарини. Тбилиси, 1963, с. 19 (на груз. яз.).

⁵ Т. е. Иверийский.

⁶ Bogdan D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanu).— Studii Revista de Istorie și Filosofie, an. 1951, nr. 4, p. 163. Ниже будет указано лишь сочинение.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem, p. 132.

⁹ Dimitrie Cantemir. Istoria Imperiului Otoman, trad. Hodoșiu, par. I, Buc., 1876; цит. по: Bogdan D. Op. cit., p. 162.

вел грузинский народ против османских войск, рисует картины страшного опустошения Гурджистана иноземными захватчиками. Слово «Гурджистан» Д. Кантемир снабжает следующим примечанием: «Гурджистан — родина очень известного народа, расположенный между Понтом Эвксинским и Каспийским морем. В древние времена жители этой страны назывались иверами, а сегодня называются грузинами. Некоторые считают, что это название происходит от святого Георгия, после принятия ими [грузинами] христианства. Но непоследовательность этого мнения более чем очевидна — еще Плиний и Мела задолго до времен св. Георгия упоминают грузин. Они исповедуют греко-православную веру»¹⁰.

Представляют интерес некоторые свидетельства, связанные с событиями более позднего периода. Так, например, 30 сентября 1739 года русский полководец граф Миних писал, что, когда он вошел в Яссы, с ним был большой отряд грузин, принимавших участие в русско-турецкой войне (1735—1739 гг.)¹¹. В 70—90-х годах XVIII века в Яссах, при канцелярии Потемкина, жили и работали грузинские писатели Бесарион (Виссарион) Габашвили (Бесики), Иоанэ (Иоани) Гедеванишвили и каллиграф Гайоз.

Но самый яркий и знаменательный этап в грузино-валахских культурных отношениях связан с именами таких выдающихся деятелей, как Антим Ивиреанул (Ивериец) и Михай (Михаил) Иштванович.

Антим Ивериец, похищенный и проданный на константинопольском невольничьем рынке в рабство, обрел свою вторую родину в Валахии. Деятельность этого человека, наделенного поистине выдающимися способностями, обширна и многообразна. Он был отличным типографом, художником, гравером, миниатюристом, зодчим, каллиграфом, владел несколькими языками; кроме родного грузинского, он знал румынский, греческий старославянский, арабский, турецкий. Антим основал в Валахии несколько типографий, где печатались книги на разных языках¹². Благодаря ему Валахия превратилась в один из центров, снабжавших книгами христиан Востока¹³.

Антиму Иверийцу принадлежит огромная роль в формировании румынского литературного языка. Он был блестящим писателем и признанным оратором, выдающимся просветителем и гуманистом своего времени. Как известный общественный де-

¹⁰ Ibidem.

¹¹ ЦГАДА. Ф. Сената, кн. № 1663, л. 272.

¹² Gaster M. Die rumanische Buchdruckerien in Georgien.—Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien, 1897, B. XI, Heft 4.

¹³ Istoria Romînici, III. Buc., 1964, p. 264.

ятель Антим посвятил всю свою жизнь борьбе за освобождение Валахии от турецко-фанарнотского господства. «Среди всех пре-латов, когда-либо бывших митрополитами Валахии, нет ни одного, кто бы в глазах потомков имел столь большие заслуги, как Антим Ивериец. Его знаний, его художественного вкуса и глубочайшей любви к книгам было бы вполне достаточно, чтобы счесть его бесподобным», — писал Э. Пико¹⁴.

Антим был в числе первых, кто заложил краеугольный камень в фундамент грузино-валашских взаимосвязей.

И если ему суждено было «благодаря своим многогранным талантам занять главенствующее место в культурной жизни Валахии»¹⁵, то его ученик, валашский печатник Михай Иштванович, которого «за великие труды» в Грузии «возлюбили яко сына»¹⁶, внес большой вклад в грузинскую культуру. Он является первопечатником грузинских книг (1709—1711 гг.). Михай Иштванович воспитал и обучил типографскому искусству многих грузинских мастеров. Один из них, печатник Микэл, в 1712 г. впервые напечатал бессмертную поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»¹⁷.

Жизненные пути Антима Иверийца и Михая Иштвановича уже многие десятилетия привлекают пристальное внимание широкого круга ученых. О них написано большое количество статей и ряд книг. Между тем, несмотря на все значение указанных трудов, многие стороны жизни и деятельности Антима Иверийца и Михая Иштвановича еще недостаточно исследованы в отечественной и зарубежной исторической литературе. Однако при выборе данной темы мы прежде всего исходили из того, что все еще существует настоятельная необходимость монографического изучения жизни и деятельности Антима Иверийца и Михая Иштвановича на фоне грузино-валашских культурных взаимоотношений конца XVII — начала XVIII в., так как эта задача остается пока нерешенной. Но, прежде чем приступить к оценке выдвинутых в исторической литературе положений относительно роли Антима Иверийца и Михая Иштвановича в установлении и развитии грузино-валашских отношений и высказать собственную точку зрения по этому вопросу, необходимо дать обзор литературы и источников по теме исследования.

¹⁴ Emile Picot. Notice biographique et bibliographique sur l'imprimeur Anthime d'Ivir Métropolitain de Valachie.—Nouveaux mélanges orientaux. Paris, 1886, p. 515 (Далее— Picot E).

¹⁵ Ştrempelel G. Prefata.—Antim Ivireanul, Opere. Buc., 1972, p. V.

¹⁶ Леонидзе Г. Антимоз Ивериели. — Дроша, 1951, № 2, с. 18 (на груз. яз.).

¹⁷ Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1712 (на груз. яз.).

Грузинская научная мысль проявляла большой интерес к Антиму Иверийцу и Михаю Иштвановичу с конца XIX столетия. Между тем следует отметить, что в грузинской дореволюционной историографии нет специального сочинения по интересующей нас теме. Хотя некоторые грузинские исследователи и опубликовали сведения об Антимае и Михе, но эти исследования носят весьма схематический характер. Суть этих сведений сводится к следующим положениям: создание первой грузинской национальной типографии явилось результатом переговоров грузин с Антимом Иверийцем, а Михай Иштванович был первопечатником грузинских книг¹⁸.

Румынские буржуазные исследователи, уделяя внимание жизнеописанию Антима Иверийца, в основном, в пределах его деятельности в Валахии¹⁹, в большинстве случаев умалчивают о его роли в установлении и развитии грузино-валахских культурных взаимоотношений или же утверждают, что Антим «стремился оказать содействие укреплению и распространению христианской веры на своей родине» и с этой целью послал он в Грузию Михая Иштвановича, который отпечатал там «Библию»²⁰ на грузинском языке²¹. Разумеется, исповедование одной религии в немалой степени должно было способствовать в то время установлению связей и сотрудничества между Грузией и Валахией. Мы считаем, что отправление Антимом Михая Иштвановича со специальной миссией в Грузию преследовало более широкие задачи, а не только печатание Михаем книг религиозного содержания и оказание содействия в укреплении христианской веры в Грузии. Сошлемся на факты. Как известно, с именами Антима Иверийца и Михая Иштвановича связано большей частью издание множества литургических книг как в Валахии, так и в Грузии. Но в ряде случаев они печатали книги совершенно

¹⁸ Жордания Ф. Краткое историческое исследование о создании и функционировании грузинской типографии в XVIII в. — Иверия, 1885, № 101, с. 104 (на груз. яз.); Карбелашвили П. Иерархия грузинской церкви, 1900, с. 152 (на груз. яз.); Хаханов А. Очерки по истории грузинской словесности, вып. III. М., 1901, с. 367—368; Чичинадзе З. Грузинские типографии 1627—1916. Тбилиси, 1916, с. 56—60 (на груз. яз.).

¹⁹ Cerbulet I. Antim Ivireanul, Buc., 1885; Dinulescu St. Viața și activitatea Mitropolitului Tărei Românești, Antim Ivireanul (1708—1716). Buc., 1886; Badulescu I. Mitropolitul Ungro-Vlahie Antim Ivireanul (1708—1716). Buc., 1893; Dobrescu N. Viața și fartelet lui Antim Ivireanul, mitropolitul Ungrovlahiei. Buc., 1910.

²⁰ Из книг, напечатанных Михаем Иштвановичем в Тбилиси, А. Ксенопол, с ссылкой на Э. Пико, указывает только на «Библию», изданную в 1711 году.

²¹ Xenopol A. Istoria românilor din Dacia Trăiană, vol. VIII. Buc., 1929, p. 248.

ного характера. За период своей типографской деятельности Антим напечатал для учебных нужд книги по различным отраслям науки: истории, литературе, философии. Чтобы пробудить в народе интерес к чтению, он издал рыцарский роман об Александре Македонском «Александрия». Что касается Михая Иштвановича, он в 1711 году издал в Тбилисской типографии книгу дидактического характера «Учение о том, как должен наставник обучать ученика», а через год в этой же типографии, как отмечалось, печатается бессмертная поэма «Витязь в тигровой шкуре», которая проникнута великими идеями гуманизма.

Сочинения румынских буржуазных исследователей обходили вопрос о славянском влиянии на архитектуру Дунайских княжеств, в то время как оно сказалось на древних памятниках и на памятниках XVIII и XIX вв.²² Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении грузинского искусства. В трудах румынских буржуазных исследователей также замалчивается влияние грузинского искусства на архитектурные памятники Дунайских княжеств. Приведем один пример. В начале XVIII века в Валахии, при непосредственном участии Антима Иверийца, был построен монастырь Всех святых и восстановлен монастырь Козия. Анализ плана зданий, художественно-декоративного оформления фасадов этих памятников свидетельствует о том, что Антим внес элементы грузинского искусства в зодчество Валахии того периода. Вместе с тем, румынские буржуазные исследователи, описывая указанные памятники архитектуры, констатируют лишь то, что все это дело рук Антима, а факты влияния грузинского искусства обходят молчанием.

Западноевропейские исследователи XIX века вскользь касаются деятельности Антима Иверийца по созданию первой грузинской национальной типографии и считают возможным участие Антима в изготовлении шрифта, использованного Иштвановичем при печатании грузинских книг в Тбилиси²³.

Можно сказать, что до 1935 года, когда грузинский ученый акад. А. Шанидзе опубликовал свое исследование «К истории грузинской типографии», научным кругам Грузии почти ничего не было известно о жизненном и творческом пути Антима Иверийца. Ценность труда А. Шанидзе заключается и в том, что в нем представлены разбросанные по разным французским и австрийским изданиям сведения, проливающие свет на биографию Антима. Хотя для грузинской историографии впервые стали доступными некоторые сведения о жизни и деятельности Антима

²² Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-руско-украинских связей. Кишинев, 1961, с. 191.

²³ Picot E. Op. cit., p. 225; Gaster M. Op. cit.

в Валахии, тем не менее в исследовании акад. А. Шанидзе вопрос о том, как практически было налажено Антимом Иверийцем и Михаем Иштвановичем печатное дело в Грузии, не рассматривается²⁴.

Надо особо отметить вклад, внесенный в изучение творчества Антима Иверийца народным поэтом Грузии, известным ученым и общественным деятелем акад. Г. Леонидзе. Во время пребывания в Румынии, в 1950 году, Г. Леонидзе собрал богатый материал об Антима Иверийце, по исследованиям румынских историков. Грузинская историография обогатилась новыми данными, освещающими основные моменты деятельности Антима в Валахии. С точки зрения изучения взаимосвязи между печатным делом в Валахии и Грузии, следует обратить внимание на обнаруженное Г. Леонидзе в библиотеке Академии наук СССР грузинское Евангелие, изданное в Тбилиси в 1709 году, в котором в виде отдельного листка было вшито стихотворение, напечатанное грузинским шрифтом и 13-стопным руставелевским стихом. Стихотворение содержит интересные сведения об организации в Тбилиси первой грузинской национальной типографии²⁵.

В последующие годы в Грузии появляются исследования, в которых освещались вопросы, связанные с созданием первой грузинской национальной типографии.

Хр. Шарашидзе, посвятившая этому специальное исследование, считает приемлемой версию об отправлении печатника Михая Иштвановича из Валахии в Грузию, что осуществилось при непосредственной поддержке Антима Иверийца. Тем не менее, она ставит под сомнение практическое участие Антима в деле основания первой грузинской национальной типографии и категорически отвергает возможность доставки типографского оборудования из Валахии в Грузию. Хр. Шарашидзе приходит к выводу, что шрифт, употреблявшийся в первой грузинской национальной типографии, был изготовлен Михаем Иштвановичем в Тбилиси²⁶.

Аналогичного мнения придерживается и Б. Гордезани. Он полагает, что шрифт первопечатной грузинской книги не мог быть отлит в Валахии Антимом, так как печатники изготавливали шрифт по лучшим рукописным образцам и затем каллиграфически обрабатывали избранную рукопись в соответствии с тех-

²⁴ Шанидзе А. К истории грузинской типографии. — Лит. наследство, 1935, I, с. 156—176 (на груз. яз.).

²⁵ Леонидзе Г. Антимоз Ивериели. — Дроша, 1951, № 2, с. 18 (на груз. яз.).

²⁶ Шарашидзе Хр. Первая типография в Грузии (1701—1722). Тбилиси, 1955, с. 43 (на груз. яз.).

никой печатания букв, а Антим, мол, вряд ли имел в Валахии грузинские рукописи²⁷.

Другого мнения придерживается Ш. Курдгелашвили, склонный считать, что Михай Иштванович привез с собой в Грузию грузинский шрифт, который был изготовлен Антимом в Валахии, а также типографское оборудование²⁸. Эту точку зрения разделяет и Ф. Джинджихашвили²⁹.

Среди сочинений, касающихся вопросов грузино-валахских культурных связей, следует назвать исследование Ш. Квасхвадзе, которое содержит описание художественной и технической сторон оформления книг, напечатанных Михаем Иштвановичем в Тбилисской типографии. Автор полагает, что гравюры, помещенные в этих книгах, были изготовлены на месте грузинскими мастерами и исключает возможность того, что они были привезены из Валахии³⁰.

Важное значение для создания полной картины жизни и деятельности Антима Иверийца имеют труды, изданные в Румынии после установления там народно-демократического строя. Вместе с тем следует отметить, что в этих трудах жизненный и творческий путь Антима Иверийца освещается преимущественно с точки зрения его деятельности в Валахии, а вопрос относительно роли Антима в создании первой грузинской национальной типографии в Тбилиси, из-за отсутствия соответствующих документов, рассматривается лишь в общих чертах и носит весьма предположительный характер. Разумеется, исключительный интерес для характеристики культурных взаимоотношений Грузии с Валахией в конце XVII — начале XVIII в. в целом представляют труды П. КонстантINESКУ-ЯШИ³¹ и Д. Богдана³². Однако, когда эти ученые рассматривают грузино-валахские культурные взаимоотношения с точки зрения установления контактов между Грузией и Валахией в области печатного дела и, в связи с этим, пытаются пролить свет на деятельность Антима,

²⁷ Гордезнани Б. Грузинский шрифт мхедрули. Тбилиси, 1955, с. 43 (на груз. яз.).

²⁸ Курдгелашвили Ш. Из истории грузинской типографии. Тбилиси, 1959, с. 49 (на груз. яз.).

²⁹ Джинджихашвили Ф. Антимоз Ивериели. Тбилиси, 1967, с. 121.

³⁰ Квасхвадзе Ш. Книги типографии Вахтанга VI (1702—1722). Тбилиси, 1952, с. 150—151, 193—194, 211—212 (на груз. яз.).

³¹ Constantinescu-Iași P. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul).—Studii, Nr 4, 1951; Idem. Viata Lui Antim Ivireanul. —Relatiile româno-ruso din trecut. Buc., 1954.

³² Bogdan D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul), p. 132—163; Idem. Despre Antim Ivireanul.—Studii Teologice, an. VII, 1955, Nr 3—4, p. 240—255; Idem. Viata lui Antim Ivireanul.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, Nr 8—9, p. 679—689.

они довольствуются, в основном, сообщением о том, что Антим оказал содействие грузинам в организации типографии в Тбилиси и с этой целью послал в Грузию своего ученика ^{Михая} Иштвановича. Несмотря на то, что Д. Богдан в своем исследовании выделил специальную главу — «Связи Антима Иверийца с родиной», он вынужден был ограничиться следующим предположением: покинувший поневоле родину, Антим не мог забыть страну, где он родился. А когда представился удобный случай — он получил известие или, что более вероятно, ему написал сам царь Вахтанг VI о намерении грузин создать типографию — Антим попросил Константина Брынковяну помочь грузинам в этом деле³³.

Аналогичными сообщениями довольствуются и другие румынские ученые. Например, исследование И. Рэмуреану также содержит специальную главу — «Помощь, оказанная митрополитом Антимом Иверийцем православным грузинам», в которой речь идет о том, что Антим, которому Вахтанг VI сообщил о желании грузин приобрести собственную типографию, обратился к валашскому господарю Константину Брынковяну с просьбой оказать содействие грузинам. С этой целью Антим послал в Тбилиси Михая Иштвановича³⁴.

В исследовании Н. Шербэнеску, целиком посвященном типографской деятельности Антима, лишь попутно рассматривается вопрос об его роли в развитии книгопечатания в Грузии. Н. Шербэнеску сообщает только о том, что Михай Иштванович, который отпечатал в Тбилиси несколько книг на грузинском языке, был послан в Грузию Антимом Иверийцем³⁵.

Следует отметить, что даже Г. Штремпел, внесший большой вклад в изучение жизненного и творческого пути Антима Иверийца и опубликовавший в 1972 году труд, который является не только первым критическим изданием всего творческого наследия Антима, но и содержит новую научную оценку фактов и событий из жизни и деятельности Антима, в связи с интересующим нас вопросом ограничивается следующим заявлением: проявление интереса Антима к далекой Грузии выразилось в направлении туда лучшего своего ученика, Михая Иштвановича, с поручением основать там типографию³⁶.

³³ Bogdan D. *Legăturile Tărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul)*, p. 156—157.

³⁴ Rămureanu I. *Ajutorul dat mitropolitului Antim Ivireanul credincioșilor ortodocși din Georgia, patria sa natală.—Biserică Ortodoxă Română*, 1956, Nr 8—9, p. 844.

³⁵ Șerbănescu N. *Antim Ivireanul tipograf.—Biserică Ortodoxă Română*, 1956, Nr 8—9, p. 698.

³⁶ Ștrempel G. *Prefață.—Antim Ivireanul. Opere*, 1962, p. XXI.

Обстоятельную картину связей Грузии с Валахией в области искусства дают П. КонстантINESКУ-ЯШИ³⁷ и И. НАНУ³⁸. Авторы научно обоснованно доказывают, что некоторые архитектурные памятники Грузии послужили образцами для строительства валашских памятников зодчества. С целью обоснования этих выводов они приводят сравнительный анализ монастырей Эртацминда (XIII в.) и Деалулуй (XVI в.), Пицундского монастыря (XII в.) и Кутя де Арджеш (XVI в.) и т. д. И. Нану заостряет внимание на фактах, подтверждающих влияние грузинского искусства, главным образом зодчества, на вновь построенные и реставрированные Антимом в начале XVIII века монастыри и церкви Валахии. Это влияние просматривается в плане зданий, в порталах, в наличниках окон, в декоре и т. д. Деятельность Антима как скульптура и зодчего освещена также в трудах В. Брѐтулеску³⁹.

В сочинениях ряда румынских историков большое внимание уделяется изучению жизни и деятельности Михая Иштвановича. Они содержат ценные сведения о типографской деятельности Михая в Снагове, Рымнике, Трансильвании. Особо следует отметить специальные исследования, посвященные истории грузино-валашских культурных отношений, в частности выявлению роли Михая Иштвановича в создании первой грузинской национальной типографии⁴⁰. В этих исследованиях сделана попытка на основе доступных материалов восполнить биографию Михая Иштвановича. При этом высказан ряд заслуживающих внимания наблюдений, в том числе выдвинута версия о том, что Михай привез с собой из Валахии в Тбилиси различные типографские орнаменты и некоторые гравюры; высказано также предположение, согласно которому Михай Иштванович отправился в Голландию с целью приобретения печатного станка и шрифта

³⁷ Constantinescu-Iași P. Din relațiile culturale româno-gruzine. Buc., 1957.

³⁸ Nanu I. Un monument istoric de artă religioasă; ctitoria mitropolitului Antim Ivireanul.—Biserică. Ortodoxă Română, 1961, Nr. 3—4, p. 223—318.

³⁹ Brătulescu V. Antim Ivireanul miniaturist și sculptor; Idem. Antim Ivireanul ctitor de lacasuri sfântă.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, Nr. 8—9, pp. 766—774, 817—831.

⁴⁰ Bogdan D. Munteanul Mihail Iștvanovici în Georgia.—Глава из исследования Д. Богдана. „Legăturile Țărilor Române cu Georgia“, p. 158—160; Dumitrescu D. Activitatea tipografică a lui Mihail Stefan în Gruzia.—Studii, XI, 1958 p. 135—158; Constantinescu-Iași P. Un român în Gruzia acum 250 de ani. — Studii, XII, 1959, p. 231—232; Molin V. Contribuții noi la istoricul relațiilor culturale cu Orientul ortodox (1709—1712). Un ipodiaton ungrovlach Mihail, fiul lui Ștefan, mester de tipar în țări străine „Biserică Ortodoxă Română“, 1961, Nr. 3—4, pp. 319—338 (далее—Molin V.).

для Тбилисской типографии. Вместе с тем вопрос о том, в чем конкретно заключается заслуга Михая Иштвановича в развитии печатного дела в Грузии (разумеется, кроме общеизвестного факта, что он является первопечатником грузинских книг), остается неясным.

Таким образом, из-за недостатка достоверных источников, целый ряд вопросов относительно роли Антима Иверийца и Михая Иштвановича в организации первой грузинской национальной типографии остается неизученным или отдельные моменты превратились в предмет дискуссии, в ходе которой в отечественной и зарубежной исторической литературе высказываются подчас взаимоисключающие мнения.

Грузинские ученые Ф. Жордания⁴¹, Хр. Шарашидзе⁴², Ш. Курдгелашвили⁴³ предполагают, что устройство в Грузии первой типографии якобы было осуществлено посредством личных контактов и договоренности с представителями восточной православной церкви. А. Цагарели⁴⁴, П. Карбелашвили⁴⁵, А. Хаханавили (Хаханов) считают основание этой типографии результатом переговоров грузин с Антимом Иверийцем. З. Чичинадзе⁴⁷ приписывает Антиму даже саму идею создания грузинской национальной типографии. Аналогичное мнение высказывают румынские исследователи: А. Ксенопол⁴⁸, И. Рэмуреану⁴⁹, В. Молин⁵⁰, Д. Богдан⁵¹, Г. Штремпел⁵², Н. Картожан⁵³, Н. Шербэнеску⁵⁴ и др. Нет единого мнения среди исследователей и относительно установления контактов между Вахтангом VI, с одной стороны, и Константином Брынковяну и Антимом, с другой.

⁴¹ Жордания Ф. Краткое историческое исследование о создании и функционировании грузинской типографии в XVIII в., с. 103—104.

⁴² Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 150.

⁴³ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 11—16.

⁴⁴ Цагарели А. Указ. соч., с. 195.

⁴⁵ Карбелашвили П. Указ. соч., с. 152.

⁴⁶ Хаханов А. Указ. соч., с. 367—368.

⁴⁷ Чичинадзе З. Указ. соч., с. 56—60.

⁴⁸ Xenopol A. Op. cit., p. 248.

⁴⁹ Rămureanu I. Ajutorul dat mitropolitului Antim Ivireanul credincioșilor ortodocși din Georgia, patria sa natală, p. 844.

⁵⁰ Molin V. Op. cit., p. 322.

⁵¹ Bogdan D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul), pp. 259—260.

⁵² Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere. p. XXI.

⁵³ Cartojan N. Istoria literaturii române vechi, III. Buc., 1945, p. 212.

⁵⁴ Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 698.

Ф. Жордания⁵⁵, Хр. Шарашидзе⁵⁶ и Ш. Курдгелашвили⁵⁷ отводят решающую роль в этом деле иерусалимскому патриарху Хри-
санфу (по воле и приказу которого якобы были отправлены в
Грузию мастер-типограф и типографское оборудование), а по
мнению П. Карбелашвили, тем лицом, которое договорилось с
Антимом и вместе с ним наметило план создания типографии
в Грузии, был брат Вахтаंगा VI — Доментий⁵⁸.

Предметом полемики также служит то обстоятельство, что
в самих первопечатных грузинских книгах нет сведений о роли
Антима в деле основания в Тбилиси первой типографии и даже
ни разу не упомянуто его имя⁵⁹.

Мнения ученых расходятся и в вопросе о том, когда отбыл
из Валахии и прибыл в Грузию Михай Иштванович. Исследо-
ватели — Д. Каричашвили⁶⁰, А. Шанидзе⁶¹, Б. Гордезиани⁶²,
Ш. Квасхвадзе⁶³, Ш. Курдгелашвили⁶⁴, П. Константинеску-Яши⁶⁵,
В. Молин⁶⁶, Д. Богдан⁶⁷ — называют разные даты, охватываю-
щие период с 1701 по 1709 год. Ш. Квасхвадзе выдвигает свою
версию, согласно которой Михаю Иштвановичу на путешествие
из Валахии в Грузию через Иерусалим якобы потребовалось
три года⁶⁸.

Вопрос о том, прибыл ли Михай Иштванович в Грузию один
или его сопровождали несколько печатников из Валахии, затро-
нули в своих трудах Ф. Жордания⁶⁹, К. Кекелидзе⁷⁰, А. Хаха-

55 Жордания Ф. Краткое историческое исследование о создании и
функционировании грузинской типографии в XVIII в., с. 104.

56 Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 79.

57 Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 14—15.

58 Карбелашвили П. Указ. соч., с. 131—132.

59 Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 89.

60 Каричашвили Д. Указ. соч., с. 68.

61 Шанидзе А. К истории грузинской типографии, с. 160.

62 Гордезиани Б. Первая грузинская типография и ее хозяйство. —
Мнатоби, 1950, № 1, с. 159 (на груз. яз.).

63 Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 236.

64 Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 43.

65 Constantinescu-Iași P. Legăturile Țărilor Române cu Geor-
gia, p. 159; Idem. Un român în Gruzia acum 250 de ani, p. 231.

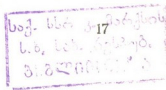
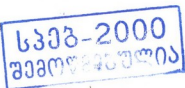
66 Molin V. Op. cit., p. 333.

67 Bogdan D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia, p. 158.

68 Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 235—236.

69 Жордания Ф. Указ. соч., с. 104.

70 Кекелидзе К. История грузинской литературы, т. I. Тбилиси, 1960,
с. 362 (на груз. яз.).

нашвили (Хаханов)⁷¹, З. Чичинадзе⁷², П. Константинеску-Яши⁷³,
В. Молин⁷⁴, Д. Богдан⁷⁵.

Существенно расходятся мнения исследователей и относительно шрифта, употреблявшегося в первой грузинской национальной типографии в Тбилиси. Часть ученых предполагает, что шрифт первых грузинских книг был изготовлен Антимом в Валахии. Еще в 80-х годах прошлого столетия М. Гастер писал, что грузинские буквы были вырезаны и отлиты Антимом в Валахии⁷⁶. Э. Пико считает возможным участие Антима в изготовлении шрифта, использованного Михаем Иштвановичем при печатании грузинских книг⁷⁷. По словам А. Хаханашвили, Антим прислал Вахтангу VI оборудование типографии и отлитые буквы⁷⁸.

З. Чичинадзе также полагает, что образцы грузинского шрифта были привезены из Валахии⁷⁹. А. Шанидзе⁸⁰, Г. Леонидзе⁸¹, К. Кекелидзе⁸² допускают возможность печатания первых грузинских книг шрифтом, изготовленным Антимом. Д. Думитреску⁸³ и Ш. Курдгелашвили⁸⁴ полагают, что Михай Иштванович привез из Валахии пуансоны и необходимое оборудование, с помощью которых он отлил в Тбилиси грузинский шрифт. Часть исследователей—Хр. Шарашидзе⁸⁵, Б. Гордезиани⁸⁶, придерживаются мнения, что шрифт этот был отлит Михаем Иштвановичем в Тбилиси.

Существует также точка зрения, вообще отрицающая возможность изготовления грузинского шрифта Михаем Иштвановичем не только в Тбилиси, но и в Валахии. Так, В. Молин по-

71 Хаханов А. Указ. соч., с. 368.

72 Чичинадзе З. Указ. соч., с. 81.

73 Constantinescu-Iași P. Legăturile Țărilor Române cu Georgia, p. 159; Idem. Un român în Gruzia acum 250 de ani, p. 231.

74 Molin V. Op. cit., p. 333.

75 Bogdan D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia, p. 158.

76 Gaster M. Die Rumanische Buchdruckern in Georgien. Heft. 4.

77 Picot E. Op. cit., p. 522.

78 Хаханов А. Указ. соч., с. 367—368.

79 Чичинадзе З. Грузинская типография и царь Вахтанг VI, с. 36.

80 Шанидзе А. К истории грузинской типографии, с. 160.

81 Леонидзе Г. Антимоз Ивернели, с. 17.

82 Кекелидзе К. Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение. Тбилиси, 1908, с. XXX.

83 Dumitrescu D. Activitatea tipografică a lui Mihail Ștefan în Gruzia, p. 136.

84 Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 49.

85 Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 111.

86 Гордезиани Б. Указ. соч., с. 43.

лагает, что Вахтаг VI не получал из Валахии ни печатного станка, ни типографского оборудования, ни шрифта, а все это к нему перешло по наследству от царя Арчила, который в свое время приобрел оборудование для грузинской типографии в Москве при содействии амстердамского мастера Тотфалуша⁸⁷.

Непосредственную связь с интересующей нас темой имеет вопрос о том, являлась ли на самом деле типография, в которой Михай Ишванович в 1709 году отпечатал грузинскую книгу, первой типографией в Грузии, или же база для книгопечатания существовала в стране еще до этого времени? Последней версии придерживаются некоторые исследователи. По свидетельству Ф. Плоена, до 1709 года в Грузии, хотя и занимались книгопечатным делом, но оно было ограничено⁸⁸. Ссылаясь на это свидетельство, Д. Каричашвили делает вывод, что раньше в Грузии «уже были изданы маленькие книжки»⁸⁹. Ф. Фаульман⁹⁰ и Д. Ионеску⁹¹ категорически утверждают, что в 1701 году в Тбилиси на грузинском языке была издана «Псалтырь».

Источники говорят о том, что Антим Ивернец, будучи в Валахии, принимал непосредственное участие и в изготовлении шрифта для грузинской типографии в Москве (1705 г.)⁹², деятельность которой способствовала дальнейшему развитию грузинской культуры в целом. Рассмотрим историю создания указанной типографии.

В связи с основанием первой грузинской типографии в Москве ученые выдвигают различные версии. Ш. Квасхадзе⁹³ и В. Гоголадзе⁹⁴ считают, что в этой типографии грузинская книга «Псалтырь» была отпечатана шрифтом, отлитым в Амстердаме Тотфалушем. Д. Каричашвили⁹⁵ отмечает, что шрифт из-

⁸⁷ Molin V. Op. cit., p. 332.

⁸⁸ Свидетельство Ф. Плоена изложено в «Историческом обзоре дипломатических сношений между российскими государями и грузинскими царями и владетелями», составленном автором на французском языке. Обзор был переведен на русский язык и приложен к сборнику документов, изданному М. Броссе, — «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями, от 1639 г. по 1770 г.». Спб., 1861, с. XXV.

⁸⁹ Каричашвили Д. Указ. соч., с. 44.

⁹⁰ Faullman Fr. Illustrierte Geschichte des Buchdruckerkunst. Wien, 1888, S. 293.

⁹¹ Ionescu G. Un rezumat din istoricul tipografiei.—Căluza tipografului. Buc., 1906, p. 71.

⁹² Эта версия выдвигается нами впервые.

⁹³ Квасхадзе Ш. Указ. соч., с. 227.

⁹⁴ Гоголадзе В. Из истории печатания грузинской книги. Тбилиси, 1963, с. 12 (на груз. яз.).

⁹⁵ Каричашвили Д. Указ. соч., с. 45.

готовлен в Москве. Хр. Шарашидзе⁹⁶ отрицает возможность использования тотфалушевского шрифта для издания «Педияри», хотя вопрос о том, кем и где был изготовлен шрифт, употребляемый в первой грузинской типографии в Москве, оставляет открытым.

Как известно, с Антимом было связано и книгопечатание на арабском языке. Ученые, в той или иной мере занимавшиеся историей первой арабской национальной типографии (Алеппо, 1706 г.), высказывают порой противоположные мнения относительно роли Антима в деле ее создания. Х. Шнуррер⁹⁷, М. Гастер⁹⁸, Ибрагим Абду⁹⁹, А. Миронеску¹⁰⁰, Н. Картожан¹⁰¹, Д. Симонеску и Э. Муракаде¹⁰², И. Рэмуреану¹⁰³ полагают, что типографское оборудование, изготовленное Антимом, Константин Брынковяну подарил антиохийскому патриарху Афанасию, который установил его в Алеппо, заложив, таким образом, основы первой арабской национальной типографии. Высказывается мнение, что шрифт, отлитый Антимом в Валахии, которым в 1701—1702 годах были отпечатаны на арабском языке «Кондак» и «Часослов», был использован в Алеппо для издания собственно арабских книг.

Сильвестр де Саси не считает достоверной версию о доставке в Алеппо шрифта, изготовленного Антимом Иверийцем, так как предполагает, что книги, изданные Антимом, были напечатаны свинцовым шрифтом, а изданные в Алеппо — деревянным¹⁰⁴. Подобно Сильвестру де Саси, Эмиль Пико категорически опровергает идентичность изготовленного Антимом в Валахии арабского шрифта, которым были напечатаны «Кондак» и «Часослов», и шрифта, который был использован для издания арабских книг в Алеппо¹⁰⁵. Он также полагает, что

⁹⁶ Ш а р а ш и д з е Хр. Изготовление грузинского шрифта в Амстердаме.— Труды Государственной публичной библиотеки Грузинской ССР. Тбилиси, 1937, с. 30—31 (на груз. яз).

⁹⁷ S c h n u r r e r H. Bibliotheca arabica. Halle, 1811, S. 371.

⁹⁸ G a s t e r M. Die Rumanische Buchdruckern in Georgien, S. 522.

⁹⁹ А б д у И. Развитие египетской прессы и ее влияние на возрождение общественной мысли. Каир, 1948, с. 17—18 (на араб. яз.).

¹⁰⁰ M i r o n e s c u A. Istoria Eparhiei Rîmnicului.—Noul Severin. Buc., 1906, p. 88.

¹⁰¹ C a r t o j a n N. Istoria Literaturii române vechi, III, p. 212.

¹⁰² S i m o n e s c u D. și M u r a c a d e E. Tipar românesc pentru arabi în secolul al XVIII-lea. Buc., 1939, p. 2—3.

¹⁰³ R ă m u r e a n u I. Antim Ivireanul și legăturile sale cu credinciosii din Patriarhia Antiohie. Biserica Ortodoxă Română, 1956, Nr. 8—9, p. 841.

¹⁰⁴ S y l v e s t r e d e S a c y, Magazin Encyclopédique. Paris, 1841, pp. 198—203.

¹⁰⁵ P i c o t E. Op. cit., p. 538—539.

шрифт, изготовленный Антимом в Валахии, был отлит из талла, а шрифт, употреблявшийся в Алеппской типографии, вырезан из дерева¹⁰⁶.

Диаметрально противоположного взгляда придерживается Луи Шейхо. По его мнению, шрифт, которым напечатаны книги в Алеппской типографии, был «отлит» («сукиба» — по-арабски), а не вырезан из дерева¹⁰⁷. Этот же автор, в связи с созданием первой арабской национальной типографии в Алеппо, выдвигает две версии. Первая: патриарх Афанасий Даббас привез из Валахии в Алеппо Антима Иверийца, который изготовил там арабский шрифт. Вторая: патриарх Афанасий Даббас во время своего пребывания в Валахии обучился у Антима искусству отливки шрифта, а затем издал в Алеппо несколько арабских книг¹⁰⁸.

Делать определенные выводы относительно роли Антима Иверийца и Михая Иштвановича в деле создания типографий за пределами Валахии, разумеется, невозможно без учета их типографской деятельности в самой Валахии. В этом плане особенно ценными являются работы Н. Шербэнеску¹⁰⁹, Д. Богдана¹¹⁰, Э. Пико¹¹¹, И. Биану и Н. Ходош¹¹², Г. Штремпела¹¹³.

В настоящем сочинении нами сделана попытка выяснить вопрос о том, где изучил Антим типографское дело. Среди ученых нет единого мнения по этому вопросу. Одна часть исследователей предполагает, что Антим овладел мастерством типографа в Валахии¹¹⁴. Другая же часть считает более правдоподобной версию о том, что Антим первоначально работал в типографии за пределами Валахии. Целый ряд ученых, конкре-

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ Шейхо Л. История печатного искусства на Ближнем Востоке. Ал. Машрик. Бейрут, 1900, № 8, с. 355—362 (на араб. яз.).

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Şerbănescu N. Mitropolitul Antim Ivireanul.—Mitropolia Olteniei, XVIII, 1966, pp. 771—811; Idem. Antim Ivireanul tipograf, pp. 690—766; Idem. Istoria monăstirii Snagov. Buc., 1944.

¹¹⁰ Bogdan D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia, p. 135—141.

¹¹¹ Picot E. Op. cit., p. 529—565.

¹¹² Biănu I. și N. Hodoș N. Bibliografia românească veche, 1508—1830, t. 1 (1508—1716). Buc., 1903.

¹¹³ Ştrempel G. Prefață—Antim Ivireanul. Opere, p. XI—XXX.

¹¹⁴ Iorga N. Istoria Literaturii românești în secolul al XVIII-lea, 1, Buc., 1910, p. 419; Mironescu A. Op. cit., p. 86; Dobrescu N. Op. cit., p. 11; Ştrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Predici, Buc., 1962, p. 10; Ştrempel G. Prefață. —Antim Ivireanul. Opere., p. 417.

тизируя эту версию, связывает начало печатной деятельности Антима с Константинополем¹¹⁵, Тбилиси¹¹⁶ и даже Венецией.

Жизнь и деятельность Антима Иверийца от рождения до его поселения в Валахии остается, можно сказать, белым пятном в исторической литературе. Когда родился Антим, к какой социальной среде он принадлежал, кем и когда был он похищен, кто и с какой целью выкупил его из рабства на константинопольском невольничьем рынке, в каких местах протекала его жизнь и в какой области он подвизался до прибытия в Валахию, где постиг он различные виды искусства: живопись, зодчество, каллиграфию, когда он прибыл в Валахию — вот круг вопросов, относительно которых имеются лишь противоречивые предположения исследователей.

Заканчивая общий обзор специальной литературы, необходимо отметить, что в нашем сочинении мы касаемся также отдельных сторон политической деятельности Антима Иверийца, хотя исследование данной проблемы выходит за рамки наших интересов.

Работы некоторых румынских буржуазных историков и других зарубежных исследователей содержат весьма отрывочные сведения о политической деятельности Антима во время русско-турецкой войны (1710—1711 гг.) и правления валашского господаря-фанариота Николае Маврокордато. Например, М. Когэлничану, в связи с событиями периода Прутского похода (1711 г.), ссылаясь на летопись Раду Попеску, впервые в румынской исторической литературе упоминает митрополита Валахии Антима Ивиреанула¹¹⁸. Однако следует отметить, что М. Когэлничану в своем сочинении ничего не говорит о политической ориентации валашского митрополита, который ориентировался в освобождении Валахии от османского господства на Россию. Другие исследователи, затрагивающие вопрос о взаимоотношениях между Антимом и Николае Маврокордато во время австро-турецкой войны (1716—1718 гг.), довольствуются лишь конста-

¹¹⁵ Леонидзе Г. Антимоз Ивериели, с. 17; Курдгелашвили Ш. Указ. соч. с. 30—33; Джинджихашвили Ф. Указ. соч., с. 103.

¹¹⁶ Molin V., Op. cit. p. 330—331; Georgescu I. Antim Ivireanul și Iocul lui în cultura poporului român. — Biserică Ortodoxă Română, 1966, Nr 8—9, p. 968.

¹¹⁷ Șerbănescu N. Mitropolitul Antim Ivireanul.—Mitropolia Olteniei, 1956, p. 772, 774.

¹¹⁸ Kogalnicean M. Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques pour servir à l'histoire de Pierre-Le-Grand, Charles XII; St. Leszczynski. Démetre Cantemir et Constantin Brâncovan, v. I. Iași, 1845, p. 114; Idem. Cronicile României cu Letopisetele Moldaviei și Valahiei. Vol. 2, Buc., 1872, p. 318.

тацией некоторых фактов, приводя сведения, почерпнутые из первоисточников без всякого критического анализа, не обобщая и не увязывая их друг с другом¹¹⁹, или же высказывают подчас тенденциозные суждения по данному вопросу. Например, основной смысл работы А. Стурдзы сводится к тому, чтобы обвинить выступавших против ставленника султана Николае Маврокордато валашских бояр во главе с Антимом в «явной измене» и в «сговоре с австрийцами»¹²⁰.

В русской историографии XIX века события, связанные с именем Антима, упоминаются в работе А. Кочубинского¹²¹. Речь идет о совещании валашских бояр прорусской ориентации в Урлаце во время Прутского похода (1711 г.). А. Кочубинский ошибочно считает, что инициатором совещания был некий епископ Афанасий, а не Антим Иверец.

Из сочинений советских историков большого внимания заслуживает исследование Л. Е. Семеновой, посвященное одной из малоизученных страниц истории русско-валашских взаимоотношений в конце XVII — начале XVIII в. Для нас особый интерес представляет та часть сочинения, в которой Л. Е. Семенова обращается непосредственно к истории русско-валашских взаимоотношений в период русско-турецкой войны 1712 г.¹²²

Румынские ученые Д. Богдан и Г. Штремпел, затрагивая в своих трудах вопрос политической деятельности Антима Иверийца в период Прутского похода (1711 г.), отмечают, что Антим был почитателем Петра I¹²³, и характеризуют его как сторонника сближения с русскими¹²⁴. Примечательно, что как Д. Богдан, так и Г. Штремпел полагают, что спафарий Фома Кантакузино со своими приверженцами бежал из лагеря Урлац к русским по совету митрополита Валахии Антима¹²⁵.

К. Шербан в своем исследовании «Эпизод Прутской кампании: взятие Браила (1711 г.)» упоминает Антима в связи с

¹¹⁹ Engel J. Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer, Band II, 1804, S. 315, 316, 501.

¹²⁰ Sturdza A. L'Europe Orientale et le rôle historique des Maurocordato. Paris, 1915, p. 115.

¹²¹ Кочубинский А. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. — Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1872, с. 98.

¹²² Семенова Л. Е. Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969, с. 117—142.

¹²³ Bogdan D. Viafa lui Antim Ivireanul, p. 682.

¹²⁴ Ştrempel G. Prefaţă.— Antim Ivireanul. Opere, p. XVII.

¹²⁵ Bogdan D. Op. cit.; Ştrempel G. Op. cit., p. 420.

тем, что ему был передан манифест, распространенный нашими войсками в Валахии¹²⁶.

Рассмотрим теперь источники.

По теме настоящего исследования архивный материал содержит весьма скудные сведения. Достаточно отметить, что в архивных фондах (ЦГАДА. Фонды — «Сношения России с Грузией» и «Сношения России с Молдавией и Валахией») не обнаружено ни одного документа, имеющего непосредственное отношение к жизни и деятельности Антима Иверийца или Михая Иштвановича.

Важное значение имеет документ, отражающий некоторые моменты организации грузинской типографии в Москве. Это письмо царя Арчила к начальнику Посольского приказа Федору Алексеевичу Головину, в котором Арчил 2 июля 1703 года сообщает, что у него имеются литеры грузинского шрифта, и просит разрешения Головина на печатание книг¹²⁷.

Что касается архивных материалов, хранящихся в фондах Социалистической Республики Румынии, то можно с уверенностью сказать: все, что связано с именем Антима Иверийца, включая его личные письма, его творческое наследие, факты из его биографии, нашло отражение в публикациях разных лет. Сами румынские ученые, проявляя огромный интерес к творческому наследию Антима и по крупинке выискивая новые данные о его жизни и деятельности, вынуждены признать чрезвычайную скудость материала подобного характера¹²⁸.

Довольно богатый материал по интересующим нас вопросам содержится в некоторых отечественных и зарубежных документальных публикациях.

При таком стечении обстоятельств, разумеется, еще большее значение приобретает каждый источник, его правильная трактовка, сопоставление его данных с другими, документально подтвержденными фактами, точный перевод текста источника на другой язык и т. д. Сколь необходимо такое многоплановое исследование источников, касающихся интересующей нас темы, явствует из нижеприведенных примеров.

С целью подтвердить свою версию о том, что якобы Михай Иштванович приехал в Грузию «по воле и желанию иерусалимского патриарха Хрисанфа», грузинский ученый Ш. Квас-

¹²⁶ Şerban C. Un episod al campaniei de la Prut: cucerirea Brăilei (1711).—Studii și materiale de istorie medie, II, 1957, p. 451.

¹²⁷ ЦГАДА. Ф. Сношения России с Грузией, 1703, № 2, л. 10.

¹²⁸ Ştrempelel G. Prefața. — Antim Ivireanul. Opere, p. V; Cioculescu S. Antim Ivireanul scriitorul. — România literară. Buc., 1975, p. 7.

хвадзе обращается к письму Антима к Хрисанфу от 1713 г.¹²⁹ точнее к переводу текста письма на грузинский язык, опубликованному в журнале «Дроша» («Знамя») в 1951 году. Если на основе этого перевода и впрямь можно согласиться с версией Ш. Квасхвадзе, то изучение оригинала самого письма¹³⁰ показывает неправомерность точки зрения уважаемого исследователя. Вообще следует отметить, что указанное письмо Антима к Хрисанфу никоим образом не вносит ясность в вопрос отправления типографа из Валахии в Грузию. Если в нем Антим извещает Хрисанфа о судьбе Михая Иштвановича, то это было вызвано совершенно иными причинами. Изучение переписки между Антимом и Хрисанфом¹³¹ показало, что указанное письмо, по всей вероятности, является продолжением переписки, завязавшейся между Антимом и Хрисанфом еще раньше. Но в этой переписке речь шла не о деятельности первой грузинской национальной типографии, а о создании греческой типографии в Константинополе.

Обращение лишь к одному отдельно взятому источнику, не учитывая при этом другие, документально подтвержденные свидетельства, зачастую приводит исследователей к ошибочным выводам. Румынский исследователь В. Молин, сославшись на предисловие Вахтанга VI к первопечатной грузинской книге — «Евангелию» (1709 г.), полагает, что типография, в которой была отпечатана указанная книга, не была первой в Грузии, т. к. Вахтанг VI в своем предисловии ничего не говорит об этом¹³². И это утверждение кажется вполне обоснованным, а между тем имеется иное свидетельство, целиком опровергающее мнение В. Молина. Мы имеем в виду другое предисловие к этому же «Евангелию», на сей раз принадлежащее Николаю Орбелиани, которое содержит прямое указание на то, что «Евангелие» было издано в типографии, которой прежде «никогда не было в Грузии»¹³³. Та же мысль проводится в предисловии к «Требнику», изданному в Тбилиси под редакцией Квириана Самтавели¹³⁴.

Приведем другой пример. Ссылаясь на письмо иерусалимского патриарха Досифея к царю Арчилу от 23 сентября 1682

¹²⁹ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 231.

¹³⁰ Documente privitoare lui istoria românilor. Ed. E. Hurmuzaki, N. Iorga. Documente grecești (1560—1820). Buc., 1936. Vol. XIV, par. 3, p. 112—113 (далее — Documente).

¹³¹ Documente, p. 105, 106, 107, 115.

¹³² Молин В. Оп. cit., p. 332.

¹³³ Евангелие. Тбилиси, 1709 (на груз. яз.). — Фонд библиотеки Ин-та рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР.

¹³⁴ Требник. Тбилиси, 1713 (на груз. яз.). — Фонд библиотеки Ин-та рукописей им. К. С. Кекелидзе АН ГССР.

года, в котором сказано: «...да печатаются книги иверские и эллинская печать совершили есмь здесь»¹³⁵, опубликованная его Т. Тивадзе утверждает, что в 1682 году в Константинополе функционировала греческая типография. Но, во-первых, упомянутое письмо переведено с греческого языка на русский и по вине переводчика некоторые места в тексте искажены; а во-вторых, Т. Тивадзе не учитывает того, что существует ряд достоверных свидетельств, согласно которым во второй половине XVII века в Константинополе не было ни одной греческой типографии¹³⁶.

Вызывают сомнения наблюдения Ш. Квасхвадзе в связи с фотокопией титульного листа «Часослова», напечатанного Антимом в 1702 году в Валахии, которая была опубликована акад. А. Шанидзе в журнале «Литературное наследство». Ш. Квасхвадзе полагает, что печать (по мнению автора, на печати изображен герб Валашского княжества), которая стоит на фотокопии, не напечатана одновременно с книгой, а отштампована на уже напечатанной странице¹³⁷. На этом основании исследователь высказывает свою точку зрения относительно техники книгопечатания как в Валахии, так и в Грузии. Он утверждает, что в отличие от практики издания книг в Валахии, в книге, отпечатанной в Тбилисской типографии, герб представляет собой органический элемент всей наборной страницы. Однако мысль, высказанная Ш. Квасхвадзе, ошибочна. Детальное изучение опубликованной фотокопии с титульного листа «Часослова», а также ее сравнение с оригиналом¹³⁸ и с некоторыми экземплярами печатной продукции Валахии того времени показало, что, во-первых, печать на фотокопии титульного листа «Кондака» не является гербом Валашского княжества и, во-вторых, что во всех книгах герб Валашского княжества печатался одновременно с книгой.

Как было отмечено выше, недостаточность архивного материала по интересующим нас вопросам в некоторой степени восполняется опубликованными источниками, книгами, изданными Антимом Иверийцем — в Валахии и Михаем Иштвановичем — в Грузии, творческим наследием Антима, перепиской официальных лиц, хрониками, описаниями современников.

Следует особо выделить подготовленную советскими и румынскими историками публикацию документов, посвященных политическим, экономическим и культурным связям России с

¹³⁵ Тивадзе Т. Письмо патриарха Досифея к грузинскому царю Арчилу. — Грузинское источниковедение, III. Тбилиси, 1971, с. 252.

¹³⁶ См. с. 25 наст. нашего сочинения.

¹³⁷ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 212, 218.

¹³⁸ Cealov. Buc., 1702 (Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tipariturii românești vechi, № 137).

Молдавским княжеством и Валахией с 1673 по 1711 год¹³⁹. Издание содержит ценные материалы по ряду затрагиваемых в нашем сочинении вопросов валахско-русских отношений в конце XVII — начале XVIII в.

Не меньший интерес представляет одиннадцатый том писем и бумаг Петра Великого¹⁴⁰. В этот том вошли документы за первое полугодие 1711 г. и примечания к ним. Значительная группа документов освещает вопросы русско-валахских отношений во время Прутского похода, в частности события, связанные с действиями спафария Фомы Кантакузино, перешедшего с отрядом верных ему людей в лагерь Петра I¹⁴¹.

Для освещения русско-грузинских связей конца XVII в. и жизни и деятельности грузинского царя Арчила после его поселения в России важное значение имеют публикации переписки грузинских царей с российскими государями и сборник материалов по истории русско-грузинских отношений¹⁴².

Из румынских публикаций для нас большое значение имеет многотомное собрание документов Е. Хурмузаки, освещающих внутри- и внешнеполитическое положение Дунайских княжеств начиная с XVI века по 80-е годы XVIII века. В настоящем сочинении использованы материалы XIV тома (пар. II—III) «Греческих документов, касающихся румын», опубликованных Н. Йорга. Особого внимания заслуживает переписка между Антимом Иверийцем и иерусалимским патриархом Хрисанфом Нотаром. В письме Антима к Хрисанфу от 6 апреля 1713 года имеется исключительно важное свидетельство о последнем периоде пребывания Михая Иштвановича в Грузии. В нем с большой точностью подтверждается, что Михай покинул Грузию 6 апреля 1712 года и через Москву направился в Голландию¹⁴³. Этот документ разрешает спор между учеными относительно последних лет пребывания Михая в Грузии.

С точки зрения развития типографического дела в Валахии большой интерес представляет письмо Антима от 24 января 1714 года, а из письма Антима от 21 января 1713 года¹⁴⁴ явствует, что Антим обещал помочь Хрисанфу в организации типографии в Константинополе и подготовить для этой цели типографа.

Собрание документов Е. Хурмузаки содержит письмо Ан-

¹³⁹ Исторические связи народов СССР и Румынии XV — начале XVIII века. Документы в трех томах. Т. III, 1673—1711. М., 1870.

¹⁴⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI, вып. I. М., 1962.

¹⁴¹ Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 по 1770 г. Спб., 1861. (Издание М. Броссе).

¹⁴² Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974.

¹⁴³ Documente, p. 115.

¹⁴⁴ Ibidem, p. 107.

тима к вселенскому патриарху Афанасию V от 26 декабря 1710 года, в котором раскрывается сущность конфликта между митрополитом Валахии Антимом и иерусалимским патриархом Хрисанфом, возникшего из-за требования последнего подчинить монастыри и церкви Валахии только Иерусалиму, а его, патриарха, считать полным хозяином валашской церкви как в административных, так и в религиозных делах. Антим отвергает домогательства Хрисанфа и решительно отстаивает национальные интересы валашской церкви¹⁴⁵.

Заслуживает внимания и последнее из дошедших до нас писем Антима, датированное 24 марта 1716 года¹⁴⁶. В нем описано весьма тяжелое положение, в котором оказался митрополит Валахии из-за бесконечных интриг и доносов на него его врагов во времена правления первого господаря-фанариота Валахии Николае Маврокордато. Необходимо также отметить материал, подтверждающий нескрываемую радость высших представителей греческой церковной иерархии в связи со смещением Антима с поста митрополита Валахии и злорадства по поводу его гибели¹⁴⁷.

Сборник греческих документов, касающихся отношений между Иерусалимским патриаршеством и Валахией в 1569—1728 гг., включает грамоты, из которых явствует, что Антим провозгласил независимым основанный им в Бухаресте монастырь Всех святых¹⁴⁸. Права этого монастыря на самостоятельность были упразднены чрезвычайным заседанием Синода уже после смерти Антима Иверийца¹⁴⁹.

В издании «Надписи в церквах Румынии», осуществленном Н. Йорга, имеются сведения о некоторых фактах, прямо или косвенно относящихся к жизни Антима Иверийца. Из них мы узнаем, например, что Антим, забрав с собой шрифт и печатный станок, переехал из Бухареста в Снагов в 1694 году¹⁵⁰, что он завершил строительство монастыря Всех святых в Бухаресте в 1715 году¹⁵¹.

«Святой журнал митрополии Унгро-Валахии» содержит интересные сведения о пребывании Антима в Молдавии¹⁵² о его

¹⁴⁵ Documente, p. 79—82.

¹⁴⁶ Ibidem.

¹⁴⁷ Ibidem, part. II, p. 794, 796.

¹⁴⁸ Recueil de documents grecs, concernant les relations du Patriarcat Jérusalem avec la Roumanie (1569—1728) (publiés par Emile Legrand), 1895, p. 187—188.

¹⁴⁹ Ibidem, p. 238.

¹⁵⁰ I o r g a N. Inscipții din bisiricile României. Buc., 1905, p. 162.

¹⁵¹ Ibidem, p. 280—281.

¹⁵² Candica sfântă a Mitropoliei Ungro-Vlahiei. Ed. G. Enaceanu. Buc., 1886, p. 100.

церковной и типографской деятельности в Рымнике¹⁵³. Особого внимания заслуживает патриаршая грамота, датированная августом 1716 года¹⁵⁴, которая обвиняет Антима в намерении совершить «восстание и революцию» и низвергнуть господаря-фанариота Валахии Николае Маврокордато, ставленника Османской Порты.

В «Актах и фрагментах», изданных Т. Кипариу, имеется свидетельство врача Константина Брынквяну Вандербека, который обвиняет в расправе над Антимом непосредственно Николае Маврокордато. По словам Вандербека, Маврокордато «не побоялся запачкать грешные руки кровью» митрополита Антима¹⁵⁵.

Необходимые сведения по теме почерпнуты также и из других документальных публикаций¹⁵⁶.

Для выявления роли Антима Иверийца и Михая Иштвановича в развитии типографского дела в Грузии большое значение имеют первопечатные грузинские книги — «завещания». Предисловия к этим книгам содержат исключительно важные сведения относительно организационного периода первой грузинской национальной типографии в Тбилиси (1709 г.), изготовления Михаем Иштвановичем грузинского шрифта для указанной типографии. В этих «завещаниях» имеются прямые указания на то, что отпечатанные Михаем в Тбилиси книги были первыми типографскими изданиями в Грузии и что Михай обучил типографскому искусству учеников-грузин, продолжавших печатать книги в Тбилисской типографии после отъезда Михая из Грузии (1712 г.) вплоть до 1722 года, когда указанная типография была разгромлена вследствие османского нашествия¹⁵⁷.

¹⁵³ Ibidem, p. 98—99.

¹⁵⁴ Ibidem, p. 111—114.

¹⁵⁵ Cipariu T. Acte și fragmente. Blaj., 1855, p. 226.

¹⁵⁶ Акты Кавказской археографической комиссии, т. I, Тбилиси, 1886; Жордания Ф. Исторические документы монастырей и церквей Картли и Кахети. Поти, 1903 (на груз. яз.); его же. Хроники и другие материалы по истории и литературе Грузии (1213—1700), т. II. Тбилиси, 1897 (на груз. яз.); Марр Н. Краткое описание грузинских рукописей библиотеки греческого патриарха в Иерусалиме. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.); его же. Синодик Крестового монастыря в Иерусалиме. Спб., 1914 (на груз. яз.); Acte și documente relative la istoria renașterei României, publicate de Dimitrie; A. Strudza și C. Colescu-Vatic, vol. I, 1391—1841, Buc., 1900; Stînghe S. Documente privitoare la trecutul Românilor din Scheiu, t. I. Brașov, 1901; Documente privitoare la Constantin Vodă Brâncoveanu, la domnia și sfârșitul lui Publicate cu prefața N. Iorga. Buc., 1901; Inscriptiile mediavele ale României. Orașul București, v. I (1359—1800). București, 1965.

¹⁵⁷ В 1709—1722 гг. в Тбилисской типографии были напечатаны на груз. яз. следующие книги: «Евангелие» (1709), «Апостол» (1709), «Кондак» (1710).

В библиотеке Академии наук Социалистической Респу-
блики Румынии, в фонде румынских печатных изданий, под № 15
А, хранятся два экземпляра упомянутого «Евангелия», переслан-
ные грузинами Антиму в Валахию. Ценным источником, про-
ливающим свет на вклад Антима в создание первой грузинской
национальной типографии, является посвящение-автограф Ан-
тима валашскому господарю Константину Брынковяну, поме-
щенный на 6-й странице в обоих экземплярах «Евангелия». В
этом посвящении-автографе Антим приносит Константину Брын-
ковяну благодарность от имени грузинского народа за «содей-
ствие» в «обогащении книгами земли Иверской».

Прямым подтверждением того, что печатное дело в Грузии
было перенято из Валахии, служит предисловие к книге, издан-
ной Михаем Иштвановичем в Тбилиси в 1711 году, в котором
сказано, что Вахтанг VI «привез типографию из Валахии, когда
там правил Иоанн Константин Брынковяну Басараб»¹⁵⁸.

Характеристика технической и художественной сторон оформ-
ления книг, отпечатанных Антимом Иверийцем в Валахии и
Михаем Иштвановичем в Грузии, позволяет не только оценить
уровень типографского мастерства Антима и Михая, но и оп-
ределить, в каком соотношении находятся, с точки зрения ху-
дожественного оформления, первопечатные грузинские книги и
книги, изданные Антимом в Валахии. Достаточно отметить, что
сравнение арабской книги «Кондак» изданной Антимом в 1701
году в Снагове, с «Евангелием»¹⁵⁹, отпечатанным Михаем в Тби-
лиси, обнаружило сходство и даже тождество некоторых дета-
лей художественного оформления этих книг. А эстамп с изобра-
жением Давида Пророка в книге «Псалтырь»¹⁶⁰, изданной
Антимом в Валахии в 1694 году, совершенно идентичен гравюре
«Давид Пророк», помещенной в книге «Давитни» («Псал-
тырь»)¹⁶¹, отпечатанной Михаем в Тбилиси в 1711 году.

«Завещания» (предисловия) к книгам, изданным Антимом
Иверийцем и Михаем Иштвановичем, содержат важные сведе-
ния о вкладе Антима в развитие книгопечатания на арабском

«Псалтырь» (1711), «Учение о том, как должен наставник обучать ученика»,
(1711), «Часослов» (1722) — Фонд библиотеки Ин-та рукописей им. К. Ке-
келидзе АН ГССР.

¹⁵⁸ Учение о том, как должен наставник обучать ученика. Тбилиси, 1711.

¹⁵⁹ Trei Sfinte Liturghii. Snagov, 1701.—Bibliot. Acad. R. S. R., fondul
tipărituri românești, № 130.

¹⁶⁰ Psaltire. Buc., 1694.—Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tipărituri romă-
nești, № 96.

¹⁶¹ Псалтырь. Тб., 1711 (на груз. яз.). — Фонд библиотеки ин-та руко-
писей им. К. Кекелидзе АН ГССР.

языке¹⁶² и являются ценным источником, проливающим свет на некоторые моменты жизненного пути Антима и Михая¹⁶³

Организационный период создания первой грузинской типографии в Москве (1705 г.) отражен в двух письмах «искусного гравера букв» Тотфалуша, посланных шведскому ученому И. Шпарвенфельду 12 ноября 1686 г. и 17 января 1687 г.¹⁶⁴, а также в письме грузинского царя Арчила мэру Амстердама Н. Витсену¹⁶⁶ от 17 декабря 1686 года относительно изготовления грузинского шрифта. Копии с некоторых из этих писем, а также оттиски грузинского шрифта, изготовленного Тотфалушем, шведский ученый Г. Биоркбом переслал из Швеции в Тбилиси в 1937 году.

Даже краткое знакомство с творческим наследством Антима дает возможность воссоздать образ человека, разносторонняя и продуктивная деятельность которого заслуженно отвела ему одно из первых мест в культурной жизни общества Валахии в период правления Константина Брынковяну. В частности, его «Проповеди», или по-гречески «Дидахи», — важный источник сведений об экономической и политической жизни Валахии начала XVIII века, проливающий свет на многочисленные социальные и моральные аспекты того времени; вместе с тем они представляют неоспоримую художественно-литературную ценность и характеризуют Антима как блестящего писателя и оратора. Но анализ наследства Антима выходит за рамки данного труда¹⁶⁶. Что касается сведений относительно интересую-

¹⁶² Molitvenic. Rîmnic, 1706.—Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tipăriturii românești, № 150.

¹⁶³ Molitvenic. Rîmnic, 1706; Евангелие. Тб., 1709 (на груз. яз.).

¹⁶⁴ Перевод текста с латинского языка на грузинский принадлежит Г. Церетели и Хр. Шарашидзе, публикация текста — Хр. Шарашидзе. — Труды Государственной публичной библиотеки ГССР, 1937, с. 34—38 (на груз. яз.).

¹⁶⁵ Факсимиле письма Арчила было опубликовано в книге Н. Витсена „Nood on Oost Tatarije“. Amsterdam, 1785.—Труды Государственной публичной библиотеки Грузинской ССР, с. 27.

¹⁶⁶ В прошлом румынские историки литературы, исследовавшие наследство Антима, подходили к оценке его деятельности, не выходя из рамок буржуазных воззрений, как правило, в духе идеализма и формального анализа. Лишь после установления народно-демократического строя в Румынии началось изучение наследства Антима с марксистско-ленинских позиций. В 1958 году М. Гафича в статье «Критерии исследования литературного наследства» отметил, что деятельность Антима следует рассмотреть сквозь новую призму и раскрыть всю значимость его вклада как писателя в историю общества, в котором он жил (Literara, № 13, 27/III, 1958).

щих нас вопросов, то следует отметить, что они имеются в наследстве Антима в весьма малом количестве¹⁶⁷.

Представляют большой интерес некоторые труды и описания современников Антима. Антиохийский патриарх Афанасий Доббас в Бухаресте в 1702 году написал на греческом языке «Историю антиохийских патриархов», посвятив ее валашскому господарю Константину Брынковяну. По сообщению румынского исследователя И. Рэмурияну, рукопись этого сочинения в настоящее время находится в бывшей императорской библиотеке в Вене под № 71. «История антиохийских патриархов» была переведена на румынский язык В. Ряду и Ч. Каралевским и опубликована в журнале «Румынская православная церковь». «История антиохийских патриархов» содержит ценные сведения о создании первой арабской национальной типографии в Сирии (Алеппо, 1706) и прямые указания на то, что Антим был перепечатчиком арабских книг в Валахии¹⁶⁸.

Д. Кантемир в своей известной книге — «История Османской империи» (1715 г.)¹⁶⁹ уделяет внимание некоторым вопросам книгопечатания в Грузии. В частности, он высказывает мнение, согласно которому греческим шрифтом, привезенным в 1712 году из Голландии в Грузию, была здесь отпечатана книга¹⁷⁰.

Большой интерес для нас представляет описание Валахии, составленное секретарем господаря Константина Брынковяну итальянцем Антонио-Мария дель Киаро¹⁷¹. Благодаря дель Киаро, который лично знал Антима Иверийца, становятся известными некоторые подробности его ранней молодости: а именно, что имя Антима в миру было Андрей и что он на своем жизненном пути испытал горькую участь раба¹⁷². Дель Киаро восторженно отзываясь об Антимае, человеке, «одаренном редкими талантами»¹⁷³, сообщает важные сведения о его типографской дея-

¹⁶⁷ Antim Ivireanul. Opere. Ed. G. Ştrempele. Buc., 1972.

¹⁶⁸ A t a n a s i e G a b b a s, Istoria Patriarhilor de Antiohia.—Biserică Ortodoxă Română, № 9, XLIX, Nr. 2—3.

¹⁶⁹ О времени написания труда Д. Кантемира см.: I o r g a N. Istoria literaturii române în secolul al XVIII-lea, I. Buc., 1919, p. 383.

¹⁷⁰ D i m i t r i e C a n t e m i r. Istoria Imperiului Otoman. Цит. по Д. Богдану. (B o g d a n D. Legaturile Țarilor Române cu Georgia, p. 161).

¹⁷¹ Revoluțiile Valahiei de Antonio-Maria del Chiaro Fiorentino (dupa textul reeditat de N. Iorga) în rominește de S. Cristian cu o introducere de N. Iorga. Iași, 1929 (далее Del Chiaro).

¹⁷² D e l C h i a r o. Op. cit., p. 141.

¹⁷³ Ibidem, p. 142.

тельности в Валахии¹⁷⁴, о строительстве монастыря Всех святых в Бухаресте¹⁷⁵, о последнем периоде жизни Антима¹⁷⁶.

Для изучения истории Валахии в интересующий нас период важное значение имеют хроники, повествующие о некоторых сторонах политической жизни в княжестве. Так, летопись Раду Попеску¹⁷⁷ содержит интересное сообщение, согласно которому Антим во время русско-турецкой войны (1710-1713 гг.) в 1711 году (в период Прутского похода), втайне от господаря Валахии Константина Брынковяну, созвал в Урлаце совещание, на которое пригласил сочувствующих валашских бояр, «недовольных действиями господаря», «чтобы соединиться с москалями и оставить Константина Водэ, полагая, что последний хочет изменить москалям; ибо они видели, что господарь не дает москалям обещанной помощи съестными припасами, деньгами и войском»¹⁷⁸. По утверждению Раду Попеску, именно Антим уговорил спафария Фому Кантакузино и некоторых бояр «покинуть господаря и бежать к москалям»¹⁷⁹.

Хотя хроника Раду Попеску содержит ценные сведения о событиях со времени образования Валахии до первых десятилетий XVIII в., нельзя не отметить тенденциозности ее автора, Попеску, летописца рода Беляну, при описании деятельности как представителей рода Кантакузино¹⁸⁰, так и Антима Иверийца. Нерасположение Раду Попеску к Антиму, разумеется, было обусловлено прорусской ориентацией последнего, а также хорошими взаимоотношениями между Антимом и представителями рода Кантакузино вообще. По словам Раду Попеску, Антим Ивериец во время русско-турецкой войны 1711 г. «коварно предал»¹⁸¹ господаря Валахии Константина Брынковяну (Р. Попеску имеет в виду совещание в Урлаце, созванное Антимом, и он утверждает, что будто бы Фома Кантакузино, по совету Антима, с частью валашской кавалерии, через горы Вранчя, перешел в Молдавию и предстал пред Петром I). Летописец винит Антима

¹⁷⁴ Ibidem, p. 26.

¹⁷⁵ Ibidem, p. 143.

¹⁷⁶ Ibidem.

¹⁷⁷ R a d u P o p e s c u. Istoriile domnilor Țării Românești, introducere și editie critică întromite de Constantin Grecesu. București, 1963 (далее—Popescu).

¹⁷⁸ Ibidem, p. 201.

¹⁷⁹ Ibidem, p. 225.

¹⁸⁰ В Валахии самыми влиятельными боярскими партиями были смертельно враждовавшие между собой сторонники Кантакузино и Беляну. Известно, что после восшествия Шербана Кантакузино на княжеский престол в Валахии в 1678 году, он жестоко расправился со многими из рода Беляну.

¹⁸¹ P o p e s c u. Op. cit., p. 225.

в том, что «плохие советы его принесли Константину, Валахии и стране много вреда, бедствий и вероломства со стороны турок»¹⁸². Далее Раду Попеску повествует о природе правления ставленника турок, душой и телом преданного Порте господаря Валахии Николае Маврокордато, останавливается на причинах конфликта между Антимом и Николае Маврокордато, а борьбу Антима против турецко-фанариотского господства в Валахии именует «злостным делом», направленным «против господаря (Николае Маврокордато. — О. Г.) и страны»¹⁸³.

Описание событий 1711 года встречается и у другого валашского летописца — Раду Гречану. О том, что Антим был сторонником борьбы против османского господства, свидетельствует сообщение Раду Гречану, согласно которому манифест, распространенный русскими войсками в Валахии и призывавший к восстанию против Порты и поддержке России, тайно был доставлен «знаменосцем Власием митрополиту Антиму»¹⁸⁴. Если принять во внимание то обстоятельство, что летопись Раду Гречану носит официальный характер и написана с пристрастием, так как ее автор представлял валашское боярство, поддерживавшее Порту, то становится понятным недовольство и раздражение Гречану действиями Антима как сторонника союза Валахии с Россией. Хронист замечает: «О сколь безрассудно и непристойно духовному лицу (подразумевается Антим. — О. Г.) вмешиваться в политику и проявлять себя вредным и мятежником... по отношению к доверенному ему стаду и своему благодетелю (Константину Брынковяну. — О. Г.)»¹⁸⁵.

Из летописи Раду Гречану можно также почерпнуть сведения о пребывании Антима при дворе Константина Брынковяну, подробное описание процедуры избрания Антима митрополитом Валахии и т. д.¹⁸⁶

Хронист Митрофан Григораș в своей летописи¹⁸⁷ особое внимание уделяет событиям, имевшим место в Валахии в начале австро-турецкой войны (1716-1718 гг.), в частности после

¹⁸² Ibidem, p. 226.

¹⁸³ Ibidem.

¹⁸⁴ Radu Log. Greceanu. Istoria domniei lui Constantin Brâncoveanu Voievod (1688—1714). Ed. A. Ijies. Buc., 1970, p. 183 (далее—Greceanu).

¹⁸⁵ Ibidem, p. 167—168.

¹⁸⁶ Ibidem.

¹⁸⁷ Mitrofan Grigoraș. Cronică Țării Românești (1714—1716), publicată de D. Russo în Studii istorice greco-romano, vol. II. București 1939, p. 411—453 (далее—Grigoraș).

победы австрийцев над Портой под Петервардине (5 августа 1716 г.). Летопись подробно повествует о заговоре, организованном Антимом Иверийцем и некоторыми антитурецки настроенными валашскими боярами против Николае Маврокордато, в частности, о том, как Антим и его сторонники распространили слухи о вступлении австрийских войск в страну, как бежал из Бухареста при этом известии Николае Маврокордато, захватив с собой митрополита Антима. Весьма любопытно замечание Митрофана Григораша, что распространение слухов о вторжении австрийцев в Валахию преследовало определенную цель — заставить Маврокордато покинуть столицу. «Они (Антим и его приверженцы. — О. Г.) объявили ему (Маврокордато — О. Г.) об этом вымышленном вторжении вечером, чтобы ночное время пришло на помощь их козлям»¹⁸⁸, — говорит хронист.

Далее из летописи мы узнаем, что по дороге Антим получил письмо с ложным известием о появлении австрийских войск около Бухареста¹⁸⁹. Эта весть возымела свое действие на фанариота, который решил бежать из Бухареста, настаивая при этом, чтобы митрополит сопровождал его. По словам Григораша, Антим категорически отказался следовать за Маврокордато, заявив ему, что «с этих пор нет ничего общего между ним, правителем, и Валахией»¹⁹⁰.

Раду Попеску также упоминает в своей летописи о столкновении, происшедшем между Антимом и Николае Маврокордато, но, по его словам, Антим отказался сопровождать господаря, мотивируя это тем, что «ему как пастырю не пристало оставлять стадо...»¹⁹¹.

Разумеется, решающее значение имеет не уточнение предлога, под которым Антим расстался с Маврокордато и вернулся в Бухарест, а необходимо выяснить цель, с которой Антим предпринял такой шаг. Об этом говорится как в летописи Раду Гречану, так и у Митрофана Григораша. Если Раду Попеску повествует о том, что «Николае Маврокордато не сумел никоним образом заставить его (Антима. — О. Г.) изменить коварное намерение, скрытое в его сердце, и владыка вернулся в Бухарест», с тем, чтобы «собрать в митрополии некоторых устраненных от должностей бояр и держать с ними совет против господаря»¹⁹², то Митрофан Григораш уточняет сообщение Раду Попеску и считает, что Антим вместо бежавшего Николае Мавро-

¹⁸⁸ Grigoraş. Op. cit., p. 442.

¹⁸⁹ В составлении письма такого содержания хронист Раду Попеску обвиняет непосредственно Антима. «Все это оказалось потом ложью и уловками владыки Антима», — пишет он.

¹⁹⁰ Grigoraş. Op. cit., p. 443.

¹⁹¹ Popescu. Op. cit., p. 225.

¹⁹² Ibidem.

кордато выбрал в качестве господаря Валахии великого вор-ника Пэтрашко Брезояну¹⁹³.

Лояльно настроенный по отношению к Маврокордато Митрофан Григораш в своей летописи называет попытку Антима и его сподвижников сбросить с престола господаря-фанариота и освободить Валахию от османского господства «предательством»¹⁹⁴ и считает, что жестокая расправа, учиненная Маврокордато над «бунтовщиками» после его возвращения в Бухарест с турецким отрядом, была совершена «по заслугам»¹⁹⁵.

Несмотря на все попытки летописца Григораша как-нибудь оправдать репрессивные меры Маврокордато и вместе с тем представить его «мудрым и образованным»¹⁹⁶, он вынужден был признать, что тяжелые подати, которыми он обременил страну, преследования коренных бояр, наводнение валашского господарского двора греками — все это вызывало ненависть подданных к господарю-фанариоту.

В числе использованных в сочинении повествовательных источников—«История Валахии с октября 1688 года до марта 1717 года»¹⁹⁷, автор которой неизвестен, вследствие чего она названа «Анонимной летописью». В этой летописи, в целом посвященной описанию правления Константина Брынковяну, в частности, говорится о тяжелом экономическом положении в Валахии, вызванном усилением османского господства в стране в указанное время. Несмотря на свое благожелательное отношение к господарю, хронист приводит сведения о разорении и обнищании целых районов Валахии как о следствии налоговой системы, введенной в стране Брынковяну¹⁹⁸.

Здесь же следует отметить, что автор «Анонимной летописи» не скрывает своего раздражения по поводу перехода Фомы Кантакузино на сторону русских в 1711 году и указывает, что Антим Извериец принимал участие в совещаниях представителей рода Кантакузино, причастных к низложению Константина Брынковяну¹⁹⁹.

В результате анализа имеющихся источников и научной литературы мы считаем возможным изложить свою точку зрения на спорные моменты исследуемой темы.

¹⁹³ Grigoraş. Op. cit., p. 443.

¹⁹⁴ Ibidem.

¹⁹⁵ Ibidem.

¹⁹⁶ Grigoraş. Op. cit., p. 441.

¹⁹⁷ Istoria Ţării Româneşti de la octombrie 1688 pîna la martie 1717 (Cronică anonimă). Editie întocmită de Constantin Grecescu. Bucureşti, 1959.

¹⁹⁸ Ibidem, p. 70—75.

¹⁹⁹ Ibidem, p. 115.

Задача настоящей работы — освещение вопросов организации первой национальной грузинской типографии в Тбилиси в 1709 году и роли Антима Иверийца и Михая Иштвановича в создании этой типографии, заслуги Антима в деле организации первой грузинской типографии в Москве (1705 г.) и первой арабской национальной типографии в Сирии, в г. Алеппо (1706 г.), деятельности Антима по развитию книгопечатания в Валахии (конец XVII — начало XVIII в.). Кроме того, представляется важным описание жизнедеятельности Антима и Михая с изложением наших собственных соображений относительно «окутанных туманом» мест из их биографий, а также краткий обзор политической деятельности Антима Иверийца.

ГЛАВА I

ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИМА ИВЕРИЙЦА ДО ЕГО ПОСЕЛЕНИЯ В ВАЛАХИИ

Жизнь Антима Иверийца до его поселения в Валахии изучена весьма слабо, ввиду отсутствия соответствующего документального материала. Это обстоятельство отмечалось всеми исследователями, обращавшимися к истории жизни и деятельности Антима¹. Усилия ученых, в особенности румынских, по изучению биографии Антима за последние десятилетия не дали каких-либо существенных результатов. Румынский исследователь Г. Штремпел в предисловии к изданию трудов Антима вынужден был признать, что данные об Антимае, «которыми мы располагаем ныне, почти так же скудны, как и те, что находим у исследователей конца прошлого века»². К такому же выводу пришел и Ш. Чокулеску, который писал: «Его (Антима. — О. Г.) биография, составленная К. Ербичану свыше 90 лет тому назад, не обогатилась ни одним фактом»³. Скудость источников привела к тому, что исследователи, изучающие жизнь и деятельность Антима, констатируют лишь отдельные факты, выдвигая ту или иную версию.

Попытаемся проследить события из жизни Антима до приезда его в Валахию на основе анализа всей совокупности имеющихся свидетельств.

Год рождения Антима точно не установлен. Грузинские ис-

¹ Bogdan D. *Viața lui Antim Ivireanul*, p. 679; Idem. *Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul)*, p. 131.

² Ștrempel G. *Prefață. — Antim Ivireanul*. Opere, p. V. Первым биографом Антима был епископ Мелхиседек, видный румынский ученый второй половины XIX века. Биография Антима, помещенная в виде приложения к книге «Дидахи» (первая публикация проповедей Антима Иверийца, 1886 г.), «по сей день остается самой полной, используемой всеми исследователями». (См.: Ștrempel G. *Op. cit.*, p. 415).

³ Cioculescu Ș. *Antim Ivireanul scriitorul*, p. 7.

следователи относят рождение Антима к 1650 г.⁴, основываясь на высказывании Г. Леонидзе, который писал: «Антим, должно быть, родился приблизительно в 1650-х годах»⁵. Так, Хр. Шарашидзе и Ф. Джинджихашвили в своих исследованиях об Антимае, говоря о времени его рождения, определенно указывают на 1650 год⁶.

Подобное утверждение, полагаем, лишено всякого основания. Пока в нашем распоряжении не будет документальных данных, эта дата рождения Антима может быть принята лишь предположительно. Не случайно, что все исследователи, кроме грузинских, предпочитают не указывать года рождения Антима.

Исключение составляет монография румынского исследователя И. Чербулета, в которой указаны даты рождения и смерти Антима — 1650—1716 гг. Но 1650 г. стоит под вопросительным знаком⁷.

Попытку установить годы жизни Антима делает Н. Добреску в своей книге «Жизнь и деяния Антима Иверийца митрополита Ундровалахии»⁸. Хотя здесь же следует отметить, что единственным источником, дающим нам возможность высказать приблизительное суждение о времени рождения Антима, является его фресковый портрет, сохранившийся на стене Говорского монастыря и датированный 1706 годом. На этом портрете Антим выглядит уже пожилым человеком.

О детстве и юношестве Антима мы имеем весьма скудные сведения. Ш. Чокулеску писал: «Антим был и остается для нас большой загадкой. Мы ничего не знаем о его происхождении... Говорят, будто его взяли в плен турки... Мы не знаем точно, где он родился. Не знаем, когда он прибыл в Валахию (лите-

⁴ В трудах грузинских исследователей, которые до Г. Леонидзе изучали жизнь и деятельность Антима Иверийца, ничего не сказано не только о его рождении, но и об юношеских годах (Жордания Ф. Указ. соч.; Хаханов А. Грузинский деятель за границей. — Иверия, 1889, № 63, на груз. яз.; Карбелашвили П. Указ. соч.; Чичинадзе З. Указ. соч.; Каричашвили Д. История печатания грузинской книги, 1929, на груз. яз.; Шанидзе А. К истории грузинской типографии; Гугушвили П. Грузинская книга (1629—1929), на груз. яз.; Бердзенишвили Н. Из путешествия по Румынии и Болгарии. Тбилиси, 1949, на груз. яз. и др.).

⁵ Леонидзе Г. Антимоз Иверии, с. 17.

⁶ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 98; Джинджихашвили Ф. Указ. соч., с. 17.

⁷ Cerbulet I. Op. cit. (титульный лист).

⁸ Dobrescu N. Op. cit., p. 8.

ратурная историография сообщает: между 1680⁹ и 1690¹⁰ гг. Не знаем, где он работал учеником типографа и приобрел графской мастерство¹¹. Известно, что родителей Антима звали Марией и Иоанном¹², а его имя в миру было Андрей¹³.

О своем происхождении Антим писал: «Говорят, что я чужестранец, и не полагалось, чтобы я был митрополитом. Перед лицом Христа все мы одинаковы, и ведь не только я был епископом и митрополитом из чужестранцев в Валахии, а были еще многие другие, как это видно из каталогов и как водится в любой церкви; на всем свете бывали господарями и местные, и чужестранцы, т. к. Бог сотворил мир свободным для всех»¹⁴.

Среди исследователей существовали различные мнения о происхождении Антима. Отдельные представители румынской буржуазной историографии выдавали его за грека, связывая надпись «Ивиреанул» (Ивериец) на книгах, изданных Антимом, с Иверским монастырем на Афоне¹⁵.

Грузинские ученые А. Шанидзе и Г. Леонидзе убедительно доказали, что прозвище Антима «Ивериец» происходит не от названия Иверского монастыря на Афоне, но что оно идентично слову «гурджи», т. е. «грузин», и выражает национальную принадлежность¹⁶.

В настоящее время ученые располагают сведениями, прямо говорящими о грузинском происхождении Антима. Эти сведения содержатся в изданных Антимом книгах.

⁹ Н. Йорга считает, что Антим прибыл в Валахию в 1680 году (см.: Iorga N. Despre Antim Ivireanul.— *Biserică Ortodoxă Română*, an. LV, 1937, p. 614).

¹⁰ Согнои I. Antim Ivireanul. Din didahiile finite în Mitropolia din București. Buc., 1908, p. 3; Парадоро-Калимахи А. Un episod din istoria tipografiei în România. Buc., 1896, p. 6; Хенорол А. Op. cit., p. 243. Должно быть, Антим прибыл в Валахию между 1688—1690 гг., приблизительно в 1690 году, т. к. господарь Валахии Константин Брынковяну, который, по всей вероятности, пригласил Антима в Валахию, взошел на престол 9 ноября 1688 года, а первая книга, напечатанная Антимом в Валахии, датирована октябрём 1691 года.

¹¹ Cioculescu Ş. Antim Ivireanul, p. 7.

¹² Antim Ivireanul. Opere, p. 331.

¹³ DeI Chiaro. Op. cit., p. 142. Как Андрей Антим упомянут в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (см. т. 27, с. 275).

¹⁴ Antim Ivireanul. Opere, p. 226—232.

¹⁵ Ал. Одобеску писал, что Антим прозвище «Ивериец» взял от Иверского монастыря на Афоне, где якобы он принял монашеский сан (Odobescu Al. Citeva ore la Snagov.—*Revistă română*, II, 1862, p. 402).

¹⁶ Шанидзе А. К истории грузинской типографии, с. 169; Леонидзе Г. Антимоз Ивериец, с. 17.

В 1702 году в Бухаресте Антимом был напечатан «Часослов» на арабском языке. Книга состоит из 752 страниц и заканчивается словами Иверийца: «Умоляю и заклинаю, честные братья, читавшие сию книгу, отпустите мне, напечатавшему сие, грехи мои и извините за ошибки, ибо арабский язык не родной для меня, и я как человек грешен и подвержен ошибкам, ибо нет совершенства, кроме Господа Бога. Напечатано в Бухаресте рукой монаха Антима, родом из грузин (в арабском тексте «гурджи». — О. Г.) в 1702 году»¹⁷.

Кроме указанного «Часослова», Антим в Снагове еще в 1701 году издал на арабском языке «Кондак», в котором он также называет себя «гурджи»¹⁸. Естественно, что если бы Антим своим прозвищем указывал бы на связь с Иверским монастырем на Афоне, не имея в виду своего грузинского происхождения, то он, издавая книгу на арабском языке, не именовал бы себя «гурджи», то есть грузином.

Когда мы говорим о происхождении Антима, перед нами тотчас возникает образ оторванного от родины человека, который подписывает все выпущенные им на разных языках книги именем «Антим Ивернец», подчеркивая этим свое грузинское происхождение. Мы невольно вспоминаем слова акад. Н. Бердзенишвили, относящиеся к другому выдающемуся грузинскому деятелю — Григорию Бакурианидзе¹⁹: «Григория Бакурианидзе... не считали грузином, можно сказать, именно потому, что он так настойчиво доказывал свое грузинское происхождение», — пишет Н. Бердзенишвили²⁰.

Данные о грузинском происхождении Антима подтверждаются его современником, секретарем валашского господаря Константина Брынковяну, итальянцем Дель Киаро, который писал: «В мое время руководителем типографии был Антим, митрополит Валахии, по национальности грузин»²¹. Первый биограф

¹⁷ Ceaslov. Buc., 1702, p. 752; Bibliografia românească veche, p. 442—443.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Великий domestик Запада Византийской империи Григорий Бакурианидзе (сын Бакуриана), грузин по происхождению, в 1083 году построил в Болгарии (в то время находившейся в пределах Византийской империи), недалеко от Пловдива, известный Бачковский (Петрицонский) монастырь и составил для него устав на грузинском и греческом языках. Грузинский текст устава является ценным памятником грузинского литературного языка XI в. Вместе с тем устав имеет большое значение для изучения истории Болгарии и Византии XI в., т. к. содержит важные сведения, проливающие свет на некоторые политические и экономические вопросы того времени. (См.: Шанидзе А. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Тбилиси, 1971).

²⁰ Бердзенишвили Н. Указ. соч., с. 58.

²¹ Del Chiario. Op. cit., p. 26.

Антима епископ Мелхиседек также отмечал: «Антим Ивериец по происхождению был грузин, он родился в одном из краев Кавказа, о котором греки упоминали как об Иверии. Поэтому он назвал себя «Иверийцем»²². Мнение о грузинском происхождении Антима было высказано в западноевропейской историографии. М. Гастер отмечал: «В конце XVII века в Валахии жил некий Антим, по происхождению грузин. Он известен под именем «Antim Ivireanul», т. е. «Антим-грузин»²³. Эмиль Пико писал про Антима: «Этот чужеземец, пришелец из Грузии». «Антим Ивериец», — продолжает Пико, — должно быть, много лет назад покинул свою родину — Грузию»²⁴. Это мнение разделяли некоторые румынские буржуазные ученые²⁵.

В послевоенной румынской историографии грузинское происхождение Антима не подвергается сомнению²⁶.

К какой социальной среде мог принадлежать Антим? По мнению некоторых румынских исследователей, Антим был выходцем из именитой семьи. Например, Н. Картожан писал, что Антим был из знатной фамилии²⁷. Высказывая эту точку зрения, румынский ученый, видимо, опирался на слова митрополита Теодосие, с которыми тот обратился к Антиму во время посвящения его в епископы Рымника: «Ты, честный слугитель Бога, сын благородных родителей...»²⁸.

Г. Леонидзе высказал в свое время другое мнение: «Судя по имени «Андрей» (по-грузински «Андриа». — О. Г.), можно сказать, — писал он, — что Антим не принадлежал к феодальной знати, так как такие имена в грузинских феодальных семьях не встречались»²⁹. Возможно, Г. Леонидзе прав, если учесть слова, сказанные самим Антимом Константину Брынковяну о том, что господь соизволил возвеличить бедного человека (Антим говорит о своем избрании митрополитом Валахии. — О. Г.), дабы он смог обрести место рядом с боярами господаря Валахии³⁰.

²² Haneş P. Prefață.—Antim Ivireanul. Predici, p. XXXVI.

²³ Gaster M. Die Rumanische Buchdruckern in Georgien. Heft 4.

²⁴ Picot E. Op. cit., p. 515—517.

²⁵ Haneş P. Prefață.—Antim Ivireanul. Predici, p. XVI.

²⁶ Constantinescu-Iași P. Din relațiile culturale româno-germane, p. 19; Idem. Viața lui Antim Ivireanul, p. 176; Bogdan D. Viața lui Antim Ivireanul, p. 679; Ştrempel G. Prefața — Antim Ivireanul. Opere, p. V; Cioculescu Ş. Antim Ivireanul scriitorul, p. 8.

²⁷ Cartoajan N. Op. cit., p. 219.

²⁸ Dinulescu St. Op. cit.

²⁹ Леонидзе Г. Антимоз Ивериец, с. 18.

³⁰ Antim Ivireanul. Opere, p. 227—228.

Думается, что само по себе установление факта принадлежности Антима к грузинской феодальной или к крестьянской семье не имеет решающего значения. Важно в данном случае выяснить, родился ли Антим в именитой семье, где для него с детства были бы созданы все условия для изучения разных отраслей искусства (о чем мы будем говорить в дальнейшем), или на самом деле происходил из крестьянской семьи. Но даже в последнем случае он мог впоследствии оказаться в такой среде, которая бы привила ему интерес к искусству.

Где и когда похитили Антима? Г. Леонидзе пишет: «Время его (Антима. — О. Г.) похищения совпадает с первым годом царствования Шахнаваза (Вахтанга V) и Арчила. В то время в Восточной Грузии было сравнительно мирно. Никаких войн и нашествий в тот период не наблюдалось. Совершенно другое положение было в юго-западной части Грузии, в Самцхе-Саатабаго, которое подвергалось страшному опустошению со стороны турок. Поэтому Антим скорее всего был родом из Месхети и был похищен оттуда же»³¹.

Таким образом, по предположению Г. Леонидзе, к которому в дальнейшем склонилось все грузинские исследователи, Антим был похищен турками из Самцхе-Саатабаго и продан в рабство на константинопольском невольничьем рынке.

Румынские исследователи тоже признают факт похищения Антима турками, не указывая, однако, места этого происшествия. Так, Д. Богдан пишет о том, что Антим в юности попал в плен к туркам³².

Если мы обратимся к свидетельствам Дель Киаро, на которого ссылается Д. Богдан, то увидим, что в описании этого итальянца относительно раннего периода жизни Антима сказано лишь, что «Антим, митрополит Валахии, по национальности грузин, в юности был рабом» («...Antim, mitropolitul Valahiei, de naționalitate georgiană care, sclav în tinerețe»)³³. Безусловно, на основании этого замечания Дель Киаро, не упомянувшего, кем был пленен Антим, нельзя отрицать его похищение именно турками. Но до настоящего времени у нас нет никаких документов, прямо или косвенно указывающих, из какой области Грузии был похищен Антим. Что же касается самой приемлемой версии, по которой Антим был продан в рабство на константинопольском рынке, то даже признание этого за достоверное не говорит о том, что Антим обязательно должен был быть похищен именно из Самцхе-Саатабаго. Разве жи-

³¹ Леонидзе Г. Антимоз Ивериели, с. 17.

³² Bogdan D. Viața lui Antim Ivireanul, p. 631.

³³ Del Chiaro. Op. cit., p. 26.

тели других районов Грузии—Картли, Кахети или Имерети, Грузии, Мегрелии, не попадали на константинопольский невольничий рынок? Существует немало документов, удостоверяющих, что грузины, похищенные горцами Северного Кавказа, продавались в рабство в Крыму, откуда их вывозили в Константинополь или в другие районы Османской империи. Общеизвестно, что такие случаи имели место именно в XVII—XVIII вв.

Имеются сведения, которые, на наш взгляд, могут внести некоторую ясность в вопрос о месте похищения Антима. В 1919 году Н. Йорга писал, что, согласно рукописи, цитированной И. Петреску в «Митрополии страны», Антим до его поселения в Валахии побывал «по ту сторону Азовского моря»³⁴. Другой румынский ученый, Ал. Одобеску, касаясь деятельности Антима в Снаговской типографии, в 1862 году отмечал: «Антим, не переставая, печатал книги на эллинском, славянском, румынском, арабском языках и даже на иверском, или черкесском (рядка наша. О. Г.) языке, который является его родным языком»³⁵. Что можно сказать относительно этого заявления Ал. Одобеску? То, что Антим в Снаговской типографии печатал книги на различных языках, безусловно соответствует действительности. Думается также, что румынский ученый не ушел далеко от реальности, выдвигая версию о возможности книгопечатания на грузинском языке в Снаговской типографии³⁶. Но как можно понять в данном контексте указание Ал. Одобеску на «черкеский язык», тем более, что в румынской историографии этот язык в связи с жизнью и деятельностью Антима более никем не упоминается. Разумеется, высказанная румынским ученым мысль о тождестве двух языков — «иверского» и «черкесского» — маловероятна. Видимо, он располагал каким-то источником, из которого явствовало, что Антим знал «черкесский язык», но, не находя другого объяснения этому факту в связи с биографией Антима, Ал. Одобеску отождествил «иверский» и «черкесский» языки³⁷.

Если считать достоверными сведения Н. Йорга и Ал. Одобеску о том, что Антим до его поселения в Валахии побывал «по ту сторону Азовского моря», т. е. в местах, которые лежали на пути из Грузии в Россию, и что он знал «черкесский язык», который он, должен был выучить, разумеется, в результате общения с кавказскими горцами, тогда, по нашему мнению, мож-

³⁴ Iorga N. Istoria literaturii românești în secolul al XVIII-lea. I, p. 419.

³⁵ Odorescu Al. Citeva ore la Snagov, p. 402.

³⁶ См. с. 41 наст. работы.

³⁷ Как это доказал грузинский ученый Т. Боцвадзе, под «черкесами» в те времена нередко подразумевали карачаевцев.

но выдвинуть другую версию: Антима похитили не турки из Самцхе-Саатабаго, а горцы Северного Кавказа, вследствие чего он в конце концов оказался на константинопольском невольничьем рынке. Истории известно много аналогичных случаев. В частности, в 1693 году (дата вторичного отправления в Россию грузинского царя Арчила), когда Арчил «с малочисленной свитой направился в Двалети, а оттуда в Россию», на него напал предводитель черкесов — Килчико. Несмотря на мужество грузин, черкесы все же захватили Арчила, которому с большим трудом удалось освободиться³⁸. Надо думать, что Антим тоже подвергся подобному нападению со стороны кавказских горцев, но с той лишь разницей, что судьба не была к нему столь же милостива, как к царю Арчилу, и он все же попал на невольничий рынок.

Разумеется, мы далеки от мысли, что только на основе сведений Н. Йорги и Ал. Одобеску, к тому же не подтвержденных документально, вопрос можно считать решенным. Однако здесь же следует отметить, что, по нашему мнению, в жизни Антима Иверийца имело место одно событие, которое, думается, подтверждает убедительность нашей версии. Мы считаем, что Антим, до своего поселения в Валахии, совершил поездку из Грузии в Россию³⁹.

Но прежде всего коснемся вопроса о том, сколько лет было Антиму в момент его похищения?

Г. Леонидзе считал, что Антим был похищен в возрасте 16 лет⁴⁰. Это мнение Г. Леонидзе, так же, как и его предположение относительно места похищения Антима, разделяют и другие грузинские исследователи. Однако слово «*tinaretã*», употребляемое Дель Киаро, переводится синонимами: «молодость», «юность». Если словом «юность», обозначают возраст, близкий к 16 годам, то слово «молодость» может означать возраст уже приблизительно в 20—30 лет. Следовательно, исследователи допускают неточность, утверждая о похищении Антима в 16 лет или в более раннем возрасте.

Предположим, что сам Дель Киаро, употребляя слово «*tinaretã*», имел в виду ранний возраст Антима. Тогда можно допустить, что похищение Антима в этот период было ни первым, ни последним. Известны случаи, когда некоторые похищенные грузины продавались в рабство, затем, благодаря счастливому стечению обстоятельств, им удавалось вернуться на родину, где они вновь похищались. Так, к примеру, существует свидетель-

³⁸ Картлис цховреба (История Грузии), 1854, II, с. 214 (на груз. яз.).

³⁹ См. с. 44 наст. работы.

⁴⁰ Леонидзе Г. Антимоз Ивериели, с. 18.

ство, согласно которому, один и тот же человек в течение ^{шести} лет восемь раз продавался в рабство⁴¹. Но, в сущности, не ^{пред}ставляется принципиально важным, было ли Антиму в момент похищения ровно 16 лет или около этого.

Более значительным кажется установление следующего факта: был ли похищен Антим в ту пору своей юности, когда он только начинал свою сознательную жизнь или же в более поздний период, когда он уже полностью сформировался как личность с определенным мировоззрением и убеждениями, воспитанный на установившихся традициях.

Поставленному здесь вопросу следует уделить особое внимание, поскольку при его решении некоторые существенные моменты из жизни и деятельности Антима предстают перед нами совершенно в новом свете.

Для уточнения этого вопроса необходимо рассмотреть жизнь и деятельность Антима с момента похищения вплоть до его прибытия в Валахию. Об этом периоде нам известно совсем немного. Неоспоримо лишь то, что Антим прослыл большим мастером еще до приезда в Валахию. Вот что писал Дель Киаро, лично знавший его: «Антим был одарен редкими талантами. Он великолепно владел искусством разьбы (гравирования), живописи...»⁴². Все исследователи отмечали, что Антим был известен также как замечательный миниатюрист, каллиграф, резчик по дереву и талантливый скульптор⁴³. Г. Штремпел пишет, что Антим еще до прибытия в Валахию, будучи в Константинополе, «восхищал окружающих своим искусством каллиграфа, скульптора, художника...»⁴⁴.

Но как оказался Антим, похищенный на своей родине, в далекой Валахии?

В конце 80-х годов XVII столетия господарь Валахии Константин Брынковяну намечает обширные планы развития типографского дела. Но осуществление этих планов при наличии одной единственной типографии, основанной в Валахии митрополитом Варлаамом в 1678 г., еще за десять лет до восшествия на престол Константина, Брынковяну, безусловно, было невозможно. Кроме того, Митрофана, стоявшего во главе типографии

⁴¹ Марр Н. Синодик Крестного монастыря в Иерусалиме. Спб., 1914, с. XX—XXI.

⁴² Del Chiaro. Op. cit., p. 142.

⁴³ Bădulescu I. Op. cit., p. 16; Brătulescu V. Antim Ivireanul miniaturist și sculptor, p. 766—775; Idem. Antim Ivireanul ctitor de lacasuri sfinte, p. 817—851; Nanu I. Un monument istoric de artă religioasă: ctitoria mitropolitului Antim Ivireanul, p. 238—318.

⁴⁴ Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. VI.

с 1687 года, Константин Брынковяну собирался определить епископом в Бузэу⁴⁵. Поэтому ему нужна была подходящая замена.

Как полагают румынские ученые, будучи заинтересован в развитии книгопечатания в своем княжестве, Брынковяну пригласил в Валахию Антима — большого знатока печатного дела, граверного дела и графики⁴⁶. В частности, Н. Шербенеску выдвигает следующее предположение: «Те, кто знали и Антима раньше, оценили его таланты, которые, вместе взятые, сделали из него непревзойденного типографа, и в таком духе охарактеризовали его Брынковяну. А тому нужен был хороший печатник, который мог бы справиться со все возрастающими потребностями господарской типографии»⁴⁷. Основываясь на утверждении Н. Йорги о приглашении Антима в Валахию по рекомендации иерусалимского патриарха Досифея, Н. Шербенеску подчеркивает роль, которую сыграли в этом Досифей и константинопольский патриарх Дионисий⁴⁸, убедившие господаря Брынковяну использовать Антима в осуществлении его планов оживления культуры в стране⁴⁹.

Однако некоторые румынские ученые или обходят молчанием этот вопрос или же не считают его решенным. Так, например, Г. Штремпел в своем сочинении, изданном в 1972 году, отмечал: «Неизвестны обстоятельства и дата его (Антима. — О. Г.) прибытия в Валахию»⁵⁰.

Ученые пока не располагают документально подтвержденным материалом, который прямо указывал бы на тот факт, что Антим прибыл в Валахию по приглашению господаря Константина Брынковяну. Но существует первоисточник, который, по нашему мнению, отчасти проливает свет на этот вопрос. Мы имеем в виду предисловие к «Молитвеннику», изданному в Рымнике в 1706 году. Предисловие принадлежит Михаю Иштвановичу и посвящено Антиму. В нем сказано: «Здесь, в стране нашей, не с каким-либо египетским фараоном схожий, а добрый, Давиду подобный, наш светлейший господин и государь Константин Брынковяну Бассараб узнал о твоём существовании,

⁴⁵ Iorga N. Istoria bisericii românești, vol. II. Buc., 1932, p. 13; Bîanu I. Mitrofan episcopul Hușilor și al Buzăului, mare tipograf. — Almanahul graficiei române. Craiova, 1927, p. 44—49.

⁴⁶ Bogdan D. Viața lui Antim Ivireanul, p. 680; Idem. Legăturile Țărilor române cu Georgia, p. 132; Hanes P. Prefață. — Antim Ivireanul. Predici, p. XVI;

⁴⁷ Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 694—695.

⁴⁸ Iorga N. Istoria literaturii românești, II, De la 1688 la 1780. Buc., 1928, p. 48.

⁴⁹ Șerbănescu N. Mitropolitul Antim Ivireanul, p. 772—773.

⁵⁰ Ștrempel G. Rrefață. — Antim Ivireanul. Opere, p. VI.

и как только ему стала известна твоя любовь к Господу, а так же твой блестящий дар, то он в твоём лице узрел достойного искусного человека. Он заявил, что никто иной не может владеть в совершенстве всеми видами искусства. И если я скажу, что в этом нет ни одного преувеличения, то я скажу правду»⁵¹.

Разумеется, из этого предисловия явствует лишь то, что Константин Брынковяну в лице Антима «узрел достойного и искусного человека». Вместе с тем следует отметить: имеется свидетельство о том, что Антим прибыл в Валахию не по собственной инициативе. «Сюда, в эту страну, я пришел не по своей воле...», — напоминал Антим валашскому господарю несколько лет спустя, в 1712 году⁵². И если мы рассмотрим упомянутые источники в одном плане, то можно считать весьма правдоподобной версию, согласно которой Антим приехал в Валахию по приглашению Константина Брынковяну.

Что касается места, откуда Антим прибыл в Валахию, то все ученые называют Константинополь, одни — предположительно (Д. Богдан, Н. Картожан, П. КонстантINESКУ-ЯШИ и др.)⁵³, другие — вполне определенно (А. Ксенопол, Н. Шербанеску, Г. Штремпел, А. Россети и Б. Казаку, Г. Леонидзе, Ф. Джинджихашвили, Ш. Курдгелашвили и др.)⁵⁴.

Между тем, ни в предисловии Михая Иштвановича к изданному в 1706 году в Рымнике «Молитвеннику», ни в письме самого Антима, датированном 1712 годом, Константинополь не упомянут. Следует при этом подчеркнуть, что это единственные сохранившиеся до наших дней источники, позволяющие судить об обстоятельствах приезда Антима в Валахию.

Разумеется, отсутствие документально подтвержденного материала весьма затрудняет решение вопроса, откуда прибыл в Валахию Антим Ивериец, снискавший себе славу знаменитого художника, скульптора, каллиграфа и типографа. В этой связи нам представляются весьма примечательными сведения Г. Ене-

⁵¹ Molitvnic. Rîmnic, 1706, p. 3—5; Bibliografia românească veche, p. 541—543.

⁵² Antim Ivireanul. Opere, p. 228.

⁵³ Bogdan D. Legăturile Țărilor române cu Georgia (Antim Ivireanul). p. 132; Idem. Viața lui Antim Ivireanul, p. 680; Cartoian N. Op. cit., p. 219; Constantinescu-Iași P. Din relațiile culturale româno-gruzine p. 19.

⁵⁴ Xenopol A. Op. cit., p. 293; Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 698; Ștrempel G. Prefața. — Antim Ivireanul. Opere, p. 416; Resetti Al. și Cazaacu B. Op. cit., p. 166; Леонидзе Г. Антимоз Ивериელი. с. 16; Джинджихашвили Ф. Указ. соч., с. 19; Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 20.

чяну⁵⁵ и А. Миронеску⁵⁶, которые склонны полагать, что Антим долго жил в Молдавском княжестве. Почему-то некоторые румынские ученые не придают этим сведениям значения и считают их легендарными⁵⁷. Вместе с тем обращает на себя внимание утверждение Н. Йорги о том, что Антим был приглашен Константином Брынковяну в Валахию по рекомендации иерусалимского патриарха Досифея⁵⁸, организовавшего в 1682 году греческую типографию при монастыре Четэцуя около Ясс⁵⁹. Если учесть, что именно этот патриарх являлся тем человеком, который, по всей вероятности, должен был выкупить Антима из рабства с целью использования его способностей как художника, гравера и каллиграфа в печатном деле (об этом речь пойдет ниже), то, по нашему мнению, можно предположить, что типография при монастыре Четэцуя около Ясс наряду с Константинополем, могла бы сыграть определенную роль в жизни Антима до его поселения в Валахии (несколько ниже мы постараемся обосновать эту версию).

Как уже говорилось, по мнению большинства исследователей, Антим был продан в рабство именно на константинопольском невольничьем рынке. Многие исследователи за неимением соответствующих источников уклоняются от ответа на вопрос, как он смог освободиться из рабства. В то же время в научной литературе существуют и вполне установившиеся на этот счет взгляды. Так, Г. Штремпел считает, что Антим был выкуплен константинопольским патриархом⁶⁰. В предисловии к изданным им трудам Антима (1972 г.) Г. Штремпел высказывает другие предположения об освобождении Антима. «Нам неизвестно, — пишет он, — сколько времени он (Антим. — О. Г.) пробыл в рабстве: спустя несколько лет он был освобожден из рабства либо благодаря его особенным талантам, о которых говорят современники, либо, скорее, благодаря денежному выкупу вселенской патриархии или грузин, находившихся на Балканском полуострове»⁶¹.

Грузинские исследователи⁶² полагают, что Антима вызволил из неволи иерусалимский патриарх Досифей. При этом указы-

⁵⁵ *Condica sfintă a Mitropoliei Ungro-Vlahiei*. Ed. G. Enăceanu, vol. I. Buc., 1886, p. 100 (далее—*Condica sfintă*).

⁵⁶ *Mironescu At. Istoria Eparhiei Rîmnicului—Neul Severin*. Buc., 1906, p. 86.

⁵⁷ *Șerbănescu N. Anțim Ivirenul tipograf*, p. 699.

⁵⁸ *Iorga N. Istoria literaturii românești*, II, p. 48.

⁵⁹ *Simonescu D. Le livre grec imprimé en Roumanie (1642—1890)—Èrepoque phanariote*. Symposium, 21—22 oct., 1970. Thessaloniki, 1974, p. 127—128.

⁶⁰ *Ștrempel G. Prefață.—Anțim Ivireanul. Predici*, p. 9.

⁶¹ *Ștrempel G. Prefață.—Anțim Ivireanul. Opere*, p. VI.

вается дата освобождения Антима — 1666 год. Эту дату грузинские исследователи устанавливают на основании того, что, по их мнению, Антим, который родился в 1650 году, был продан на константинопольском невольничьем рынке 16-летним. Впрочем, вопрос о том, когда родился Антим и в каком возрасте он был продан в рабство, является весьма спорным. Во-вторых, допустим, что эти утверждения грузинских ученых в самом деле соответствуют действительности, но даже в таком случае освобождение Антима из рабства, якобы имевшее место в 1666 году, никоим образом нельзя связывать с именем Досифея, т. к. в этом году во главе Иерусалимской патриархии стоял не Досифей, а Нектарий. Что же касается Досифея, то в то время он был кесарийским митрополитом и лишь в 1669 году был посвящен в сан иерусалимского патриарха⁶³.

Итак, кем был выкуплен из рабства Антим: вселенской патриархией, грузинами, находившимися на Балканском полуострове, или же иерусалимским патриархом?

По нашему предположению, этим лицом должен был быть иерусалимский патриарх Досифей, как это полагают грузинские исследователи, но с учетом того, что освобождение Антима могло иметь место скорее всего не в 1666 году, а гораздо позже. Можно привести некоторые данные, подкрепляющие наше предположение. Патриарх Досифей, который имел довольно тесные контакты с Грузией⁶⁴, в одном из своих посланий грузинскому католикосу просил прислать в иерусалимское патриаршество молодого грузина для того, чтобы после его обучения возложить на него обязанности переводчика. Но, как явствует из послания, просьба патриарха осталась неудовлетворенной⁶⁵. Помимо этого, по сведениям, которым располагал Н. Йорга, патриарх Досифей, видимо, хорошо знал Антима еще до поселения последнего в Валахии⁶⁶.

Из каких побуждений должен был выкупить Антима из рабства Досифей? Для выяснения этого вопроса Ш. Курдгелашвили ссылается на упомянутое послание иерусалимского патриарха Досифея, в котором говорится: «Ты пишешь многое; а кто нам переведет это? Толмача у нас нет. Тысячу раз мы писали к вам, чтобы вы прислали к нам одного мальчика для обучения

⁶² Леонидзе Г., Антимоз Ивериели, с. 17; Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 86—87; Джинджихашвили Ф. Указ. соч., с. 17.

⁶³ Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Т. XIX, 1908, с. 4.

⁶⁴ Акты Кавказской археологической комиссии, I. Тбилиси, 1886, с. 26—27.

⁶⁵ Иоселиани П. Послания иерусалимского патриарха Досифея в Грузию. Тбилиси, 1866, с. 8—9.

⁶⁶ I o r g a N. Istoria literaturii românești, II, p. 48.

и для переписки с вами, но вы этого не сделали»⁶⁷. Ш. Курдгелашвили считает, что это письмо патриарха Досифея дает черпывающий ответ не только на поставленный вопрос — с какой целью был выкуплен из плена грузинский юноша Антим, но и проливает свет на вопрос, который до сих пор оставался неясным: в чем заключалась основная деятельность Антима при дворе иерусалимского патриарха в течение 23 лет. Если иерусалимский патриарх выкупил из рабства юношу-грузина, достигшего 16-летнего возраста, этот факт, как утверждает ученый, говорит в пользу того, что патриарх даровал ему свободу именно с целью иметь при своем дворе переводчика, хорошо владеющего своим родным языком, во всяком случае разговорной речью, и что «во время своего длительного пребывания при иерусалимском патриаршем дворе Антим, в основном, исполнял обязанности переводчика во время личных встреч и ведения переписки между патриархом иерусалимским, с одной стороны, и царями и католикосами Грузии, с другой»⁶⁸.

Безусловно, весьма примечательно, что Ш. Курдгелашвили, ссылаясь на послание патриарха Досифея грузинскому католикосу, объясняет причину выкупа из рабства Антима желанием иерусалимского патриарха иметь при своем дворе переводчика. Вполне допустимо, что иерусалимский патриарх руководствовался именно этим мотивом.

Но, как видим, для подтверждения своей версии Ш. Курдгелашвили опирается на уже высказанную точку зрения, согласно которой Антим был похищен в 16-летнем возрасте. Разумеется, если патриарх Досифей выкупил бы Антима из рабства не только 16-летним, но и в гораздо более зрелом возрасте, то и в этом случае он с успехом мог бы использовать его как переводчика. На самом деле, ничего невозможного нет в том, чтобы молодой грузин, выкупленный из рабства в возрасте 25—30 лет, изучил греческий язык, а затем при дворе патриарха исполнял обязанности переводчика во время личных встреч и ведения переписки между патриархом иерусалимским, с одной стороны, и царями и католикосами Грузии, с другой. Если принять во внимание некоторые моменты взаимоотношений, существовавших в тот период между Грузией и греческой церковью, вполне возможно, что именно указанные мотивы и побудили патриарха иерусалимского пойти на этот шаг.

Однако здесь же следует указать на один весьма достоверный документ, из которого явствует, что, освобождая из рабства Антима, патриарх Досифей преследовал, по нашему мнению, не только одну-единственную цель — использовать

⁶⁷ Иоселлиани П. Указ. соч., с. 8—9.

⁶⁸ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 23—25. Аналогичную мысль высказывает и Ф. Джинджихашвили (см.: ее. Указ. соч., с. 17).

знание грузинского языка Антимом для ведения переписки с духовным и светским правителями Грузии. Грузинский язык в какой-то степени знал и сам патриарх Досифей. Об этом свидетельствует тот факт, что иерусалимский патриарх, посетивший в 1669 году Петрицонский (Бачковский) монастырь в Болгарии, собственноручно сделал приписку на 142-й странице типика Петрицонского монастыря, составленного на грузинском языке Григорием Бакурианидзе в 1083 году. Приписка содержит шесть строк. Пять строк писаны патриархом Досифеем на греческом языке; последняя шестая строка — на грузинском языке. Свою подпись под текстом Досифей поставил также на грузинском языке⁶⁹.

Попытавшись определить, какие первоочередные задачи стояли в начале 80-х годов XVII столетия перед Досифеем (по нашему мнению, примерно в этот период вызволил иерусалимский патриарх Антима из неволи), который был не только иерархом греческой церкви, но и деятелем культуры, убедимся, что все его помыслы к этому времени были направлены на организацию типографии. Это документально подтверждается письмом патриарха Досифея, датированным 1682 годом, в котором патриарх с радостью и гордостью сообщает грузинскому царю Арчилу, что успешно завершились работы по осуществлению книгопечатания⁷⁰.

С учетом этого факта более правдоподобной нам представляется следующая версия: патриарх Досифей проявил интерес к молодому Антиму именно как к одаренному художнику, граверу и каллиграфу, искусство которого могло быть полезным в печатном деле. С этой целью он, по всей вероятности, и выкупил его из рабства.

В самом деле, если господарь Валахии Константин Брынковяну пригласил мастера-чужестранца Антима для улучшения типографского дела в своей стране (так полагают все румынские ученые), то почему нельзя предположить, что и патриарх Досифей преследовал аналогичную цель в отношении греческой типографии, где Антим как замечательный художник, гравер и каллиграф мог принести большую пользу.

В этой связи особый интерес представляет упомянутое письмо Досифея к грузинскому царю Арчилу, в котором он сообщает царю о своем намерении организовать книгопечатание на грузинском языке⁷¹. Видимо, у патриарха уже был на примете

⁶⁹ Шанидзе А. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Тбилиси, 1971, с. 48.

⁷⁰ Письмо патриарха Досифея к грузинскому царю Арчилу. Публ. текста Т. Тивадзе. — Грузинское источниковедение. Тбилиси, 1971, III, с. 250—251.

⁷¹ Там же, с. 252.

человек, который мог осуществить его идею, иначе категорическое заявление Досифея трудно объяснить.

В данной связи заслуживает также внимания одно предание, по которому Антим, будучи рабом, на константинопольском рынке вырезал из дерева фигурки необычайной красоты, вызывавшие восторг окружающих.

Кто знает, может быть, в один прекрасный день патриарх Досифей, случайно оказавшись на константинопольском невольничьем рынке⁷², увидел изделия молодого грузина-раба. Заинтересовавшись молодым, талантливым мастером, патриарх Досифей, «образованный человек, заботившийся о науке и искусстве», выкупил Антима Иверийца.

Несмотря на различие высказываемых учеными гипотез, не подлежит сомнению, что не только освобождение Антима из рабства, но и некоторые моменты его жизни связаны с православной церковью, будь то Константинопольское или Иерусалимское патриаршества. Но явно преувеличена та роль, которую некоторые ученые приписывают Константинополю, а именно патриаршему двору, в формировании «интеллектуального лица» Антима. В частности, не считаем обоснованным то положение, что мастерство в разных видах искусства, принесшее Антиму имя «непревзойденного мастера»⁷³, было освоено им при дворе греческого патриарха.

Вопрос о том, где происходило формирование личности Антима, который «изумительно владел всеми видами искусства» и «был одарен редкими талантами»⁷⁴, представляется очень важным и весьма интересным.

Как уже отмечалось, исследователи в один голос признали, что Антим был похищен в юности, причем, по мнению некоторых, в возрасте 16 лет. В то же время известно, что Антим до приезда в Валахию уже был известен как замечательный каллиграф, гравер, художник и т. д. Если исходить из этих фактов, то, логически рассуждая, можно высказать следующее предположение: глава православной греческой патриархии Досифей, выкупивший Антима из рабства, всячески способствовал развитию художественных способностей юноши. Вскоре Антим достиг

⁷² Начиная с XVII века до середины XIX века резиденция иерусалимских патриархов находилась в Константинополе, а не в Иерусалиме. (См.: История Святого города Иерусалима от времен апостольских и до наших. Спб., 1844, с. 298). Например, иерусалимский патриарх Досифей, который занимал этот пост на протяжении 38 лет, провел в Иерусалиме не более двух лет. (См.: Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Т. XIX, 1908, с. 30).

⁷³ Picot E. Op. cit. p. 520; Bădulescu I. Op. cit., p. 16.

⁷⁴ Del Chiaro. Op. cit., p. 143.

успехов и за определенный период, еще до приезда в Валахию, завоевал себе славу выдающегося мастера. Это значит, что творческий путь юного Антима складывался при греческом патриаршем дворе, где его обучали живописи, ваянию, резьбе и другим видам искусства. А если это так, то возникает законный вопрос: на традициях какого искусства должен был воспитываться юный Антим в Константинополе, да еще под опекой греческого патриарха?

Надо полагать, что в таких условиях Антим должен был усвоить традиции греческого, точнее, византийского искусства.

В данной связи заглянем на несколько десятилетий вперед и посмотрим, в каком направлении шло развитие искусства в Валахии конца XVII — начала XVIII в.

Румыские исследователи отмечают здесь влияние грузинского искусства, богатого старинными художественными традициями⁷⁵. Частично это влияние объясняется присутствием в Валахии грузинских мастеров.

К сожалению, история не сохранила имен грузинских мастеров, внесших еще в XVI веке грузинские национальные элементы в искусство Дунайских княжеств. В начале же XVIII века таким грузинским мастером был Антим Ивериец, обогативший искусство Валахии этого периода образцами архитектуры и скульптуры своего народа.

Румынские исследователи усматривают в валашских церквях и монастырях, построенных и реставрированных Антимом, в бытность его епископом и митрополитом, влияние грузинского зодчества. И. Нану отмечает, что Антим в 1706 году реставрировал монастырь Козия, который, утратив первоначальный облик, приобрел ярко выраженный отпечаток грузинского влияния. Выше оконных наличников просматривается дополнительный декор полукруглой формы, встречающийся в Грузии в соборах Никорцминда и Ишхани. В архитектурных памятниках Валахии этот орнамент встречается реже. После завершения Антимом реставрации монастыря Козия, о чем свидетельствует и сама надпись над дверью⁷⁶, фасад здания приобрел новый декор, в частности новый для Валахии элемент, также заимствованный из орнамента Никорцминда и Ишхани. Этим новым элементом является скульптурная линия, венчающая вершину розетки в форме короны, что придает ей изящный и в то же время величественный вид⁷⁷.

⁷⁵ Ion Nanu. Un monument istoric de artă religioasă: cîntoria mitropolitului Antim Ivireanul, p. 223—317; Нану И. Отношение между грузинским и румынским искусством, с. 84—85; Constantinescu-Iași P. Din relațiile culturale româno-gruzine, p. 6—26.

⁷⁶ Iorga N. Inscripții în bisericile României, I. Buc., '905, p. 175.

⁷⁷ Нану И. Отношения между грузинским и румынским искусством, с. 85.

Начиная с 1708 года, когда Антима избрали митрополитом Валахии, до 1716 года при его непосредственном участии было воздвигнуто и восстановлено 20 церквей и монастырей. Из них 10 церквей были восстановлены в 1715 году. Касаясь их художественного достоинства, укажем, в качестве примера, на монастырь Всех святых (Антим), построенный Антимом в Бухаресте в 1713—1715 гг. По признанию румынских ученых, этот монастырь — «самый выдающийся памятник эпохи», который служит наглядным подтверждением блестящего таланта грузинского зодчего, архитектора, скульптора, живописца и гравера⁷⁸. Церковь Антим, как и церковь Вэкэрешти (1716 г.), была воздвигнута на крупном цоколе, являющемся в Валахии начала XVIII века декоративным элементом, который придавал особую твердость постройке и в то же время создавал обширные возможности для орнаментации. Грузинское влияние в архитектуре церкви Антим проявилось также в форме наличников, напоминающих своей прямоугольной формой михетский и никорциндский орнамент⁷⁹. На фасаде церкви Антим красуются десять розеток с орнаментом, составленным из стилизованных листьев и стеблей⁸⁰, напоминающих одну из никорциндских розеток.

Как утверждает далее И. Нану, во времена Антима, путем использования грузинских характерных деталей портала, в Валахии создавались наилучшие, красивейшие образцы в истории румынского зодчества — церковь Антим, Вэкэрешти и др. Среди церквей, щедро украшенных арочным декором, особо следует выделить церковь Антим, где эта грузинская деталь широко использована по всему фасаду. В XVIII—XIX веках эта система украшения нашла широкое распространение в Валахии⁸¹.

Достойна внимания изученная И. Нану рукопись, хранящаяся в Академии Социалистической Республики Румынии. Рукопись представляет собой завещание Антима. В тексте ее много цветных миниатюр, выполненных кистью. Рукопись, в кожном переплете, «украшена грузинским орнаментом и геометрическими мотивами, которые выполнены золотом и окаймляют изо-

⁷⁸ Ghic-a-Budești N. Evoluția arhitecturii în Muntenia și în Oltenia.—Buletinul Comisiunii monumentelor istorice, 1936, p. 78—80; L'ancienne architecture religieuse de la Valachie. Buc., 1942, p. 48; Nănu I. Un monument istoric de artă religioasă: ctitoria mitropolitului Antim Ivireanul, p. 286.

⁷⁹ Brătulescu V. Antim Ivireanul ctitor de lecasuri sfinte.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, № 8—9, p. 818.

⁸⁰ Nănu I. Отношения между грузинским и румынским искусством, с. 85.

⁸¹ Там же, с. 86, 88.

бражение Давида»⁸². Автором как миниатюр, так и орнамента является Антим. Румынскими учеными отмечено влияние грузинского искусства и в оформлении книг, отпечатанных Антимом в Валахии.

Приведенные выше данные позволяют говорить о том, что мастер Антим внес грузинские элементы в искусство Валахии начала XVIII века. Если принять это положение, то совершенно необоснованным покажется то соображение, что Антим с юного возраста (с 16 лет) воспитывался в Константинополе. Действительно, если Антим в 16 лет и даже в более юном возрасте оказался в Константинополе (тем более при дворе греческого патриарха) и в этом городе под влиянием великолепных архитектурных памятников, каковыми являются Св. София, церковь Марии Диаконисы монастыря Акатолепта, церковь Марии Панархантос монастыря Липса, церковь Богоматери Паммакарistos и других шедевров константинопольской архитектурной школы, впервые пристрастился к зодчеству, рисованию и т. д., то каким же образом мастер, воспитанный на традициях византийского искусства, привнес в искусство Валахии мотивы не византийского, а именно грузинского зодчества?

Коротко коснемся различия между искусством Грузии и Валахии. Грузинская культура, находившаяся в контакте с культурой народов древнего и средневекового Востока и Запада на протяжении тысячелетий своего развития, составляет существенное звено в общем процессе образования европейского искусства христианской эпохи. Как утверждает акад. Г. Н. Чубинашвили, изучение памятников грузинской архитектуры с полной очевидностью выявило, что в большой семье христианских народов грузины создают, при одних и тех же требованиях общего мирозерцания, архитектурные произведения, имеющие определенно индивидуальное лицо. Ни одновременные или близкие по времени памятники, ни памятники сходных по типу хронологических эпох не являются повторением, копией памятников какого бы то ни было другого народа⁸³.

Исторический и художественный анализ памятников грузинской архитектуры полностью опровергает теорию о том, что искусство всех народов, принявших православие, является, по существу, византийским искусством, в лучшем случае — с какими-то «провинциальными» особенностями⁸⁴. Лучшим доказа-

⁸² N a n u I. Un monument istoric de artă religioasă: ctitoria mitropolitului Antim Ivireanul, p. 315.

⁸³ Чубинашвили Г. Н. Вопросы истории искусства. Тбилиси, 1970, с. 9.

⁸⁴ Чубинашвили Г. Н. и Северов Н. П. Пути развития грузинской архитектуры. Тбилиси, 1936, с. 35.

тельством этого служат величайшее произведение зодчества Византии — Константинопольский собор св. Софии и один из выдающихся памятников грузинской архитектуры — Мцхетский монастырь Джвари. В то время как скупость и простота наружного облика Св. Софии контрастируют с богатством и великолепием интерьеров (в Св. Софии не разрешена должным образом проблема оформления фасадов и общих наружных масс), в Мцхетском Джвари внутреннее оформление здания неразрывно связано с его внешним видом; художественно завершенные стены этого здания ярко выделяются на общем фоне архитектуры того времени. «На этих памятниках наглядно видна глубокая принципиальная разница между византийской и грузинской архитектурой»⁸⁵.

Как явствует из вышесказанного, здесь речь идет об искусстве VI—VII веков, но принципы, которые сформировались в то время, в основном, прослеживаются на протяжении всей истории грузинского и византийского искусства. Если в отличие от памятников VI—IX вв. в византийской архитектуре в течение X—XII веков наблюдается «тенденция к оживлению архитектуры поверхности стен»⁸⁶, то грузинские зодчие средневековья в проблеме решения внутреннего пространства и оформления внешних масс зданий следуют традициям многовекового развития грузинской архитектуры предшествующих периодов и художественному украшению интерьера уделяют такое же внимание, как и наружному облику.

Ярким примером того, что процесс развития архитектуры как в Грузии, так и в Византии проходил вне зависимости друг от друга, — являются сами памятники зодчества этих стран.

Акад. Г. Н. Чубинашвили провел сравнительно-художественный анализ двух памятников — монастыря Питарети, типичного для грузинской архитектуры конца XII — начала XIII века, и церкви 12 апостолов в Солуни, непосредственно связанной во всех формах с церквями Византии XII—XIII вв., и пришел к следующему выводу. Фасадный облик, масса, декоративные и орнаментальные детали, техника построения в византийской церкви 12 апостолов в Солуни носят совсем иной облик, чем грузинский монастырь в Питарети. И в оформлении внутреннего пространства упомянутых памятников — иное соотношение частей, иная разбивка и иная форма окон, иные формы устоев, иные дополнительные части и, в связи с этим, иное, стандартное, распределение дверей. «Другими словами, — пишет акад.

⁸⁵ Амиранашвили Ш. История грузинского искусства, т. I. М., 1950, с. 119.

⁸⁶ Липшиц Е. Э. Архитектура. — История Византии, т. II. М., 1963, с. 394.

Г. Чубинашвили, — общие требования христианской церкви, при этом одного общего толка — «православной» — в Византии и в Грузии, одного хронологического времени, XII—XIII веков, показывают при наличии сходных, более или менее одинаковых решений плана совершенно своеобразные формы, в которых эти решения отлиты: функционально определенное и ограниченное задание получает и там, и тут различное художественное развитие композиции; на плановой композиции построено внутреннее пространство различных пропорций и наружные массы здания; архитектурные элементы композиции (например, столбы-колонки), декор и орнаментика, наконец, материал постройки и техника созданы или выбраны совсем различные. Так как это не случайное явление, а рассмотренные примеры являются типичными, характерными, изменяющимися во времени постепенно и закономерно — там и тут — то мы вправе, кажется, говорить о специфической, самобытной форме архитектурных памятников не только в Византии, но и в Грузии»⁸⁷.

Если учесть разницу между византийской и грузинской архитектурой, то элементы грузинского влияния в памятниках зодчества Валахии начала XVIII в., связанные с именем Антима, представляют, на наш взгляд, доказательство того, что Антим все знания и опыт зодчего, в основном, приобрел еще в Грузии (разумеется, нельзя отрицать, что он испытал некоторое влияние и византийского искусства). Исходя из этого, как уже было отмечено, более вероятно, что Антим не мог быть похищен в юном возрасте, когда он только начинал сознательную жизнь. Вернее всего, он вынужден был покинуть родину уже полностью сформировавшимся мастером, воспитанным на традициях грузинского искусства.

В подтверждение этого предположения следует отметить сходство в орнаментации книг, издававшихся Антимом в Валахии и в типографии Вахтанга VI в Грузии. Сравнительное изучение оформления «Грамматики славенския правильное синтагма...», напечатанной Антимом в Снагове в 1697 г., и «Витязя в тигровой шкуре», изданного в 1712 г. в типографии Вахтанга VI в Тбилиси, предпринятое Ш. Квасхвадзе, показывает близость орнаментальных мотивов.

Ш. Квасхвадзе видит также связь между орнаментом «Евангелия», напечатанного в типографии Вахтанга, и орнаментами уже названных нами книг, изданных Антимом в Валахии. «В напечатанном в типографии Вахтанга «Евангелии», — пишет Ш. Квасхвадзе, — встречается случай использования графического декора книги Антима, например, вписанный в треугольную схему растительный мотив — орнаментальный мотив, по своей схеме

⁸⁷ Чубинашвили Г. Н. Вопросы истории искусства, с. 296—297.

и рисунку совершенно тождественный с декором книги Антима, хотя и отличается от него модификацией тональности»⁸⁸. Такое сходство в оформлении книг, издаваемых в Валахии и Грузии в начале XVIII в., Ш. Квасхвадзе объясняет тем, что «орнаментальные мотивы, будучи блуждающими», как видно, были широко распространены в разных странах в одно и то же время⁸⁹.

Известно, что орнаментальные мотивы грузинской книги, изданной в типографии Вахтанга VI, были использованы еще раньше царем Арчилом в его «Псалтыри», отпечатанной в Москве в 1705 г., и взяты из грузинского источника. В то же время указанный орнаментальный мотив встречается в книге, напечатанной Антимом в Валахии раньше, нежели он был использован в грузинских книгах царя Арчила и Вахтанга VI. Объяснить это можно, вероятнее всего, грузинскими традициями в художественном мастерстве Антима, оформившемся в период жизни его на родине.

На наш взгляд, существует еще ряд достоверных фактов, которые доказывают неправдоподобность версии о том, что Антим на протяжении долгого времени находился при дворе иерусалимского патриарха и что только здесь происходило становление его мастерства, формирование его гражданского и духовного облика. Более того, по утверждению некоторых исследователей, Антим провел при иерусалимском патриаршем дворе почти четверть века (с 1666 года до 1690 года), здесь он рос и воспитывался, получил знания и образование⁹⁰. Стало быть, Антим делал первые шаги своей сознательной жизни в той среде греческих иерархов, которые с давних времен стремились поставить на службу своих интересов зависимые от них церкви разных стран.

Как известно, еще в период Византийской империи константинопольские патриархи обычно назначали митрополитами зависимых от них церквей разных стран своих представителей из греческих монахов с тем, чтобы прибрать к рукам эти церкви и их доходы. На этой почве возникали конфликты. Нередки бывали случаи, когда непокорность Константинопольскому патриаршеству проявляли церкви Валахии, Молдавского княжества, Болгарии и др. стран. Аналогичная картина наблюдалась в последующие века и не только на примере Константинопольского, но и других патриаршеств.

В таком случае, если формирование духовного облика Антима, начиная с юных лет на протяжении почти четверти века,

⁸⁸ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 219.

⁸⁹ Там же, с. 223.

⁹⁰ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 26—27; Джинджихашвили Ф. Указ. соч., с. 18—19.

происходило при дворе Иерусалимского патриаршества, логичным было бы предположение, что со временем он должен был стать верным слугой греческой церкви и защитником ее интересов.

В этой связи коснемся конфликта, происшедшего между Антимом — валашским митрополитом, и иерусалимским патриархом Хрисанфом Нотара, который, после кончины Досифея, в 1707 г. заменил его на этом посту.

Конфликт возник в 1710 году из-за требования Хрисанфа, чтобы монастыри и церкви Валахии, которые поддерживали в денежном отношении Иерусалимскую патриархию, зависели бы исключительно от этой патриархии и признали бы Хрисанфа полновластным хозяином как в административных, так и в религиозных делах⁹¹.

Необоснованные претензии Хрисанфа встретили резкий отпор со стороны Антима. Он пожаловался константинопольскому патриарху Афанасию V на незаконное вмешательство Хрисанфа в дела валашской церкви, требуя положить этому конец. Сохранилось только второе письмо Антима от 26 декабря 1710 года, представляющее особый интерес для определения позиции Антима, которой он придерживался по отношению к Константинопольскому и Иерусалимскому патриаршествам, когда дело касалось «нарушения порядка и ущемления авторитета и интересов унговалашской церкви» со стороны этих патриаршеств. В указанном письме Антим «возвращался к злоупотреблениям Хрисанфа, критиковал его, тонко иронизируя при этом над недостатками и непоследовательностью в своих решениях Константинопольской патриархии»⁹². Антим в резкой форме писал

⁹¹ Ş t r e m p e l G. Prefață.— Antim Ivireanul. Opere, p. XXV; I o r g a N. Mitropolitul Antim Ivireanul în lupta cu Ierusalimul pentru drepturile bisericii. sale.—Biserică Ortodoxă Română, 1954, № 11—12, p. 721—725; R ă m u r e a n u I. Legăturile mitropolitului Antim Ivireanul cu Patriarhia Ecumenică și cu Patriarhia Apostolică a Ierusalimului. — Biserică Ortodoxă Română, 1956, № 8—9, p. 846—853. E l i a n A l. Antim Ivireanul apărător al prerogativei lor soanului mitropolit al Ungrovlahiei. — Studii teologice, seria II, 1966, № 9—10, p. 519—530.

⁹² Ş t r e m p e l G. Prefață.— Antim Ivireanul. Opere, p. XXVI. Г. Штремпел имеет в виду то обстоятельство, что в декабре 1709 г. Константинопольский патриарх Афанасий санкционировал специальной грамотой претензии Хрисанфа, которые последний предъявил к церквам Молдавского княжества и Валахии. Афанасий писал, что все патриаршие монастыри и церкви, находящиеся в епархиях Молдавского княжества и Валахии, «должны находиться в его власти и под его руководством (т. е. Хрисанфа. — О. Г.), чтобы он правил ими, как и раньше, чтобы назначал и снимал игуменов и управляющих, когда и кого он захочет». Указанная грамота также

Афанасию V: «...смешно говорить о том, будто имеются в Унгро-валахии монастыри, подчиненные иерусалимскому патриарху или другому патриарху..., т. к. не было никогда и не будет в Унгровалахии монастырей, подчиненных какому-нибудь патриарху чужой епархии, а все они находятся под нашим начальством... только мы сидим здесь на священном престоле, а не иерусалимский патриарх...»⁹³. «Грابتить святые места под предлогом благочестия — полностью противоречит закону»⁹⁴, — замечал далее Антим. С той же категоричностью отвергал он и другие претензии Хрисанфа, а именно, чтобы в валашских церквях и монастырях на всех службах поминалось исключительно имя иерусалимского патриарха, а имя валашского митрополита должно быть исключено из обрядовых поминований (как известно, эти требования Хрисанфа были санкционированы Афанасием V). «Какое же право имеет преосвященство (Хрисанф. — О. Г.), — с возмущением писал Антим константинопольскому патриарху, — быть помянутым в монастырях, ему не подчиненных...»⁹⁵, а затем с едкой иронией отмечал: «если вселенский (т. е. Константинопольский. — О. Г.) патриарх желает отказаться от канонического права — быть помянутым в церкви во всем православном мире — в пользу патриарха Хрисанфа, то пусть сообщит и ему, чтобы он знал, что они имеют одного патриарха, а не двух!»⁹⁶. Что касается посягательств Хрисанфа на права валашского митрополита, Антим со всей решительностью заявил константинопольскому патриарху, что он не потерпит их. «...Мы не можем отдать ему (Хрисанфу. — О. Г.) наши права, если даже ангел божий с неба нам прикажет это»⁹⁷.

Тем более примечательным кажется нам решительный и резкий отпор Антима патриарху Хрисанфу, если вспомнить, что иерусалимский патриарх посвятил его в сан митрополита Вала-

узаковивала право, согласно которому «на всех службах и при всех обстоятельствах должны были помянуть» исключительно патриарха иерусалимского и его преемников «и ни в коем случае другие имена, даже имя местного иерарха». (E l i a n Al. Antim Ivireanul, p. 52; Idem. Legăturile Mitropoliei Ungrovalahiei cu Patriarhia de Constantinopol și celelalte biserici ortodoxe. De la întemeiere pînă la 1800. Biserică Ortodoxă Română, LXXVII (1959), p. 931, nota 138).

⁹³ Documente privitoare la istoria românilor, Ed. E. Hurmuzaki. — I o r g a N. Documente grecești (1560—1820). Buc., 1936. Vol. XIV, par. 3., p. 39 (далее — Documente).

⁹⁴ Ibidem, p. 80.

⁹⁵ Ibidem, p. 81.

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ Ibidem.

хии и что некоторые современники даже считали Хрисанфа другом Антима⁹⁸.

Думается, что совершенно прав румынский исследователь А. Дуцу, который, характеризуя взаимоотношения между Унгровалашской митрополией, во главе с Антимом, и Константинопольским и Иерусалимским патриаршествами отметил, что Антим отвергал засилье вселенской патриархии и неустанно оказывал сопротивление домогательствам восточных патриархий⁹⁹. А. Дуцу полагает также, что в гибели Антима немалую роль сыграла вселенская патриархия¹⁰⁰. Исходя из сказанного, вряд ли представляется возможным, чтобы Антим, начиная с юных лет, почти четверть века прожил и воспитывался среди греческих иерархов, при дворе иерусалимского патриарха, где якобы произошло формирование его духовного облика и интересов.

Следует обратить внимание и на другой момент из истории валахской церкви. Спустя несколько лет после описанного выше конфликта, Антим, при составлении устава монастыря Всех святых, большое значение придал вопросу независимости этого монастыря. В «Иерусалимской рукописи» (№ 605) мы читаем: «Монастырь Всех святых не должен быть покорен и зависим ни от патриархии, ни от своеволия руководства или государственных лиц, а должен быть вечно и совершенно свободным, всецело независимым и оставаться вне чьего-либо главенства»¹⁰¹.

Антим предъявил иерусалимскому патриарху Хрисанфу требование о предоставлении монастырю права на независимость и ходатайствовал перед ним, чтобы он скрепил это требование «партриаршей грамотой». Добиваясь независимости монастыря Всех святых, Антим скорее всего преследовал цель избежать судьбы «преклоненных» (зависимых) монастырей, земли и доходы которых считались собственностью заграничных церквей. Патриарх Хрисанф дал свое согласие на требование Антима. Трудно сказать, что побудило его сделать такой шаг. Ведь монастырь Всех святых, как и другие крупные монастыри Валахии, был крупным собственником земли. В его имениях эксплуатировалось много крепостных крестьян, которые своим трудом приносили немалые доходы монастырю. Поэтому решение патриарха Хрисанфа, стремившегося осуществить контроль над

⁹⁸ Documente, vol. XIV, par. 2, p. 794.

⁹⁹ Du fu A. Antim Ivireanul et les solidarités modernes.—Revue roum. d'histoire. Buc., 1976. T. 15, № 2, p. 320—321.

¹⁰⁰ Ibidem, p. 321.

¹⁰¹ Recueil de documents grecs, concernant les relations du Patriarcat de Jérusalem avec la Roumanie (1569 — 1728), publiés par Emile Legrand, P., 1895, p. 187—188 (далее—Recueil de documents grecs).

имуществом валашских церквей и монастырей, предоставление независимости монастырю Всех святых кажется не совсем целесообразным¹⁰².

Начиная с 1710 года, когда возник конфликт между Антимом и Хрисанфом, взаимоотношения между митрополитом Валахии и иерусалимским патриархом в течение нескольких лет оставались весьма натянутыми. Они даже прекратили переписку, которую возобновили лишь в 1712 году¹⁰³. Поводом для возобновления контактов послужило решение Хрисанфа основать типографию, для осуществления этого своего намерения он и обратился за помощью к Антиму¹⁰⁴.

Кто знает, может быть, именно содействие, которое оказал Антим иерусалимскому патриарху, побудило Хрисанфа удовлетворить требование митрополита Валахии. Подобное решение иерусалимского патриарха было неожиданным для архиереев греческой церкви. В одном из документов «Иеремия, с божьей помощью архиепископ Константинополя, Нового Рима и Вселенский патриарх» с удивлением и раздражением отмечает, что «претензии» Антима были удовлетворены иерусалимским патриархом¹⁰⁵.

По настоянию Антима патриарх Хрисанф издал грамоту, которая известна под названием: «Грамота Хрисанфа Иерусалимского, которая подтверждает справедливое требование монастыря Всех святых, построенного унговалашским митрополитом Антимом Иверийцем в Бухаресте». В грамоте говорится: «Монастырь Всесвятский, от начала до конца основанный в Бухаресте высокочтимым и святейшим унговалашским митрополитом и нашим собратом Антимом, со своими угодьями, движимым и недвижимым имуществом, сокровищами, святым облачением и серебряной посудой отныне и вечно будет свободным и непорабощенным, полностью независимым и недосыгаемым для патриархов и государственных лиц, для самого архиерея и всех других высокопоставленных и почетных лиц... каждый, кто, опираясь на свою власть или пользуясь поддержкой со стороны властей или местных архиереев, государственных лиц или других представителей, постарается подчинить или поработить сей святой монастырь..., будет отлучен от церкви. Итак, на этом заканчивается наша патриаршая грамота, написанная на пергаменте. Да будет она передана священнику сего

¹⁰² Антим писал константинопольскому патриарху Афанасию V, что Хрисанф «похитил власть не только над одним, двумя или тремя монастырями, а над свыше двадцатью в нашей епархии... (Documente, p. 81)»

¹⁰³ Documente, p. 105—107, 112—113, 115—117.

¹⁰⁴ Ibidem, p. 105—107, 112—113.

¹⁰⁵ Recueil de documents grecs, p. 235.

монастыря, чтобы ее надежно хранили, помнили и чтители во веки веков»¹⁰⁶.

Итак, Антим в уставе монастыря Всех святых особое внимание уделяет вопросу о независимости этого монастыря. В связи с этим будет небезынтересен краткий экскурс в историю Болгарии.

Известно, что великий доместик запада Византийской империи Григорий сын Бакуриана, грузин по происхождению, в 1083 году построил в Болгарии (в то время находившейся в пределах Византийской империи) недалеко от Филиппополя (нынешнего Пловдива) в Родопских горах Петрицонский (Бачковский) монастырь и составил для него устав¹⁰⁷. Сравним его с уставом Антима для монастыря Всех святых. Григорий сын Бакуриана в третьей главе устава Петрицонского монастыря, известной под названием «О том, чтобы монастырь был свободным от всякого рода налогов и служений», писал следующее: «Я определил, чтобы святая моя церковь и подвижнические кельи, сия пустынь и монастырь соборный были свободны от всяких служений — царских и правительских, со всеми выше писанными именами, о которых мы написали и дали этому монастырю вместе со всеми ходящими, лежащими и самоходными, чтобы [он] был совсем свободным, вольным, самовладыкой и самовладельцем, не порабощаем и не подлежал [взиманию] какого бы то ни было налога: царского и патриаршего, митрополичьего, епископского... Монастырь мой свободен также от [повинностей] всех светских правителей и государей от мала до велика...»¹⁰⁸.

Следует отметить, что великий доместик запада Византийской империи Григорий сын Бакуриана решительно выступал против зарившегося на Петрицонский монастырь греческого духовенства. В уставе Петрицонского монастыря Григорий особо подчеркивал, что монастырь был построен специально для грузин, и требовал, чтобы в монастырь никогда не были допущены греческие монахи, за исключением одного, и то в качестве писаря. «А это я потому устанавливаю так твердо, — писал Григорий, — что боюсь, чтобы греки, будучи по природе насиль-

¹⁰⁶ Recueil de documents grecs, p. 190—191.

¹⁰⁷ Шанидзе А. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Тбилиси, 1971; Николаев В. Един феодален институт от XV век в нашите земи съе специально предназначение; его же. Съдбата на типика—устав на Григори Бакуриани и на неговото грузинско копие от Софийската Народна библиотека. — Известия на Института за българска история. София, 1951, с. 99—169, 266—297.

¹⁰⁸ Типик Петрицонского грузинского монастыря. Шанидзе А. Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Тбилиси, 1971.

никами, корыстолюбцами и искусными, не причинили монастырю вреда или какого-нибудь ущерба, или же не стали даже противниками [этого] места и не постарались завладеть им целиком, попытавшись [получить] должность настоятеля, или как-нибудь иначе, и не захотели сделать монастырь своим. Мы не раз видели, что они делают так вследствие беспорочности и простодушия нашего народа»¹⁰⁹.

«Жалуясь на греков, — пишет А. Шанидзе, — Григорий Бакурианисдзе, несомненно, имел в виду притеснения, которые они чинили грузинам везде, на Востоке (в Иерусалиме, Антиохии), а также в самой Греции, на Халкедонском полуострове, где с 80-х годов X века существовал Иверский монастырь, один из лучших на Афоне. Не прошло и нескольких десятилетий со дня основания этого Афонского монастыря, как грузины вынуждены были принять энергичные меры для защиты своих прав от притязаний греков, которые «взялись за искоренение грузин из этого монастыря. Для этого они весьма постарались и, призвав на помощь всю [Афонскую] гору, перетянули на свою сторону всех знатых людей Греции и вельмож дворца и много труда, бед и мытарств навлекли на нас. Говоря коротко, если бы не помощь Господа и ходатайство св. Богородицы, а также благодать и молитвы тех святых отцов [строителей монастыря], то сегодня ни одного грузина не было бы в этой обширной и славной лавре». Так горько жаловались афонские деятели, которым пришлось составить специальный меморандум, «чтобы не забыть тех зол, которые навлекли на нас греки, дабы и последующие за нами грузины в будущем не попали в такую же беду»¹¹⁰.

Решение Григория Бакурианисдзе оградить от притязаний представителей греческой церкви основанный им Петрицонский (Бачковский) монастырь можно объяснить той острой борьбой, которая шла между греческим и грузинским духовенством в монастырях Афона, Черногорья и Иерусалима.

Хотя Антим в своем уставе, подобно Григорию Бакурианисдзе, не требовал, чтобы в монастырь Всех святых не допускались греческие монахи, однако, вместе с тем, следует отметить, что Антим в этом уставе специально указывал на то, что игуменом монастыря не мог быть «назначен какой-нибудь иностранец с горы Афон, с горы Синайской, из Иерусалима, по разным причинам...»¹¹¹.

Разумеется, под словом «иностранец» Антим скорее всего подразумевал грека. А. Дуцу полагает, что одна из главных

¹⁰⁹ Там же, с. 314.

¹¹⁰ Шанидзе А. Грузинский монастырь в Болгарии, с. 256.

¹¹¹ Așezământul Mănăstirii Antim. — Antim Ivireanul. Opere, p. 333.

причин, побудивших Антима остерегаться назначения «иностраница» игуменом монастыря Всех святых заключалась в этом митрополит Валахии усматривал в этом шаге большую опасность для независимости и свободы монастыря¹¹². Антим понимал, что если бы ему на сей раз и удалось добиться независимости для монастыря Всех святых, то в будущем греческие патриаршества, злоупотребив своей властью, могли посягнуть на самоуправление и свободу монастыря. Поэтому Антим писал: «Тот, кто воспользуется своей властью или поддержкой со стороны правителей или местных архиереев, государственных лиц и других представителей власти и попытается подчинить себе или поработить святой монастырь Всех святых..., будет отлучен от церкви»¹¹³.

Опасения Антима подтвердились сразу же после его смерти¹¹⁴. Весть о гибели Антима некоторые представители греческой церкви встретили с радостью. В своей переписке они даже не пытались скрывать своего злорадства¹¹⁵. Константинопольский патриарх Иеремия созвал чрезвычайное заседание, на котором присутствовали представители высшей церковной иерархии. В специальной патриаршей грамоте сказано: «Повелеваем решением Синода, премудрого иерусалимского патриарха Хрисанфа и святейших митрополитов... Упразднить и запретить самоуправление и независимость монастыря Всех святых... как нечто бессмысленное и неприемлемое»¹¹⁶.

Как видим, в патриаршей грамоте особо подчеркивается имя патриарха Хрисанфа, и это не случайно. Ведь в свое время именно Хрисанф собственноручно «скрепил подписью» грамоту, которая подтверждала независимость монастыря Всех святых. Но, видимо, после смерти митрополита Валахии Антима Хрисанф изменил сам или же под чьим-то давлением свое прежнее решение относительно предоставления монастырю Всех святых независимости, признавая его теперь «бессмысленным и неприемлемым»¹¹⁷.

Архиереи греческой церкви торопились восстановить «законное правление» монастыря Всех святых. «Отныне и впредь

¹¹² Du f u A. Antim Ivireanul et les solidarités modernes, p. 320.

¹¹³ Recueil de documents grecs, p. 191.

¹¹⁴ Антим был убит в 1716 году спустя полтора года после утверждения устава монастыря Всех святых. — С а z а с u М. Cine I-a ucis pe Antim Ivireanul.—Magazinul istoric, 1966, № 4, p. 43—49.

¹¹⁵ Documente, vol. XIV, par. 2, p. 794, 796; vol. XIV, par. 3, p. 124.

¹¹⁶ Recueil de documents grecs, p. 237—238.

¹¹⁷ Специальная грамота, которая упраздняла независимость монастыря Всех святых, была подписана и самим иерусалимским патриархом Хрисанфом (см. Recueil de documents grecs, p. 239).

правление монастырем Всех святых возлагалось на вновь избранный митрополит Валахии владыку Митрофана»¹¹⁸.

Таким образом, иерархи греческой церкви добились своего. Сместив Антима с поста митрополита Валахии¹¹⁹, они вручили духовную власть в княжестве владыке Митрофану, их верному слуге¹²⁰, греку по происхождению, который послушно проводил политику греческих патриархов.

На наш взгляд, существует еще один довод в пользу того, что Антим не мог находиться на протяжении длительного времени при дворе иерусалимского патриарха. Румынский ученый Д. Богдан считает, что Антим принял монашеский сан до прибытия в Валахию, будучи еще при дворе патриарха¹²¹. Г. Штремпел не соглашается с Д. Богданом и высказывает мнение, согласно которому около 1690 года, когда Антим был уже в Валахии, по совету иеромонаха Макария, высокопоставленного лица в митрополии, и самого митрополита Феодосия, он принял монашеский сан¹²². Мы разделяем эту точку зрения Г. Штремпела, согласно которой Антим прибыл в Валахию будучи мирянином, и весьма маловероятно, чтобы Антима (если он на самом деле, начиная с детских лет, почти четверть века провел в окружении греческих церковных служителей) не посвятили в духовный сан.

Следует обратить внимание еще на то обстоятельство, которое, думается нам, говорит в пользу нашего мнения. Как известно, в XIV—XVII вв. в государственной и церковной жизни Валахии и Молдавского княжества утвердился старославянский язык. Распространение этого языка на Балканах было повсеместным, особенно среди духовенства и политических деятелей. Как отмечает Н. А. Мохов, старославянский язык и старославянская письменность в средние века играли важную роль в культуре народов Балканского полуострова и соседних

¹¹⁸ Recueil de documents grecs, p. 238.

¹¹⁹ См. гл. VIII наст. сочинения.

¹²⁰ Прямым подтверждением этого служит письмо Митрофана иерусалимскому патриарху Хрисанфу от 29 сентября 1716 г. По своему содержанию и тону оно разительно отличается от письма Антима, адресованного константинопольскому патриарху. В этом письме Митрофан обвиняет Антима в том, что он, будучи митрополитом Валахии, «не соблюдал порядка, положенного архиереям», и со своей стороны выражает полную готовность верно служить иерусалимскому патриарху. Митрофан писал Хрисанфу: «Со смирением, прошу всегда приказывать мне, ибо я всегда готов служить Вашему Блаженству по мере моих сил». (См.: Documente, vol. XIV, par. 2, p. 124).

¹²¹ B o g d a n D. Viața lui Antim Ivireanul, p. 680.

¹²² Ș t r e m p e l G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. X.

стран. Важную роль они играли и в Дунайских княжествах. Распространение письменности на старославянском языке в Валахии и Молдавском княжестве, сыгравшее в свое время прогрессивную роль, содействовало приобщению этих княжеств к более высокой культуре соседних стран, так как старославянский язык «был в те времена международным языком Восточной Европы, где он способствовал распространению достижений культуры Византии»¹²⁴. Известно также, что со временем в Дунайских княжествах письменность на родном языке получает все большее распространение. В частности, несмотря на то, что в Валахии почти до второй половины XVII века в качестве канцелярского, религиозного и светского языка все еще оставался старославянский язык, к этому времени румынский язык все более и более проникает во все отрасли государственной и культурной жизни страны и становится официальным языком делопроизводства и богослужения. Вместе с тем, отмечает Г. Штремпел, в период правления Константина Брынковяну, благодаря растущей активности греческих прелатов при дворе и их вмешательству в дела валашской церкви, «была совершена попытка введения греческого языка при отправлении религиозной службы»¹²⁵. Это мнение подтверждает и Н. Йорга¹²⁶. Но как старославянский, так и греческий языки были малодоступны и непонятны широким слоям населения, ими пользовались верха господствующего класса. В связи с этим заслуживает внимания высказывание Г. Штремпела относительно роли Антима как церковного деятеля, выступившего против стремления греческих иерархов перевести богослужение в валашских церквах и монастырях на греческий язык.

Г. Штремпел прямо указывает на то, что Антим поставил заслон этим тенденциям¹²⁷. На самом деле, сразу же после прибытия в Валахию Антим приступает к изданию на румынском языке основных церковных книг, многих из них — впервые. Уже свою третью книгу из числа книг, изданных им в Валахии, Антим напечатал в Бухаресте в 1693 году на греческом и румынском языках. Эта книга «Евангелие»¹²⁸, в которой перевод греческого текста на румынский принадлежит Антому. А через

¹²³ Мохов Н. А. Указ. соч., с. 168—169.

¹²⁴ Там же, с. 173.

¹²⁵ Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. XVII.

¹²⁶ Iorga N. Istoria bisericii românești, vol. II. Buc., 1930, p. 15—18.

¹²⁷ Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. XVII.

¹²⁸ Evanghelie. Buc., 1693 (Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tipărituri românești vechi, № 95).

год он же на румынском языке издал «Псалтырь»¹²⁹. То были первые шаги в неустанной деятельности Антима по «национализации церковной службы» в Валахии. Девиз его был выражен следующими словами: «Я предпочитаю, чтобы в церквах было сказано всего пять слов на языке, понятном для всех, чем двадцать тысяч слов на языке, непонятном для паствы»¹³⁰.

Все вышезложенное говорит о том, что в Валахии Антим выступает против интересов греческих иерархов и их вмешательства в дела валахской церкви. Что могло вызвать перелом в вере и убеждениях Антима, «верного слуги» греческой церкви (а именно таким он должен был быть, если считать правдоподобной версию об его пребывании в течение почти четверти века при дворе иерусалимского патриарха)?

Нам представляется возможным такое объяснение: Антим, по всей вероятности, попал на иерусалимский патриарший двор не шестнадцатилетним юношей, а взрослым человеком с вполне сформировавшимся мировоззрением, поэтому-то греческий патриарший двор не смог оказать решающего влияния на духовную жизнь Антима и превратить грузина в «грека сердцем и душой», как это обычно случается, если представитель одной национальности в юном возрасте попадает в иную национальную среду, где в течение десятилетий происходит его воспитание и формирование.

Нам кажутся преувеличенными утверждения некоторых исследователей, согласно которым Антим стал «энциклопедически, разносторонне образованным человеком именно при дворе иерусалимского патриарха»¹³¹. Не вызывает сомнения, что при дворе греческого патриарха Антим мог приобщиться к греческой культуре. Вместе с тем заслуживает внимания мнение Эмиля Пико, который полагает, что Антим приобрел обширные знания (в частности, в области классической культуры — греческой и римской) под руководством митрополита Феодосия¹³².

¹²⁹ Psaltirea. Buc., 1694 (Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tipărituri românești vechi, № 96).

¹³⁰ Biserică Ortodoxă Română, 1956, № 8—9, p. 731.

¹³¹ Джинджихашвили Ф. Указ. соч., с. 18.

¹³² Pico E. Op. cit., p. 515. О том, что Антим Ивериец, этот широко эрудированный человек был блестящим знатоком сочинений выдающихся философов, литераторов и историков древности свидетельствует следующий факт: Антим в своих «Дидахихах» (проповедях) и других произведениях часто ссылается на Анаксагора, Аристотеля, Демокрита, Сократа, Анаксимандра, Гесиода; цитирует Флавия, Филона, Страбона; повествует об Александре Македонском, Октавиане, Тиберии, Дарии; рассказывает об оккупации Греции и Египта римлянами, о первом триумvirate и о борьбе между триумвирами — Цезарем, Помпеем и Крассом и др.

Думается, что Эмиль Пико был прав, так как не существует никаких документов, свидетельствующих об энциклопедических познаниях Антима до его приезда в Валахию. Хотя Михай Иштванович писал о блестящем таланте Антима в этот период жизни, однако, вернее всего, под этим подразумевал замечательное мастерство Антима как художника, гравера, каллиграфа и т. д.

Некоторые грузинские исследователи скептически относятся к тому, что Антим владел грузинским языком и письменностью. Ш. Квасхвадзе писал: «...Антима похитили в 16 лет. Если учесть его жизненный путь, покажется весьма сомнительным не только то, что Антим знал грузинский язык, но и то, в чем заключается основная сторона вопроса, а именно — знал ли Антим грузинскую письменность»¹³³. По мнению Б. Гордезиани, прозвище Антима «Ивирианул» (грузин) «еще не является доказательством того, что он хорошо знал грузинский язык. Разве мало было таких грузин, которые занимали на чужбине высокие посты и гордились своим грузинским происхождением, но не знали грузинского языка?»¹³⁴. Как видно, такой же точки зрения придерживается и Хр. Шарашидзе. По ее мнению, у Антима остались лишь воспоминания о том, что он по происхождению грузин. «Антим, — пишет она, — в напечатанных им книгах именует себя «грузином», следовательно, он не забыл о своем происхождении»¹³⁵.

Приведенные высказывания могут иметь основание только в том случае, если предположить, что Антим был похищен в детские или юные годы и, начиная с раннего возраста, жил на чужбине. В этих условиях, естественно, у Антима постепенно изгладилось бы все родное, воспринятое им на грузинской земле. Поневоле предалось бы забвению знание родного языка и письменности, и в его памяти осталось бы лишь смутное воспоминание о том, что он по происхождению грузин. Но если допустить, что Антима похитили из Грузии не в детском или в юношеском возрасте, когда он только-только начинал сознательную жизнь, а в более поздний период, когда он уже сформировался как личность с определенным мировоззрением и убеждениями, то в этом случае сомнения Ш. Квасхвадзе, Б. Гордезиани и Хр. Шарашидзе относительно того, знал ли Антим родной язык и грузинскую письменность, окажутся необоснованными.

Антим считал, что человек и весь мир созданы из четырех стихий: ветра, огня и воды, а это он, очевидно, вычитал у древнегреческих философов-материалистов. (См.: *Strempel G. Prefafa. — Antim Ivireanul. Predicti.* p. 55).

¹³³ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 222.

¹³⁴ Гордезиани Б. Указ. соч., с. 41.

¹³⁵ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 89.

Как было отмечено выше, жизненный и творческий путь Антима Иверийца со дня его рождения до прибытия в Валахию изучены наиболее слабо. И это обусловлено тем, что исследователи располагают малочисленными фактами, относящимися к указанному периоду жизни и деятельности Антима. Как известно, всякая научная теория историка должна строиться на фактах, все его утверждения должны опираться на документы, первоисточники. Однако, когда историк не располагает документально подтвержденным материалом, он вынужден решать вопросы путем интуиции и логики, хотя этот метод он должен использовать редко, в случае крайней необходимости.

Именно эта крайняя необходимость — ибо многих документов и первоисточников, касающихся жизни и деятельности Антима, история нам не сохранила — принудила нас для обоснования некоторых выводов и положений прибегнуть, в отдельных случаях, к методу догадок и гипотез. Мы вынуждены были обратиться к данным из более позднего периода жизни и деятельности Антима и, анализируя, обобщая, а также сопоставляя эти данные с предыдущими событиями, путем логических суждений, прийти к определенным выводам. Безусловно, заполнить этим путем пробелы в деле изучения довалашского периода жизни Антима — задача очень трудная и едва ли окончательно разрешимая. Поэтому нам пришлось удовлетвориться при решении некоторых вопросов, логически обоснованными гипотезами, не претендуя, конечно, на бесспорность выводов.

В этом аспекте мы выдвигаем версию, согласно которой Антим до своего приезда в Валахию должен был побывать в России и там же изучить старославянский язык, а не в Валахии, как это полагает Н. Шербэнеску¹³⁶, а с этой точкой зрения румынского ученого соглашаются и другие исследователи.

С одной стороны, версия Н. Шербэнеску вполне вероятна, т. к. в Валахии, и в частности в Бухаресте, функционировали школы, в которых готовили переводчиков древних и старославянских книг и документов¹³⁷. Вполне возможно, что в одной из этих школ Антим мог бы изучить старославянский язык. Но здесь же следует отметить, что необходимость знания старославянского языка в то время в Валахии ограничивалась лишь упомянутыми выше практическими целями¹³⁸. Вместе с тем, как об этом уже было сказано, к концу XVII века в Валахии румынский язык становится официальным языком делопроизводства и богослужения. Трудно поверить, чтобы при таком стечении обстоятельств Антим, который ранее не знал старославянского

¹³⁶ Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 695.

¹³⁷ Giurescu G. Istoria românilor. Vol. III. Buc., 1944, p. 183.

¹³⁸ Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. 420.

языка, специально занялся его изучением. Однако этот мотив мы не считаем решающим для подтверждения нашей точки зрения.

Известно, что после приезда в Валахию (приблизительно в 1690 г.) Антим в 1697 году в типографии Снаговского монастыря напечатал книгу на старославянском языке¹³⁹. Этот факт служит доказательством того, что Антим еще до приезда в Валахию уже владел старославянским языком. Любопытно, что в упомянутой книге Антим нигде не говорит о допущенных в тексте ошибках. Это обстоятельство нам не представляется случайным. Дело в том, что при издании первых книг на румынском языке, как и книг на арабском языке, т. е. книг, напечатанных на тех языках, которыми Антим в указанный период еще не владел в совершенстве¹⁴⁰, он обычно оговаривает возможность в тексте погрешностей, за которые просит прощения¹⁴¹. Но если то обстоятельство, что Антим в напечатанной в 1697 году на старославянском языке книге не упоминает об ошибках, мы не можем расценить как исчерпывающее доказательство того, что Антим свободно владел старославянским языком, то стихотворение, написанное Антимом на старославянском языке и помещенное в этой же книге¹⁴², не оставляет сомнения в справедливости этого предположения.

Разумеется, с первого взгляда может показаться вполне естественным то, что в течение шести лет не только такой полиглот, каким являлся Антим, но даже и заурядный человек смог бы изучить любой иностранный язык. Однако нельзя забывать, что Антим через год после приезда в Валахию, в 1691 году, в Бухарестской типографии печатает книгу на греческом языке— «66 глав Поучений греческого самодержца Василия Македонянина»¹⁴³. В следующем, 1692 году он в той же типографии из-

¹³⁹ Constantinescu-Iași P. Relațiile culturale româno-ruse din trecut. Buc., 1954, p. 177.

¹⁴⁰ Как известно, Антим изучил румынский язык после приезда в Валахию. «Ранние проповеди Антима еще были с ошибками. Например, написано: «Ocenit» (учениц), а должно быть «Ucenic» («ученич»). Это доказывает, что Антим писал на слух...» Но вскоре Антим так глубоко вник в сущность румынского языка, что «именно он считается великолепным знатоком румынского литературного языка XVII—XVIII вв.» (Melchisedec. Didahiile Mitropolitului Ungro-Vlahiei Antim Ivireanul, vol. II. Analele Academiei Române. Seria II, T. X. Buc., 1889, p. 1—27.

¹⁴¹ Bibliografia românească veche, I, p. 328—335, 343—344, 423—433; Șărbănașcu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 704.

¹⁴² Bogdan D. Legăturile Țărilor române cu Georgia, p. 154.

¹⁴³ Vasile Macedoneanul. Capitele indemnătore. Buc., 1691 (Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tipariturii românești vechi, № 93).

дает на греческом языке «Службы святой Параскевы и святого Григория Декаполита»¹⁴⁴.

В 1693 году выходит «Евангелие»¹⁴⁵, напечатанное Антимом на двух языках — греческом и румынском. А год спустя, в 1694, он напечатал «Псалтырь»¹⁴⁶ на румынском языке.

Таким образом, со дня своего приезда в Валахию и по 1694 год включительно Антим посвящает все свое время подготовке к изданию четырех книг на греческом и румынском языках. И если принять во внимание всю сложность печатания книг в ту эпоху и время, необходимое Антиму для изучения румынского языка¹⁴⁷ (ведь Антим изучил румынский язык после прибытия в Валахию), то станет ясным, что овладение за столь короткий срок еще одним иностранным языком, каким был для Антима старославянский, причем на таком уровне, чтобы писать стихи на этом языке, — задача явно сложная.

Но с нами могут не согласиться и возразить, что с 1694 года до издания книги на старославянском языке (1697 г.) прошло целых три года, и почему нельзя считать возможным, чтобы Антим за это время мог изучить старославянский язык? Возражение, конечно, серьезное, но дело в том, что с 1694 г. Антима уже не было в Бухаресте, где была славянская школа, готовившая переводчиков со старославянского языка, и где Антим мог овладеть этим языком. С 1694 года Антим переезжает из Бухареста в монастырь Снагов, где закладывает основы большой типографии, имевшей возможность печатать книги на нес-

¹⁴⁴ Slujbele S-tei Paraschiva—celei Noue și a S-tului Grirorie Decapolitul. Buc., 1692 (Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tiparitari românești vechi, № 94).

¹⁴⁵ Evanghelie. Buc., 1693 (Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tiparitari românești vechi Nr 95).

¹⁴⁶ Psaltirea. Buc., 1694 (Bibliot. Acad. R. S. R., fondul tiparitari românești vechi Nr 96).

¹⁴⁷ В 1694 г. Антим в Бухарестской типографии печатает на румынском языке «Псалтырь». В этой книге Антим уже не просит прощения у читателей за допущенные ошибки в румынском тексте, как это имело место в предыдущих изданиях, когда дело касалось печатания румынского текста. Наоборот, как посвящение господарю Валахии Константину Брынковяну, так и стихотворение «К государственному гербу», помещенное в упомянутой книге и подписанное «смирным среди иеромонахов Антимом Иверийцем», свидетельствуют, с одной стороны, о поэтическом даре Антима, а с другой стороны, о том, что он уже в совершенстве владел румынским языком. По словам Штремпела, как посвящение Константину Брынковяну, так и стихотворение «К государственному гербу», принадлежавшие Антиму, «подтверждают его способности, отмеченные современниками к овладению иностранными языками». (Antim Ivireanu l. Opere. Ed. G. Ștrempel. Op. cit. Buc., 1972, p. 418).

кольных языках¹⁴⁸. Большая часть типографского оборудования, включая приспособление для литья букв, была сделана его собственными руками¹⁴⁹. В типографии Снаговского монастыря Антим в 1696 году печатает книгу на румынском языке¹⁵⁰, а в 1697 году из печати выходят пять книг¹⁵¹, в том числе, как мы уже отметили, книга на старославянском языке.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство: книга, напечатанная Антимом в 1697 году на старославянском языке, представляла собой переиздание известной русской грамматики Мелетия Смотрицкого (1619 г.)¹⁵². Переиздание ее было связано с практическими потребностями развития культуры и образования Валахии в конце XVII — начале XVIII в.¹⁵³ Произведение Смотрицкого являлось грамматикой старославянского языка с примесью русских живых разговорных форм, утверждавшей единые грамматические нормы. В ней были заложены основы современной грамматической терминологии для славянских языков.

Цель издания этой книги в Валахии видна из написанного Антимом предисловия к ней. Антим поясняет, что издал эту

¹⁴⁸ Șerbănescu N. Istoria mănăstirii Snagov. Buc., 1944, p. 66.

¹⁴⁹ Ștrempelel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. XII.

¹⁵⁰ Iargu D. Bibliografia cronologica româna sau Catalog general de cărți române 1550—1873. Buc., 1873, p. 7.

¹⁵¹ Bibliografia românească veche, I, p. 343—344, 347—349, 350, 351.

¹⁵² Смотрицкий Мелетий Герасимович (ок. 1578—1633), ученый-филолог, церковный и общественный деятель Юго-Западной Руси. Образование получил сначала в Острожском училище, потом в Виленском иезуитском коллегииуме; слушал лекции в Лейпцигском и Виттенбергском университетах. В 1610 году опубликовал трактат «Фринос, или Плач Восточной церкви». Для сочинений Смотрицкого характерна ясность и стройность изложения. Философские взгляды его представляли собой эклектическое соединение христианской теологии с канонизированным церковью учением Аристотеля. Грамматика Смотрицкого, несколько переделанная и дополненная, была издана в 1648 г. и в 1721 г. в Москве. По ней учился М. В. Ломоносов, который и назвал «Грамматику» Смотрицкого «воротами учености». В середине XVIII в., читаем мы в Большой Советской Энциклопедии, она была перепечатана в Молдавии для болгар и сербов. «Грамматика» Смотрицкого надолго сохранила свое научное значение. Очевидно, авторам этой статьи не было известно, что Антим Ивериец напечатал «Грамматику» Смотрицкого в типографии Снаговского монастыря еще в 1697 году. В противном случае, они не стали бы особо отмечать, что в середине XVIII в. «она [«Грамматика» Смотрицкого] была перепечатана в Молдавии для болгар и славян» (см.: Большая Советская Энциклопедия, II издание, т. 39, с. 431). Ведь упомянутая книга уже была издана в Валахии за полвека до этого!

¹⁵³ Семенова Л. Е. Указ. соч., с. 110—111.

книгу для того, чтобы оказать помощь всем, кто старается изучить старославянский язык, «хорошо писать и разговаривать на этом языке. Мы были лишены всего этого из-за отсутствия грамматики». Далее он объясняет необходимость грамматики для изучения языка. По его словам, грамматика для письма и чтения — то же, что душа для тела и соль для пищи. «Как тело без души мертво, — писал Антим, — как солнце без лучей не светит и как еда неприятна без соли, так чтение и письмо [немыслимы] без грамматики»¹⁵⁴.

Судя по предисловию, Антим был достаточно компетентен, чтобы оценить уровень знания старославянского языка в тогдашней Валахии. Он замечает, что издание старославянской грамматики дает возможность правильно писать и разговаривать на старославянском языке. Следовательно, уровень знания этого языка в Валахии до появления грамматики Антим оценивал как неудовлетворительный. Такое суждение вряд ли могло принадлежать человеку, который сам изучал старославянский язык в Валахии.

Исходя из приведенной выше аргументации, мы полагаем, что Антим не мог изучить старославянский язык в Валахии. Но где же, если не в Валахии? Чтобы дать ответ на этот вопрос, в первую очередь необходимо назвать те места, где, предположительно, мог побывать Антим на протяжении своей жизни, до приезда в Валахию, и где старославянский язык был распространен. Разумеется, маловероятнее всего предположить, что Антим изучил старославянский язык в Грузии или в Константинополе, при дворе греческого патриарха. По нашему мнению, этим местом должна была быть Россия. Выдвигая такое предположение, мы имели в виду и другие данные.

Прежде всего Антим был тем политическим деятелем, действия которого во время русско-турецкой войны 1710—1713 гг. указывают на его прорусскую ориентацию¹⁵⁵. Кроме того, он был художником, который создал «необычайной красоты цветочные орнаменты», встречавшиеся в то время в работах русских мастеров. Хотя не исключено, что он ознакомился с русскими орнаментами за пределами России. Известно, что на книгопечатание, в частности на орнаментацию книг, в Валахии оказало влияние типографское мастерство Ивана Федорова¹⁵⁶.

Доводом в подтверждение нашего предположения может служить и то, что в предисловии к одной из книг Антим вос-

¹⁵⁴ Antim Ivireanul. Opere, p. 402—404.

¹⁵⁵ См. с. 33 наст. соч.

¹⁵⁶ Коляда Г. И. Из истории книгопечатных связей России, Украины и Румынии в XVI—XVIII вв. — У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 96.

хвалял Константина Брынковяну за учреждение старославянской школы в Бухаресте¹⁵⁷. И еще один довод. Как отмечено выше, существует сведение, согласно которому один из моментов жизненного пути Антима был связан с местами, расположенными «по ту сторону Азовского моря», т. е. с местами, которые лежали на пути из Грузии в Россию.

Если учитывать все эти сведения, то представляется весьма возможным, что Антим хорошо был знаком с русским народом, его культурой, и изучил он старославянский язык во время своего пребывания в России.

Но когда мог Антим пребывать в России и что могло послужить причиной того, что он оказался в этой стране? Для ответа на эти вопросы мы не располагаем никакими сведениями и можем выдвинуть лишь гипотезу.

Как известно, в XVII веке в грузино-русских отношениях просматривается избранный передовыми политическими деятелями Грузии внешнеполитический курс на сближение и союз с Россией, который отвечал интересам борьбы грузинского народа за независимость от шахского Ирана и султанской Турции. В 1619, 1624 и 1635 годах Москву посетили три посольства Грузии. Ответное посольство Волконского и Хватова (1637—1640 гг.) положило начало регулярному обмену посольствами между Грузией и Россией. В 1658 году грузинский царь Теймураз I посетил Москву и лично вел переговоры, домогаясь помощи. Россия стала убежищем для грузинских политических эмигрантов. Там они встречали не только радушный прием, но, приобщаясь к передовой русской культуре, по возвращении на родину способствовали процветанию грузинской культуры на национальной почве. Возникновение грузинской колонии в Москве (1652 г.), процесс образования которой охватил целое пятидесятилетие, явилось непосредственным результатом развития грузино-русских политических отношений¹⁵⁸. При таком стечении обстоятельств нет ничего невозможного в том, чтобы среди грузин, выехавших из Грузии в Россию, был и Антим Иверец.

Быть может, на жизненном пути Антима судьба столкнула его с грузинским царем Арчилом, который в 1682 году со своей многочисленной свитой отправился в Россию в поисках покровительства. Если это так, то не исключается возможность, что царь Арчил мог обратить внимание на своего молодого соотечественника — талантливого художника, гравера и каллиграфа. Ведь известно, что, помимо политических целей, Арчил ставит

¹⁵⁷ Antim Ivireanu. Opere, p. 402.

¹⁵⁸ Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в первой половине XVII века. Тбилиси, 1968, с. 202.

перед собой целый ряд задач, направленных на возрождение культуры в Грузии. Первоочередной его задачей было устройство грузинской типографии. В таком случае Арчил мог взять с собой в Россию Антима, как знатока искусств и человека весьма необходимого в деле организации типографии. Но это опять-таки лишь предположение, т. к. обращение к документальным материалам русско-грузинских контактов в конце XVII века не дало положительных результатов. Среди документов, хранящихся в ЦГАДА, в фонде «Сношения России с Грузией», имеются «росписи»¹⁵⁹, которые содержат перечень лиц (всего 162 человека), выезжавших в 1682 году вместе с царем Арчилом в Россию. Но не все люди названы там по фамилии или имени, есть и «безымянные»: «Боярин князь Бажен карталинской земли. У него служат два человека дворян, а семь человек людей»¹⁶⁰ и т. п. Имея в распоряжении данные такого характера, трудно сказать определенно, находился ли в числе этих «безымянных», сопровождавших царя лиц, Антим. Во всяком случае имени «Андрей» (мирское имя Антима Иверийца) в «росписях» нет.

Итак, жизнь и деятельность Антима Иверийца до его поселения в Валахии нам представляется следующим образом.

Антим (Андрей), грузин по происхождению, родился между 1650—1660 гг. Его родителей звали Марией и Иоанном. Хотя нет никаких свидетельств, указывающих на социальное происхождение Антима, можно предположить, что он вырос в такой среде, которая привила ему интерес к искусству. Своё знание и опыт зодчего Антим, в основном, приобрел еще в Грузии (разумеется, нельзя отрицать, что он испытал некоторое влияние византийского искусства). Он был похищен и продан на константинопольском невольничьем рынке уже сформировавшимся мастером, воспитанным на традициях грузинского искусства, а не в юном возрасте, когда он лишь начинал свою сознательную жизнь. Доказательством этого служит наличие элементов грузинской архитектуры в памятниках зодчества, построенных и реставрированных Антимом в Валахии в начале XVIII века, а также сравнительный анализ книг, изданных Антимом в Валахии, с книгами из типографии Вахтанга VI в Тбилиси. Надо полагать, что Антим был выкуплен из рабства иерусалимским патриархом Досифеем, который проявил интерес к молодому Антиму именно как к одаренному художнику, гравёру и калли-

¹⁵⁹ Роспись меретинского Арчила царя бояром и ближним и всяких чинов людям; Роспись великих государей жалованья корму и питью меретинскому Арчилу царю со всеми при нем будущими людьми. — Материалы по истории русско-грузинских отношений (80—90-е годы XVII века), I. Тбилиси, 1974, с. 163—168.

¹⁶⁰ Там же, с. 166.

графу, искусство которого могло быть полезным в печатном деле.

Мы не согласны с распространенным мнением о том, что Антим на протяжении почти четверти века, начиная с юных лет, находился при дворе иерусалимского патриарха и что только здесь происходило формирование его гражданского и духовного облика, т. к. неустанная деятельность Антима на посту валашского митрополита по «национализации церковной службы» в Валахии в корне противоречила интересам греческих иерархов. Разумеется, при дворе иерусалимского патриарха Антим мог приобщиться к греческой культуре и изучить греческий язык. Вместе с тем заслуживает внимания свидетельство, согласно которому Антим приобрел обширные познания в области классической литературы — греческой и римской — в Валахии, куда он прибыл по приглашению валашского господаря Константина Брынковяну. Надо полагать, что это приглашение, в основном, преследовало цель применить мастерство Антима для развития книгопечатания в Валашском княжестве.

ГЛАВА II

ГДЕ ИЗУЧИЛ АНТИМ ИВЕРИЕЦ КНИГОПЕЧАТНОЕ ДЕЛО?

Весьма спорным является вопрос, где изучил выдающийся типограф Антим печатное дело?

В румынской буржуазной историографии были высказаны на этот счет разные мнения. А. Миронеску, а вслед за ним и Н. Йорга предполагали, что Антим научился искусству книгопечатания у епископа Митрофана во время своего пребывания в городе Будзэу¹. Н. Добреску считал, что Антим овладел печатным делом в Бухарестской типографии².

Современные румынские историки, в частности Г. Штремпел, также полагают, что Антим изучил типографское дело в княжеской типографии³. Другого мнения придерживается Н. Шербенеску, который склонен считать, что Антим прибыл в Валахию уже сформировавшимся типографом. В 1956 году он выдвинул версию, согласно которой, Антим овладел искусством печатника «в какой-то типографии за пределами княжества»⁴. Позже, в 1966 году, Н. Шербенеску высказал мысль об изучении Антимом типографского дела на Западе, по всей вероятности в Венеции⁵.

В. Молин предполагает, что Антим мог приобщиться к печатному искусству в Тбилиси. Выдвигается, в частности, следующая версия: за 20 лет до открытия в Тбилиси первой грузинской типографии (1709 г.) царь Арчил заказал в Амстердаме «великому мастеру, граверу букв» Тотфалушу грузинский шрифт и типографское оборудование, которые затем якобы были привезены им в Тбилиси. «Если типография Арчила действовала в Тбилиси в 1684—1690 гг., — продолжает В. Молин, — вопрос решен: Антим, который, как полагают, прибыл к нам приблизи-

¹ Mironescu A. Op. cit., p. 66; Iorga N. Istoria literaturii românești. II. De la 1688 à la 1780, p. 465.

² Dobrescu N. Op. cit., p. 47.

³ Ştrempel G. Prefaţă.—Antim Ivireanul. Predici, p. 10; Idem. Prefaţă.—Antim Ivireanul. Opere, p. 417.

⁴ Şerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 694.

⁵ Idem. Mitropolitul Antim Ivireanul, p. 772.

тельно в 1691 году, мог бы изучить ремесло типографа, работая в Тбилиси со шрифтов и оборудованием, привезенным Арчилом из Амстердама»⁶. Здесь же следует отметить, что В. Молин, видимо, уверен в том, что в Тбилиси на самом деле функционировала типография, оборудование и шрифт которой были изготовлены Тотфалушем в Амстердаме, т. к., по его словам, деятельность Тотфалуша «связана с началом печатного дела в Грузии»⁷. И. Джорджеску также полагает, что Антим «приобрел славу искусного печатника»⁸ в Тбилиси.

Некоторые грузинские исследователи связывают начало печатной деятельности Антима с Константинополем. По мнению Г. Леонидзе, Ш. Курдгелашвили, Ф. Джинджихашвили, Т. Тивадзе в XVII веке в Константинополе были основаны патриаршие типографии, в которых печатались книги на греческом языке. Они считают, что Антим достиг мастерства печатника еще до приезда в Валахию, работая печатником в одной из этих типографий⁹. В книге Ш. Курдгелашвили — «Из истории грузинской типографии» имеется специальная глава «Где и у кого изучил Антим Ивернец типографское дело», в которой, конкретизируя эту версию, он приходит к следующему выводу: «Безусловно, именно здесь, в патриаршей типографии, основанной по инициативе патриарха Досифея, Антим Ивернец овладел типографским делом»¹⁰.

Таким образом, одна группа исследователей предполагает, что Антим изучил книгопечатное дело в Валахии; другие считают более правдоподобной версию о том, что он первоначально работал печатником за пределами Валахии, в частности в типографиях Константинополя, Тбилиси, даже Венеции.

Но соответствуют ли действительности эти версии? Чтобы попытаться дать ответ на поставленный нами вопрос, рассмотрим состояние типографского дела в названных странах и городах в интересующий нас период. В первую очередь остановимся на деятельности греческой типографии в Константинополе в XVII веке, точнее, до приезда Антима в Валахию, примерно в 1689—1690 гг.

Как сообщает Эладиус, современник валашского господаря Шербана Кантакузино (1679—1688 гг.), до 20-х годов XVII века в Константинополе не было типографии. Только в 1627 году

⁶ Molin V. Op. cit., p. 334.

⁷ Ibidem, p. 335.

⁸ Georgescu I. Antim Ivireanul și locul lui în cultura poporului român, p. 968.

⁹ Леонидзе Г. Антимоз Ивериели, с. 18; Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 33; Джинджихашвили Ф. Указ. соч., с. 103; Тивадзе Т. Письмо патриарха Досифея к грузинскому царю Арчилу, с. 250.

¹⁰ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 33.

по инициативе константинопольского патриарха Кирилла Лукариса в Англию отправился ученый монах Метакса, который в том же году привез из Лондона в Константинополь типографское оборудование и греческий шрифт. В Константинополе начала функционировать греческая типография, в которой были напечатаны труды греческих авторов и трактаты патриарха Лукариса, направленные против догм римско-католической церкви. Но книгопечатание в этой типографии вскоре прекратилось. Дело было в следующем. Издание Метаксой вышеназванных книг вызвало ярость иезуитов — верных слуг папской курии. Это и понятно, так как борьба между православной и римско-католической церквями, начавшаяся после раскола Всемирной христианской церкви 16 июня 1054 года, к тому времени приобрела большой размах. Иезуиты вначале старались привлечь Метаксу на свою сторону, когда же им это не удалось, они распространили слухи, что он является злейшим врагом турецких властей. Они даже задумали убить его. Посол Англии Томас Ро оказал покровительство Метаксе. Возмущенные иезуиты ополчились не только против Метаксы, но и против Лукариса. Они донесли Великому визирю, будто бы Лукарис в Англии напечатал книгу, направленную против магометанского учения и что он собирается издать эту книгу в типографии Метаксы. Иезуиты как-то сумели заполучить произведение Лукариса и исказили в нем места, касающиеся магометанства, чтобы вызвать недовольство турок. В таком искаженном виде книга была послана Великому визирю. Клевета иезуитов достигла цели. Метакса едва успел укрыться в резиденции английского посла Томаса Ро, а Кирилла Лукариса приютил голландский посол. Что же касается типографии, то она полностью была уничтожена. Вероятно, это произошло до 1633 года, так как именно в этом году греки обратились к только что вступившему на престол Молдавского княжества господарю Василию Лупу с просьбой основать греческую типографию в княжестве¹¹.

Хотя греческая типография в Константинополе, организованная Метаксой, функционировала недолго, сам факт ее существования опровергает сведения арабского ученого Ибрагима Абду относительно того, что в XV—XVII веках в Османской империи, в частности в Константинополе, типографии были только у представителей еврейского духовенства¹². Ошибочность точки зрения Ибрагима Абду Ш. Курдгелашвили усматривает в том, что Абду принял все неарабские типографии, основанные

¹¹ Хепорол А. *Op. cit.*, p. 248; Архангельский В. *Очерки истории греческой церкви со времен падения Константинополя*. М., 1885, с. 282.

¹² Абду И. *Указ. соч.*, с. 18.

до XVIII века в Османской империи, за еврейские. Как полагает Ш. Курдгелашвили, в указанный период в Константинополе, помимо типографии Метаксы, по инициативе представителей православной церкви были созданы патриаршие типографии, в которых книги печатались на греческом языке. «Для нас, — пишет Ш. Курдгелашвили, — особый интерес представляет то, что основателем одной из этих типографий был иерусалимский патриарх Досифей»¹³.

Ш. Курдгелашвили делает это заключение, ссылаясь на книгу «История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших», в которой сказано: «Патриарх Досифей, видя, что со времен Лукариса заведена была в Царьграде типография и печатались многие книги, поспешил сему полезному заведению ко благу своей паствы. Будучи в Яссах, не пощадил он и издержек для приобретения всего нужного для устройства типографии, под надзором одного валашского иеромонаха, по имени Митрофана, и, прежде всего, напечатал книгу патриарха Нектария против власти папской и творений Симеона Фессалоникского. Между тем, франки всячески старались оклеветать патриарха, дабы овладеть св. местами; они обвинили его перед правительством Порты, будто он печатает вредные для них книги, но благоразумный визирь не внял их клевете...»¹⁴

Ссылаясь на процитированный нами отрывок, Ш. Курдгелашвили в своем исследовании приводит полный его перевод на грузинский язык (в грузинском переводе исследователь пропустил лишь предложение «...прежде всего напечатал книгу патриарха Нектария против власти папской и творений Симеона Фессалоникского»). Однако, по нашему мнению, сведения, взятые Ш. Курдгелашвили из книги «История святого града Иерусалима», ни в коем случае не могут служить доказательством того, что патриарх Досифей основал типографию в Константинополе, а также не подкрепляют мнения Ш. Курдгелашвили относительно того, что в XVII веке, после разгрома турецкими властями типографии Метаксы, представители восточной православной церкви создавали греческие типографии в Константинополе. Хотя в «Истории святого града Иерусалима» действительно сказано, что для устройства типографии Досифей не остановился перед крупными расходами, но ни одна строка книги не указывает на Константинополь как на место ее создания.

Имеются ли в дореволюционной русской исторической литературе какие-нибудь иные сведения, прямо указывающие на конкретное место, где по инициативе патриарха Досифея на-

¹³ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 31.

¹⁴ История святого града Иерусалима от времени апостольских и до наших. Спб., 1844, ч. II, с. 342.

чала функционировать греческая типография? Да, такие сведения имеются. В «Сообщениях Императорского Православного Палестинского общества» указано: «...с целью дать возможность греческим писателям печатать свои ученые и литературные труды, патриарх Досифей основал в Яссах типографию. Враги знаменитого патриарха были очень встревожены открытием греческой типографии, распускали ложные слухи о ее назначении и добивались перед турецким правительством распоряжений о ее закрытии. Но их усилия оказались напрасными. В 1682 году патриарх Досифей с великой радостью издал первую книгу, напечатанную в Ясской типографии. Это был полемический труд против папства — труд бывшего иерусалимского патриарха Нектария»¹⁵ (разрядка наша. — О. Г.).

Как видим, приведенные нами отрывки из «Истории святого града Иерусалима...», а также из «Сообщений Императорского Православного Палестинского общества» касаются одного и того же вопроса. Они не противоречат, а дополняют друг друга. В первом из них сказано, что Досифей «...прежде всего напечатал книгу патриарха Нектария против власти папской и творений Симеона Фассалоникского»¹⁶; во втором не только подтверждается факт издания Досифеем книги патриарха Нектария, но и конкретно указывается, что она была напечатана в 1682 году в Ясской типографии.

В связи с этим считаем необходимым вспомнить историю возникновения первой Ясской типографии, основы которой были заложены под влиянием и при помощи Киева и Москвы. Современные историки посвятили этому вопросу много сочинений¹⁷. В частности, Н. А. Мохов отмечает, что документы об организации первой Ясской типографии сохранились от 1637 г. Первая книга в этой типографии вышла в 1643 г. Начавшиеся в 1653 г. политические неурядицы в стране привели к ликвидации типографии. Ее возрождение связано с именем митрополита Досифея (1624—1693 гг.), крупнейшего политического деятеля Молдавии XVII века.

¹⁵ Сообщения Императорского Православного Палестинского общества, т. XIX, 1908, с. 23.

¹⁶ История святого града Иерусалима, с. 342.

¹⁷ Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961, с. 175—180; его же. Новые данные об организации первой типографии в Молдавии. — Ученые записки Института истории Молдавского филиала АН СССР, 1959, т. I (10); Копаниця Л. М. Російсько-українсько-молдавські культурні взаємини XVII ст. — Вісн. Київського ун-ту. Філологія, 1977, вып. 12, с. 39—43.

В 1679 году Досифей обратился к московскому патриарху Иоакиму со специальным посланием, в котором писал: «... ли нам типографию и напечааем для себя книги»¹⁸. «Просьба Досифея была выполнена. Из Москвы было послано все необходимое для типографии — оборудование и бумага. В 1681 г. была издана первая книга — «Молитвенник»¹⁹.

Стало быть, возрождение Ясской типографии в начале 80-х годов XVII века связано не с именем иерусалимского патриарха Досифея, а с именем митрополита Досифея, видного деятеля Молдавского княжества. Следовательно, в «Сообщениях Императорского Православного Палестинского общества» допущена явная неточность. Но в данном случае нас интересует не только история возрождения Ясской типографии, но и вопрос о том, являлся ли в самом деле иерусалимский патриарх Досифей тем лицом, которому «удалось осуществить свою мечту и основать греческую типографию» если не в Яссах, то в другом каком-либо месте? Обращение к современной французской и румынской исторической литературе дало положительный ответ. Из нее явствует, что приблизительно в то время, когда митрополит Досифей возродил типографию в Яссах, иерусалимский патриарх Досифей основал греческую типографию не в Яссах, а при монастыре Четэуий, который находился около Ясс. Ученый-исследователь Эмиль Турдеану считает не простой случайностью тот факт, что патриарх Досифей (1641—1703 гг.) создал греческую типографию именно при монастыре Четэуий около Ясс. По мнению французского ученого, интересы ортодоксальной церкви создавали предпосылки для основания греческой типографии в России. Со своей стороны Франция изъявила желание способствовать делу печатания ортодоксальных литургических книг на греческом языке. Но патриарх Досифей категорически отверг это предложение, утверждая, что греческая типография должна быть создана в ортодоксальной стране, способной наладить культурные и религиозные связи с другими государствами²⁰.

Современный румынский ученый Д. Симонеску в своем исследовании, посвященном изучению деятельности очагов распространения греческой книги в Дунайских княжествах в 1642—1830 гг., указывает на обстоятельства, по причине которых в

¹⁸ Мохов Н. А. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей, с. 178.

¹⁹ Там же, с. 178—179.

²⁰ Turdeanu E. Le livre grec en Russie: l'apport des presses de Moldavie et de Valachie (1682 — 1725). — *Revue des études slaves*, XXVI (1950), p. 69—87; Idem. Les controverses des Iansenites et la création de l'imprimerie grecque en Moldavie. — *Mélanges... offerts à Marie Roques*, III. Paris, 1952, p. 281—302.

Москве не была организована типография. В то время в России шла острая борьба между сторонниками патриарха Никона и старообрядческими схизматиками протопопа Аввакума. Поэтому, полагает Д. Симонеску, выбор пал на Дунайские княжества; иерусалимский патриарх Досифей в 1682 г. организовал греческую типографию при монастыре Четэуийя около Ясс²¹.

Свидетельства того, что указанная типография сыграла большую роль в распространении греческой книги в Дунайских княжествах, имеются в разных исследованиях и публикациях²².

Исходя из сказанного, можно заключить, что в Яссах и около Ясс, почти в одно и то же время, существовали и функционировали две типографии. Свидетельства, подкрепляющие это положение, имеются и в обобщающем труде — «История Румынии», в котором отмечается, что типографская деятельность в Молдавском княжестве, прерванная в 50-х годах XVII века, возобновилась в 1679 г., когда были получены печатные станки, подаренные московским патриархом Иоакимом. В 1682 году в Яссах же, — говорится далее в «Истории Румынии», — начала работать греческая типография при монастыре Четэуийя. Эти две типографии продолжали распространять печатное слово, вероятно, с некоторыми перерывами до конца века²³. Из лиц, работавших в типографии при монастыре Четэуийя около Ясс известен «иеромонах Митрофан, будущий епископ Хушь и Бузэу»²⁴.

Таким образом, типография, созданная иерусалимским патриархом Досифеем, находилась при монастыре Четэуийя около Ясс, а не в Константинополе, как это полагают наши ученые — Г. Леонидзе, Ш. Курдгелашвили, Ф. Джинджихашвили, Т. Тивадзе.

Считаем необходимым еще раз заострить внимание на исследовании Т. Тивадзе, в котором автор, ссылаясь на письмо иерусалимского патриарха Досифея к грузинскому царю Арчилу, высказывает мысль о том, что в 1682 году в Константинополе начала функционировать греческая типография, созданная патриархом Досифеем. В этом письме патриарх сообщал грузинскому царю: «...печать иверской почели есми заводит зде,

²¹ Simonescu D. Le livre grec imprimé en Roumanie (1642—1830). — L'époque phanariote, Symposium, 21—22 oct., 1970. Thessaloniki, 1974, p. 127—128.

²² Balcania, VI (1943), p. 357—365; VII (1944) p. 447—464; Byzantion, XXI (1951), p. 519—521.

²³ Istoria României, III. Buc., 1964, p. 265.

²⁴ Ştrempelel G. Prefaşa.—Antim Ivireanul. Opere, p. 415.

да печатаются книги иверские яко и эллинская печать **соев-**
шили есми зде»²⁵.

Но, во-первых, это письмо переведено с греческого языка на русский (оригинал пока не обнаружен) и, как отмечает сама Т. Тивадзе, в тексте, по вине тогдашнего переводчика, некоторые слова искажены. Во-вторых, Т. Тивадзе считает, что так как письмо Досифея к Арчилу было составлено в Константинополе, то слово «зде», употребленное в нем, и должно означать Константинополь.

На первый взгляд такой вывод кажется вполне естественным. Однако, учитывая историю печатного дела в Константинополе, можно с уверенностью сказать, что под словом «зде» (если только и в этом случае смысл не искажен) патриарх Досифей подразумевает не в узком смысле этого слова лишь город Константинополь как место основания греческой типографии, а в широком смысле — Константинопольскую или Иерусалимскую патриархию.

В подтверждение такого предположения следует вспомнить, что именно в 1682 году, когда в Константинополе якобы функционировала греческая типография, патриарх Досифей создал типографию при монастыре Четэцуйя около Ясс, в которой в том же году была напечатана книга на греческом языке. Исключено, чтобы в условиях того времени на протяжении столь короткого срока (примерно в течение одного года) один и тот же человек мог основать две типографии в разных местах. Ведь хорошо известно, что развитие всего печатного дела в Валахии того периода было связано с именем Антима Иверийца, который превратил страну в один из центров книгопечатания, «снабжавших книгами христиан Востока». В разное время и в различных местах Валахии Антим основал четыре типографии. Однако для их устройства понадобилось почти четверть века. К тому же типографское оборудование перевозилось из города в город. Так Антим организовал типографию в Снагове, затем в Рымнике и т. д.

Сошлемся на другие доказательства. Известно, что первая книга, изданная патриархом Досифеем в типографии при монастыре Четэцуйя около Ясс, была направлена против догм римско-католической церкви. Но факт издания этой книги в данном случае интересует нас не только как один из моментов борьбы между православной и римско-католической церквями. Интересно выяснить, что побудило патриарха греческой православной церкви избрать для защиты своих интересов не сам Константинополь, а отдаленные от него места, расположенные

²⁵ Тивадзе Т. Письмо патриарха Досифея к грузинскому царю Арчилу, с. 252.

около Ясс. Дело в следующем. В конце XVII века и в начале XVIII века православные греки, находившиеся под владичеством османов, не имели ни необходимых средств, ни возможности, ни разрешения властей на печатание книг. В этот период иерархи и ученые богословы восточной церкви приезжали в Молдавское княжество и Валахию для того, чтобы печатать греческие книги в защиту православной веры от влияния католицизма. В этой деятельности им оказывали содействие господа Дунайских княжеств²⁶.

По имеющимся в исторической литературе свидетельствам, после разгрома типографии Метаксы в Константинополе греческие книги, направленные против догм римско-католической церкви²⁷, издавались в ряде мест. В 1682 году патриарх Досифей напечатал в типографии при монастыре Четэулуй около Ясс книгу Нектария против римско-католических догм.

В Бухарестской типографии в 1690 году были изданы книги Мелетия Сиригула под заглавием «Встречный ответ католическим принципам...» и Максима Пелопонесского — «Учебник против раскола, учиненного католиками». С целью борьбы с католической и кальвинистской пропагандой в типографии Бузэу в 1691 году была напечатана книга «Православное признание», которая была переиздана в 1699 году. В Ясской типографии в 1692 году была напечатана «Книга примирения», содержащая труды некоторых богословов восточной церкви; в последующие годы здесь вышли в свет книги: «Учебник против Иоанна Кариофила»²⁸, «Слово против преступного и лживого соглашения, составленного во Флоренции», «Том против латинян»²⁹.

Итак, основные центры книгопечатания на греческом языке в конце XVII века находились в Дунайских княжествах. Нет

²⁶ R ă m u r e a n u I. Atmosfera de aparare a Ortodoxiei din T ă r i l e R o m ă n e în care s-a dezvoltat spiritul mitropolitului Antim Ivireanul.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, Nr 8—9, p. 832, 834.

²⁷ Мы заострили внимание на произведениях полемического характера, изданных на греческом языке потому, что при создавшемся положении представители православной церкви, естественно, постарались, в первую очередь, печатать книги, направленные против римско-католической церкви.

²⁸ Иоанн-Матфей Кариофил (1586—1669), грек-униат, видный церковный деятель, проживал в Риме, автор теологических сочинений. На него были возложены обязанности переводчика при груз. после Никифоре Ирбахе. (См: Ватейшвили Д. Л. Предтеча грузинской печатной летописи. — В кн: Чикобава А. С. и Ватейшвили Д. Л. Первые грузинские печатные издания. Тбилиси, 1983, с. 83—84). См. о Кариофиле ниже в данной нашей книге, гл. III и VI, а также прим. 46 к главе VI.

²⁹ L e g r a n d E. Bibliographie hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs au dix-septième siècle, t. III. Paris, 1894, p. 28—37.

данных о существовании в это время в Константинополе греческих типографий. Это позволяет утверждать, что после разгрома типографии, привезенной монахом Метаксой из Англии в Константинополь в 1627 году, на протяжении почти 90 лет в Константинополе не функционировала ни одна греческая типография (свою собственную типографию имели только представители иудейского духовенства). Лишь в 1712 году, когда Антимом было основано в Валахии несколько типографий и его имя как выдающегося типографа уже хорошо было известно за пределами княжества, он обещал иерусалимскому патриарху Хрисанфу³⁰ оказать помощь в устройстве греческой типографии в Константинополе³¹. «Для этого города, — пишет про Константинополь румынский исследователь Н. Шербэнеску, — из которого, возможно, был привезен к нам Антим Ивернец — мастер на все руки, он готов был сделать все, для того чтобы там была основана типография»³².

На отсутствие в рассматриваемое время в Константинополе греческой типографии указывает и тот факт, что «История иерусалимской патриархии», составленная Досифеем, была напечатана не в Константинополе или Иерусалиме, а в Бухаресте в 1715 году³³.

Следовательно, Антим не мог овладеть искусством печатника в Константинополе по той простой причине, что приблизительно с 1633 года (когда Антима еще не было на свете) по 1712 год (когда Антим был уже известным печатником) в Константинополе не было ни одной греческой типографии³⁴.

³⁰ Патриарх Досифей скончался в 1707 году, после чего Иерусалимским патриархом был избран Хрисанф.

³¹ Documente, vol. XIV, par. III, p. 105—107, 112, 115.

³² Ş e r b ă n e s c u N. Antim Ivireanul tipograf, p. 698.

³³ Bibliografia românească veche, p. 501—508.

³⁴ Как выясняется, сведения Ибрагима Абду о типографиях, существовавших в тогдашней Турции, оказались не такими уж «неполными и неточными», как считает Ш. Курдгелашвили. Напротив, все выявленные данные полностью исключают возможность существования греческих типографий в Константинополе и, в основном, говорят в пользу высказанного Ибрагимом Абду соображения, что в XV—XVII вв. в Турции, в частности в Константинополе, типографии принадлежали только представители иудейского духовенства (разумеется, исключение составляет греческая типография, основанная в 1627 г. в Константинополе монахом Метаксой). В таком случае полностью исключается возможность каких-либо контактов между Антимом и представителями иудейской типографии. Сам Ш. Курдгелашвили отмечает, что еврейское духовенство ни в коем случае не допустило бы в свои типографии православного митрополита Антима.

Как уже отмечалось, румынские исследователи В. Молин и И. Джорджеску высказали предположение, что Антим приобщился к печатному искусству в Тбилиси. Чтобы подтвердить эту версию, В. Молин обращается к истории установления первых контактов между грузинским царем Арчилом и «гравером матриц из Амстердама» — Тотфалушем, с целью создания грузинской типографии. При этом В. Молин приводит цитату из книги самого Тотфалуша «Во имя своего спасения», в которой амстердамский мастер пишет о том, что царь Арчил прислал ему образцы грузинского алфавита, а он, со своей стороны, «не одоблив их форму, изготовил другие буквы»³⁵.

Разумеется, не вызывает сомнения, что мастер Тотфалуш изготовил грузинский шрифт по заказу царя Арчила, который находился в Москве в 1686—1687 гг.³⁶ Но, вместе с тем, В. Молин не исключает возможности, что этим шрифтом пользовался не только царь Арчил, но и его преемники, вплоть до Вахтанга VI. В частности, В. Молин утверждает, что первый грузинский шрифт был переслан Тотфалушем царю Арчилу в Тбилиси, «как это явствует, — пишет ученый, — из благодарственного письма царя Арчила мэру Амстердама»³⁷.

Однако первый грузинский шрифт был изготовлен не в указанное В. Молиным время и не в Амстердаме. Изготовление первого грузинского шрифта опережает указанное В. Молиным время на целых 57 лет. Этим шрифтом, изготовленным римскими печатниками, под руководством посла царя Теймураза I, известного грузинского церковного и общественного деятеля Никифора Ирбаха (Николай Оманович Ирубакидзе-Чолакашвили), в 1629 году в типографии Конгрегации Пропанды Веры («Пропанда фиде») были опубликованы первопечатные грузинские книги — «Иберийский, или грузинский, алфавит с молитвенником» и «Грузинский и итальянский словарь»³⁸.

Нет никаких доказательств того, что грузинский шрифт, изготовленный Тотфалушем, был переслан в Тбилиси. В. Молин опирается на письмо царя Арчила, адресованное известному ориенталисту, мэру Амстердама Н. Витсену³⁹. При этом В. Молин не раскрывает содержания этого письма. Письмо царя Арчила Н. Витсену представляет для нас значительный интерес.

³⁵ Molin V. Op. cit., p. 330—331.

³⁶ Вопросам, связанным с созданием царем Арчилом грузинской типографии, мы посвящаем в нашем сочинении отдельную главу.

³⁷ Molin V. Op. cit., p. 330.

³⁸ См: Чикобава А. С. и Ватейшвили Д. Л. Первые грузинские печатные издания. Тбилиси, 1983.

³⁹ С помощью Н. Витсена и шведского ученого И. Шпарвенфельда царю Арчилу удалось установить контакты с Тотфалушем.

поэтому остановимся подробнее на его содержании. «Нам стало известно..., — писал Арчил 17 декабря 1686 года, — что Вы позаботились о нас и оказываете содействие в деле изготовления грузинского шрифта. Мы весьма возрадовались по этому поводу и остались Вам благодарны. Именно поэтому мы пожела-ли написать Вам благодарственное письмо, выражающее нашу любовь к вам. Мы очень вам признательны, да вознаградит вас Бог. Зная доброту Вашу, надеемся, что Вы не будете медлить, ибо не пристало задерживать божье дело. Да снизойдет на вас милость божья»⁴⁰.

Таково содержание письма, посланного царем Арчилом Николаю Витсену. Как видно из письма, Н. Витсен оказывал содействие в изготовлении грузинского шрифта в Амстердаме, и царь Арчил благодарил его за это. Но в письме ни слова не сказано о том, что этот шрифт был переслан из Амстердама в Тбилиси.

Цитата, взятая В. Молиным из книги Тотфалуша «Во имя своего спасения», также не может служить доказательством того, что грузинский шрифт был переслан в Тбилиси, т. к. из слов Тотфалуша выясняется лишь то, что он изготовил грузинский шрифт, заказанный грузинами.

Но мы не считаем главным аргументом, опровергающим точку зрения В. Молина, тот факт, что ни в письме царя Арчила к Н. Витсену, ни в книге Тотфалуша «Во имя своего спасения» не сказано о том, что шрифт был переслан в Тбилиси.

Как уже было сказано, В. Молин предполагает, что литеры и типографское оборудование были получены Арчилом из Амстердама в Москве, а затем перевезены им в Тбилиси. Но имеются сведения, указывающие на то, что изготовленный Тотфалушем в Амстердаме грузинский шрифт не дошел и до Москвы, не говоря уже о Тбилиси. Этот шрифт в конце концов оказался в Стокгольме. О том, каким путем и каким образом это произошло, мы узнаем из исследования Г. Биоркбома⁴¹. «Итак,— пишет Г. Биоркбом, — шрифт был готов уже в 1687 году, но его не удалось сразу переслать, так как возникли затруднения,

⁴⁰ Факсимиле письма Арчила было опубликовано в книге Н. Витсена «Северо-Восточная Тартария» (Амстердам, 1785). — Труды Государственной публичной библиотеки СССР. Тбилиси, 1937, с. 27.

⁴¹ Статья библиотекаря Королевской библиотеки в Стокгольме Г. Биоркбома — «Генрих III Кайзер и грузинский шрифт» — была переслана автором в Тбилиси в 1935 году. Перевела статью на грузинский язык Ф. Хундадзе, а опубликовала Хр. Шарашидзе (См.: Труды Государственной публичной библиотеки СССР. Тбилиси, 1937, с. 22—26).

связанные с вознаграждением. Именно в этом году (1687.—О. Г.) Шпарвенфельд⁴² оставил Россию, а в 1688 году Арчил вернулся на родину⁴³. Поэтому совершенно ясно, по какой причине шрифт был переслан в Стокгольм, а не в Россию»⁴⁴.

Прослеживая дальнейшую судьбу шрифта, Г. Биоркбом отмечает, что Шпарвенфельд в Швеции установил связь с сыном царя Арчила Александром⁴⁵. Из исследования Г. Биоркбома мы узнаем также, что царевич Александр в 1703 году представил шведскому правительству оттиски грузинского шрифта, чтобы получить разрешение на его отправку в Москву⁴⁶ (после своего отъезда из Москвы в Грузию в 1687 году царь Арчил в 1699 году вновь возвращается в Москву и обосновывается там навсегда). «Приведенные мною выписки из документов, — пишет Г. Биоркбом, — объясняют причины пребывания оттисков грузинского шрифта в Швеции. Где затерялись оригиналы этих оттисков, мы не можем сказать. Наверное, они исчезли позднее, т. к. после смерти принца (царевича Александра. — О. Г.) они больше никого не интересовали...»⁴⁷.

О том, что отлитый Тотфалушем шрифт бесследно пропал после того, как его переслали в Стокгольм, свидетельствует следующее обстоятельство. Известно, что царь Арчил после возвращения в Москву в 1699 году продолжил хлопоты по приобретению шрифта и в конце концов напечатал в 1705 году в Московской синодальной типографии грузинскую книгу «Псалтырь». Хр. Шарашидзе провела весьма интересное исследование с целью установить связь между «стокгольмским» грузинским шрифтом, оттиски которого царевич Александр представил шведскому правительству, и шрифтом, которым в Москве была напечатана «Псалтырь». Сопоставление показало, что «Псалтырь» напечатана не амстердамским шрифтом⁴⁸.

Тот факт, что царь Арчил не воспользовался шрифтом, изготовленным Тотфалушем, для издания «Псалтыри», можно объяснить следующим образом. Как только царь Арчил окончательно поселился в Москве, он установил связь с находившимся в шведском плену своим сыном Александром, с целью по-

⁴² В 1686 году царь Арчил установил связь со шведским ученым И. Шпарвенфельдом, который жил тогда в Москве, и с его помощью предпринял первые практические шаги по устройству грузинской типографии.

⁴³ Арчил вернулся в Грузию в 1687 году.

⁴⁴ Биоркбом Г. Генрих III Кайзер и грузинский шрифт, с. 23.

⁴⁵ Ближайший соратник Петра I и первый генерал-фельдцейхмейстер русской армии. В 1700 году во время битвы при Нарве попал в плен к шведам.

⁴⁶ Биоркбом. Г. Генрих III и грузинский шрифт.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Шарашидзе Хр. Грузинский шрифт в Амстердаме. — Труды Государственной публичной библиотеки ГССР. Тбилиси, 1957, с. 30.

лучить изготовленный Тотфалушем в 1686—1687 гг. грузинский шрифт. Это понятно, ибо в тогдашней Москве, по всей вероятности, должны были быть весьма ограниченные возможности для изготовления грузинского шрифта. В то же время заказ шрифта за границей и доставка его в Москву во время войн, которые велись Московским государством, представляли довольно трудную проблему. Поэтому Арчил постарался в 1687 году получить амстердамский шрифт из Стокгольма. Он начал переписываться с царевичем Александром относительно пересылки шрифта, одновременно предприняв шаги для изготовления новых литер. «И в то время, когда Александр только хлопотал о соответствующем разрешении на пересылку шрифта Тотфалуша [с 29 октября до 9 декабря 1703 г.], Арчил уже имел другой шрифт, которым и была напечатана «Псалтырь»⁴⁹.

Как мы убедились, шрифт, который царь Арчил заказал Тотфалушу, не покидал пределов Швеции. Значит, предположение В. Молина относительно того, что изготовленный в Амстердаме шрифт был передан Арчилу в Москву, как и его утверждение, что «деятельность Тотфалуша связана с началом печатного дела в Грузии», лишены всякого основания⁵⁰.

Нужно отметить, что еще до В. Молина в исторической литературе высказывались предположения о существовании в Тбилиси грузинской типографии до того, как Михай Иштванович напечатал в Грузии первую книгу в 1709 году. Например, известный исследователь XIX века Фр. Фаульманн в изданном им в Вене фундаментальном труде «Иллюстрированная история искусства книгопечатания» писал, что в 1701 году в Тбилиси, на грузинском языке была напечатана книга «Псалтырь»⁵¹. Мы не знаем, на какой источник опирался Фр. Фаульманн, так как в данном случае он довольствуется лишь категорическим заявлением, не ссылаясь на какой-либо документ. Ясно, что здесь допущена ошибка, тем более, что Фр. Фаульманн проявляет неточность при рассмотрении другого вопроса, касающегося

⁴⁹ Шарашидзе Хр. Грузинский шрифт в Амстердаме. — Труды Государственной публичной библиотеки СССР. Тбилиси, 1957, с. 31.

⁵⁰ Следовательно, неправильно утверждение Ш. Квасхвадзе: «Как известно, в типографии Арчила книга «Псалтырь» была впервые напечатана в 1705 году шрифтом, отлитым в Амстердаме» (см. его. Указ. соч., с. 227).

Нельзя согласиться и с мнением В. Гоголадзе, что «сразу же по приезде в Москву, он (Арчил. — О. Г.) позаботился о пересылке грузинского шрифта из Амстердама, что удалось осуществить только в 1705 году. В этом же 1705 году Арчил сумел в московской типографии напечатать грузинскую книгу «Псалтырь». (См.: Гоголадзе В. Из истории печатания грузинской книги. Тбилиси, 1963, с. 12, на груз. яз.).

⁵¹ Faulmann Fr. Illustrierte Geschichte des Buchdruckerkunst. Wien, 1888, S. 293.

шрифта, который царь Арчил заказал Тотфалушу. Фр. Фаульманн пишет: «Тотфалуш отлил эти буквы в Клуже»⁵², тогда как установлено, что буквы были отлиты не в Клуже, а в Амстердаме.

Вслед за Фр. Фаульманном румынский исследователь Д. Ионеску в 1906 году доказывал существование книгопечатания в Грузии еще в XVII веке⁵³. Так же как и Фр. Фаульманн, Д. Ионеску не ссылается на источники.

Аналогичное мнение высказывает и современный румынский ученый И. Джоржеску. Он отмечает, что, завоевав в Тбилиси славу искусного печатника, Антим Ивериец отправился в Константинополь по просьбе вселенской патриархии, которая намеревалась организовать типографию⁵⁴.

Некоторые грузинские исследователи также придерживаются того мнения, что в Грузии еще до 1703 года существовала база для книгопечатания. Так, по мнению Д. Каричашвили, к этому времени в Грузии «была сделана попытка печатать книги, и даже были изданы маленькие книжки и отдельные листы на простейших печатных устройствах»⁵⁵. По словам Д. Каричашвили, на эту мысль его навело свидетельство Ф. Плоена, согласно которому царь Арчил в 1703 году обратился к Ф. Головину с просьбой походатайствовать перед государем о напечатании в царской типографии нескольких церковных книг на грузинском языке, т. к. в Грузии «печатание ограничено за недостатком литер и людей» (разрядка наша. — О. Г.)⁵⁶.

Чтобы выяснить правомерность такого мнения, обратимся к подлиннику письма Арчила к начальнику Посольского приказа Ф. Головину от 2 июня 1703 года. Вот полное содержание письма: «При сем Вашей милости доношу прошение мое: прошедших лет повелел ся нам от высочайшия державы печатать книги на нашем языке, ради церковныя и гражданския пользы нашему иверскому народу, а наипача в тиранстве под турком и

⁵² Faulmann Fr. Op. cit., S. 293.

⁵³ Călăusa tipografului. Buc., 1906, p. 71.

⁵⁴ Georgescu I. Antim Ivireanul și locul lui in cultura poporului român, p. 968.

⁵⁵ Каричашвили Д. Указ. соч., с. 44.

⁵⁶ Свидетельство Ф. Плоена изложено в «Историческом обзоре дипломатических сношений между российскими государями и грузинскими царями и владетелями», составленном Ф. Плоеном на французском языке. Обзор был переведен на русский язык и приложен к сборнику документов, изданному М. Броссе, — «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями, от 1639 г. по 1770-й». (Спб., 1861, с. XXV).

персом сущим, как зело великую скудность книг церковных имеют. И тогда начатое дело недостатком литер и людей к делу приличных, остановилось. А ныне, за Божиею помощью, литеры нашего диалекта поистерлись изрядно и художники к делу обретаются искусные. Прошу нашу любовь донести Державнейшему, дабы повелел в своей царской типографии на нашем языке несколько книг церковных напечатать и своим богатодарным иждивением недостатку нашему помощи ради вечной славы Его благочестивому царству и христианския общия пользы, прошу усердно»⁵⁷.

Из письма видно, что царь Арчил придавал большое значение печатанию книг на грузинском языке «для пользы иверского народа». Выясняется также, что «печатное дело недостатком литер и людей» было приостановлено. Именно на основании этих слов Ф. Плоен, упоминая о просьбе Арчила к Ф. Головину, замечал: «В Грузии же печатание ограничено за недостатком литер и людей». Однако содержание письма Арчила вовсе не свидетельствует о печатании в это время грузинских книг в самой Грузии. В письме не сказано, что в Грузии в то время зарождалось печатное дело. Упомянутые слова Арчила, «и тогда начатое дело (печатное. — О. Г.) недостатком литер и людей, к делу приличных, остановилось», свидетельствуют лишь о тех практических шагах, которые были предприняты грузинским царем в 1686—1687 гг. для изготовления в Амстердаме грузинского шрифта с целью издания грузинских книг.

Прямые свидетельства об отсутствии в Грузии до 1709 года книгопечатания содержат первые грузинские издания. Николай Орбелиани, редактор первой грузинской книги — «Евангелия», напечатанной в Тбилиси в 1709 году, отмечал: «Когда в Грузии правил племянник благочестивого царя Арчила и знаменитого царя Георгия, сын добродетельного Левана, просвещенный Вахтанг, усердствуя, получил из Валахии типографию, которой никогда не было в Грузии»⁵⁸ (разрядка наша. — О. Г.). Та же мысль приводится и в предисловии к «Требнику», изданному под редакцией Квириканэ Самтавели в Тбилиси в 1713 г.: «В свое время Вахтанг, усердствуя, привез из Валахии печатника Михаила, который устроил типографию. В Грузии еще никогда не было типографии (разрядка наша. — О. Г.) и рукою переписчиков извращались писания Божии»⁵⁹.

⁵⁷ ЦГАДА. Фонды сношения России с Грузией, 1703, д. 2, л. 10.

⁵⁸ Евангелие. Тб., 1709. Тот факт, что до 1709 года в Грузии не было напечатано ни одной книги, повторно отмечает Н. Орбелиани в «Молитвеннике», изданном в Тбилиси в 1709 году.

⁵⁹ Требник. Тб., 1713.

Сам Михай Иштванович, с чьим именем связано издание первой грузинской книги в Грузии, в 1709 году писал: «Подобно тому, как я никогда раньше не видел Грузии, так и мои ученики (грузинские печатники, обученные Михаем Иштвановичем. — О. Г.) не видели типографии»⁶⁰.

Итак, совершенно очевидно, что до 1709 года в Грузии не было типографии. Поэтому Антим Ивериец не мог здесь обучиться ремеслу печатника.

Мы также не можем согласиться с выдвинутым Н. Шербэнеску предположением, что Антим сформировался как типограф в Венеции⁶¹. Если бы это было так, то итальянец Дель Кьяро, вряд ли упустил бы случай упомянуть о пребывании знаменитого типографа, митрополита Валахии в Италии. «Дель Кьяро, — писал Г. Штремпел, — сообщивший немало подробностей из жизни Антима, ни в коем случае не умолчал бы о его пребывании в Италии»⁶².

По нашему мнению, не соответствует действительности и версия о том, что Антим овладел искусством печатника у епископа Митрофана во время своего пребывания в городе Бузэу, так как Митрофан прибыл в Бузэу в июне 1691 года, когда Антим уже работал в Бухарестской типографии над своей первой книгой, вышедшей в октябре того же года⁶³. Может быть, Антим приобщился к печатному делу в Бухарестской типографии? Но нам кажется правдоподобнее та версия Н. Шербэнеску⁶⁴, согласно которой Антим до прибытия в Валахию начал работать в какой-то типографии за пределами княжества⁶⁵. При этом мы также учитываем мнение некоторых ученых, которые полагают, что Антим прибыл по приглашению господаря Константина Брынковяну. Если это так, то трудно предположить, чтобы Константин Брынковяну, наметивший обширные планы улучшения печатного дела в Валахии, привлек для этой миссии человека, малознакомого с типографским искусством.

Таким образом, на наш взгляд, ни Константинополь, ни Тбилиси, ни Венеция, ни Валахия не могут быть признаны местом, где Антим Ивериец мог овладеть печатным делом.

Из-за отсутствия прямых достоверных свидетельств⁶⁶ вопрос

⁶⁰ Евангелие. Тб., 1709.

⁶¹ Șerbănescu N. Mitropolitul Antim Ivireanul. p. 772.

⁶² Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere. p. 417.

⁶³ Condița stintă, I, 65—67; Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 694.

⁶⁴ Как отмечалось, Н. Шербэнеску выдвигает и другую версию, согласно которой Антим изучил типографское дело в Венеции.

⁶⁵ Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 694.

⁶⁶ Несмотря на огромное усердие ученых, пока что имеется мало надежд на то, что в будущем станет доступным какой-нибудь новый документ, про-

о начале типографской деятельности Антима Иверийца остается открытым. Ряд косвенных данных, в том числе рассматриваемые нами в новом свете факты жизни и деятельности Антима от его рождения до прибытия в Валахию, а также история развития печатного дела в тех странах, по которым, по всей вероятности, проходил жизненный путь Антима, наводит на мысль о том, что «большому и сложному делу» типографии Антим мог обучиться в монастыре Четэуция около Ясс. Не претендуя на беспорность этого вывода, мы считаем необходимым суммировать наиболее надежные версии и некоторые факты, имеющие, по нашему мнению, непосредственное отношение к этому вопросу.

Но каковы эти факты? В начале 80-х годов XVII столетия иерусалимский патриарх Досифей прилагал большие усилия для создания греческой типографии. В 1682 году ему удалось организовать типографию при монастыре Четэуция около Ясс. Это событие совпадает приблизительно с теми годами, когда патриарх Досифей выкупил из рабства молодого Антима как одаренного художника, гравера, каллиграфа, искусство которого могло быть полезным в печатном деле. В дальнейшем он рекомендовал господарю Константину Брыквяну Антима в качестве мастера-печатника. Следовательно, гипотеза о том, что Антим сделал свои первые шаги как печатник в типографии при монастыре Четэуция около Ясс, не должна быть лишь плодом фантазии. Возможна и другая гипотеза. Если Антим в самом деле побывал в России вместе с царем Арчилом, который, будучи в Москве, в начале 80-х годов XVII столетия занимался вопросами организации грузинской типографии, в таком случае нет ничего невозможного в том, что Антим мог овладеть мастерством печатника именно в Москве. Но это пока лишь предположение.

ливающий свет на жизнь и деятельность Антима. В истории мировой культуры было немало случаев, когда бесследно исчезали не только кое-какие сведения о жизненном и творческом пути отдельных выдающихся личностей, но по тем или иным причинам уничтожались рукописи.

ГЛАВА III

ТИПОГРАФСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИМА ИВЕРИЙЦА В ВАЛАХИИ

Пребывание Антима в Валахии относится к концу XVII — началу XVIII в., периоду усиления зависимости этого княжества от Османской империи. Политический режим, установленный завоевателями в Дунайских княжествах, не был всегда одинаковым. Политические формы османского господства фактически зависели от места, занимаемого Валахией и Молдавским княжеством в османской военно-политической системе. После подчинения Дунайских княжеств Османской империи, они попали в вассальную зависимость от султана, который, в своих же собственных интересах, в этих странах оставил, в основном, прежнее их внутреннее государственное устройство и не превратил их в провинции Османской империи, подобно порабощенным ею Болгарии и Сербии. «Восточный деспотизм, — отмечал Маркс, — затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но и весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать и избавляют от хлопот регулярного управления»¹.

Следовательно, в Дунайских княжествах османское господство осуществлялось через местные учреждения в рамках относительной автономии. В частности, сохранение в этих княжествах собственного войска, допущение, хотя и нерегулярных, дипломатических сношений их с другими странами, существование в них собственного законодательства — все это свидетельствует о том, что османское господство в Валахии и Молдавии сочеталось с сохранением автономии в этих княжествах. Однако с течением времени эти автономные права все более и более урезывались, вследствие чего относительная автономия Дунайских княжеств, в сущности, была ликвидирована².

Начиная с конца шестого десятилетия XVII в. отмечается усиление политического порабощения Валахии и Молдавского

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения, т. X, с. 722.

² *Istoria României*, III. Buc., 1964, p. 24.

княжества со стороны Османской Порты. В частности, если рассмотреть положение правителей этих княжеств в рамках их взаимоотношений с Османской Портой, то можно убедиться, что эти правители, у которых был отнят целый ряд прав, а именно «право объявлять войну, заключать мир, заключать союзы, посылать своих представителей по государственным делам к соседним правителям»³, превратились лишь в высокопоставленных сановников Обманской Порты, подвергавшихся самым оскорбительным унижениям. Весьма показательно в этом отношении положение господаря Валахии Константина Брынкювяну в османском лагере в 1695 г. «Когда султан входил в шатры, господарь становился на колени, а когда султан проходил мимо, он наклонял голову до земли»⁴.

Уже с конца XVII в., когда «эпохе оттоманского могущества и величия быстро приходит конец»⁵, кризис военно-ленной системы привел не только к внутреннему ослаблению Османской империи, но и к падению ее военной мощи. Пока Османская Порта вела победоносные войны, они давали ей огромные материальные средства, добывавшиеся путем грабежей поработанных народов. Но во второй половине XVII в. эти войны чаще всего уже не приносили удачу османскому оружию и османские феодалы не могли больше рассчитывать на военную добычу. В поисках выхода из создавшегося положения Порта прибегла к ужесточению политических форм порабощения и еще большему усилению эксплуатации населения завоеванных стран.

Усиление османского гнета оказало несомненное влияние на экономическое положение Валахии и Молдавского княжества. В исторической литературе высказано несколько точек зрения на хозяйственное развитие этих княжеств того времени⁶. Анализируя эти точки зрения, Д. М. Драгнев считает правомерной новую постановку вопроса о зигзагообразном развитии хозяйства Дунайских княжеств конца XVII—XVIII в. «Замедленное поступательное экономическое развитие прерывалось периодами упадка или застоя, что нашло свое выражение в динамике численности народонаселения, состояния сферы производства и обмена»⁷.

В указанный период в Валахии и Молдавском княжестве рост крупного боярского землевладения, главным образом пу-

³ Istoria Romaniei, III, p. 24.

⁴ Ibidem, p. 27.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. X, с. 262.

⁶ Драгнев Д. М. Об особенностях экономического развития Дунайских княжеств в конце XVII—XVIII в. — Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 31—39.

⁷ Там же, с. 32.

тем широкой экспроприации общинных земель, вел к полному экономическому и политическому господству крупных феодалов. Так, например, в годы правления Константина Брынковяну Валахии лишь несколько крупных боярских семей (Кантакузино, Филипеску, Вэкреску, Штирбей и др.) владели наибольшей частью всех земель страны. Сам господарь Константин Брынковяну владел 111 именьями⁸. Путем обмана, вымогательства и ничем не прикрытого насилия крупные феодалы присваивали отдельные участки земли, виноградники, мельницы, дома в городах. В результате бесконечных злоупотреблений, совершаемых боярами, происходило закабаление и захват сел, закрепощение так называемых «свободных» крестьян, живших сельскими общинами. Насилие и грабеж, узаконенные ложными свидетельствами и фальшивыми документами, о которых говорят письменные свидетельства того времени, практиковались в одинаковой степени боярскими семьями и монастырями, владевшими огромными латифундиями⁹.

Соединив в своих руках административно-фискальную, военную и судебную власть, крупные бояре нещадно грабили трудовое население.

Положение крестьян было чрезвычайно тяжелым из-за многочисленных налогов и податей и отсутствия единой системы налогового обложения, что способствовало различным злоупотреблениям со стороны откупщиков, старавшихся при сборе податей получить максимальную прибыль. Например, в «Анонимной хронике» Валахии говорится, что жестокий произвол одного из представителей налогового аппарата при Константине Брынковяну, некоего Константина Штирбея, привел к обнищанию целых областей страны. Даже господарь Константин Брынковяну, который стоял на страже интересов феодалов и своей властью узаконивал произвол и беззакония, чинимые боярами, был вынужден в резкой форме отчитать Константина Штирбея из-за его безмерной жадности: «Ты забрал уезд Дымбовица и так ограбил его, что не осталось ни села,... я отдал тебе Телеорман, и ты еще хуже поступил с ним...»¹⁰

Вместе с тем следует отметить, что сами господаи безудержно стремились к личному обогащению за счет ограбления страны. Они тратили огромные средства на содержание чрезмерно роскошного двора. Например, богатство господаря Вала-

⁸ Istoria României, III, Buc., 1964, p. 206.

⁹ Parascostea S. Relațiile agrare în Țara Românească în prima jumătate a secolului XVIII. Studii și materiale de istoria medie, 1959, vol. III, p. 230—231.

¹⁰ Istoria Țării Românești de la octombrie 1688 pînă la, martie 1717 (Cronica anonimă). Edifiu introcnită de G. Grecescu. Buc., 1959, p. 72—73.

хии Константина Брынковяну, приобретенное благодаря обложению страны непосильными поборами, вызвало «зависть всего Востока». Константина Брынковяну, сказочно богатого правителя, называли в Константинополе не иначе, как «алтын бей» (золотой господарь)¹¹, и когда имущество Брынковяну было описано после его смещения с престола, то оно оказалось столь внушительным, что «вызвало изумление у повелителя Блистательной Порты»¹². Даже доброжелательно относившийся к Брынковяну Дель Киаро, секретарь господаря, перечисляя обвинения, выдвинутые Портой против правителя Валахии, указывает на то, что сбором больших сумм денег он обременил страну множеством тяжелых налогов, каких не было раньше во времена иных правителей — его предшественников¹³. Во время правления Брынковяну число податей в Валахии дошло до 42¹⁴. Одна из главных причин чрезмерной налоговой эксплуатации, ставшей к концу XVII века совершенно невыносимой, заключалась в неограниченных требованиях денег и продуктов со стороны Оттоманской Порты¹⁵, которая превратила Дунайские княжества в объект постоянной и обычной для османов формы эксплуатации — сбора тяжелой дани. О все возрастающих размерах дани говорят многочисленные свидетельства. Так, в общей сложности из всего ежегодного дохода Валахии лишь 1/4 шла на внутренние нужды княжества, остальные 3/4 доставались турецкому султану в форме различных платежей и поставок. Если в начале XVII в. сумма всех ежегодных платежей Валахии в пользу Порты составляла в переводе на золото 100 тысяч дукатов, то за 1694—1703 гг. эта сумма достигла 218714 дукатов¹⁶.

К этому добавлялись грабежи, чинимые османскими ордами при их следовании через Дунайские княжества. За войсками османов всюду оставались страшные следы опустошения. Так, например, во время одного из походов «янычары, следовавшие по Валахии, отобрали у населения все запасы продовольствия, не оставив им ни птицы, ни скота».

Разграбление османами Дунайских княжеств приводило к подрыву экономики и производительных сил этих стран, разо-

¹¹ Engel I. Op. cit., p. 372.

¹² Ibidem.

¹³ Del Chiaro. Op. cit., p. 111.

¹⁴ Ciurescu C. Istoria romanilor, cap. „Organizarea financiara”. Buc., 1946, p. 634—635.

¹⁵ Berza M. Haraciul Moldavei și Țării Românești în sec. XV—XIX.— Studii și materiale de istorie medie, 1957, vol. II, p. 7—45.

¹⁶ Семенова Л. Е. Русско-валахские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969, с. 46—47.

рению крестьянства — основного налогоплательщика, сокращению национального дохода.

Крестьянин платил сначала подати, положенные султану, затем — губернатору области, господарю, и, наконец, наибольшая часть из дохода крестьянина, в качестве феодальной ренты доставалась помещику. Так что трудовое население подвергалось тяжелой эксплуатации и со стороны местного феодального класса и внешних порабощителей — Порты и османских феодалов.

Многие крестьяне, обнищавшие в результате непомерной османской и феодальной эксплуатации или лишившиеся крова из-за разрушений, причиняемых бесконечными феодальными войнами, оказывали своим угнетателям сопротивление в самых различных формах. Очень часты были случаи неподчинения землевладельцам. Имеются свидетельства, согласно которым жители отказывались платить подати. В ответ на угрозы господ сажать на кол или отрезать носы, что нередко осуществлялось, многие крестьяне покидали села и массами переходили от одних владельцев к другим, убегали даже в соседние страны. Пустели целые области. Так, например, только лишь в области Тимишоара пустовало несколько тысяч домов крепостных крестьян¹⁷. От пассивной борьбы они часто переходили к активной, которая приняла форму гайдуцкого движения. На гнет и несправедливые грабежи и разорения многочисленные отряды гайдуков, объединявшие выходцев из крестьян и городских низов, отвечали самоотверженной борьбой против эксплуататоров.

В конце XVII — начале XVIII в., несмотря на тяжесть османского господства, в Дунайских княжествах наблюдается оживление культурной деятельности. Наряду с религиозной литературой появляются также светские произведения. Благодаря деятельности У. Настуреля, К. Кантакузино, Гр. Уреке, М. Костина, Н. Милеску и др. впервые в Дунайских княжествах распространяются идеи о значении истории и образования, а деятельность крупного ученого Дмитрия Кантемира характеризуется явно выраженным поворотом мышления от религиозных к философским, историческим, культурным и научным проблемам¹⁸.

Культура в Дунайских княжествах развивалась в тесном контакте с культурой соседних стран. Особенно следует отметить усиление в ту эпоху роли культурных связей с Россией и другими славянскими странами. Этому способствовали существо-

¹⁷ Istorija României, III. Вис., 1964, p. 39.

¹⁸ Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв. — Сборник избранных текстов под редакцией акад. К. И. Гулиану. М., 1961, с 8—9.

вавшие ранее взаимосвязи, в том числе общая религия и единый язык церковной письменности — старославянский.

Следует подчеркнуть, что культурные связи с Москвой и Киевом оказали заметное влияние на развитие идеологии в Дунайских княжествах. Русское и украинское влияние проявилось главным образом в деле насаждения просвещения и книгопечатания в Валахии и Молдавском княжестве. В 1640 г. в Яссах была открыта славяно-греко-латинская академия. Руководил ею ректор Киевской академии Софроний Почацкий, которого вместе с группой преподавателей послал в Яссы киевский митрополит Петр Могила. В 1679 г., благодаря помощи России, в Бухаресте, при монастыре св. Саввы была создана школа, в которой обучались 200 учащихся. Как явствует из одной грамоты валашского господаря Константина Брынковяну, учеба в этой школе носила многосторонний характер. В ней обучали логике, риторике психологии и метафизике. У слушателей была возможность ознакомиться с произведениями Софокла, Фукидида, Плутарха, Демокрита и др. Кроме того, в школе преподавали астрономию, физику, математику и теологию¹⁹. Греческий ученый Ал. Хелладнус, обучавшийся 11 лет в различных европейских университетах и посетивший в 1713 году Валахию, писал: «Не было бы ничего удивительного, если бы эту школу назвали Бухарестской академией».

Дружественным связям с Москвой и Киевом Дунайские княжества обязаны также и созданием своих типографий в начале XVII в. Так, например, в 1635 году митрополит киевский Петр Могила прислал в Валахию типографию²⁰, которая была установлена в Кымпулунге²¹. Вместе с типографией из Киева в Валахию прибыл искусный печатник Тимофей Вербицкий²². Из предисловия «Молитвенника», напечатанного Вербицким на славянском языке в Кымпулунгской типографии, мы узнаем, что гос-

¹⁹ I o r g a N. Istoria literaturii românești, II, p. 45.

²⁰ Книгопечатание в Валахии существовало еще в XVI в., возникнув под влиянием южнославянских центров (см.: S t r e m p e l G. Sprijinul acordat de Rusia tiparului românesc în secolul al XVII-lea. Studii și cercetari de bibliologie, 1955, v. I, p. 15.

²¹ Istoria României, III, Buc., 1964, p. 264.

²² Тимофей Александрович Вербицкий проработал в типографии Киево-Печерской лавры в начальный период ее деятельности. Здесь он издал в 1623 году «Беседы о 14 посланиях апостола Павла». Затем он основал собственную типографию и напечатал в ней в 1625 и 1626 годах два издания «Часослова». Вербицкий принес в Валахию большую любовь к книжным украшениям, унаследованную им от Ивана Федорова. (См.: Коляда Г. И. Из истории книгопечатных связей России, Украины и Румынии в XVI—XVII вв.— У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 88).

подарь Валахии Матна Басараб за помощью в организации типографии обращался в «Угорьские страны и Волынский пределы» и, не найдя там поддержки, послал иеромонаха Нектария Пелагонского и своего «отрока верна Стефана брѣзоходца... по печатню... при типографной пльной цене и писания... до ...священнейшего Петра Могилы и до прочих старейшенствующих главнейшему граду оному»²³.

Как Тимофей Вербицкий, так и его преемник Иван Кунович способствовали обучению и подготовке новых мастеров-печатников из местного населения²⁴.

В середине XVII века в типографиях Валахии, кроме Вербицкого и Куновича, работали и другие украинские мастера: Иван Глебович, Андрей Скольский, Василий Ставницкий²⁵.

Одновременно с типографией в Кымпулунге в 1637 году начала свою деятельность новая типография при монастыре Говоре, перемещенная потом в монастырь Дялул и наконец в Тырговиште. Примечательно, что в предисловии на старославянском языке к «Псалтыри», изданной в 1637 году в Говорской типографии, говорилось, что книга была посвящена «православному и благочестивому народу нашей родины (Валахии. — О. Г.) и другим народам, родственным нам по вере и имеющим тот же знаменитый старославянский диалект в качестве языка...»²⁶

Огромное влияние на книгопечатание в Валахии оказало высокое типографское мастерство Ивана Федорова. «Заставки, инициалы, концовки, восходящие к федоровским, — пишет Г. И. Коляда, — обычны в румынских книгах XVII столетия»²⁷. Влияние русской книги на печатные издания Валахии сказалось также в изменении техники печатания. Хотя с конца 40-х годов XVII века в Валахии начинают применять латинский, а позже и греческий шрифт, кириллица сохраняет господствующее положение. А в последующие годы, в конце XVII—начале XVIII в. взамен кириллицы употребляется «шрифт львовского или московского типа, чаще всего мелкий московский шрифт»²⁸.

²³ Коляда Г. И. Украинско-румынские книгопечатные связи в области книжной орнаментики. — Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 205.

²⁴ *Istoria României*, III. Buc., 1964, p. 264.

²⁵ *Ştrempei G. Sprijinul acordat de Rusia tiparului românesc în secolul al XVII-lea*, p. 20—21.

²⁶ *Bibliografia românească veche*, v. I, p. 105.

²⁷ Коляда Г. И. Из истории книгопечатных связей России, Украины и Румынии в XIV—XVIII вв., с. 96.

²⁸ Семенова Л. Е. Русско-валашские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969, с. 113.

Широкое распространение получила в Валахии в начале XVIII в. русская церковная книга. Самыми старыми русскими книгами, встречающимися в Валахии в период правления Брынковяну, являются «Осторожская библия» и «Пролог», привезенный в 1698 году из Москвы паломником Козиева монастыря Паисием. Среди русских книг, привезенных паломниками и сохранившимися до наших дней, можно назвать «Осмогласник», «Псалтырь», «Соборник», изданный в Москве в 1700 году, «Минею», изданную в Москве в 1691 году. Русская книга распространялась в Валахии и в переводе на румынский язык. Первой книгой, переведенной при Брынковяну, был «Киево-Печорский патерик»²⁹.

Прибывавшие часто из Москвы или из Киева печатники, преподаватели-основатели школ доставляли образцы для перевода литургических книг. Все это оживляло культурную жизнь Валахии, создавало возможности для развития культуры³⁰.

Подъем культуры, в том числе живописи, в указанный период в Валахии шел под значительным влиянием славянского мира. Русские мастера живописи иногда принимали непосредственное участие в художественном оформлении церковных сооружений. Влияние московских художников на живописцев Валахии шло разными путями, в частности путем поездок последних в Москву для обучения.

В правление Константина Брынковяну в Валахии работали русские мастера церковной живописи, а один из современников Брынковяну, описывая внутреннее убранство валашских церквей, восхищался росписями, выполненными иконописцами, «которые обучены московскими художниками, являющимися мастерами этого искусства»³¹.

Подъем культуры в феодальной Валахии, в основном, совпадает со временем правления господаря Константина Брынковяну, считавшегося одним из образованнейших людей своего времени, замечательным знатоком древнегреческой литературы и культуры, который проявлял большую заботу о развитии науки и просвещения в Валашском княжестве. Брынковяну собрал вокруг себя видных деятелей, ученых и просвещенных людей Востока и Запада — Севастоса Киминитиса, Иоанна Карифила, Митрофана Григораша, Иоанна Комнина, Георгия Майоту, Панайота Синопеуса, Максима Пелопонесского, Георгия Трапезундского и др.

При Брынковяну в культурной жизни Валашского княжества происходят значительные события. В 1689 году господарь

²⁹ Семенова Л. Е. Указ. соч., с. 110.

³⁰ Istoria României, III. Buc., 1964, p. 258

³¹ Семенова Л. Е. Указ. соч., с. 115.

пригласил в Валахию крупного греческого ученого Севастоса Киминитиса и поставил его во главе школы при монастыре св. Саввы³². Следовательно, образованием и воспитанием молодежи занимались профессионально подготовленные люди, школа готовила ученых — книжников-богословов, и сыграла известную роль в распространении просвещения в Валахии.

В Валахии уделялось большое внимание реконструкции старых и строительству новых школ. После реконструкции здания школы при монастыре св. Саввы Брынковяну велел сделать на стене следующую надпись: «Господарь построил еще и другие здания, в которых помещались школы»³³.

Еще одна школа была открыта в Бухаресте при монастыре Колпя. Господарь оказывал содействие старославянской школе при монастыре св. Георге Древнего³⁴. Брынковяну для поддержания основных им культурных заведений выделил значительную сумму³⁵.

Следует отметить еще одну черту в развитии просвещения в тогдашней Валахии. Были нередки случаи, когда бояре и зажиточные горожане посылали своих детей для получения образования за границу. Так, в Россию приезжали из Валахии молодые люди для обучения в московских школах³⁶. Посылались молодые валахи для обучения наукам также в Италию³⁷.

Весьма значительна деятельность Константина Брынковяну в области церковного строительства. При нем воздвигнуто несколько величественных дворцов и зданий. Как монастыри и церкви, так и дворцы построены с большим вкусом, в оригинальном архитектурном стиле. Самыми выдающимися зданиями, из числа построенных в период правления Константина Брынковяну, являются монастырь Хурезь и дворец Могошоа.

Для подъема культуры в Валахии важнейшее значение имело распространение книгопечатания.

В первые годы своего правления Константин Брынковяну наметил широкие планы развития печатного дела. Но для осуществления таких планов требовалась более совершенная полиграфическая база, чем имевшаяся к тому времени в стране. В Валахии функционировала только одна типография, созданная в 1678 году³⁸. Затем в Валахии в разное время были соз-

³² Хепорол А. *Op. cit.*, p. 243.

³³ *Ibidem*.

³⁴ Nedioglu Ch. *Cea mai veche Școală românească cu caracter statornic* (Școala de la Sf. Gheorghe Vechiu). Buc., 1913.

³⁵ Хепорол А. *Op. cit.*, p. 244.

³⁶ Семенов Л. Е. Указ. соч., с. 116.

³⁷ Ștrempel G. *Prefată*.—*Antim Ivireanul*. Opere, p. VI.

³⁸ *Idem*, *Sprrijinul acordat de Rusia tiparului românesc în sec. XVII*. — *Studii și cercetari de bibliologie*, 1955, I, p. 33—34.

даны типографии в Снагове, Рымнике, Тырговиште, монастыре Всех святых. Там печатались книги на румынском, греческом, старославянском, арабском, турецком языках³⁹. Заинителем и организатором всего этого, как отмечалось выше, был Антим Ивериец.

По прибытии в Валахию Антим начал работать в «господарской типографии» при митрополии в Бухаресте, во главе которой стоял Митрофан. 10 июня 1691 г. Митрофан был избран епископом епархии Бузеу⁴⁰. Антиму доверили руководство Бухарестской типографией⁴¹.

В 1691 году в Бухарестской типографии печатается книга нравоучительного жанра под заглавием «Поучения»⁴² греческого самодержца Василия Македонянина сыну своему Льву⁴³. Из акростиha, помещенного в книге, явствует, что «Поучения» были напечатаны в октябре 1691 года «иеромонахом Антимом». Это первая книга, изданная Антимом в Валахии и положившая начало дальнейшему развитию книгопечатания в этой стране.

Книга «Поучения византийского самодержца Василия Македонянина сыну своему Льву», в которой впервые упоминается имя Антима, служит наглядным доказательством того, что Антим прибыл в Валахию до октября 1691 года. Книга насчитывает 104 страницы. На титульном листе изображен валашский герб. По обеим сторонам герба стоят инициалы Константина Брынковяну. Затем следуют стихи, посвященные императору Василию и его наследнику Льву. На следующих страницах напечатаны поучения императора в двух столбцах. По мнению Н. Шербэнеску, издание книги «Поучения греческого самодержца Василия Македонянина» было вызвано тем, что Константин Брынковяну не написал наставления своим детям, как это сделал в свое время господарь Валахии Негое Басараб, поэтому он поручил Ан-

³⁹ Сообщение о том, что Антим Ивериец в Валахии напечатал книгу на турецком языке, сделал К. Джурджеску в 1945 году в Бухаресте, в Институте истории. (Bezvisoni G. Călători rusi în Moldova și Muntenia. Buc., 1947, p. 92).

⁴⁰ Condicta Sfinta, I, p. 65—67.

⁴¹ С 1678 года по 1691 год, т. е. в течение 14 лет, в этой типографии было напечатано восемь книг. Среди них особое место занимает «Библия», изданная в 1688 году.

⁴² «Поучения» были напечатаны не в Снагове, как это предполагают некоторые грузинские ученые (см.: Дроша, 1952, № 2, с. 17, на груз. яз.), а в Бухаресте.

⁴³ Vasile Macedoneanul. Capitele indemnătoare. Buc., 1691 (Bibliot. Acad. R. S. R. fondul tipariturii românești vechi, № 93, далее—R.V.).

тиму напечатать уже готовые «Поучения»; чтобы воспользоваться ими для воспитания своих детей⁴⁴.

Если эта первая книга имела дидактический характер, то последующие книги, изданные Антимом, были совершенно иного характера. Для школьных нужд печатались книги по различным отраслям науки: по истории, литературе, философии, а для церкви — богословские книги. Чтобы пробудить в народе любовь и интерес к чтению, Антим напечатал «Александрию» — полуфантастическую повесть о походах Александра Македонского, и др.

Здесь же следует отметить, что значительную часть книг, напечатанных Антимом, составляли книги религиозного содержания — книги церковные или же книги, изданные с целью нравственного воспитания. Это вполне объяснимо, если вспомнить, что типографии создавались государственными властями или высокопоставленными церковными иерархами с помощью правителя и, следовательно, их главной целью было укрепление веры и авторитета церкви — главной идеологической опоры феодального государства.

Антим считал созданные им в Валахии типографии «средством распространения книги-света». Он был глубоко убежден в том, что не могло быть и речи о развитии культуры, если бы в стране не были созданы условия для печатания книг.

Но Антим заботился не только о создании типографий, но и о процветании искусства книгопечатания. Он писал: «Приказываю под страхом отлучения, чтобы типограф был обязан обучать своему ремеслу другого, дабы не исчезло это искусство... и дабы не было заброшено полезное для страны книжное дело...»⁴⁵

Эти слова стали девизом всей типографской деятельности Антима. Он обучил в Бухаресте, Снагове, Рымнике и Тырговиште мастерству книгопечатания многих учеников-валахов. Дель Киаро свидетельствует, что в то время в Валахии работали мастера, овладевшие искусством типографа благодаря Антиму⁴⁶.

Антим, «искушенный во всех искусствах», трудясь не покладая рук и максимально используя свой блестящий талант, приступает к изданию серии книг.

Органически связав всю свою жизнь с печатным станком и книгой, Антим рассматривал каждую напечатанную им книгу как источник обогащения духовного мира «ближнего»⁴⁷.

Считая «прославленное искусство типографа» «святым де-

⁴⁴ Şerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 701.

⁴⁵ Antim Ivireanul. Opere, p. 336.

⁴⁶ Del Chiaro, p. 26.

⁴⁷ Antim Ivireanul. Opere, p. 404—406.

лом», часть расходов, необходимых для издания книг, Антимом покрывал сам⁴⁸.

Что касается технической стороны напечатанных Антимом книг, то следует отметить, что многие из изданных им книг выполнены блестяще. Их смело можно поставить рядом с лучшими книгами, изданными в типографиях западноевропейских стран той эпохи. Шрифт четкий, строчки ровные, окраска одного тона, заглавия книг окружены великолепным орнаментом.— все это дело рук самого Антима, а в тексте — в начале или в конце каждой главы — фронтисписы и виньетки, выполненные с большим вкусом. Изображения некоторых святых, помещенные в этих книгах, могли бы служить образцом даже для наилучшего живописца⁴⁹.

За три года пребывания в Бухарестской типографии Антим напечатал три книги, несмотря на трудности, обусловленные тем, что Митрофан перенес часть типографского оборудования в Бузэу. Второй книгой после «Поучений», увидевшей свет в июне 1692 года, была «Служба святой Прасковьи и святого Григория Декаполита»⁵⁰. Эта книга, написанная на греческом языке и насчитывающая 128 страниц, замечательна тем, что в ней, наряду с именем Антима, впервые упоминается его родина — Иверия. Начиная с этого времени, в каждой книге, переведенной им с греческого языка на румынский или же напечатанной на румынском, греческом, старославянском и арабском языках, упоминает он о своем грузинском происхождении, называя себя или «Антимом Ивирианулом», или «Антимом рода грузинского», или же, наконец, «Антимом-иеромонахом, типографом из Иверии».

В 1693 году в Бухарестской типографии выходит в свет «одно из величайших печатных произведений Антима» — «Евангелие» (382 с.)⁵¹. Книга эта была издана на румынском и греческом языках. Восхищает замечательная типографская техника, которой достиг Антим при печатании «Евангелия», особенно то мастерство, с каким он выполнил целый ряд фронтисписов и виньеток. Д. Богдан отмечает, что Антим, «этот непревзойденный мастер тонкого рисунка», украсил страницы книги роскошным растительным орнаментом: это изумительные гиацинты, переплетенные широкими листьями, «великолепные узоры, привезенные Антимом со своей родины»⁵².

⁴⁸ Dobrescu N. Op. cit., p. 48.
⁴⁹ Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 700—701.
⁵⁰ Slujbele S-tei Paraschiva—celei Noue și a S-tului Grigorie Decapolitul-Buc., 1692, R. V., № 94.
⁵¹ Evanghelie. Buc., 1693, R. V., № 95.
⁵² Bogdan D. Op. cit., p. 135.

В 1694 году Антим напечатал на румынском языке «Псалтырь»⁵³, которая насчитывает 275 страниц. В том же году он покинул Бухарест и переехал в монастырь Снагов, расположенный на живописном острове в 34 километрах от Бухареста. Точно не известно, при каких обстоятельствах и когда был назначен Антим настоятелем Снаговского монастыря. Н. Шербэнеску указывает, что предшественник Антима игумен, Дамаскин стоял во главе монастыря до 20 июня 1693 года⁵⁴. С этого дня вплоть до 1696 года монастырь, видимо, был без настоятеля. Во всяком случае, в документах Антим упоминается настоятелем Снаговского монастыря со 2 мая 1696 года. Большая часть этих документов написана рукой самого Антима⁵⁵. Особенно интересен документ, найденный К. Ербичану в Кэлдэрушане, свидетельствующий о многогранности таланта Антима. Документ этот представляет собой обмер и план имения Рапойя, начерчен он самим Антимом и датирован 1696 годом. Это свидетельствует о том, что он, будучи настоятелем Снаговского монастыря, пожелал измерить несколько монастырских имений и составить их планы. Из этого документа видно, что Антим хорошо разбирался в вопросах топографии. На этом плане четко просматриваются линии, разделяющие имение Негорань от Урсоаия и Кэлугэругун. План, составленный Антимом, подписан в трех местах им же⁵⁶. А. Сачердоцеану считает, что к 1696 году относится самая древняя в Валахии топографическая схема, сделанная Антимом для имения Негорань — собственности Снаговского монастыря⁵⁷.

Антим вложил большой труд в благоустройство Снаговского монастыря, обновил разрушенные стены церкви, застроил монастырские земли новыми зданиями. Но особая заслуга Антима во время его пребывания в Снагове заключается не в том, что он с большим умением вел монастырское хозяйство, а в том, что, как отмечает Г. Штремпел, Антим заложил в Снагове основы типографской школы, «навекι внедрившей у нас это искусство». Наибольшая часть оборудования, включая литые буквы, была сделана его искусными руками⁵⁸. Созданная Антимом

⁵³ Psaltire. Buc., 1694, R. V., № 96.

⁵⁴ Șerbănescu N. Istoria mănăstirii Snagov. Buc., 1944, p. 112.

⁵⁵ Erbiceanu C. Descrierea manuscriselor Mitropolitului Antim Ivireanul.—Biserica Ortodoxă Română, anul XI, № 12, p. 1029.

⁵⁶ Ibidem, p. 1028.

⁵⁷ Sacerdoțeanu A. Antim Ivireanul arhivist, bibliotecar și tipograf.—Clasul bisericii, 1963, XXII, № 9—10, p. 883—886.

⁵⁸ Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. 419.

⁵⁹ Ibidem, p. XII.

в Снаговском монастыре типография давала возможность печатать книги на нескольких языках. До этого времени почти никому не известный и заброшенный Снаговский монастырь сразу привлек всеобщее внимание. «Снагов начинает жить новой жизнью и постепенно превращается в центр книгопечатания всей Валахии», — пишет Н. Шербэнеску⁶⁰.

6 февраля 1696 года вышла в свет первая печатная продукция Снаговской типографии — «Порядок церковной службы в честь святых Константина и Елены»⁶¹. Книга была издана на двух языках — румынском и старославянском. Она насчитывает 42 страницы и напечатана учеником Антима — иподьяконом Михаем Иштвановичем. Это тот самый Михай Иштванович, который напечатал первую книгу в первой грузинской типографии, основанной в Тбилиси в 1709 году.

Отсутствие соответствующих документов не позволяет точно сказать, когда Антим взял в ученики Михая Иштвановича. Весьма возможно, это произошло в период его деятельности в Бухарестской типографии. Но не вызывает никакого сомнения, что Антим ко времени своего прибытия в Снагов уже близко знал Михая и считал его хорошим мастером печатного дела, так как доверил ему — хотя и под своим наблюдением — печатание этой книги.

Напечатанная Михаем Иштвановичем книга «Порядок церковной службы в честь святых Константина и Елены» заслуживает внимания потому, что она является «первым плодом и урожаем новой типографии», а с другой стороны, подтверждает то, что в типографском искусстве Антим был учителем Михая. В предисловии к книге, составленном Михаем Иштвановичем, он обращается к Константину Брынквяну и выражает надежду, что господарь Валахии не отнесется с пренебрежением к преподнесенной ему книге, ибо это «первые плоды типографского мастерства. А первые плоды принимаются с распростертыми объятиями. И надлежит принести эти первые плоды в милостивые руки Вашего величества, т. к. под крыльями Вашего Величества я собрал урожай, по воле божьей, вселившей в меня свой дар и трудом, и заботами его святейшества честного моего отца и учителя Антима Иверийца...»⁶²

Через год в Снаговской типографии Антим издал на греческом языке «Антологнон»⁶³. Эта огромная книга объемом в 2114 страниц содержит основные культовые произведения: «Ок-

⁶⁰ Ş e r b ă n e s c u N. Istoria mănăstirii Snagov, p. 66.

⁶¹ Orânduiala slujbei... cu apostolii mari împăraşi Constantin şi Elena. Snagov, 1696, R. V., № 102.

⁶² Bibliografia Românească Veche, I, p. 341—345.

⁶³ Antologhion. Snagov, 1697, R. V., № 106.

тоих», «Часослов», «Триоды», «Понтикодар». В книге отмечается, что она была «напечатана в январе 1697 г. иеромонахом Антимом из Иверии».

В том же году вышло в свет «Евангелие»⁶⁴, на румынском языке, которое Антим впервые подписал по-румынски. Книга содержит 180 страниц. Она украшена гравюрами, созданными рукой Антима, изображающими четырех евангелистов, и многочисленными фронтисписами и стилизованными цветами, являющимися доминирующими мотивами его вдохновения. Следует отметить, что помещенные в «Евангелии» гравюры, изображающие четырех евангелистов, были использованы Антимом еще в 1693 году, когда он в Бухарестской типографии напечатал «Евангелие» на румынском и греческом языках. На 180-й странице книги помещено стихотворение на румынском языке, которое слово в слово перепечатал Михай Иштванович в изданном им в Тбилиси в 1710 году «Кондаке»⁶⁵, с той лишь разницей, что шестистроичное румынское стихотворение он передал грузинскими буквами. Приводим дословный перевод румынского стихотворения:

«Как чужестранцы, так жаждущие видеть свою родину,
Что не могут усидеть в другой стране, где они пребывают,
И так, как те, кто находятся в море, застигнутые бурей,
Молятся Богу о покое,
Так и типограф об окончании книги,
Хвалу и благодарность возносит [Всевышнему]».

В 1697 году Антим печатает еще две книги на греческом языке: «Учебник о некоторых недоумениях и их решениях»⁶⁶ (50 страниц) и «Хвала божественному венценосцу, равноа постольному Константину»⁶⁷ (20 страниц).

В первой из этих книг были освещены вопросы догматической теологии. Она принадлежала перу известного в то время ученого грека-униата Иоанна-Матфея Кариофила⁶⁸. Предисловие к этой книге было написано Антимом с целью разъяснить позицию греческого ученого, обвиненного в «лютеранско-кальвинистских и протестантских» заблуждениях.

⁶⁴ *Evangelhie. Snagov, 1697, R. V., № 103.*

⁶⁵ Кондак. Тбилиси, 1710 (на груз. яз.). — Фонд библиотеки Института рукописей им. К. Кекелидзе АН ГССР.

⁶⁶ *Manual despre citeva nedumeriri și soluțiuni. Snagov, 1697, R. V. № 107.*

⁶⁷ *Cuvînt panegiric despre împăratul incununat de dumnezeu și asemenea cu apostolii marele Constantin. Snagov, 1697, R. V., № 108.*

⁶⁸ Об И.-М. Кариофиле см. выше, примеч. 28 к гл. II нашего сочинения, с. 87.

Вторая книга — «Хвала божественному венценосцу равноапостольному Константину» — представляет собой панегирик Георгия Майота, произнесенный в соборной церкви Валахской митрополии в честь императора Константина Великого.

Следующей книгой, изданной Антимом в 1697 году в Снаговской типографии, была «Славонская грамматика»⁶⁹. О цели, которую преследовало издание этой книги, мы уже говорили в предыдущей главе⁷⁰. Здесь отметим только следующее: фронтиспис и виньетки, помещенные в книге, и предисловие к ней принадлежат Антиму.

Таким образом, как уже было упомянуто, в Снаговской типографии лишь за один год было напечатано 5 книг на румынском, греческом и старославянском языках, из коих три весьма значительны по объему (напомним, что только «Антология» насчитывает 2114 страниц). Все это еще раз свидетельствует о том, что в Снаговском монастыре, под руководством Антима, были заложены прочные основы развития книгопечатания в Валахии.

Но в следующем, 1698 году в Снаговской типографии не было издано ни одной книги. Не располагая нужными данными, мы затрудняемся сказать, чем это было обусловлено.

Некоторые ученые полагают, что перебой в типографской деятельности был вызван отъездом из Снагова Михая Иштвановича.

Но этот аргумент мы считаем малоубедительным, так как известно, что Антим, учитель и наставник Михая Иштвановича, печатал книги сам как до появления в Снагове Михая, так и после его отъезда. Скорее всего причину бездействия печатного станка в Снагове мы должны искать либо в занятости игумена Антима монастырскими делами, либо в его болезни. Так или иначе, 1698 год в жизни Снаговской типографии и ее деятелей примечателен тем, что лучший ученик Антима — Михай Иштванович — был послан Константином Брынковяну в Трансильванию со специальной миссией — организовать и наладить там печатное дело⁷¹.

В 1699 году Антим Ивернец напечатал в Снаговской типографии книгу под заглавием «Признание православной веры универсальной и апостольской церковью Востока и вступительное изложение трех великих добродетелей — веры, надежды и

⁶⁹ Gramatica slavonesca. Snagov, 1697, R. V. № 109.

⁷⁰ См. выше в нашем соч.

⁷¹ Rămușeanu I. Mitropolitul Antim Ivireanul apărător al Românilor ortodocși din Transilvania.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, nr. 8—9, p. 836.

любви»⁷² (374 страницы). В этой книге помещено стихотворение, посвященное Константину Брынковяну. Передаем содержание стихотворения: «Хвалился раньше Запад своей ученостью, пишет автор стихотворения Севастос Кименитул, — однако ныне [православные] христиане удостоились счастья стать просвещенными людьми и обладателями типографии... И это благодаря твоим великодушным и Богом внушенным стараниям и заботам, О правитель совершеннейший среди верующих, великий Константин, просвещенный Басараб, наилучших правитель городов Валахии, живи бесчисленное количество лет, о Прометей наших дней, достойный небесных венков».

Разумеется, Севастос Кименитул прекрасно понимал ту огромную роль, которую могло сыграть книгопечатание в развитии культуры. Его слова, обращенные к Брынковяну, являются выражением радости и восторга образованного человека по поводу расширения печатного дела в Валахии. Но, поскольку вся типографская деятельность в Валахии того времени была связана с именем Антима, то эту похвалу с полным правом заслуживает именно «великий печатник».

В том же 1699 году Антим напечатал на румынском языке «Книгу или свет, с привередливым доказательством справедливости догм восточной церкви, насчет папистского раскола»⁷³. Она содержит 112 страниц. Издание этой книги, а также и других книг, таких, как «Учебник о некоторых недоумениях и их решениях» (1697 г.), «Признание православной веры универсальной и апостольской церковью Востока и вступительное изложение трех великих добродетелей — веры, надежды и любви» (1699 г.), «Цветок даров»⁷⁴ (1700 г.) и др., ставило своей целью защиту восточной православной церкви от нападков римско-католической и ограждение православной веры от влияния католиков и протестантов. Здесь же уместно напомнить, что в то время шли острые споры на догматико-теологические темы «среди православного священства». Например, греческий ученый-богослов Иоанн-Матфей Кариофил был обвинен в «лютеранско-кальвинистской ереси». Разгорелась дискуссия между «сторонниками» и «противниками» Иоанна Кариофила — «одного из великих ученых того времени»⁷⁵. По словам Антима, Кариофил был «выдающимся ученым, человеком честным, извест-

⁷² Mărturisirea ortodoxă a credinței Bisericii Sobornicești și Apostolică a rășăritului și Expunerea introductivă despre cele trei virtuți: credința, nădejdea și dragostea. Snagov, 1699, R. V., № 117.

⁷³ Cărțe sau Lumină cu dreapte dovediri din dogmele Besearicii Rășăritului asupra dejghinării Papistașilor. Snagov, 1699, R. V., № 114.

⁷⁴ Florea Darurilor. Snagov, 1697, R. V. № 119.

⁷⁵ Serbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 692.

ным своей мудростью и большой эрудицией»⁷⁶. Д. Кантемир упоминает его как «видного философа и теолога»⁷⁷.

В дискуссии приняли участие Константин Брынковяну и Антим Ивериец⁷⁸. Последний выступил в защиту Иоанна Карюфила.

Итак, основная задача, которую намеревался решить Антим изданием перечисленных книг, заключалась в том, чтобы при помощи печати вести борьбу против римско-католической пропаганды.

Как известно, католическая церковь являлась орудием папской курии, которая долгое время пыталась подчинить своему влиянию Валахию, воспринявшую христианство в форме православия. Этому содействовала римско-католическая пропаганда против православной церкви, способствовавшей укреплению связей Валахии с окружающими ее славянскими народами.

Вспомним, что во время турецко-австрийской войны в конце XVII века австрийские войска вступили в Трансильванию. По Карловицкому миру 1699 г. территория Трансильвании оказалась во власти Габсбургов. Этим обстоятельством воспользовалась папская курия, которая при помощи Габсбургов стремилась привлечь на свою сторону часть православного населения; непокорные подвергались гонениям. Весть о положении православного населения Трансильвании достигла Валахии. Константин Брынковяну 5 июля 1701 года обратился с воззванием к жителям Брашова и высказал огромную радость по поводу того, что «они не поколебались в своей вере..., православной вере, унаследованной от отцов и дедов»⁷⁹. Другие же отступились от веры, как, например, трансильванский епископ, который присоединился к римской церкви. Господарь Валахии уверял православных верующих из Брашова, что «для того, кто не чит веру, в которой он родился..., вскоре наступит час расплаты». «Я не раз видел, — продолжает Константин Брынковяну в своем письме, — как вероотступник, пожелавший перейти в чужую веру, подвергается каре от справедливого судьи — Бога»⁸⁰.

С жителями Брашова Антим вел интенсивную переписку. В одном из своих писем, став уже митрополитом Валахии, Антим отвечал брашовянам, которые просили у него «совета и по-

⁷⁶ Russo D. Studii istorice greco-romine, p. 185.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Chritescu N. O dispută dogmatică din veacul XVII la care au luat parte Dositei al Ierusalimului, Constantin Brîncoveanu și Antim Ivireanul. Buc., 1945.

⁷⁹ Stinghe S. Documente privitoare la trecutul Românilor din Șcheiu, t. I. Brașov, 1901, p. 15.

⁸⁰ Ibidem, p. 16.

мощи»: «Что касается притеснения, которое вы терпите от местного владыки (Антим имел в виду епископа Трансильвании Афанасия Ангела, который принуждал православных валахов принимать католичество. — О. Г.) и всех католиков, то немного потерпите. Через несколько дней мы вам пришлем другое письмо, в котором подробно напишем вам, что нужно предпринять. Кроме того, вышлем вам книгу, которую напечатали по моему приказу, и она поможет вам защитить себя»⁸¹.

Миссионеры пытались распространить свое влияние и на Валахию. Им удалось завлечь в свои пропагандистские сети даже Иллариона, епископа Рымника⁸². Впоследствии он был обвинен в нарушении законов православной восточной церкви и симпатиях к католикам. В его действиях было усмотрено проявление католического прозелитизма, в связи с тем, что он разрешил строительство католической церкви в Рымнике. Собор архиереев, собравшихся в Бухаресте, во главе с иерусалимским патриархом Досифеем, лишил Иллариона сана епископа⁸³.

Стремление папской курии установить в Валахии влияние католицизма встретило решительный отпор в стране.

Одним из этапов той долгой борьбы, которую вели между собой православная восточная церковь и римско-католическая, можно считать издание Антимом книг на теологические темы, о которых было упомянуто выше и в которых рассмотрены богословские и догматические вопросы.

В 1700 году в типографии Снаговского монастыря Георге Радович под руководством своего учителя Антима напечатал на румынском языке «Христианское поучение»⁸⁴. Книга насчитывает 217 страниц. В предисловии, которое Георге Радович посвящает Константину Брынковяну, сказано: «Чтобы овладеть мастерством печатника, словно жаждущий олень, устремился [он] к благороднейшему из монахов, игумену Снаговского монастыря Антиму Иверийцу, который после большого труда и стараний обучил меня искусству книгопечатания»⁸⁵.

В том же 1700 году Антим издал на греческом языке «Псалтырь» (85 страниц)⁸⁶.

В следующем году в типографии Снаговского монастыря был отпечатан «Кондак»⁸⁷.

⁸¹ Stinghe S. Op. cit., p. 16.

⁸² Condica Sfinta a Mitropolici Ungro-Vlahici. Ed. G. Enacesanu, Vol. I. Buc., 1886, p. 95—97.

⁸³ Ibidem.

⁸⁴ Invățături creștinești. Snagov, 1700, R. V., № 118.

⁸⁵ Ibidem, p. 3—4.

⁸⁶ Psaltire. Snagov, 1700, R. V., № 122.

⁸⁷ См. выше в нашем соч.

К этому же году относится издание Антимом на греческом языке «Эртологхиона»⁸⁸ (359 страниц), который освещает некоторые практические вопросы хронологии (определение ежегодных праздников, вычисление циклов, дней недели и т. п.). Примечательно, что в предисловии к этой книге, которую Антим посвятил господарю Константину Брынковяну, сказано следующее: Антим Ивериец свою любовь и уважение к господарю выражает тем, что «печатает книги». Как видно, Эртологхион предназначался для учащихся Бухарестской школы. «Каждый, кто познакомится с этой книгой, — писал Антим, — по-моему, признает ее нужной и обязательной для всех православных, в первую очередь, для служителей церкви, а затем уж для всех почитателей науки»⁸⁹.

В том же году Антим издал на греческом языке книгу «Молельня Афонской святой горы»⁹⁰ объемом в 146 страниц и на этом завершил свою деятельность печатника в Снаговском монастыре.

В 1701 г. Антим переехал в Бухарест, хотя по документам он до 21 мая 1704 года считался игуменом Снаговского монастыря. Настоящие причины, приведшие к отъезду Антима из Снагова, неизвестны. Высказано мнение, что Антим, который в типографском искусстве уже заслужил самую высокую оценку, отличился как хороший организатор монастырского хозяйства и глубоко был чтим господарем Валахии и придворными учеными, однако оказался вынужден покинуть Снагов в результате интриг некоторых монахов⁹¹. Это предположение подтверждают и слова самого Антима, который в своей т. н. «защитной речи», посланной спустя 11 лет, в 1712 году, Константину Брынковяну, отмечал: «Снаговский монастырь я не взял силой. За те семь лет, которые я там пробыл, я не брал ничего из доходов монастыря, а добывал все в поте лица своего. Это я заявляю пред всеми... тот, кто был причиной моего ухода (из монастыря. — О. Г.), будет отвечать перед Богом. А я ушел оттуда с честью, и никто не требовал у меня отчета... и долгов я не оставлял»⁹².

После возвращения Антима в Бухарест навсегда прекращает работу Снаговская типография. В Бухаресте в течение пяти лет, с 1701 по 1705 год, Антим напечатал 15 книг. Этот период отмечен его плодотворной типографской и творческой деятельностью.

⁸⁸ Eortologhion. Snagov, 1701, R. V., № 126.

⁸⁹ Ibidem, p. 3.

⁹⁰ Proschinitarul stîntului munte al Athonului. Snagov, 1701, R. V., № 129.

⁹¹ Stempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. XIV.

⁹² Antim Ivireanul. Opere, p. 227.

Благодаря своим обширным познаниям в разных областях науки и неустанной заботе о развитии книгопечатания в стране, Антим снискал глубокое уважение как правителя Валахии, так и ученых, находившихся при дворе Константина Брынковяну.

В 1701 году в Бухарестской типографии печатается «Панегирик ко дню святого Константина»⁹³. Эта маленькая книжка объемом в 14 страниц интересна тем, что помещенные в ней два стихотворения напечатаны на латинском языке, что свидетельствует о наличии в Бухарестской типографии латинского шрифта.

В том же 1701 году Антим издал на греческом языке еще две книги маленького формата: «Акафист Стефану первомученику»⁹⁴ и «Службы благочестивой нашей матроны Ипполиты»⁹⁵.

В 1702 году Антим переиздал обе названные книги и издал еще одну книгу — «Часослов», напечатанный на греческом и арабском языках. О цели этого издания уже было сказано нами выше⁹⁶. Отметим только, что книга содержит 743 страницы, а на 742-й странице на арабском языке напечатано обращение Антима к читателям: «Почтенные братья, которые прочтут эту благословенную книгу, прошу вас и умоляю простить мне ошибки и несоответствия, которые я допустил, ибо арабский язык мне чужд и я, как человек, грешен и подвержен ошибкам, ибо совершен только Бог». В конце «Часослова», в примечании, уточняется, что он «напечатан в Бухаресте иеромонахом Антимом, грузином, в году от [рождества] Христа 1702, в июне».

В 1703 году Антим издал «Евангелие» (209 с.), одну из самых замечательнейших с типографской точки зрения книг, сошедших с печатных станков Валахии. Это был перевод на румынский язык «Евангелия», вышедшего в 1680 г. на греческом языке. Таким образом, «Евангелие»⁹⁷ на румынском языке впервые был напечатано в Валахии.

Обратную сторону титульного листа книги украшает гравюра, сделанная самим Антимом.

В том же 1703 году Антим напечатал на греческом языке большое произведение по теологии — «Догматическое учение»⁹⁸

⁹³ Cuvînt panegiric la cel întocmal cu apostolii marele Constantin. Buc., 1701, R. V., № 127.

⁹⁴ Cuvînt panegiric la intitul mucenie al lui Hristos Ştefan. Buc., 1701, R. V., № 128.

⁹⁵ Slujba cuvioasei maicii noastre matrona Hipolita, Buc., 1701, R. V., № 134.

⁹⁶ См. выше в нашем сочинении.

⁹⁷ Noul Testament. Buc., 1703, R. V., № 139.

⁹⁸ Invăţătura dogmatică. Buc., 1703, R. V., № 140.

(401 с.). Книга эта принадлежала перу известного в то время ученого Севастоса Кименитула и была посвящена Константину Брынковяну.

В 1703 году Антим напечатал еще четыре книги: две книги на греческом языке — «Толкование и богослужение освящения храма»⁹⁹ (25 страниц) и «Акафист Богородицы»¹⁰⁰ (18 страниц), одну книгу на румынском и старославянском языках (параллельные тексты) — «Часослов»¹⁰¹ (732 страницы), и одну книгу на румынском языке — «Акафист»¹⁰² (88 страниц).

В 1704 году в Бухарестской типографии Антим издал на греческом языке «Краткое слово о святых спасительных страстях Господа нашего Иисуса Христа»¹⁰³ (16 страниц), а также «Греческие и римские параллели Плутарха»¹⁰⁴ (88 страниц).

В 1705 году Антим напечатал на греческом языке «Службу святого отца нашего Виссариона, архиепископа Ларисы» (20 страниц)¹⁰⁵. Изданием этой книги заканчивается деятельность Антима в Бухарестской типографии. 17 марта 1705 года митрополит Валахии Феодосий посвятил Антима в епископы Рымника. Как выше было сказано, его предшественник, епископ Илларион, был смещен с этого духовного поста из-за проявленных симпатий к римским католикам. Видимо, в первую очередь этим обстоятельством и было обусловлено избрание Антима главой Рымникской епархии. А. Миронеску считает, что посвящение Антима в епископы было, по всей вероятности, неприязненно встречено валашским высшим духовенством, характерно, что акт избрания не подписан ни одним валашским прелатом, даже митрополитом Валахии Феодосием¹⁰⁶.

Обратимся к акту избрания. В нем сказано: «Поскольку святая епископия Рымника осталась без своего настоящего епископа, ибо епископ Илларион был лишен этого сана по [церковным] правилам и ушел из этой епархии, я дозволил находившимся здесь архиереям, по совету и с соизволения светлейшего нашего князя Константина Брынковяну, правителя Валахии, решить, кого избрать, и найти достойного, чтобы он стал руководи-

⁹⁹ Explicarea și slujba la sfințirea Bisericii. Buc., 1703, R. V., № 141.

¹⁰⁰ Cuvînt panegiric la prea slăvita adormire a purupei fecioarei maica lui Dumnezeu. Buc., 1703, R. V. № 142.

¹⁰¹ Ceaslov. Buc., 1703, R. V., № 143.

¹⁰² Acafistul. Buc., 1703, R. V., № 144.

¹⁰³ Cuvîntare la patima cea de lume mintuitoare a Dumnezeu-Omului cuvîntul. Buc., 1704, R. V., № 145.

¹⁰⁴ Paralelilor grecești și române. Buc., 1704, R. V. № 146.

¹⁰⁵ Slujba celui intru sfințe părintelui nostru Visarion arhiepiscopul Larișei. Buc., 1705, R. V., № 147.

¹⁰⁶ Mironescu A. Istoria Eparhiei Rîmnicului.—Noul Severin. Buc., 1906, p. 90.

телем этой святой епархии. И, собравшись в церкви святейшей митрополии [говорили] сначала об Антима из Снагова, потом о священнике Иосифе (игумене монастыря Арджеш. — О. Г.), а затем о протосингеле Макарии (то есть кандидатами на должность епископа Рымника были выдвинуты: Антим, Иосиф и Макарий. — О. Г.), которые показали себя наиболее подходящими для этой святой епархии. Поэтому их имена были записаны в этом реестре марта 16, года 1713 (1705)»¹⁰⁷.

Ссылаясь на этот акт, Г. Штремпел считает ошибочным утверждение А. Миронеску о том, что избрание Антима епископом Рымника было недоброжелательно принято валашским духовенством, в том числе митрополитом Феодосием. «Разрешение на избрание, — отмечает Г. Штремпел, — не мог дать иноземный прелат, а только митрополит этой страны, т. к. только для него Брынковяну был «нашим князем». Брынковяну не был князем ни для вселенского (т. е. Константинопольского. — О. Г.) иерусалимского, ни для александрийского патриархов, ни для каких-либо других патриархов или митрополитов. Для всех он был «князем Валахии». Затем, митрополит Феодосий, завещавший спустя три года свой престол Антиму, знал его достаточно, чтобы не возражать и в 1705 году против его избрания епископом Рымника»¹⁰⁸.

Итак, Антим после избрания и посвящения в сан епископа покидает Бухарест и выезжает в епархию Рымника. Здесь же следует отметить, что Антим, который всегда отличался скромностью и, одновременно, чувством собственного достоинства, никогда не стремился к почестям и не добивался высоких должностей. Антим писал Константину Брынковяну, что он и в мыслях не имел стать архиереем в епархии Рымника, но «поскольку Бог, тот, который все устраивает к лучшему, так пожелал, он покорился божьей воле и пробыл там три года без двух месяцев»¹⁰⁹.

Пребывание Антима Иверийца епископом Рымника ознаменовалось проявлением еще одной стороны многогранного таланта этого выдающегося деятеля. Н. Йорга пишет: «Антим был не только искусным типографом, но и непревзойденным каллиграфом. Он и гравер, и рисовальщик. Видимо, он был и живописцем, т. к. традиция приписывает ему роспись рымникской часовни»¹¹⁰.

В Рымнике широко проявились и организаторские способ-

¹⁰⁷ Condica Sfință, p. 98—99.

¹⁰⁸ Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. 423.

¹⁰⁹ Antim Ivireanul. Opere, p. 227—228.

¹¹⁰ Iorga N. Inscripii în bisericile României, I. Buc., 1905, p. 175.

ности епископа Антима. Документы свидетельствуют о том, как ревностно заботился он об увеличении имущества епархии путем покупки земель, виноградников, мельниц и лесов¹¹¹. В епархии не только строились служебные дома, но возводились и восстанавливались великолепные памятники зодчества. Например, как указано в предыдущей главе, при непосредственном руководстве и активнейшем участии Антима был реставрирован монастырь Козия.

За время пребывания Антима в епархии Рымника по его инициативе и при его содействии были восстановлены монастырь Сурпателе, церковь Хотэрень и монастырь Говора. Как известно, в последнем имеется фресковый портрет Антима Иверийца, что еще раз свидетельствует о его большом вкладе в дело реставрации и обновления монастыря Говор.

Но самым знаменательным событием, связанным с именем Антима как епископа рымнического и, вместе с тем, сыгравшим решающую роль в превращении Рымника в культурный центр тогдашней Валахии, было создание типографии¹¹².

Действительно, первое, что предпринял Антим по приезде в Рымник, была организация первой в этой епархии типографии. Он привез из Снагова румынскую и греческую шрифт-кассы, а также типографское оборудование, обновил кое-что в них и приступил к книгопечатанию. За три года пребывания Антима на посту рымнического епископа в типографии епархии было издано 10 книг.

Первой книгой, опубликованной Антимом в сентябре 1705 года на греческом языке, был «Том радости»¹¹³ (792 страницы). Книга технически была исполнена столь безукоризненно, что, по единодушному признанию специалистов, она считается одним из наиболее блестящих образцов печатного искусства¹¹⁴.

В том же 1705 году Антим напечатал в той же типографии еще три книги на румынском языке: «Антологийон»¹¹⁵ (406 страниц), «Евангелие»¹¹⁶ (400 страниц) и «Краткое поучение о тай-

¹¹¹ Şerbănescu N. Documente în timpul pastoriei mitropolitului Antim Ivireanul la Rîmnic.—Mitropolia Olteniei, XVIII (1966), p. 845—851.

¹¹² Sacerdoţeanu A. Tipografia Episcopiei Rîmnicului (1705—1825).—Mitropolia Olteniei, XII (1960), № 3—4, p. 295—293; Dimitrie Coravu. Tipografi de la Rîmnic din prima jumătate a secolului al XVIII-lea.—Mitropolia Olteniei, XIX (1967), № 1—2, p. 45.

¹¹³ Tomul Bucuriei. Rîmnic, 1705, R. V., № 149.

¹¹⁴ Rămureanu I. Luptator pentru ortodoxie.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, № 8—9, p. 836.

¹¹⁵ Antologhion. Rîmnic, 1705, R. V., № 147.

¹¹⁶ Evanghelie. Rîmnic, 1705, R. V., № 148.

не покаяния»¹¹⁷ (25 страниц). Более подробного рассмотрения заслуживает эта последняя книга, так как она была составлена самим Антимом. Книга представляет собой руководство для священников в их церковной деятельности. Однако она преследовала цель духовного воспитания не только священников, но и паствы в целом. Разумеется, эти поучения были составлены в чисто теологическом духе. Антим гневно клеймил пьянство, разврат и другие пороки, призывал читателей избавиться от них: «...целый день пьете в трактирах, склонные к всевозможному разврату, к несправедливости, к лживым словам, к ложным клятвам и богохульству, к убийству, клевете и зависти, вражде и гонениям»¹¹⁸. Источниками всех этих зол Антим считал невежество и неграмотность, в которых «прозябают люди». Человек грешит, писал он, потому что не умеет читать и, следовательно, не может набираться мудрости из церковных книг. Неграмотный человек уподобляется скоту и слепым. Великолепным ораторским приемом, с малой и выразительной фразой, утонченными выражениями он призывал читателей положить конец злоупотреблениям. «О христиане, о родители и братья, доколь будем пребывать во зле и во грехе, доколь будем спать в постели лени?... Зачем ради пьянства, ради горького сладострастия, вонючего разврата, ради денег, ради мирских почестей; которые все — бесчестье, делаем создателя и отца нашего Бога недругом нашим и добровольно отдаем неприятелю божьему и нашему — дьяволу? Доколь не опомнимся? Доколь не успокоимся? Доколь не вылечим страсти души нашей? Доколь не возненавидим грех и не возлюбим добродетель? За что мы так неблагодарны спателю и нашему добродетелю?»¹¹⁹

В 1706 году Михай Иштванович, отправившийся в Трансильванию, по приказу Константина Брынковяну, вновь возвратился к своему учителю Антиму. Все книги, изданные в Рымникской типографии в 1706 году, напечатаны Михаем Иштвановичем. Особо следует отметить «Молитвенник»¹²⁰ (468 страниц), напечатанный на румынском языке. «Молитвенник» был переведен с греческого Антимом, и он содержит сведения о его жизни. В предисловии Михая Иштвановича упоминается о том, что Антим когда-то был рабом; говорится о приглашении его Константином Брынковяну в Валахию; дается прекрасное сравнение Антима с библейским Иосифом, который был продан в рабство в Египет. Затем в предисловии повествуется о типографской

¹¹⁷ *Invățătura pre scurt pentru taina pocaini/ii*. Rîmnic, 1705, R. V., № 149.

¹¹⁸ *Antim Ivireanu l. Opere*, p. 350.

¹¹⁹ *Ibidem*, p. 350—351.

¹²⁰ *Molitvenic*. Rîmnic, 1706, R. V., № 150A.

деятельности Антима, его заслугах в распространении печатания не только в Валахии, но и за ее пределами, в частности в Сирии¹²¹.

В 1706 году Михай Иштванович напечатал в Рымнике «Октоих»¹²² (174 страницы) на румынском и старославянском языках. В книге помещены гравюры, нарисованные Антимом.

В том же году Михай Иштванович издал еще две книги: «Краткое слово о святых спасительных страстях господина нашего Иисуса Христа» (51 страница) на греческом языке¹²³ и «Восхваление Николая Чудотворца» (28 страниц) на греческом языке¹²⁴.

27 января 1708 года скончался митрополит Валахии Феодосий, который занимал этот высокий пост (с перерывом в 7 лет) еще с 1668 года¹²⁵. Он завещал занимаемую им должность рымникскому епископу Антиму Иверийцу, и в 1708 году Антим был избран митрополитом Валахии. Вот как описывает летописец Константин Брынковяну Раду Гречану церемонию избрания и введения в сан митрополита Валахии Антима Иверийца: «Митрополит Валахии Феодосий, — пишет летописец, — был торжественно погребен при участии двух патриархов — Александрийского и Иерусалимского, и всех архиереев, находившихся в стране, всех священников, игуменов и множества народа. После [погребения] его светлость Константин вошел в дом владыки вместе со святыми патриархами, архиереями и со всеми боярами и начал вести беседу о выборе владыки, который смог бы пасти стадо Христово. По завещанию покойного отца митрополита Феодосия его место должен был унаследовать его святейшее рымникский епископ Антим. Это завещание было принесено и прочитано перед всеми присутствующими. Тогда все отцы — патриархи и другие архиереи и бояре — единогласно заявили его светлости, что, так как старый пастырь, покойный отец [митрополит] решил и выбрал упомянутого епископа рымникского, то да будет он, а не другой архиереем и владыкой. И его светлость, убедившись в том, что все согласны, чтобы так было, пригласил его (Антима. — О. Г.) в дом владыки и передал ему посох [митрополичий]»¹²⁶.

¹²¹ Ibidem, p. 3—5.

¹²² Octoih. Rîmnic, 1706, R. V., № 151.

¹²³ Cuvînt la pațima cea mîntuitoare a Dummnezeuomului. Rîmnic, 1706, R. V., № 152.

¹²⁴ Cuvînt panegirie la St. Nicolae. Rîmnic, 1706, R. V. № 153.

¹²⁵ Iorga N. Inscipții, I, p. 240; Șerbănescu N. Mitropolitul Teodosie al Țării Românești.—Studii teologice, IV (1952). p. 330—351.

¹²⁶ Radu Iog. Greceanu. Istoria domniei lui Constantin Brâncoveanu Voievod (1688—1714). Ed. A. Ilies. Buc., 1970. p. 161.

Раду Гречану далее повествует о том, как Константин Брынковяну послал Григорашко Чоходара в Константинопольскую патриархию для получения «экдосиса» (введения в должность) и «метатезиса» (перехода из одного города в другой). Акт о введении в должность «экдосис» подписал вселенский патриарх Киприан 10 февраля 1708 года. В нем, в частности, было сказано: «Так как скончался святой митрополит Валахии Феодосий и перенесся в вечность, и эта пресвятая митрополия осталась без архиерейской заботы, нужно было без промедления, чтобы в ней занял место другой архиерей и пастырь для руководства духовным стадом... Свершилось... в святой нашей патриаршей церкви святого великомученика Георгия каноническое избрание, нашим патриаршим советом и решением Синода архиереев-собратьев был избран и предпочтен другим, как наиболее подходящий, любящий Бога, как честный и набожный человек и украшенный достоинствами, соответствующими архиерейскому усердию, рымникский епископ Антим, дабы принял архиерейское начальство над этой митрополией»¹²⁷.

19 февраля Григорашко Чоходар прибыл в Бухарест, привезя письменный приказ вселенского патриарха бывшему митрополиту Адрианополя Клименту, также находившемуся в Бухаресте, перевести Антима из рымникской епархии «во владычество страны», что и было осуществлено 21 февраля 1708 года¹²⁸.

22 февраля 1708 года, в воскресный день великого поста, после того, как Александрийский патриарх отслужил литургию в митрополии, Константин Брынковяну послал великого постельничего, Стефана Кантакузино, с «красивой каретой господаря и великолепной свитой в митрополию пригласить его (Антима.— О. Г.) ко двору. Прибывшего во дворец [Антима] провели по парадной лестнице в Диван. Там он встретился с его величеством Константином, который поцеловал ему руку и сердечно поздравил с пастырством. После краткой беседы его величество пригласил всех в другую комнату, где, угощаясь водкой, [бояре] подошли поздравить его и приложиться к его руке. После этого его святейшество в сопровождении вышеупомянутого великого постельничего вернулся в святую митрополию»¹²⁹.

Таким образом, место митрополита Валахии занял Антим Ивериец, «самый достойный среди иерархов»¹³⁰, как об этом говорится в поминальнике митрополии Валахии. «Пришел чело-

¹²⁷ Documente, vol. XIV, par. 3, p. 402.

¹²⁸ Greceanu R. Op. cit., p. 168.

¹²⁹ Ibidem, p. 182.

¹³⁰ Iorga N. Istoria literaturii românești în secolul al XVIII—lea, I. Buc., 1910, p. 422.

век на землю Валахии, пришел свет, Антим божеский Унговалахии, из благочестивого рода мудрых иверов»¹³¹, — писал Никифор Марталис.

Став митрополитом, Антим, уже «первый сановник страны», не прекращает заниматься любимым делом — печатанием книг, несмотря на большую занятость церковными и государственными делами.

Именно в труде типографа-мастера, «вершин которого он достиг благодаря своему удивительному таланту», Антим чувствовал огромную радость, так как органически был связан с ним почти всю свою жизнь и расценивал его как одну из наиболее важных и необходимых отраслей деятельности человека. «Так как не обладаю иной силой, — писал еще в 1701 году Антим с присущей ему скромностью, — я не отказывался и никогда не откажусь быть, по мере сил моих, полезным моим братьям во Христе, печатая книги, полезные и спасительные для души»¹³².

Среди первых дел Антима в качестве митрополита было перенесение типографии из Рымника в Тырговиште. В этой типографии Антим в 1709 году напечатал книгу на греческом языке (объемом в 1600 страниц). Она называется «Книга, содержащая полностью всю церковную службу»¹³³.

В 1710 году в Тырговиштской типографии издается «Служба святой Екатерины и проскинитарий (книга молитв — О. Г.) святой горы Синай»¹³⁴ (50 страниц) на греческом языке, «Догматические поучения»¹³⁵ (194 страницы) на греческом языке, «Псалтырь»¹³⁶ (462 страницы) на румынском языке. Последнюю книгу напечатал ученик Антима Георге Радович¹³⁷.

Среди книг, изданных в Тырговиштской типографии в 1710 году, имеется интересная книга маленького формата и объема (45 страниц), напечатанная скромным черным шрифтом. Эта

¹³¹ Bibliografia Românească Veche, I, p.48:—482.

¹³² Eortologhion. Snagov, 1701, p. 5, R. V., № 126.

¹³³ Carte de peste tot anul, cuprinzind fără lipsă, tot serviciul bisericesc. Tirgoviste, 1709, R. V., № 157.

¹³⁴ Carte cuprinzind slujba sfintei Ecaterina și proshchinitariul sfintului munte Sinai. Tirgoviste, 1710, R. V., № 159.

¹³⁵ Panoplia dogmatică. Tirgovişta, 1710, R. V., № 160.

¹³⁶ Psaltire. Tirgovişte, 1710, R. V., № 161.

¹³⁷ Как известно, первая печатная продукция Георге Радовича вышла в свет из Снаговской типографии еще в январе 1700 года. Она называлась «Христианские поучения». Именно в предисловии к этой книге Георге Радович выражает свою большую благодарность Антиму, который научил его искусству типографа. Но после 1705 г. мы видим Георге Радовича рядом с его учителем лишь спустя пять лет, в 1710 году.

книга, озаглавленная «Церковное учение»¹³⁸, является, как и вышедшая в 1705 году в Рымникской типографии книга «Краткое поучение о тайне покаяния», оригинальным произведением Антимом Иверийца, опубликованным при его жизни. Книга «Церковное учение», написанная на румынском языке, напечатана Георге Радовичем. В предисловии к ней, которое отчасти «свидетельствует о полемическом даре митрополита (Антима. — О. Г.) и об искусстве строить фразы, восхищающие всех историков нашей средневековой литературы»¹³⁹, как пишет Г. Штремпел, Антим излил свою досаду и возмущение по поводу бескультурья и невежества священников Валахской митрополии. Проявляя максимальную заботу о подъеме интеллектуального уровня церковных служителей, Антим твердил им, что малообразованность и ограниченность делают душу человеческую чертовой и уродуют ее. «Чего мне ожидать от вас?, — с негодованием обращался Антим к священникам, — Или какой помощи ждать мне от вашего деяния? Среди многих горестей, ранящих мое сердце, самая тяжелая та, что печалюсь и огорчаюсь все больше, видя в священниках моих столько невежества, глупости и непонимания, зная, что вы не можете оказать какую-либо помощь или принести пользу несчастному стаду»¹⁴⁰.

В «Церковном учении» встречаются намеки на бегство крестьян из боярских поместий, «из-за нужды», как уточняет Антим. Он разрешает священникам их исповедовать и причащать, даже если они были бы беглыми. Между строк можно вычитать сочувствие Антима к этим беднякам, которые в поисках работы и лучшей жизни, из-за нищеты и налогового гнета разлучались со своими семьями.

В течение всего 1711 года Антим Ивериец всецело был занят политическими делами¹⁴¹. В отсутствие «высокопоставленного учителя» Георге Радович, который находился рядом с Антимом в Тырговиштской типографии, видимо, не решился по собственной инициативе осуществить издание какой-либо книги. Поэтому в течение 1711 года в Валахии не встречается печатной продукции. Лишь осенью 1712 года Георге Радович под руководством Антима печатает «Октоих»¹⁴², в объеме 464 страниц на румынском языке. Книга была переведена с греческого языка на румынский самим Антимом, и издание ее им же было субсидировано. Книга эта представляет особый первый «Октоих», напе-

¹³⁸ *Invățătura bisericească*. Tirgoviște, 1710, R. V., № 158.

¹³⁹ *Ștrempel G. Prefață. — Antim Ivireanul. Opere*, p. XXXVII.

¹⁴⁰ *Antim Ivireanul. Opere*, p. 365.

¹⁴¹ См. выше в нашем соч.

¹⁴² *Octoih*. Tirgoviște, 1712, R. V., № 162.

чтанный в Валахии на румынском языке¹⁴³. Заметим, что типографская продукция последних лет жизни Антима Иверийца сыграла особую роль в распространении румынского языка в восточных церквах и монастырях. Что касается печатания «Октоиха» на румынском языке, то оно преследовало не только эту цель, но, как явствует из предисловия к этой книге, предполагало и использование «Октоиха» паствой, в том числе «детьми христиан», которые не понимали «чужого языка». Они, согласно предисловию, должны читать книгу «как в семьях, так и в школе».

В предисловии к «Октоиху» также говорится о великой заботе Антима о распространении грамотности в Валахии. «Его святейшество Антим, — писал Георге Радович, — неустанно трудится, проповедует, учит и просвещает свою паству»¹⁴⁴.

В 1712 году Георге Радович напечатал на средства Антима вторую книгу на румынском языке — «Молитвы на все дни недели»¹⁴⁵.

1713 год оказался весьма плодотворным для Тырговиштской типографии. Было опубликовано 6 книг. В первую очередь скажем несколько слов об издании Антимом «Александрии». Дело в том, что о публикации упомянутой книги мы узнаем лишь из записок современника Антима — Дель Киаро, который утверждает, что Антим напечатал «Александрию» на румынском языке¹⁴⁶. Что касается самой книги, она до нас не дошла. По мнению румынских исследователей, Антим издал «Александрию» с целью привить народу любовь к книге. В популярности «Александрии» мы можем убедиться по тому факту, что она издавалась несколько раз, в разное время. Самое раннее издание было осуществлено Антимом в 1713 году, но, к сожалению, пока еще не найден ни один его экземпляр. Румынский исследователь Д. Симонеску полагает, что восхищение героическими подвигами Александра Македонского у Антима, видимо, зародилось еще в Грузии. «Александрия», пишет далее Д. Симонеску, была первой популярной книгой, появившейся в нашей стране в тот период, когда основная цель печатного дела заключалась в издании церковных книг.

В 1713 году в Тырговиштской типографии вышли в свет, на средства Антима, «Литургии» на румынском языке (214 страниц). То были первые «Литургии»¹⁴⁷, напечатанные на румын-

¹⁴³ Er biceanu C. Cel întâi Octoih imprimat în Valahia în românește.—Biserică Ortodoxă Română, 1892—1893, an. XVI, p. 800—804.

¹⁴⁴ Octoih. Tirgoviște, 1712, R. V., № 162, p. 2.

¹⁴⁵ Rugaciuni în toat Zible saptaminii. Tirgoviște, 1712, R. V., № 162A.

¹⁴⁶ Del Chiaro. Op. cit., p. 52.

¹⁴⁷ Dumnezeestile și sfințele Liturghii. Tirgoviște, 1713, R. V., № 164.

ском языке в Валахии¹⁴⁸. В этом же году Георге Радович опубликовал «Молитвенник»¹⁴⁹ (496 страниц). Из двух примечаний в конце книги явствует, что «Молитвенник» был переведен Антимом с греческого «Евхологиона», изданного в 1691 году Николае Глики, но это был перевод переработанный. Некоторые места, во время перевода, Антим сократил, т. к. «не было нужды в этих местах»; некоторые места переделал для краткости и ясности; некоторые добавил с тем, чтобы сделать обработанный текст, фактически заново составленный им по образцу греческого, как можно более приемлемым и полезным для «священников и паствы»¹⁵⁰.

В какой степени это удалось Антиму, можно судить по тому, что после публикации «Молитвенника» на румынском языке в переводе Антима Иверийца, по нему печатались в Валахии в неизменном виде все его многочисленные издания XVIII века¹⁵¹.

Не лишено интереса издание Георге Радовичем в 1713 году в Тырговиштской типографии книги «Философские примеры»¹⁵², объемом в 114 страниц. Сначала книга была написана на французском языке, затем переведена Дель Киаро на итальянский язык, с итальянского на греческий язык ее перевел Иоанн Аврамие, а с греческого на румынский — Антим Ивериец. «Философские примеры» были предназначены для школ, «народа и высшего общества».

В том же году вышла в свет книга на греческом языке «Сентенции некоторых древних философов»¹⁵³ (56 страниц). Это та же самая книга («Философские примеры»), но в данном случае она представляла собой греческий перевод с итальянского, выполненный Иоанном Аврамие.

Любопытно и издание «Катавасиера»¹⁵⁴ (210 страниц), осуществленное усилиями Георге Радовича. Книга была напечатана на румынском, старославянском и греческом языках, причем греческий текст был набран кириллицей.

Здесь же следует отметить, что в 1713 году Антим приступил в Бухаресте к строительству великолепного архитектурного

¹⁴⁸ Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 742.

¹⁴⁹ Molitvenic. Tirgoviște, 1713, R. V., № 164A.

¹⁵⁰ Bogdan D. Op. cit., p. 152.

¹⁵¹ Ștrempel G. Prefață. — Antim Ivireanul. Opere, p. XXVIII.

¹⁵² Pilde filosofesti. Tirgoviște, 1713, R. V., № 165.

¹⁵³ Maxime ale unor vechi filosofi. Tirgoviște, 1713.

¹⁵⁴ Catavasier. Tirgoviște, 1713, R. V., № 163A.

памятника — монастыря Всех святых, носящего ныне имя Антима¹⁵⁵.

Среди книг, изданных в Тырговиштской типографии в 1714 году, особый интерес представляет маленькая брошюра — сочинение Антима — объемом в 34 страницы под заглавием «Глава приказа»¹⁵⁶, которую Антим написал на румынском языке, а напечатал ее Георге Радович. Это сочинение Антима, как и два предыдущих («Краткое поучение о тайне покаяния», изданное в Рымнике в 1705 году, и «Церковное поучение», изданное в Тырговиште в 1710 году), преследовало своей целью поднять культурный уровень священников и бороться против их косности и невежества. Антим в этом своем сочинении поучает священников, как стать полезными обществу; требует от них, чтобы они избегали лжесвидетельства, были образцом нравственности и обладали необходимыми знаниями. Антим запрещал им накапливать имущество, вести неподобающий образ жизни и настаивал, чтобы они «полностью и с честью выполняли свой долг»

¹⁵⁵ Относительно строительства в Бухаресте монастыря Всех святых в «Иерусалимской рукописи» № 605 читаем следующее: «Несомненно, его святейшество митрополит Венгровалашский, владыка Антим был нашим возлюбленным братом во Христе, заботившимся не только о благе своем, но и о благе ближнего... Задолго до этого он задумал воздвигнуть монастырь и святую обитель, чтобы восхвалять и честно служить Святой Троице... Со средствами, добытыми в поте лица своего, приступает он к строительству и воздвигает в Бухаресте святой монастырь (где находится кафедра владыки) Всех святых, который отличается своей грандиозностью и красотой и построен с большим мастерством из превосходного материала... Пристроил каменную келью, подходящую для жилья и отдыха людей, отреченных от мира сего и жаждущих смиренного служения господа при царившей в монастыре святости и справедливости. И монастырь, великоленный как внутри, так и снаружи, дар весьма ценный, как обитель Всевышнего, он щедро наделил золотом и серебром, церковными одеждами, движимым и недвижимым имуществом, как это подобало его чести и было необходимо для завершения многих неотложных дел и сохранения монастырского величия». Строительство монастыря Всех святых завершилось в 1715 году. План строительства монастыря составлен самим Антимом Иверийцем. Зарисовка этого плана находится в одной из рукописей Антима, которая в настоящее время хранится в фонде рукописей Академии наук СРР. Предполагается, что Антим Ивериец, который сочетал в себе «талант архитектора, скульптора, живописца, гравера», сам расписал определенную часть монастыря. Входная дверь монастыря из цельного дуба, которая представляет собой шедевр деревянной скульптуры, также является работой Антима.

¹⁵⁶ Capete de porunca. Tirgoviște, 1714, R. V., № 168.

наставников народа. С другой стороны, Антим всячески старался оказать помощь валашскому духовенству, в частности облегчить экономическое положение мирского клира. Известно, что мирские священники жили несравненно хуже, чем монастырские братья — черное духовенство, т. к. с них взимали поборы, как с податных. Антим добился от господаря Валахии Штефана Кантакузино, преемника Константина Брынковяну, освобождения их от налогового бремени. Согласно грамоте, подписанной Штефаном Кантакузино в 1714 году, священники освободились от всех податей, они обязывались платить ежегодно только «обычное подношение его святейшеству митрополиту и двум преподобным епископам».

Второй книгой, которая вышла в свет из Тырговиштской типографии в 1714 году, был «Часослов»¹⁵⁷ (155 страниц) на румынском и старославянском языках.

В 1714 году, как было упомянуто, Георге Радович напечатал третью книгу на румынском языке — «Катавасиер»¹⁵⁸ (210 страниц).

В 1715 году был опубликован на румынском языке «Часослов»¹⁵⁹ (539 страниц), который перевел с греческого языка на румынский Антим. Книгу напечатал Георге Радович на средства Антима.

В этом же году в Тырговиште были изданы еще две книги: «Катавасиер»¹⁶⁰ на румынском языке и «О церковных службах»¹⁶¹ (144 страницы) на греческом.

Таким образом, в течение трех лет (1713—1715) из напечатанных в Тырговиштской типографии 10 книг только две были изданы на греческом языке, остальные 8 — на румынском.

Издание литургических книг на румынском языке способствовало утверждению румынского языка как официального языка церкви Валахии¹⁶².

Как известно, в Валахии и в других странах книгопечатание на первых порах ограничивалось церковными книгами. В небольшой мере это объясняется тем, что первоначальное обучение в православных странах производилось по литургической литературе. Так, например, относительно России М. Н. Тихомиров писал: «Они (церковные книги. — О. Г.) служили первыми книгами для чтения, учебниками, по которым в России до XVIII в. вели обучение детей. Таким образом, книгопечатание уже в на-

¹⁵⁷ Ceaslov. Tirgoviște, 1714, R. V. № 169A.

¹⁵⁸ Catavasier. Tirgoviște, 1714, R. V., № 170.

¹⁵⁹ Ceaslov. Tirgoviște, 1715, R. V., № 170 A.

¹⁶⁰ Catavasier. Tirgoviște, 1715, R. V., № 171.

¹⁶¹ Despre oficiile, elericii si dregatoriile sfintelei bisericii. Tirgoviște, 1715, R.V., № 173.

¹⁶² Ş t r e m p e l G. Prefaţă.—Antim Ivireanul. Opere, p. XXIX.

чальной своей стадии в широкой степени стало служить благородным задачам народного просвещения...»¹⁶³

Сказанное позволяет оценить огромное значение издания Антимом литургических книг на румынском языке, часть из которых была переведена им самим с греческого языка, для использования в самых различных сферах культурной жизни Валахии.

Здесь же следует отметить, что, несмотря на распространение румынского языка в церквах и монастырях Валахии, как сообщает Т. Булат, в некоторых церквах вплоть до XIX века служба отправлялась на греческом языке¹⁶⁴.

В 1715 году, помимо упомянутых книг («Часослов», «Катавасиер», «О церковных службах»), издаются «Советы христианско-политические»¹⁶⁵ на греческом языке объемом в 40 страниц. Эту книгу напечатал Дионисие Флору в Бухаресте, куда Антим перенес типографию из Тырговиште. Иеромонах Дионисие Флору, работавший в Бухарестской типографии в 1715—1716 годах, также являлся «одним из учеников великого митрополита Антима»¹⁶⁶. Напечатанные Дионисие Флору «Советы христианско-политические» представляли собой «антологию сентенций», т. е. нравоучительных изречений, составленную Антимом в стихах. Как говорится в предисловии к книге, Антим «собрал из сентенций древних ученых самые выразительные и подходящие, то есть способствующие управлению, и изложил их в простых политических рифмованных стихах, чтобы их было легче понять и запомнить»¹⁶⁷.

В 1716 году Антим в типографии, основанной им при монастыре Всех святых, начал печатать книгу «Святая, или Иудейская история»¹⁶⁸.

Таким образом, при непосредственном участии и под наблюдением Антима Иверийца на протяжении 25 лет в Валахии были напечатаны 64 книги. Эти данные ясно указывают на то, что книгопечатное дело в Валахии указанного периода резко отличалось от предшествующего периода и находилось на более высоком уровне. Например, в течение всего XVII века не только

¹⁶³ Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России. — У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 12.

¹⁶⁴ Bulat T. Un secol de la introducerea deplină a limbii române în biserică ortodoxă din Principatele Române (1853—1963).— In: Clasa bisericii, 1963, XXII, № 9—10, p. 902—912.

¹⁶⁵ Sfaturi crestine politice. București, 1715, R. V., № 172.

¹⁶⁶ Dobrescu N. Op. cit., p. 47.

¹⁶⁷ Sfaturi crestine politice, p. 3.

¹⁶⁸ Istoriei sfintă adica Iudaica. Buc., 1716, R. V., № 176.

в типографиях Валахии, но и в Молдавском княжестве было издано всего 89 книг (из них 12 книг было напечатано самим Антимом с 1691 по 1699 г.), не говоря уже о XVI веке, когда было напечатано лишь, 38 книг.

Из 64 книг, вышедших в свет из типографий Валахии за время пребывания Антима в этой стране, 30 было напечатано на греческом языке, 24 — на румынском, 1 — на старославянском, 5 — на двух языках (румынском и старославянском), 2 — на двух языках (арабском и греческом), 1 — на трех языках — (румынском, старославянском и греческом), 1 — на двух языках (румынском и греческом). По месту издания книги можно распределить следующим образом: в Бухаресте было напечатано 20 книг, в Снагове — 14, в Рымнике — 10, в Тырговиште — 19, в типографии монастыря Всех святых — 1. Из перечисленных изданий четыре книги написаны самим Антимом, шесть книг переведены им же с греческого языка на румынский, десять книг он сопроводил предисловиями, а для пяти книг сочинил стихи.

Творческое наследие Антима Иверийца состоит из трудов, напечатанных при его жизни, и трудов, оставшихся в рукописях или напечатанных много времени спустя после смерти Антима, в XIX и XX вв.

Считаем необходимым сказать несколько слов о проповедях, рукописях и письмах Антима, ограничившись их кратким анализом.

В первую очередь, мы имеем в виду «Проповеди», или «Дидахии» Антима, являющиеся наиболее значительными произведениями, оставленными Антимом последующим поколениям. Сохранилось 28 проповедей, произнесенных Антимом во время правления Константина Брынковяну и Штефана Кантакузино. Эти «Дидахии», говоря словами Йорги, «венец и слава»¹⁶⁹ Антима, впервые были опубликованы лишь в 1886 году, спустя 170 лет после его смерти.

Румынский ученый Г. Штремпел, подвергая критическому анализу существующие в буржуазной науке взгляды на творчество Антима, отмечал, что он является первым великим церковным оратором Валахии, который заменил сухие и стереотипные проповеди, читавшиеся в церкви, живой проповедью, связанной с повседневной жизнью, призванной обличать и исправлять то, что противоречило христианской морали и этике¹⁷⁰.

В самом деле, сравнение «Дидахии» Антима с проповедями его предшественников, которые произносились на старославянс-

¹⁶⁹ Iorga N. Istoria literaturii românești, I, p. 427.

¹⁷⁰ Ştrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Predici, p. 38—39.

ком и греческом языках¹⁷¹, показало, что последние носили общий, отвлеченный, а не злободневный характер. Это была стереотипная проповедь (одна и та же проповедь произносилась на протяжении многих лет), не увязанная с жизнью. Благодаря Антиму осуществился переход от чисто книжной проповеди к проповеди живой, воодушевленной пафосом проповедника, связанной с нуждами и чаяниями народа и страны¹⁷².

Ряд румынских буржуазных ученых (епископ Мелкиседек, Н. Йорга, Н. Добреску) полагают, что на проповедях Антима сказалось большое влияние выдающегося оратора восточно-православной церкви Ильи Миниата. Конечно, принимая во внимание давность установившейся традиции в этом жанре ораторского искусства и авторитетные образцы, признанные к тому времени во всех православных церквях, об абсолютной оригинальности проповедей Антима говорить не приходится. Но недавние исследования доказали, что тесной зависимости проповедей Антима от проповедей греческого проповедника Ильи Миниата не существует. Антиму принадлежит заслуга создания самого оригинального произведения древней румынской религиозно-проповеднической литературы¹⁷³.

Помимо того, что «Проповеди» Антима представляют большую художественную ценность и являются одним из самых выдающихся литературных памятников Валахии XVIII века¹⁷⁴, они отражают многие социальные и моральные воззрения того периода и содержат важные сведения об экономической и политической жизни Валахии в начале XVIII века.

В «Проповедях» особенно ярко проявились социально-политические взгляды Антима, в которых отразились прогрессивные стремления эпохи, связанные с борьбой против османского ига. Намеки на тяжелые последствия османского владычества в Валахии и едва прикрытая ненависть к иноземным поработителям служат чуть ли не основной темой публичных выступлений Антима. В первой же речи, произнесенной им в сане митрополита страны, Антим говорил о валахах как о народе, который сохранил свою веру «свято и незапятнанно», несмотря на то, что он

¹⁷¹ Примечательно, что речь на церемонии посвящения в сан митрополита Валахии Антим произнес на румынском языке. Это был первый случай, когда при занятии высшей должности в церковной иерархии Валахии официальное лицо обратилось к аудитории по-румынски (см. Ştrempelel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, XXXI).

¹⁷² Ciurea I. Antim Ivireanul predicator și orator.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, № 8—9, p. 777.

¹⁷³ Istoria Românicilor, III. Buc., 1964. p. 263.

¹⁷⁴ Ştrempelel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Prédici.

находится в окружении «чужестранцев» и испытывает «столько нужд и бедствий», исходящих непрерывно от завоевателей.

Как и другие теоретики просвещенного абсолютизма, Антим защищал абсолютную монархию, в то же время критикуя тиранию. Вспомним, что писал видный деятель молдавской культуры Д. Кантемир по этому вопросу. Он утверждал, что «там, где господствует тирания, правда изгоняется»¹⁷⁵. Антим же пытался давать советы господарю Валахии, желая, чтобы тот руководствовался в деле правления страной принципами справедливости, честности, уважения к человеку, ибо «в государстве, где светится справедливость, подданные всегда счастливы», — отмечал Антим. Тот, кто властвует и управляет другими, должен быть образцом справедливости и примером человечности», так как власть царей и господарей состоит в том, чтобы изменять и направлять волю народа по образцу собственной воли, и они смогут это сделать лишь в том случае, если первыми будут выполнять то, чего требуют от других». В одной из своих проповедей Антим приводит в пример китайского императора, который сам толкал повозку, и Александра Македонского, несшего в руках дрова. Антим строго напоминает власть имущим притчу о философе, который, слыша, как разбойники и злодеи молили богов спасти их от бури, посоветовал им: «Замолчите, чтобы боги не заметили вашего присутствия, иначе они определенно отправят вас ко дну». Румынский ученый А. Дуцу отмечает, что в литературе той эпохи только у Кантемира можно найти подобие такому строгому приговору, но критика Антима гораздо более резка, что бесспорно подтверждается также его постоянными призывами к более прочному укреплению добродетели¹⁷⁶.

Одной из основных черт социально-политических взглядов Антима является критика злоупотреблений крупного валашского боярства и сочувствие к крестьянству. В своих «Проповедях» Антим резко укоряет валашских бояр за жестокую эксплуатацию крестьян, за проявление несправедливости и беспощадности по отношению к народу. «Из всех митрополитов, которые занимали этот высокий пост в Валахии, — пишет Г. Штремпел, — Антим был единственным, кто посмел возвысить свой голос против бояр, грабивших народ»¹⁷⁷. И действительно, Антим особо подчеркивал бедственное положение народа: «Все мучаются, все скорбят, все стонут в тяжелом жизненном ярме», в то же время люди «жадные и ненасытные», «грабят, обирают и тер-

¹⁷⁵ Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв. — Сборник избранных текстов. Под редакцией акад. К. И. Гулиану. М., 1961, с. 50.

¹⁷⁶ Du fu A. Antim Iviréanu et les solidarités modernes. — Rev. roum. d'histoire. Buc., 1976, p. 319.

¹⁷⁷ Ştrempel G. Prefaţă.—Antim Ivireanu I. Predici, p. 54.

зают бедных», когда идут исповедоваться, не говорят духовнику, что «едят плоть и труд брата своего, христианина, и пьют кровь и пот с его лица, а говорят, что ели рыбу за княжеским столом в среду и пятницу, а в пост — раков и растительное масло и не пили вина». И сорокодневные молитвы, заказанные богачами, тоже из средств, накопленных путем «грабежа и несправедливости».

Обличая пороки современного ему общества, Антим в своих «Проповедях» показывает, в какой роскоши живут богатые и власть имущие, противопоставляя этой роскоши нищенское состояние простого народа и его бесправие. Антим строго осуждал эту несправедливость: «Почет и хваза полагаются не только сильным и богатым, — говорил Антим, — и смиренные и бедные люди достойны их. Хотя сильные мира сего блистают дорогой одеждой, а маленькие люди не имеют, чем прикрыть тело, богатые спят в мягких и красивых постелях, а бедные — на голой земле и на соломе; тех сопровождает множество слуг, а эти лишены дружеской помощи, те предаются неге и наслаждениям, а этим, бедным, всегда сопутствуют бедствия и печали. Несмотря на эти разграничения, маленьким людям полагается воздавать не меньше почестей и любви, чем сильным и богатым. Разве справедливо, чтобы сильным и богатым поклонялись все, а над маленькими и бедными издевались?...»

Антим решительно выступал против беззакония, рутины, падения морали, осуждал затхлость и косность во всех проявлениях общественной жизни. Он приводил пример с червяком, находившимся в корне хрена, которому «если кто скажет выйти оттуда и перейти в другие, лучшие, более сладкие корни, он ответит, что слаще хрена нет ничего, т. к. он там родился и кроме хрена ничего не видел».

Антим критиковал вражду и зависть, царившую между людьми: «Пятая заповедь гласит, чтобы мы не убивали, а мы, если не можем убить палкой или саблей, убиваем языком, и если не можем убивать других, убиваем сами себя пронизанные злобой».

Антим строго осуждал тщеславие, страсть к нарядам и румянам у женщин, принадлежавших к господствующей среде. Он говорил о Сарре, жене Авраама, которая не стеснялась принимать гостей, когда месила тесто. «Есть ли сейчас хотя бы одна такая? — спрашивал Антим. — Нет! — отвечал сам. — Посмотрите на руки Сарры, они у нее все в тесте. Посмотрите на руки нашей теперешней женщины. Они увешаны кольцами и драгоценностями. Посмотрите на лицо Сарры, оно полно муки и набожности. Смотрю я на лицо нашей женщины, оно выражает дьявольское вожеление».

Антим порицал тех, кто ругает родителей и бесчестит ста-

риков, кто клеветает и доносит на других. «Тот, кто доносит на других, тем самым обкрадывает и уродует свою душу, свой внутренний мир. Что за противная привычка доносить на своего же брата, христианина и тем самым губить его? Пора покончить с этим безобразием; ибо знайте, что на исповеди грех доноса ни за что не будет прощаться, т. к. этот грех тяжелее, чем убийство».

Антим жестоко бичевал тех, кто ревностным исполнением религиозных правил хочет искупить грех своих пороков, совершенных им. «Какая польза, — говорил Антим, — если тело будет лишенным еды, а душа полна грехами? Какая польза быть желтым и сухим от поста, и вместе с тем пронизанным завистью. Какая польза не пить вина, но пьянеть от яда гнева! Какая польза не есть мяса, но вырывать мясо у своих братьев?»

Антим не аргументировал свои утверждения теологически, но изображал все стороны жизни и быта народа, как они есть на самом деле. Он говорил о грабеже, вершимом боярами — его современниками, а не о событиях давних времен или надуманных, при этом указывая перстом на присутствующих на проповедях представителей феодальной иерархии.

Основную причину социального неравенства, несправедливости и тяжелого положения крестьянства Антим видел в жестокости и произволе бояр, погрязших в «закоренелых грехах», какими являются вымогательство, злоба, подлость, зависть. Эти недостатки людей, по словам Антима, являлись карой, которую ниспослал Бог всем «увязшим во зле» за их грехи. Ограниченность мышления Антима, отражавшая прежде всего теологическую сторону в его мировоззрении, вполне объяснима условиями времени. Проявляя истинное человеколюбие и близко принимая к сердцу страдания простого народа, Антим, разумеется, не призывал эксплуатируемых к ликвидации тех 42 видов налогов, которые взимались тогда с валашского крестьянства. Конечно, своими проповедями Антим не преследовал цель устранить феодальный режим в Валахии. Его социальное мировоззрение, по существу, отражало интересы господствующего класса того времени, и он осуждал лишь самые грубые проявления феодального гнета. Но критика современного ему общества и частые указания на трудное экономическое положение валашского крестьянства, основанные на знании тяжелой жизни эксплуатируемого класса, сами по себе весьма значительны и ярко выражают искреннее сочувствие Антима, проявляемое им к трудовому народу.

Социально-политические взгляды Антима были прогрессивными для того времени и выражали настроения передовых представителей боярства. Это может со всей яркостью подтвердить обращение к труду Д. Кантемира «Иероглифическая история»,

которая является страстным социально-политическим памфлетом, написанным в аллегорической форме (героям были даны символические имена животных). В этом своем труде Д. Кантемир беспощадно критиковал бояр, этих «хищных зверей и птиц», которые безжалостно угнетали и обкрадывали народ; он с сочувствием писал о крепостных, утверждая, что «к бедным нужно относиться с жалостью», и сравнивал жизнь крепостного со страданиями заживо сжигаемого человека¹⁷⁸.

Следует уделить внимание и другой (кроме «Проповедей») рукописи под названием «Образы Ветхого и Нового Заветов»¹⁷⁹, которая является одним из оригинальных и интересных произведений Антима. 1 июля 1709 года в Тырговиште он преподнес эту рукопись в дар Константину Брынковяну. «Образы Ветхого и Нового Заветов» представляют собой иллюстрированную историю Библии, содержат, говоря словами Антима, «лики знаменитых людей, которые встречаются в Священном писании — в Библии и в Евангелии, и краткое собрание историй, происшедших в их жизни..., как тех, кто жил праведной жизнью, так и тех, кто жил жизнью недостойной, начиная с Адама и до Христа...». В рукописи художественная ценность которой больше, чем литературная или историческая, 503 портрета, 3 эскиза и 8 рисунков в медальонах, выполненных, по всей вероятности, самим Антимом¹⁸⁰. Размеры медальонов, за редким исключением, составляют 32 мм снаружи и 28 мм внутри. На белом поле каждого медальона — имя человека, изображенного на нем. Образы пророков, патриархов, королей, королев написаны «с тонкостью самого искусного мастера, в живых и свежих красках»¹⁸¹. Близкое рассмотрение фактуры портретов рукописи показывает, что одежда персонажей, если не совсем идентична, то очень близка к одежде господарей Валахии, бояр и их жен времен Антима. Особое внимание уделил художник женским портретам, выполненным с замечательным изяществом и превосходным зна-

¹⁷⁸ Передовые румынские мыслители XVIII—XIX вв. — Сборник избранных текстов. Под ред. акад. К. И. Гулиану, с. 51.

¹⁷⁹ Berchet S. Documente slave de prin arhive ruse, fasc. I. Buc., 1920, p. 17; Idem. Un manuscris de zugrăveală al mitropolitului Antim-Comisiunea monumentelor istorice. Chişinău, 1928, p. 125; Ştrempel G. Un „Cronograf“ ilustrat atribuit mitropolitului Antim Ivireanul.—Romanoslavica, 1966, g. 309—353.

¹⁸⁰ Вопрос об авторстве Г. Штремпел считает особенно трудным и по сей день нерешенным. Он полагает, что идея создания этого иконографического произведения, указания насчет места, какое должны были занять на странице разные персонажи, и контуры рисунков принадлежат Антиму, а полное осуществление их пока считается творчеством Николае.

¹⁸¹ Ştrempel G. Prefaţă.—Antim Ivireanul. Opere, p. 443.

нием законов живописи и анатомии. Портреты Евы, Ревекки, Юдифи, Есфири и др. выделяются такими достоинствами, которыми «мог бы гордиться любой великий художник того времени»¹⁸². По предположению В. Бретулеску, медальонная форма изображений из «Образов Ветхого и Нового Заветов», которая напоминает медальоны, имеющиеся на колоннах нефа Снаговского монастыря, где в 1694—1701 гг. подвизался Антим, позволяет уловить связь между миниатюрами из указанной рукописи и живописью на колоннах этого монастыря¹⁸³. Рукопись свидетельствует о большой культуре и эрудиции автора. Он был отличным знатоком не только церковных писаний, но и произведений греческих и римских историков, философов и писателей, которых он цитировал и комментировал. Так, например, Антим ссылаясь на Страбона, Флавия, Филона, упоминал Платона, Аристотеля, Гомера, Демосфена, Софокла, Эврипида, Пифагора. Он проявлял большую осведомленность в области древнегреческой и древнеримской истории, а также истории стран Востока. В своей рукописи Антим говорил о царствовании Приама в Трое и о взятии греками Трои, об «упорядочении эллинами летосчисления», о начале Олимпийских игр, о Паламеде—создателе греческого алфавита, о Карментии, который изобрел «буквы латинянам», о Ромуле, об основании Рима, повествовал об Александре Македонском, о завоевании Греции и Египта римлянами, о первом триумvirате и о борьбе между триумвирами, об Октавиане Августе и о Тиберии, о персидском царе Кире Великом, который пошел войной против своего деда мидийского царя Астиага, разрушил Вавилон и убил последнего вавилонского царя Балтасара¹⁸⁴.

Разумеется мировоззрение Антима было теологическим. В его «Образах Ветхого и Нового Заветов» идея мессиянства занимала центральное место¹⁸⁵ и толкование явлений природы и общественно-политических событий носило религиозный характер, что было обусловлено господством религиозной идеологии в условиях феодальной эпохи.

Несмотря на это, «Образы Ветхого и Нового Заветов» являются одним из ценнейших иконографических произведений в Восточной Европе¹⁸⁶, в котором прослеживаются первые в ва-

¹⁸² Ștrempelel G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. 443.

¹⁸³ Brătulescu V. Antim Ivireanul miniaturist și sculptor, p. 774.

¹⁸⁴ Antim Ivireanul. Opere.

¹⁸⁵ Bodogoe T. Mitropolitul Antim Ivireanul.—Mitropolia Ardealului, 1966, № 9—10.

¹⁸⁶ Brătulescu V. Op. cit., p. 776.

лашской действительности попытки ввести элементы цивилизации в библейскую историю¹⁸⁷.

Теперь обратимся к рукописи, составленной Антимом, которая под № 3342 хранится в фонде Академии наук СРР и имеет следующее название: «Поучения для устройства честного монастыря Всех святых, то есть 32 главы, в которых описано все управление монастырем и порядок раздачи милостыни, которую решено ежегодно раздавать бедным и немущим из монастырских доходов» и т. д. Рукопись в кожаном переплете, украшенном грузинским орнаментом и геометрическими мотивами в золоте. В центре изображен царь Давид, сидящий на троне, который что-то пишет. Слева от него чернильница, справа — арфа. В тексте рукописи много миниатюр, выполненных разными цветами. На обороте титульного листа герб митрополита Валахии Антима Иверийца¹⁸⁸. На щите пером нарисована улитка, фон щита — красный с черными краями, под улиткой — зеленое поле, улитка поднимается рожками вверх, между рожками — звезда с шестью лучами. На щите еще венец с крестом и под ним — тиара. Весь герб помещен в круг с зелеными краями, обрамленными двумя черными линиями. Круг заключен в квадрат с каймой, вокруг которой квадратная рамка, окруженная со всех четырех сторон бутонами красных роз и распустившимися розами. Все сделано с исключительным художественным вкусом, несомненно, рукой Антима¹⁸⁹.

На обороте второго листа — писанное пером в квадратной рамке изображение будущего монастыря. Над монастырем с двумя башнями — глобус с крестом, над ним — два ангела, каждый с зеленой веткой в руке, поддерживают венец зеленого цвета.

В предисловии к монастырскому уставу Антим пишет: чтобы принести «немного пользы душе» своей и иметь «помянутие при жизни и после смерти» и особенно из желания оказать содействие немущим из монастырских доходов, дабы «имели бедняки некоторую помощь и утешение», он воздвиг монастырь Всех святых. Антим пишет и о том, откуда он взял деньги, необходимые для строительства: «...мои сбережения, дарованные мне милостью божьей, которые я заработал многими трудами в поте лица моего...». «Но поскольку добро надо творить посто-

¹⁸⁷ Moraru M. Es sentindo politico la emblematica en la obra de Antim Ivireanul.—Synthesis, III. Buc., 1976, p. 69.

¹⁸⁸ Герб митрополита Валахии Антима, вырезанный в камне, мы находим и над входной дверью монастыря Всех святых.

¹⁸⁹ Bogdan D. Op. cit., p. 155.

янно, — указывает далее Антим, — то я решил эти обязанности узаконить (т. е. составить устав. — О. Г.)»¹⁹⁰.

При составлении устава монастыря Всех святых решающее значение Антим придавал вопросу независимости монастыря, ибо он «должен быть вечно и совершенно свободным, абсолютно самостоятельным»¹⁹¹.

Согласно уставу, во главе монастыря стоял настоятель и пять иеромонахов, последние, являясь исполнителями, надзирающими и заместителями настоятеля монастыря, назначались самим настоятелем. В уставе были определены обязанности настоятеля — каким образом должен он править монастырем. Настоятель распоряжался всеми доходами и расходами, всем имуществом монастыря. Но власть настоятеля не была неограниченной. Он был обязан перед принятием какого-либо решения посоветоваться с иеромонахами, так как Антим отмечал, что «две головы лучше, чем одна». В свою очередь, иеромонахи имели право контролировать настоятеля. Они должны были следить за тем, приносит ли пользу монастырю деятельность настоятеля, не имеют ли в монастыре место нарушения устава, присвоение доходов или расхищение средств со стороны настоятеля. В подобном случае, писал Антим, настоятель «должен сперва возместить убытки, а затем подвергнуться жестокому наказанию как вор, расхититель и угнетатель неимущих. И чтобы для всех это послужило бы наглядным примером, ибо, по моему решению, монастырский доход предназначен для бедных»¹⁹².

Вообще следует отметить, что проявление заботы и внимания в отношении бедных красной нитью проходит через весь монастырский устав, составленный Антимом. Антим постановил «выдавать в великий четверг одежду для трех бедняков и трех бедных девушек»; «выдавать в день св. Димитрие бедной девушке на выданье 15 талеров в качестве приданого»; «в день св. Алексея выдавать шапку и пояс бедному юноше, собирающемуся жениться, дать ему еще 30 бань»¹⁹³. Антим обязывал также служителей монастыря оказывать всестороннюю помощь больным и не лишать их своей заботы.

Антим заботился об обучении и воспитании неимущих детей. Он организовал при монастыре специальную школу для них

¹⁹⁰ Antim Ivișeanu. Opere, p. 327.

¹⁹¹ См. с. 62—67 нашего соч.

¹⁹² В «Особой главе» к уставу, которую Антим написал 15 марта 1716 года, говорится, что настоятель ничего не должен беречь из монастырского продовольствия, будь то мясо, хлеб или вино, чтобы не позорить доброе имя монастыря. В противном случае он должен быть отстранен.

¹⁹³ Antim Ivișeanu. Opere, p. 333.

и назначил им пособие: «Трем детям бедняков, которые хотя́т учиться, выдавать по 6 бань в день на еду; в пасху — кабаньей стоимостью в два злотых и по меховой шапке, по одной паре сапог, и чтобы эти трое детей не были младше десяти и не старше 15 лет; эту милость им оказывать в течение четырех лет, т. к. за это время они могут изучить и румынский, и славянский [языки], а затем взять других на их место»¹⁹⁴. Книга для детей должна быть приобретаема за счет монастыря, а учителем назначить «самого образованного монаха», который обучит детей «грамоте и церковным порядкам». Но Антим, видимо, учитывал и то обстоятельство, что без вознаграждения учитель вряд ли взялся бы с большой охотой за дело воспитания детей. Поэтому для поощрения «воспитателя детей» он назначил специальное вознаграждение, которое составляло 15 злотых.

Антим заботился и о будущем учащихся: «Когда они окончат учение, настоятель должен им дать на руки каждому письменное удостоверение; если кто из них захочет жениться, когда придет ему время, пусть придет получить 15 талеров в качестве помощи на свадьбу»¹⁹⁵. После получения образования учащиеся сами могли решать свою судьбу, «найти свое место», как писал Антим. Он не ограничивал их в выборе будущего жизненного пути. «После двухлетнего обучения монах должен спросить детей, желает ли кто-нибудь из них получить духовное звание?» В случае согласия «он должен был быть обучен церковным правилам...»¹⁹⁶

Итак, мы видим, что Антим заботился не только о подготовке духовных кадров, но и о том, чтобы простой народ получил образование и избавился от «невежества и темноты».

Но если Антим, с одной стороны, создал детям, хотя бы немногим, нужные условия для получения образования, то, с другой стороны, от самих детей он строго-настрого требовал прилежной учебы. Тот ученик, который, не пожелав продолжать учебу, прекращал занятия до истечения четырех лет, не получал более ни денег, ни подарков, ни одежды и изгонялся из монастыря. А вместо него принимали другого ученика.

Согласно уставу, монастырские служащие должны были проявлять уважение и гостеприимство по отношению к чужестранцам, которые из-за нужды и лишений просили у них крова и убежища. «Если три чужестранца, — писал Антим, — окажутся в этой стране, то их в течение трех дней должны кормить за монастырский счет, а на третий день наградить 30 талерами, чтобы они имели возможность продолжить свой путь. Эти расхо-

¹⁹⁴ Antim Iviceanu. Opere, p. 330.

¹⁹⁵ Ibidem.

¹⁹⁶ Ibidem, p. 331.

ды должны были составлять в год 78 злотых»¹⁹⁷. То обстоятельство, что, по монастырскому уставу Антима, должны были «быть давать деньги беднякам», давать в награду деньги и одежду девушкам, вступившим в брак, а также чужестранцам и другим лицам, регулярно выплачивать жалование служителям монастыря и наемным рабочим, свидетельствует о том, что монастырь Всех святых был состоятельным, и в его экономической жизни немаловажную роль играла денежная рента. Заслуживает внимания и то обстоятельство, что накопленная в монастырской кассе сумма денег находила свое применение в следующей финансовой операции: «Для того, чтобы деньги не лежали в кассе безо всякой пользы, — читаем мы в уставе, — следует отдавать их займы желающим под расписку», с условием, чтобы взятая сумма возвращалась через год; при этом должник на каждые 100 бань должен был возратить на 7 бань больше»¹⁹⁸. В монастырском хозяйстве царяду с денежной рентой мы имеем дело и с натуральной рентой. По уставу монастыря Всех святых взимались оброки в виде «меда и вина». Можно сказать, что мед и вино были основным источником монастырского дохода, в особенности вино, так как монастырь владел обширными виноградниками. Чтобы иметь более полную картину монастырского хозяйства, отметим следующее: в монастыре были введены «реестровые книги», в которые детально заносились всякие доходы и расходы монастыря.

Антим проявлял большую заботу о библиотеке монастыря, имевшей богатый книжный фонд. «Проклинаю всех тех, — писал Антим, — кто осмелится унести хоть одну книгу из книг, которые я оставил нашей библиотеке, будь то румынская или греческая книга. В том случае, если кому-нибудь понадобится взять книгу с той целью, чтобы прочесть или найти в ней нужное для себя, то он обязан в письменном виде попросить книгу и указать срок ее возвращения. А лица, выдающие ту или иную книгу, обязаны вовремя требовать возвращения книги»¹⁹⁹.

Особое внимание заслуживает XVII глава устава монастыря Всех святых, которая носит наименование «О типографии». В этой главе Антим определяет обязанности типографа и формы вознаграждения за его труд. Например, за каждую изданную книгу типографу полагалось по три талера за лист и по 10 экземпляров отпечатанной книги, а его ученикам — по три талера за лист и по одному экземпляру отпечатанной книги. Кроме того, в случае поломки или повреждения какой-нибудь части

¹⁹⁷ Antim Ivigeanul. Opere, p. 333.

¹⁹⁸ Ibidem, p. 322.

¹⁹⁹ Ibidem, p. 334.

МО
УЧЕБНИК
2021

печатного станка или другого типографского оборудования, монастырь был обязан на свои средства обновить их.

Исключительное внимание уделял Антим подготовке кадров печатников и развитию печатного дела в Валахии. «Приказываю под страхом проклятия, — писал Антим, — чтобы типографы постоянно обучали печатному искусству, дабы не исчезло это искусство в стране и дабы не было заброшено книжное дело, которое приносит пользу стране и монастырю»²⁰⁰.

Из текста устава монастыря всех святых явствует, что его составитель был деятелем прогрессивным, гуманным, который постоянно заботился о простых людях, о повышении морали, ратовал за обучение детей бедняков, а также за развитие книгопечатания и культуры.

Важное место в творческом наследии Антима занимают два оправдательных письма, посланных Антимом Константину Брынковяну. Эти письма датированы 13 января и 3 февраля 1712 года.

Из этих писем мы узнаем, что валашские бояре, связанные с Османской Портой, и греческие «именитые церковные деятели, проникнутые завистью и злостью», обвиняли Антима и домогались его отставки «из-за некоторых событий, имевших место», и которые произошли «по наущению и при содействии» митрополита Валахии (тут подразумеваются связи Антима с русскими в 1711 году во время Прутского похода)²⁰¹.

Антим пытался убедить Константина Брынковяну в том, что никогда не имел против него злого умысла. Вместе с тем он с гордостью человека, убежденного в своей правоте, отмечал, что если бы и предпринял что-нибудь такое, что было бы неприятно господарю, то сделал бы это «по долгу как духовный пастырь, а не побуждаемый хитростью, чтобы причинить [господарю] вред телесный или духовный».

Затем Антим напомнил господарю, что он не по своей воле приехал в Валахию, «не из нужды и лишений». Также не домогался он высоких санов игумена, епископа и, наконец, митрополита страны. По этому поводу Антим писал: «...Снаговский монастырь я не взял силой, а то, что я выработал за семь лет, что я пробыл там, то не взял из доходов монастыря, а добыл в поте лица своего. Это я признаю перед всеми. И хотя не Ваша Светлость желала, чтобы я ушел оттуда, а кто был причиной моего ухода, будет отвечать перед Богом. А я ушел оттуда с честью, и никто у меня отчета не требовал, т. к. видно было, что я сделал и прибавил, а не натворил плохого и долгов не оставил»²⁰². Далее Антим писал, что у него и в мыслях не было

²⁰⁰ Antim Ivireanul. Opere, p. 334.

²⁰¹ Ibidem, p. 321.

²⁰² Ibidem, p. 325.

стать рымникским епископом, но «Бог возвысил» его в этой должности, которую он занимал в течение «трех лет без двух месяцев и сясцев». Рымникскую епархию он оставил не по своей воле, т. к. он «довольствовался этим, и ему хватало забот»²⁰³.

Что касается своего избрания митрополитом Валахии, Антим отмечал: «Митрополию я не брал ни силой, ни взятками, ни мольбами и, будучи во главе митрополии, «трудился из всех сил днем и ночью, работал руками и языком». Все, что он проповедовал как митрополит, было сказано «во славу Бога, во имя чести Его Светлости (господаря. — О. Г.) и на благо страны»²⁰⁴. Из писем Антима явствует, что враги обвинили его также и в том, что он втянул митрополию в долги.

Антим признавал, что митрополия имеет долги. Но он призывал господаря не закрывать глаза и на положительные стороны его деяний, чтобы убедиться в его честности.

Антим подчеркивал, что он заботился о митрополии как о собственном доме, а не относился к ней «как наемник, который все режет и портит». Но в наше время, — вопрошал он, — кто не имеет долгов в этой несчастной стране? Ведь я слышал, как Ваша Светлость жаловалась, что страна имеет долг в двести и больше кошельков». Эти долги, по словам Антима, «являются следствием превратностей судьбы» и именно «превратности жизни и привели как меня, так и других к долгам»²⁰⁵.

Весьма примечательны высказывания Антима, в которых можно проследить передовые для той эпохи идеи и демократические тенденции. Отвечая своим врагам, обвинившим его в том, что он по происхождению был чужестранцем, Антим писал: «Говорят, что я чужестранец, и не полагалось, чтобы я был митрополитом. Перед лицом Христа мы все равны, и ведь из чужестранцев не только я был епископом и митрополитом в Валахии, а были еще многие другие, как видно из каталогов и как ведется в любой церкви, как бывали господарями и местные, и чужестранцы, как это происходит на всем свете, ибо Бог создал мир свободным для всех»²⁰⁶.

Антим заявлял, что ему известны имена клеветников, а также побудительные причины клеветы: «Зло и зависть всегда были на свете и никогда не исчезнут, т. к. человек склонен с юных лет к хитрости и не перестает завидовать благополучию и чести другого...»²⁰⁷ Если бы он мог открыто спорить со своими врагами, продолжал Антим, как перед господарем, так и перед

²⁰³ Antim Ivişeanu. Opere, p. 326.

²⁰⁴ Ibidem, p. 325.

²⁰⁵ Ibidem, p. 332.

²⁰⁶ Ibidem, p. 325.

²⁰⁷ Ibidem, p. 336.

народом, он легко бы смог разоблачить их козни, при этом он «не оговорил и не опорочил бы никого», считая это недостойным поступком.

Антим взывал к господарю «правильно держать весы правосудия и не допустить осквернения своего слуха отравленными словами», советовал ему не торопиться «в делах политических», как он не торопился и «в церковных делах», ибо «легко сотворить зло, а исправить его трудно»²⁰⁸.

Эти письма Антима, которые отличаются яркостью мышления, точностью аргументации, энергичностью, трогательной искренностью и гордостью человека, убежденного в своей правоте, по выражению Г. Штремпела, «можно считать самой древней защитой, сохранившейся в литературе древнего румынского права»²⁰⁹.

²⁰⁸ Antim Ivireanul. Opere, p. 295.

²⁰⁹ Ştrempele G. Prefață.—Antim Ivireanul. Opere, p. XXI.

ГЛАВА IV

АНТИМ ИВЕРИЕЦ И ПЕРВАЯ ГРУЗИНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ В МОСКВЕ

В связи с деятельностью первой грузинской типографии в Москве заслуживает внимания один спорный вопрос. Речь идет о сведениях И. Нейгебаура¹, согласно которым Антим Ивериец напечатал грузинскую книгу в Снагове, в Валахии (надо думать, период с 1694 по 1701 год, т. к. именно в эти годы Антим находился в Снагове). Об этом сообщает Эмиль Пико в своем исследовании «Биографические и библиографические сведения о валашском митрополите Антима Иверийце»². Помимо этого, в статье, опубликованной в венском журнале, М. Гастер отмечает, что Антим Ивериец в Снагове издал на грузинском языке «Кондак»³.

Признали ли грузинские исследователи достоверными сведения о том, что Антим напечатал грузинскую книгу в Снаговском монастыре?

Акад. А. Г. Шанидзе оставляет вопрос издания Антимом грузинской книги в Валахии открытым до тех пор, пока не будут найдены неоспоримые доказательства, т. е. не будет найдена сама грузинская книга, напечатанная Антимом⁴. Г. Леонидзе и Ш. Курдгелашвили, исходя из того же факта, что Антим Ивериец, грузин по происхождению, печатал книг на румынском, греческом, старославянском, арабском языках, считают возможным, что он, в интересах своей родины, мог издать книгу и на родном языке. Как они отмечают, подтверждение этому можно искать только в книгохранилищах и архивах Румынии⁵.

Некоторые исследователи категорически отвергают такую возможность. В частности, Хр. Шарашидзе полагает, что сооб-

¹ Neigebauer I. Beschreibung der Moldau und Walachei. Leipzig, 1848, S. 326.

² Picot E. Op. cit., p. 522.

³ Gaster M. Die Rumanische Buchdruckern in Georgien. Heft 4.

⁴ Шанидзе А. К истории грузинской типографии, с. 156—157.

⁵ Леонидзе Г. Антимоз Ивериец, с. 18; Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 54.

ражение относительно издания Антимом грузинской книги в Валахии ничем не обосновано и возможность этого маловероятна, так как, по ее мнению, в Валахии не только не была напечатана грузинская книга, но там не был отлит грузинский шрифт⁶.

Аналогичную мысль высказал другой грузинский исследователь—Ш. Квасхвадзе. По его утверждению, версия Эмиля Пико о том, что Антим в Валахии вырезал и отлил грузинские буквы, которыми он якобы напечатал «Кондак» и послал его в Грузию⁷, ошибочна и не соответствует действительности⁸.

Е. Лордкипанидзе основным аргументом, опровергающим версию относительно издания Антимом грузинской книги в Валахии, считает то обстоятельство, что ни в Румынии, ни в Грузии, ни в какой-либо европейской стране не обнаружено грузинской печатной книги более ранней, чем «Псалтырь», изданная в типографии Арчила в Москве в 1705 году, если не принимать во внимание изданные в Риме первые грузинские книги: напечатанные в 1629 году «Иберийский, или грузинский, алфавит с молитвенником», «Грузинский и итальянский словарь» и грамматику грузинского языка Фр.-М. Маджо, напечатанную в 1643 году. Вместе с тем Е. Лордкипанидзе полагает, что, если в Валахии в начале XVIII века печатались книги на арабском, румынском, греческом и др. языках, то для этого имелись соответствующие заказы, которые выполняли Антим и другие печатники, владевшие многими языками. «Но с какой целью понадобилось бы Антиму отливать грузинский шрифт, если он не мог практически использовать его в Валахии?»⁹, — задает вопрос Е. Лордкипанидзе.

Как видим, сведения И. Нейгебаура и М. Гастера вызвали разногласия среди ученых. С нашей точки зрения, дать прямой и определенный ответ на этот вопрос действительно будет возможно лишь в случае обнаружения самой грузинской книги, напечатанной в Снагове. Однако постановка вопроса только в этом разрезе, по нашему мнению, не является верной или, во всяком случае, исчерпывающей. Надо пояснить, существовали ли в ту пору условия и факторы, которые бы вызвали необходимость изготовления грузинского шрифта в Валахии.

Обратимся к деятельности грузинского царя Арчила, связанной с созданием первой грузинской типографии в Москве в

⁶ Ш а р а ш и д з е Хр. Указ. соч., с. 94.

⁷ Соображение о том, что Антим Ивериец вырезал и отлил грузинские буквы, которыми он напечатал «Кондак» и отослал его в Грузию, принадлежит не Эмилю Пико, а М. Гастеру.

⁸ К в а с х в а д з е Ш. Указ. соч., с. 226.

⁹ Л о р д к и п а н и д з е Е. Вахтанг VI и деятели грузинской типографии. Тбилиси, 1962, с. 77 (на груз. яз.).

1705 году. Как известно, Арчил, в поисках покровительства, в 1682 году отправился в Россию. Помимо политических целей, Арчил ставил перед собой целый ряд других задач, в том числе — устройство грузинской типографии. Во время своего пребывания в Москве он общался со многими передовыми людьми того времени. Так, например, Арчил в 1686 году вступил в контакт со шведским ученым И. Шпарвенфельдом, который жил тогда в Москве, и с его помощью предпринял первые практические шаги по устройству грузинской типографии. Об этом свидетельствует сам И. Шпарвенфельд, который спустя десять лет после встречи с Арчилом в Москве, в 1696 году, писал: «В мое время династия Багратионов царствовала в Имерети, в одной из частей Грузии. С царем Арчилом, который терпел притеснения как со стороны турок, так и со стороны персов, я познакомился в Москве»¹¹. Далее И. Шпарвенфельд отмечал, что он «по просьбе царя Арчила, заказал в Амстердаме (Тотфалушу. — О. Г.) грузинский типографий шрифт»¹².

В венгерской буржуазной историографии мы находим некоторые сведения об установлении контактов между царем Арчилом и Тотфалушем. В частности, профессор П. Папай написал под заглавием «Феникс Трансильвании» стихотворный рассказ о жизни и деятельности Тотфалуша, который напечатал в Клуже в 1757 году. Этот стихотворный рассказ подробно прокомментировал Боб Петер в своей книге о венгерской литературе, вышедшей в Клуже в 1766 году. В своем исследовании современный румынский исследователь В. Молин воспроизводит по сочинению Б. Петера три из пяти строф, относящиеся к взаимоотношениям Арчила и Тотфалуша, а именно, строфы 52-ю, 53-ю и 56-ю в свободном переводе:

52-я строфа:

И после всего этого, что очень важно,
До самой Азии дошел его ценный труд,
Так как прославленный принц страны Грузии,
Пришел с желанием приступить к новым делам.

53-я строфа:

А именно, увидя пример других,
Он захотел основать у себя типографию
И, идя по следам языка предков,
Выгравировать форму букв.

¹⁰ Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями, с. XX—XXII.

¹¹ Биоркбом Г. Генрих III Кайзер и грузинский шрифт, с. 34.

¹² Там же.

Новое дело после нескольких попыток было
доведено до доброго конца.

Так как чужая буква была положена в свою форму.
Желание царя [Арчила] он похвально выполнил,
За что получил славу, доброе имя и почести¹³.

В комментариях к книге Тотфалуша «Во имя своего спасения» Б. Петер высказал аналогичную мысль: «Для грузин, которые раньше назывались иверийцами, Тотфалуш создал мастерскую по печатанию»¹⁴, — писал он в 1657 году.

Некоторые представители дореволюционной историографии также коснулись в своих исследованиях упомянутого вопроса. Например, труд М. Броссе¹⁵ содержит весьма интересные сведения, освещающие некоторые моменты деятельности Арчила и его сына Александра в связи с созданием грузинской типографии. В частности, М. Броссе в своем труде первым указал на письмо царя Арчила, в котором он высказывает благодарность мэру Амстердама Н. Витсену¹⁶ за то, что тот оказал содействие в изготовлении грузинского шрифта Тотфалушем в Амстердаме¹⁷.

Самые достоверные сведения о связи Арчила с Тотфалушем и о «гравировании грузинских букв» в конце XVII века содержит книга самого Тотфалуша — «Во имя своего спасения». В этой своей книге Тотфалуш повествует о том, что грузины, никогда не имея собственного книгопечатания, пользовались только рукописями, как и османы. Поэтому грузинский царь Арчил решил составить образцы грузинского алфавитного шрифта, которые он послал к нему, Тотфалушу, в Амстердам, а он отлил по этим образцам грузинские буквы¹⁸.

Скажем несколько слов «о великом мастере Тотфалуше».

После освобождения Голландии от испанского владычества

¹³ Molin V. Op. cit., p. 330—331.

¹⁴ Ibidem, p. 331.

¹⁵ Известный французский ученый, член Петербургской Академии, который навсегда связал свою судьбу с Грузией и внес большой вклад в изучение ее истории, основатель грузиноведения во Франции (с 20-х гг. XIX в.).

¹⁶ Николаас Витсен (1641—1717 гг.), известный исследователь-географ, юрист и политический деятель. Он был в хороших отношениях с Петром Великим, который во время своего путешествия в 1698 г. некоторое время жил в доме Н. Витсена. Более подробно см.: K. Müller K. Gotfrid Wil-Leibniz und Nicolaas Witsen. Berlin, 1958.

¹⁷ Brosset M. Histoire moderne de la Géorgie. Addition XI, partie 2, 1857, p. 349—353.

¹⁸ Molin V. Op. cit., p. 34.

страна встала на путь самостоятельного экономического и культурного развития. В частности, широкое распространение в Голландии получило типографское дело. Амстердам как полиграфический центр обратил на себя внимание всего мира. Достаточно вспомнить Иоанна и Корнелия Блаэ, которые достигли большого искусства в деле гравирования и литья букв. В мастерской Блаэ была усовершенствована конструкция типографского станка. Он стал более легким и практичным. Уже во второй половине XVII века мастерская пользовалась всеобщим признанием, и, начиная с этого времени, Голландия стала получать заказы на шрифты и типографское оборудование со всех концов земли.

В 1680 году у Иоанна и Корнелия Блаэ начинает работать молодой человек по имени Миклош Киш (или Николай Киш) Тотфалуш, уроженец трансильванского города Клуж¹⁹.

Мы не будем подробно описывать время, проведенное Тотфалушем в мастерской Блаэ. Отметим лишь, что он в совершенстве изучил дело гравирования букв и литья шрифта. Тотфалуш писал, что он может изготовить буквы любого алфавита²⁰.

В 1683 году Тотфалуш решил оставить Блаэ и организовать собственную мастерскую. Вскоре в Амстердаме начала функционировать мастерская, которая стала приносить большие доходы Тотфалушу. Заказы поступали из Франции, Германии, Англии, Италии. Эрцгерцог Козимо Медичи просил Тотфалуша приехать во Флоренцию для обучения специалистов — типографов²¹.

Слава Тотфалуша как непревзойденного мастера достигла и до стран Востока, которые были лишены возможности иметь собственные типографии. С другой стороны, культурное развитие этих стран остро ставило перед ними вопрос о необходимости печатания книг. И вот настало время, когда Тотфалуш «получил заказы на экзотические алфавиты». Первый заказ поступил из Армении, и Тотфалуш отлил шрифт по рукописным образцам армянских букв. Условия договора и срок выполнения заказа неизвестны²². Мы не будем подробно останавливаться на вопросе изготовления Тотфалушем шрифта по заказу армян. Ограничимся только словами самого Тотфалуша, который отмечал: «Из Армении сюда (в Амстердам. — О. Г.) прибыла важная персона, сам епископ, чтобы следить за этим делом (изготовлением шрифта. — О. Г.)»²³.

¹⁹ Molin V. Op. cit., p. 325.

²⁰ Ibidem. p. 326.

²¹ Ibidem. p. 327.

²² Ibidem.

²³ Письма Тотфалуша, посланные И. Шпарвенфельду 12 ноября 1686 г. и 17 января 1687 г. Перевел письма с латинского на грузинский язык Г. Це-

О высоком мастерстве Тотфалуша как «искусного гравера букв» свидетельствует одно из его писем. «Вы должны быть уверены в том, — писал Тотфалуш И. Шпарвенфельду 12 ноября 1686 года, — что в Европе не найдется никого (да не сочтут мои слова за хвастовство), кто смог бы первым сдвинуть лед и выгравировать армянские буквы с такой точностью и совершенством. Мне удалось достичь этого благодаря приобретенному навыку в области письменности разных народов... Я стал знаменит тем, что подобным своим трудом приношу пользу разным народам...»²⁴

Именно с этим известным мастером установил связь царь Арчил.

Нами уже отмечалось, что сведения из книги Тотфалуша «Во имя своего спасения» служат доказательством того, что амстердамский мастер изготовил грузинский шрифт по заказу царя Арчила. Об этом более подробно упоминал Тотфалуш в своих письмах, адресованных шведскому ученому И. Шпарвенфельду. Из них явствует, что, получив от царя Арчила рукописные образцы грузинского алфавитного шрифта в двух экземплярах в виде таблицы, Тотфалуш приготовил по грузинской рукописи несколько образцов букв и переслал их в Москву. Но, как видно, работа была выполнена на недостаточно высоком уровне и это послужило причиной того, что грузинские заказчики высказали недовольство в адрес Тотфалуша, о чем свидетельствуют слова последнего: «Редкой птицей слывет тот мастер, который, достигнув полного совершенства в своем искусстве, смог бы безукоризненно отлить хотя бы даже простые латинские буквы, которые столь обыкновенны и на изготовлении которых мастер уже набил себе руку. Как же судить об иностранных буквах, печатный экземпляр которых невозможно получить, а в рукописи, имеющейся у нас, буквы весьма отделены друг от друга. Поскольку дело касается пропорции контуров букв (так как рукописные буквы без некоторых изменений не могут быть пригодными для печати)²⁵, то каким образом мы можем правильно судить и наладить это дело как нельзя лучше, если ни я, ни кто-либо другой, каким бы сообразительным он ни был, не знаком с природой этих букв и не может определить, какая

ретели, опубликовала Хр. Шарашидзе (См.: Труды Государственной публичной библиотеки ГССР. Тбилиси, 1937, с. 37).

²⁴ Там же, с. 35.

²⁵ Известна графическая разница между буквой, написанной от руки и напечатанной, разница, существующая во всех алфавитах. В данном случае граверу Тотфалушу было трудно представить себе печатные грузинские буквы по рукописным текстам и переложить их выгравированными на наборы, изготовленные из твердого материала, трудно поддающиеся резке.

именно линия является существенной, а какая второстепенной для букв. Все это должны учесть люди, которые руководствуются неясными представлениями о деле, порученном мне, и простить меня, если я не все выполню так, как им хотелось бы. Тем более им известно, что это моя первая попытка в таком плане, и поэтому она не может быть свободной от недостатков»²⁶. Затем мастер добавляет: «...я не примусь за дело, пока вы не сообщите мне ваше мнение о представленном вам пробном материале»²⁷. Как видно, это мнение, содержащее критические замечания относительно исправления и усовершенствования грузинского шрифта, было сообщено из Москвы Тотфалушу, и он, руководствуясь этими замечаниями, в конце концов завершил «изготовление букв». Тотфалуш не только «совершенно безошибочно» изготовил образцы грузинских букв для типографского шрифта, но собственноручно и отлил этот шрифт²⁸.

Такова история установления контактов между царем Арчилом и амстердамским мастером Тотфалушем и изготовления последним грузинского шрифта. Ранее мы довольно подробно говорили о том, что этот шрифт так и не попал в Москву²⁹. Но факт остается фактом. В 1703 году Арчил просит Ф. Головина разрешить печатать книги на грузинском языке в основанной им типографии³⁰. Уже спустя два года, в 1705 году, он издает «Псалтырь». Здесь еще раз стоит обратить внимание на то, что сравнение оттисков грузинского шрифта, находящегося в Стокгольме, и шрифта, которым отпечатана «Псалтырь», не подтвердило их тождества. Это обстоятельство полностью опровергает мнение целого ряда исследователей о том, что царь Арчил использовал для печатания «Псалтыри» шрифт, изготовленный Тотфалушем в Амстердаме.

Так каким же шрифтом напечатал царь Арчил «Псалтырь» и откуда он получил этот шрифт? О том, что царь Арчил до 2 июля 1703 года (до письма к Ф. Головину, в котором он сообщает, что литеры грузинского шрифта уже готовы)³¹ не только не имел грузинской типографии, но, наверное, еще даже не знал, как наладить это дело, свидетельствует следующее обстоятельство: сын царя Арчила, Александр, попал в плен к шведам при битве под Нарвой в 1700 году. Из Нарвы Александра перевели в Ревель, а потом в Стокгольм. Это должно было про-

²⁶ Письма Тотфалуша, с. 37.

²⁷ Там же, с. 38.

²⁸ Там же, с. 29.

²⁹ См. выше с. 31, 89—92 нашего сочинения.

³⁰ ЦГАДА. Фонды сношения России с Грузией, 1703, № 2, с. 10.

³¹ Там же.

изойти приблизительно в 1701—1702 гг. Из исследований Г. Биоркбома выясняется, что в то время царевич Александр установил связь с И. Шпарвенфельдом, тем самым шведским ученым, через которого царь Арчил вел переписку с Тотфалушем с целью изготовления грузинского шрифта. «В Стокгольме, — пишет Г. Биоркбом, — у Александра была установлена связь со Шпарвенфельдом, который, владея многими языками, размещал пленных. В документах шведского государственного архива мы находим письменное донесение, касающееся «Милитинского принца», как величали Александра. Это донесение, судя по почерку, написано самим Шпарвенфельдом. Итак, Александр должен был иметь сведения относительно этих типов (подразумевается изготовленный Тотфалушем грузинский шрифт, который вместо Москвы был переслан в Стокгольм. — О. Г.)»³².

Известно также, что в этот период царь Арчил вел переписку с Александром, находившимся в Стокгольме, с целью заполучить изготовленный Тотфалушем грузинский шрифт.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что приблизительно в 1701—1702 годах царь Арчил все еще ищет пути для устройства грузинской типографии. Но затем происходит, на первый взгляд, нечто совершенно непонятное. 8 декабря 1703 года Александр пишет царю Арчилу, что он пока не может выслать в Москву грузинский шрифт, изготовленный Тотфалушем, так как «остерегается его пропажи»³³. В то же время в письме от 2 июля 1703 года царь Арчил сообщает Ф. Головину, что у него уже имеются готовые литеры грузинского шрифта³⁴, и просит разрешения на печатание книги. Получается, что, несмотря на переписку между отцом и сыном, Александру ничего не известно об основанной в Москве грузинской типографии. Более того, еще за пять месяцев до того, как Александр собирался выслать тотфалушевский шрифт из Стокгольма в Москву, а у царя Арчила имелся грузинский шрифт, с помощью которого в Москве в 1705 году была отпечатана «Псалтырь».

Такое стечение обстоятельств, по нашему мнению, можно объяснить следующим образом: переписываясь со своим сыном Александром о пересылке грузинского шрифта из Стокгольма в Москву, царь Арчил одновременно предпринимал шаги для изготовления грузинского шрифта в другом месте. Ведь факт, что, когда Александр собирался выслать шрифт в Москву, Арчил уже имел новый шрифт, который был «лучше первого».

Кому мог заказать царь Арчил изготовление грузинского шрифта, которым он напечатал «Псалтырь» в 1705 году? Вновь

³² Биоркбом Г. Георгий III Кайзер и грузинский шрифт, с. 23—24.

³³ Там же.

³⁴ ЦГАДА. Фонды сношения России с Грузией, 1703, № 2, с. 10.

Тотфалушу? Но это исключено, так как последний, оставив в 1689 году Амстердам, возвратился к себе на родину в Клув, где он до конца своей жизни испытывал притеснения со стороны своих противников³⁵.

В связи с этим вопросом заслуживает пристального внимания сообщение царевича Иоанна Багратиони (1772—1832 гг.), известного грузинского писателя, переводчика и ученого, согласно которому грузинский шрифт был изготовлен в Европе, и Арчил оплатил его пересылку в Москву³⁶. Если это так, то счастье, должно быть, улыбнулось Арчилу, и он нашел мастера, который в деле изготовления шрифтов превосходил даже знаменитого мастера Тотфалуша (ведь грузинский шрифт которым была напечатана «Псалтырь» в 1705 году, имел явное преимущество по сравнению со шрифтом, изготовленным Тотфалушем, по четкости и очертанию букв). К тому же изготовление нового шрифта было связано с определенными затруднениями. Заказать шрифт у печатников, проживавших в далеких странах, а затем доставить его в Москву, в условиях войны, которую вели между собой Россия и Швеция, было нелегко (ведь в свое время царю Арчилу лишь с помощью своих знакомых — шведского ученого И. Шпарвенфельда и мэра Амстердама Н. Витсена — удалось установить контакт с Тотфалушем).

Вышеизложенное приводит к мысли, что сведения И. Нейгебаура и М. Гастера не должны расцениваться как нечто невероятное. Конечно, мы не разделяем точку зрения тех исследователей, которые полагают, что Антим напечатал грузинскую книгу в Снаговском монастыре. Но разве нельзя предположить, что он изготовил там шрифт и воспользовался им не для печатания «Кондака», как предполагают некоторые исследователи, а переслал его царю Арчилу для печатания «Псалтыри»? Как видно, у И. Нейгебаура и М. Гастера был на руках достоверный источник, указывающий на то, что грузинский шрифт был отлит в Снаговском монастыре. Но они придали этому факту неверную интерпретацию. Конечно, это только предположение, но предположение, полагаем, близкое к реальности. На самом деле, если Арчил вел переписку с царевичем Александром относительно пересылки грузинского шрифта из Стокгольма и в то же время сумел основать типографию в Москве, то, видимо, он нашел более доступный путь получения литер.

В то время, когда в 1701—1703 годах царь Арчил хлопотал об устройстве грузинской типографии в Москве, в Валахии, в частности в Снагове, работал уже прославленный печатник Антим Ивериец. Не исключено, что царь Арчил установил с ним

³⁵ Molin V. Op. cit., p. 329.

³⁶ Древняя Грузия, 1909, т. I, отд. III, с. 27 (на груз. яз.).

связь и попросил помощи в деле изготовления грузинского шрифта, а тот удовлетворил его просьбу.

Некоторые ученые высказывают сомнение в отношении самого факта изготовления Антимом грузинского шрифта в Валахии, ввиду невозможности его практического использования в этой стране. Е. Лордкипанидзе ведь пишет: «На что понадобился бы Антиму Иверийцу грузинский шрифт, если он не мог его практически использовать?»³⁷. Это, безусловно, так. Грузинский шрифт и отпечатанная с его помощью книга не могли иметь какого-либо практического применения в Валахии, так как вряд ли кто-либо из живших в этой стране, кроме Антима, знал грузинский язык. Однако если предположить, что Антим по просьбе царя Арчила изготовил грузинский шрифт, которым и была отпечатана «Псалтырь» в 1705 году в Москве, то в этом случае факт изготовления указанного шрифта в Валахии уже представляется правдоподобным.

Интересна точка зрения З. Чичинадзе относительно взаимоотношений царя Арчила с Антимом Иверийцем. З. Чичинадзе писал: «Нам хорошо известно, что упомянутый епископ (Антим. — О. Г.) относительно открытия типографии намного раньше вел переговоры с Арчилом, чем с Вахтангом VI»³⁸. Мы ничего не можем сказать о том, откуда взяты эти сведения, т. к. в своей книге З. Чичинадзе не ссылается на источник. Хотя думается, что категоричность выражения — «нам хорошо известно» — не должна быть лишена основания. Действительно, если Арчил вел переписку с Тотфалушем в Голландии относительно грузинского шрифта, то почему он не мог обратиться к знаменитому типографу—грузину Антиму Иверийцу, жившему в Валахии?

Г. Леонидзе писал: «Если на самом деле будет обнаружена напечатанная в 1697 году в Снагове грузинская книга, тогда можно предположить участие царя Арчила (в издании книги. — О. Г.), т. к. он хлопотал о делах грузинской типографии в Европе»³⁹.

Эту точку зрения Г. Леонидзе отвергает Ш. Квасхвадзе. По его мнению, Антим не мог отпечатать «Кондак» в Снагове в 1697 году и тем более при участии царя Арчила, т. к. Арчил послал рукопись в Голландию, по которой в 1687 году уже был изготовлен грузинский шрифт. Вместе с тем Ш. Квасхвадзе утверждает, что Арчил в 1697 году находился в Грузии и лишь

³⁷ Лордкипанидзе Е. Указ. соч., с. 77.

³⁸ Чичинадзе З. Грузинские типографии 1627—1916. Тбилиси, 1916, с. 80 (на груз. яз.).

³⁹ Леонидзе Г. Антимоз Ивериели, с. 16.

в 1699 году отправился в Россию (дата вторичного приезда Арчила в Россию)⁴⁰.

На первый взгляд, рассуждения Ш. Квасхвадзе весьма логичны. Однако в их категоричности можно усомниться. Хотя Г. Леонидзе высказывает мысль, что, возможно, грузинскую книгу напечатал Антим Ивериец в Снагове в 1696 году, это лишь его предположение. Бесспорно, что, если исследователь задался целью выяснить тот или иной вопрос, он должен принять во внимание не только какое-либо сведение, но и весь материал по данному вопросу. А мы знаем, что ни И. Нейгебаур, ни М. Гастер, то есть авторы, которые впервые сообщили общественности о том, что Антим Ивериец в Снагове напечатал грузинскую книгу, ничего не говорят о дате и времени ее издания. Что же касается периода деятельности Антима в типографии Снаговского монастыря, то этот период не ограничивается 1697 годом, но охватывает время с 1694 года по 1701 год⁴¹.

Исходя из этого, факты о пребывании Арчила в 1697 году в Грузии и приезде его в Россию лишь в 1699 году, приведенные Ш. Квасхвадзе в его исследовании, ни в коем случае не могут служить доказательством, опровергающим наличие контактов между царем Арчилом и Антимом. Четыре года из того времени, когда Арчилу после вторичного приезда в Москву удалось заполучить грузинский шрифт, совпадают со временем деятельности Антима в типографии Снаговского монастыря. Далее Ш. Квасхвадзе задает вопрос: «Если бы Арчил имел сведения об Антима в ту пору, когда царь Арчил, будучи в Москве, занимался делами типографии, почему он обошел Антима и начал переговоры с Тотфалушем относительно литья шрифта?»⁴². Ответ на этот вопрос таков: Царь Арчил в период переписки с Тотфалушем относительно изготовления грузинского шрифта, что датируется 1686—1687 годами, не мог иметь сведений о деятельности Антима в типографии Снаговского монастыря, т. к. Антим вступил на землю Валахии лишь в 1690 году. Если царь Арчил обошел Антима и начал переговоры с Тотфалушем относительно литья грузинского шрифта, то лишь по той простой причине, что в указанный период Антима не было не только в типографии Снаговского монастыря, но даже в Валахии.

⁴⁰ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 227.

⁴¹ Șerbănescu N. Istoria Mănăstirii Snagov. Buc., 1944, p. 66, 112.

⁴² Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 227.

Таким образом, в противовес мнению некоторых исследователей, которые считают неприемлемыми сведения И. Нейгбаура и М. Гастера относительно издания грузинской книги в Снаговском монастыре, а также наличия контактов между Антимом и царем Арчилом, который задумал организовать грузинскую типографию в Москве, можно предположить, что грузинский шрифт, отлитый Антимом Иверийцем в Снаговском монастыре, был использован царем Арчилом при издании «Псалтыри» в 1705 году в Москве.

ГЛАВА V

АНТИМ ИВЕРИЕЦ И ПЕРВАЯ АРАБСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ В СИРИЙСКОМ ГОРОДЕ АЛЕППО

Антиохийский патриарх Афанасий Даббас, с именем которого ученые связывают организацию первой арабской национальной типографии в Сирии, в г. Алеппо, прибыл в Бухарест в марте 1700 года. Вот как он описывает Бухарест того времени: «Край, украшенный многими святыми и истинно царскими церквями и монастырями и другими великолепными зданиями, особенно семинариями и школами для приобретения знаний в разных областях». Далее патриарх Афанасий восхищается Бухарестской типографией, где печатаются книги на греческом, румынском и старославянском языках. «Поэтому, — продолжает он в этом своем обращении к господарю Валахии Константину Брынковяну, — как только мы узнали в нашем далеком крае, в Антиохии, о твоей благотворительности, освященной Богом, мы незамедлительно направились в этот счастливый город, дабы увидеть и изучить все то, что мы слышали, находясь далеко, так же как и в древние времена из далеких южных краев пустилась в путь царица, чтобы постичь мудрость Соломона»¹. Прибывший ко двору Константина Брынковяну за материальной помощью патриарх Афанасий извещал валашского правителя, что священники Сирии во многих местах терпят нужду и лишения. Они не могут даже справлять службу по церковному закону, так как для приобретения арабских рукописных книг требуется много денег. В таких словах Афанасий Даббас обрисовал Константину Брынковяну ситуацию, сложившуюся в Антиохийском патриаршестве. В первую очередь именно нехватка литургических книг послужила причиной приезда патриарха Афанасия в Валахию. Совершенно прав Г. Штремпел, когда стремление Афанасия Даббаса издать в Валахии книги для православных арабов, живших между Евфратом и Средиземным морем, он объясняет тяжелым материальным положением

¹ R ă m u r e a n u. Antim Ivireanul și legăturile sale cu credinciosii din Patriarhia Antiohiei.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, № 8—9, p. 840.

этого слоя населения, приведшим к застою всякой культурной деятельности в Антиохийской епархии².

Афанасий Даббас обратился к Константину Брынковяну с просьбой помочь ему в деле печатания литургических книг на арабском и греческом языках. Валашский господарь обещал патриарху оказать свое содействие. Константин Брынковяну возложил эту миссию на Антима, который в скором времени отлил арабский шрифт и отпечатал «Службу святой литургии» («Кондак»)³, напечатанный на арабском и греческом языках. Это подтверждается весьма достоверным источником. Мы имеем в виду труд самого антиохийского патриарха Афанасия Даббаса — «История антиохийских патриархов». В этом труде Афанасий пишет: «Охраняемый Богом его величество (Константин Брынковяну. — О. Г.) приказал умелому типографу, находившемуся при нем, благочестивому неромонаху Антиму, щедро дав ему все необходимое, на расходы, тщательно отлить арабские буквы и напечатать «Службу святой литургии» на обоих языках — греческом и арабском...»⁴

Существует и другой источник, в котором хотя прямо и не указывается на то, что Антим, по поручению Константина Брынковяну, изготовил арабский шрифт и отпечатал «Службу святой литургии» на арабском и греческом языках, но зато со всей ясностью говорится о том, что Антим внес большой вклад в развитие арабского книгопечатания. Таким источником является предисловие к «Молитвеннику», напечатанному в Римнике в 1706 году, в котором Михай Иштванович хвалит своего учителя — искусного печатника Антима — за издание книг не только на румынском и греческом, но и на арабском языке: «Как мудрый Иосиф наполнил египетские закрома пищей телесной, так и твоя любовь к Богу наполнила святые и божьи церкви нашей страны пищей духовной. Что говорю я, разве только страны нашей? И стран других тоже. Православных арабов ты приобщил к радости типографского искусства, напечатав им на их языке православные книги, каковую радость они не удостоились иметь отродясь»⁵.

Следует отметить, что ученые, в основном, придерживаются единого мнения в оценке событий, связанных с прибытием антиохийского патриарха Афанасия в Валахию и изготовлением Антимом арабского шрифта по поручению Константина Брын-

² Ş t r e m p e l G. Prefaţă. — Antim Ivireanul. Opere, p. 421.

³ Trei sfinte liturghii. Snagov, 1701.

⁴ A t a n a s i e D a b b a s. Istoria Patriarhilor de Antiohia. — Biserică Ortodoxă Română, an. XLIX, № 2—3, p. 160.

⁵ Molitvenic. Rimnic, 1706. Bibliographia românească veche, p. 512.

ковяну. Вместе с тем, в арабской буржуазной историографии, по нашему мнению, не совсем точно указана дата приезда патриарха Афанасия Даббаса в Бухарест. В частности, ливанский ученый Луи Шейхо утверждает, что патриарх Афанасий прибыл в Бухарест в 1698 году⁶. Это мнение разделяет и грузинский исследователь Ш. Курдгелашвили. Ссылаясь на Луи Шейхо, он приходит к следующему выводу: исходя из того, что просьбу антиохийского патриарха Афанасия, прибывшего в Валахию в 1698 году, удалось выполнить лишь в 1701 году, когда Антим издал «Кондак», можно считать, что «опытному и искусному печатнику Антиму Иверийцу для изготовления арабского шрифта и издания одной книги понадобилось около трех лет»⁷.

Во-первых, антиохийский патриарх Афанасий приехал в Валахию не в 1698 году, а в марте 1700 года, как об этом уже говорилось выше. Это подтверждается свидетельством самого Афанасия Даббаса⁸. Во-вторых, если мы учтем то обстоятельство, что патриарх Афанасий прибыл в Валахию не в 1698 году, как думают Луи Шейхо и Ш. Курдгелашвили, а в марте 1700 года, и «Кондак» был напечатан в январе 1701 года, то Антиму для изготовления арабского шрифта и издания книги на арабском языке понадобилось 8—9 месяцев.

«Кондак» был издан Антимом в типографии Снаговского монастыря. Книга напечатана параллельным текстом (арабским и греческим) в два столбца (267 страниц), она украшена ксилографурами, сделанными Антимом. На титульном листе указано, что «Кондак» напечатан стараниями монаха Антима, родом иверийца. В конце книги тот же типограф Антим, иеромонах из Иверии, подтверждает, что напечатал «Кондак» своими руками. «Кондак» был впервые напечатан в Валахии на греческом и арабском языках на средства господаря Валахии Константина Брынковяну⁹.

Через год после издания первой арабской книги в Валахии, в 1702 году в Бухарестской типографии Антим напечатал на

⁶ Шейхо Л. История печатного искусства на Ближнем Востоке. — Ал Машрик. Бейрут, 1900, № 8, с. 355 (на араб. яз.).

⁷ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 119.

⁸ A f a n a s i e D a b b a s. Istoria Patriarhilor de Antichia, an. XLVIII № 9, p. 851. —

⁹ Simonescu D. și Murasac de E. Tipar românesc pentru arabi în secolul al XVIII-lea. Buc., 1939, p. 2.

греческом и арабском языках¹⁰ вторую книгу — «Часослов»¹¹.
Думается, что Антим, помимо «Кондака» и «Часослова», намеревался издать еще одну книгу на арабском языке. На эту мысль наводит предисловие к «Часослову», в котором Антим пишет: «Если Бог позволит нам напечатать другую книгу, мы постараемся проявить больше заботы и бдения»¹².

«Кондак» и «Часослов» были безвозмездно распространены среди арабского христианского населения. В «Истории антиохийских патриархов» Афанасий Даббас неустанно воздает хвалу и благодарность Константину Брынковяну за книги, отпечатанные Антимом на арабском языке. «А что мы дадим ему взамен за столь великое благодеяние?! А как мы отблагодарим его за его заслуги? Мы, нищие, как отблагодарим его, получившего свыше столь великое богатство; мы, смиренные, его возвеличенного с давнишних времен; мы, порабощенные, — его, свободного во всем; мы, не ученые и не вдохновленные, — его Богом умудренного и заботящегося о музах... Бедное население Востока, народ Аравии и священное духовенство, — писал Афанасий Даббас, — благословляют его (Константина Брынковяну. — О. Г.) и желают ему счастья, так как он, получив вдохновение от Бога и побуждаемый собственной доброй волей, не замедлил оказать милость и честь этому престолу (антиохийскому. — О. Г.), одарив его новыми арабскими буквами, полезными народу»¹³.

Таким образом, Антим является первопечатником арабской книги в Валахии, что еще раз позволяет назвать его «искусным во всех искусствах», так как приготовление арабского типографского шрифта по каллиграфическим рукописям, выбор подходящих арабских букв, составление соответствующих чертежей, отлитие по ним металлического арабского шрифта¹⁴ — очень тру-

¹⁰ Луи Шейхо полагает, что Антим напечатал первую книгу на греческом и арабском языках в Бухаресте, а затем издал «Кондак» (См.: Шейхо Л. История печатного искусства на Ближнем Востоке, с. 355). Луи Шейхо заблуждается: в 1701 году Антим напечатал на греческом и арабском языках литургическую книгу не в Бухаресте, а в Снагове. А «Кондак» был издан не «затем», как пишет Луи Шейхо, а «вначале»; он был первой книгой, которую Антим напечатал на арабском и греческом языках.

¹¹ Ceaslov. Buc., 1702.

¹² Ibidem; Bibliografia românească veche, p. 447.

¹³ A t a n a s i e D a b b a s. Istoria Patriarhiilor de Antiohia, № 9, 860—862.

¹⁴ Доказательством того, что арабский шрифт, изготовленный Антимом, был металлический, служат слова патриарха Афанасия. Он писал: «Констан-

доемкая работа, требующая большого мастерства из-за сложной специфики арабской письменности.

Изучение истории издания «Кондака» и «Часослова», напечатанных Антимом в 1701—1702 гг., проливает свет на создание первого арабского типографского шрифта в Валахии, и на некоторые аспекты создания первой арабской типографии в Сирии, в городе Алеппо (1706 г.)¹⁵.

Как в буржуазной, так и в современной румынской историографии высказано мнение, что изготовленный Антимом в Валахии арабский шрифт послужил основой создания первой арабской национальной типографии в Алеппо. В частности, утверждается, что Константин Брынковяну подарил уезжавшему из Валахии патриарху Афанасию Даббасу арабское типографское оборудование из Снагова со шрифтом, отлитым Антимом, которое патриарх привез в сирийский город Алеппо. До этого времени православные христиане, говорившие на арабском языке, не имели своей типографии¹⁶.

В западноевропейской исторической литературе была высказана аналогичная мысль. Х. Шнурер, а вслед за ним М. Гастер утверждают, что шрифт, которым в Валахии отпечатали арабскую книгу, а также типографское оборудование, антиохийский патриарх Афанасий увез в Алеппо и, начиная с 1706 года, ими пользовались для издания разных арабских книг. Этим была заложена основа печатания христианских книг на Востоке для православных арабов¹⁷.

Арабская историография содержит некоторые сведения в связи с этим вопросом. Но арабские исследователи не столь категоричны в своих утверждениях относительно того, что пер-

тин Брынковяну поручил умелому типографу Антому Иверийцу отлить арабские буквы (разрядка наша. — О. Г.). (См: *Atanasie Dabbas. Istoria Patriarhilor de Antiohia*, № 2—3, p. 160).

¹⁵ Антиохийский патриарх Афанасий писал, что до 1706 года у православных никогда не было арабской типографии для печатания литургических книг. (См: *Atanasie Dabbas. Istoria Patriarhilor de Antiohia*, № 9, p. 860).

¹⁶ *Mironescu Al. Istoria Eparhiei Rimnicului — Noul Severin*. Buc., 1906, p. 88; *Simonescu D. și Muracade E. Tipar românesc pentru arabi în secolul al XVIII-lea*, p. 2, 3, 14; *Cartoian N. Istoria literaturii române vechi*, III. Buc., 1945, p. 212; *Rămușeanu I. Antim Ivireanul și legăturile sale en eredințioșii din Patriarhia Antiohiei*, p. 841; *Simonescu D. Impression de Iivres arabes et Karamanlis en Valahie et en Moldavie au XVIIIe siècle.—Studia et acta orientalia*, 1967, № V—VI, p. 49—50; *Ștrempel G. Prefață.—Antim Ivireanul*. Opere, p. 421—422.

¹⁷ *Schnurrer Ch. Bibliotheca arabica*. Halle, 1811, p. 371; *Gaster M.* Op. cit.

вая арабская национальная типография была создана на основе/ типографского оборудования, изготовленного в Валахии. Например, египетский исследователь Ибрагим Абду отмечает, что в начале XVIII века, примерно в 1706 году, один патриарх основал арабскую типографию в Алеппо, шрифт для которой, как говорят, был привезен из Бухареста. Это была первая арабская типография на всем Ближнем Востоке¹⁸.

Другой арабский исследователь полагает, что патриарх Афанасий после возвращения из Валахии достиг своей цели и издал в Алеппо типографским способом несколько церковных книг. Но вопрос о том, как удалось патриарху Афанасию отлить арабский шрифт в Алеппо, исследователь оставляет открытым. В связи с изданием арабских книг в Алеппо Л. Шейхо высказал две версии. По его мнению, патриарх Афанасий привез с собой из Бухареста Антима, который изготовил для Афанасия новый арабский шрифт, или же сам патриарх Афанасий, будучи в Валахии, овладел искусством изготовления шрифта и потом научил этому делу некоторых жителей Алеппо¹⁹.

Французские исследователи Сильвестр де Саси и Эмиль Пико, подробно исследуя взаимосвязь между печатным делом в Валахии и Алеппо, высказали собственные точки зрения по данному вопросу. Сильвестр де Саси не считает достоверной версию о перенесении в Алеппо шрифта, изготовленного Антимом, так как предполагает, что книги, изданные Антимом Иверийцем, были напечатаны свинцовым шрифтом, а книги, изданные в Алеппо, — деревянным²⁰. Что касается Эмиля Пико, то он, соглашаясь с де Саси, пишет: «Шнурер... выдвинул гипотезу, согласно которой шрифт, изготовленный Антимом, был перенесен в Алеппо и использован для печатания. Этим шрифтом в 1706 году²¹ была напечатана «Псалтырь». Но Сильвестр де Саси отрицает эту гипотезу. И действительно, она опровергается при сравнении букв обеих печатных книг («...тогда как буквы, использованные Антимом, были отлиты из металла, алеппские были вырезаны из дерева»)²².

¹⁸ Абду И. Развитие египетской прессы и ее влияние на возрождение общественной мысли. Каир, 1948, с. 17—18 (на араб. яз.).

¹⁹ Шейхо Л. История печатного искусства на Ближнем Востоке, с. 356—357.

²⁰ Sylvestre de Sacy. *Magazin encyclopédique*, I. P., 1814, p. 198—205.

²¹ Эмиль Пико допускает здесь хронологическую ошибку. «Псалтырь», изданная в Алеппо, была напечатана не в 1705, а в 1706 году. Это, видимо, корректурный ляпсус, так как в других местах своего исследования Пико правильно указывает дату издания «Псалтыри».

²² Picot E. *Op. cit.*, p. 538—539.

В советской историографии также затронут вопрос о создании первой арабской национальной типографии в Алеппо. Видный ученый И. Ю. Крачковский в своем исследовании «Неизвестное сочинение — автограф сирийского эмира Усамы» отмечает, что в начале XVIII века с Алеппо связано «арабское книгопечатание..., пересаженное туда из Румынии патриархом Афанасием»²³. Ш. Курдгелашвили, считая убедительной одну из версий Л. Шейхо, представляет начало книгопечатания в Алеппо в следующем аспекте. На протяжении четырех лет антиохийский патриарх Афанасий находился в Валахии, где Антим научил его типографскому делу, в частности технике изготовления нужных матриц и отлития свинцовых литер, а также искусству набора книг. При возвращении на родину патриарху Афанасию подарили типографское оборудование и металлические арабские пуансоны, изготовленные Антимом. Приступая к организации первой национальной типографии в Алеппо, патриарх Афанасий посредством арабских пуансонов, привезенных из Валахии, изготовил надлежащие матрицы и сам отлил арабские свинцовые литеры²⁴.

Итак, существуют различные точки зрения в связи с созданием первой арабской национальной типографии в Алеппо.

1. А. Миронеску, Д. Симонеску, Е. Муракаде, Н. Картожан, И. Рэмуреану, Г. Штремпел, Х. Шнурер, М. Гастер полагают, что антиохийский патриарх Афанасий Даббас привез из Валахии типографское оборудование, а также изготовленный Антимом в Валахии шрифт, которым в 1701—1702 годах были отпечатаны на арабском языке «Кондак» и «Часослов». Этот шрифт был использован в Алеппо для издания арабских книг.

2. Луи Шейхо выдвинул две версии: первая — патриарх Афанасий привез из Валахии в Алеппо Антима, который изготовил там арабский шрифт; вторая — патриарх Афанасий во время своего пребывания в Валахии обучился у Антима искусству отливки шрифта. Ш. Курдгелашвили более убедительной считает вторую из них.

3. Сильвестр де Саси и Эмиль Пико категорически опровергают идентичность изготовленного Антимом в Валахии арабского шрифта, которым были напечатаны «Кондак» и «Часослов», и шрифта, который был использован для издания арабских книг в Алеппо. Они полагают, что шрифт, изготовленный Антимом в Валахии, был отлит из металла, а шрифт, употреблявшийся в Алеппской типографии, был вырезан из дерева.

²³ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения, т. II. М.-Л., 1956, с. 279.

²⁴ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 122—123.

Прежде, чем высказать наше отношение к мнениям упомянутых ученых, отметим, что издание в 1706 году в Алеппской типографии первой арабской книги — «Псалтыри», которая была переведена с греческого языка, является еще одним доказательством того, что печатание книг было заимствовано арабами из Валахии. На обороте титульного листа «Псалтыри», напечатанной в первой арабской национальной типографии, был изображен герб Валашского княжества, а вокруг герба инициалы господаря Константина Брынковяну²⁵. Указанная книга в знак благодарности была посвящена Константину Брынковяну и переслана ему и Антиму в Бухарест²⁶. Этот факт дополнительно проливает свет на взаимоотношения в области печатного дела Валахии с Сирией.

Нам представляется неверным считать организационным периодом создания типографии в Алеппо 1702—1706 годы, как это думают Л. Шейхо²⁷ и Ш. Курдгелашвили²⁸. Мы ничего не можем сказать о том, откуда взяты эти сведения, т. к. Л. Шейхо в своем исследовании не указывает на источник. Что касается Ш. Курдгелашвили, то он, со своей стороны, ссылается на версию Л. Шейхо. Между тем, имеется самое достоверное свидетельство, которое подтверждает, что антиохийский патриарх Афанасий Даббас прибыл в Валахию не в 1702 году, а в марте 1700 и находился в этой стране не до 1702 года, а вплоть до конца 1704 года. Это свидетельство принадлежит самому патриарху Афанасию, который в своем труде «История антиохийских патриархов» с предельной точностью указывает не только дату своего прибытия в Валахию, но и время своего отъезда из этой страны²⁹.

Таким образом, организационным периодом создания первой арабской национальной типографии нужно считать не 1702—1706, а 1705—1706 годы.

Теперь перейдем к вопросу о том, из какого материала был изготовлен шрифт в первой арабской национальной типографии в Алеппо.

Если Сильвестр де Саси и Эмиль Пико уверены в том, что шрифт, изготовленный Антимом в Валахии, отлит из металла, а шрифт, употребляемый в Алеппской типографии, вырезан из дерева, то диаметрально противоположного взгляда придержи-

²⁵ R ă m u r e a n u I. Antim Ivi,eanul și legăturile sale cu credincioșii din Patriarhia Antiohiei, p. 840.

²⁶ G a s t e r M. Die Rumanische Buchdruckern in Georgien. Heft 4.

²⁷ Шейхо Л. История печатного искусства на Ближнем Востоке, с. 355.

²⁸ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 116.

²⁹ A t a n a s i e D a b b a s. Istoria Patriarhilor de Antiohia, an. XLVIII, № 9, p. 851—853.

вается ливанский ученый Луи Шейхо. В своем исследовании он особо отмечает, что шрифт, которым напечатаны книги в Алеппской типографии, был «отлит» («сукиба» — по-арабски), а не вырезан из дерева³⁰. Ссылаясь на это заявление арабского ученого, Ш. Курдгелашвили склонен считать версию Сильвестра де Саси и Эмиля Пико необоснованной. Вместе с тем, чтобы подкрепить свою версию, он приводит следующие доводы: патриарх Афанасий привез из Валахии в Алеппо не арабские свинцовые литеры, а изготовленные самим Антимом арабские металлические пуансоны, предназначенные для отливки литер. Это обстоятельство, как полагает Л. Шейхо, вполне объясняет некоторое различие, которое существует между арабскими книгами, изданными Антимом в Валахии, и книгами, напечатанными патриархом Афанасием в Алеппо. Далее Ш. Курдгелашвили утверждает, что именно это «различие» имели в виду французские ученые Сильвестр де Саси и Эмиль Пико, когда они высказали совершенно ошибочное мнение о том, что шрифт, использованный в Алеппской типографии, якобы сделан из дерева, а не из металла³¹.

Конечно, установление материала, из которого был изготовлен шрифт в Алеппской типографии, имеет немаловажное значение. Мы склонны полагать, что арабский шрифт Алеппской типографии был отлит. Но в данный момент нас интересует другой вывод Эмиля Пико, к которому он пришел после сравнения арабских книг, изданных в Валахии и Алеппо. Ученый полагает, что в предположении Х. Шнурера о том, что шрифт, которым в 1701 году в Валахии был напечатан «Кондак», был передан антиохийскому патриарху Афанасию для издания арабских книг в Алеппо, многое может быть правдоподобным. Но, чтобы установить истину, Э. Пико счел необходимым сравнить «Часослов», изданный Антимом в 1702 году в Бухаресте на арабском и греческом языках, с книгами, вышедшими из типографии в Алеппо. В частности, Э. Пико удалось получить из Алеппо через генерального консула Франции М. Руссо две арабские книги, которые были напечатаны в этом городе: «Псалтырь» (№ 341), изданную в 1706 году, и «Евангелие» (№ 268), изданное в 1708 году. «Итак, — писал Эмиль Пико, — у меня появилась возможность удостовериться в том, что шрифт книг, напечатанных в Алеппо, полностью отличается от шрифта книги, напечатанной в Бухаресте (разрядка наша. — О. Г.)»³².

Из приведенной цитаты ясно, что сравнение шрифта «Ча-

³⁰ Шейхо Л. История печатного искусства на Ближнем Востоке, с. 356—357.

³¹ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 117, 121.

³² Picot E. Op. cit., p. 543—544.

сослова», отпечатанного Антимом в Бухаресте в 1702 году на арабском языке (этим же шрифтом в 1701 году Антим издал в Снагове «Кондак»), с шрифтом «Псалтыри», изданной в 1706 году на арабском языке в Алеппо, выявило полное их различие. Следовательно, точка зрения Х. Шнурера, М. Гастера, И. Рэмурану и других исследователей, согласно которой арабский шрифт, изготовленный Антимом в Валахии, якобы был использован позже в Алеппо для издания арабских книг, не соответствует действительности.

Одна из версий Луи Шейхо, как уже говорилось, заключается в том, что сам антиохийский патриарх Афанасий во время пребывания в Валахии обучился у Антима искусству отливки шрифта. Ш. Курдгелашвили высказывает аналогичную точку зрения, связывая издание первой арабской книги в Алеппо с именем патриарха Афанасия. При этом он выдвигает новое предположение: так как патриарх Афанасий, естественно, не мог быть таким же искусным и опытным, как его учитель Антим, в деле приготовления матриц и в технике отливки свинцовых литер, то, возвратившись в Сирию, он не сумел отлить в Алеппо такого же полноценного арабского шрифта, какой отлил в Валахии сам Антим. Ш. Курдгелашвили полагает, что по этой причине наблюдается некоторое различие между арабскими книгами, изданными Антимом в Валахии, и книгами, изданными патриархом Афанасием в Алеппо, на что указывал французский исследователь прошлого века Сильвестр де Саси³³.

На наш взгляд, суть рассуждений Ш. Курдгелашвили заключается в следующем: если Сильвестр де Саси находит некоторое различие между шрифтами книг, напечатанных в Валахии и Алеппо, то Эмиль Пико путем сравнения шрифта, изготовленного Антимом в Валахии, со шрифтом Алеппской типографии выявил не просто «некоторое различие», а «полное различие их»: видимо, арабский шрифт Алеппской типографии не был «полноценным».

Это положение мы считаем спорным.

Как уже отмечалось, сравнение шрифта, изготовленного Антимом в Валахии, со шрифтом Алеппской типографии обнаружило не просто «некоторое различие», а их «полное различие». К этому выводу пришел Эмиль Пико, которому представилась возможность сравнить арабские книги, изданные в Валахии и Алеппо. Он ничего не говорит о том, что шрифт алеппской книги стоит на низком техническом уровне. Видимо, у него не было оснований признать «неполноценным» арабский шрифт Алеппской типографии. Это предположение становится более убедительным и правдоподобным при ознаком-

³³ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 123.

лении со следующим аналогичным случаем. Эмиль Пико сравнил шрифт арабских книг «Кондака» и «Часослова», отпечатанных Антимом в Валахии в 1701—1702 годах, не со шрифтом Алеппской типографии, а со шрифтом арабской книги «Псалтырь», отпечатанной в 1747 году тут же, в Валахии, но уже другим печатником. Эмиль Пико писал: «О том, что шрифт «Кондака» и «Часослова» был впоследствии уничтожен и утерян, свидетельствует тот факт, что именно в этом городе (Бухаресте. — О. Г.) в середине XVIII века был отлит другой шрифт, но менее полноценный и качественный. Этим шрифтом в 1747 году была напечатана «Псалтырь» (разрядка наша. — О. Г.)»³⁴.

Таким образом, Эмиль Пико, сравнивая друг с другом арабские книги, отпечатанные Антимом в 1701—1702 годах в Валахии, и «Псалтырь», изданную в Алеппо в 1706 году, отмечает лишь имеющееся между их шрифтами «полное различие». Вернее было бы предположить, что эти шрифты отличаются друг от друга только по форме, а не по техническому уровню исполнения, так как в аналогичном случае (сравнение шрифта, изготовленного Антимом в 1701—1702 годах, со шрифтом «Псалтыри», изданной в Валахии в 1747 году), когда исследователь находит различие в шрифтах с точки зрения их технического исполнения, он определяет основной признак различия — низкий уровень изготовления одного из шрифтов.

Ш. Курдгелашвили полагает, что Антим отправил в Сирию с патриархом Афанасием не шрифт-кассу, а лишь арабские пуансоны³⁵. Для подтверждения этого мнения он указывает на «недавно обнаруженную» А. Дечей арабскую книгу, отпечатанную Антимом в Бухаресте в 1709 году³⁶, и пытается доказать, что поскольку в Алеппо печатание арабских книг начинается в 1706 году (т. е. на три года ранее 1709 года), то Антим оставил в Валахии изготовленную им здесь же арабскую шрифт-кассу³⁷. Во-первых, необходимо определить, идентичен ли шрифт, изготовленный Антимом в 1701—1702 годах, шрифту «недавно обнаруженной» арабской книги 1709 года. Кроме того, по нашему мнению, постановка и решение вопроса в такой плоскости не являются исчерпывающими. Антим приблизительно с 1709 года по март 1715 года включительно печатает книги в Тырговиште, а из письма Антима от 24 июля 1714 года мы узнаем, что он

³⁴ Picot E. Op. cit., p. 544.

³⁵ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 121.

³⁶ Decei A. Din tipăriturile orientale la București în secolul al XVIII-lea.—Revista istorica Romăna, vol. XV, 1945, p. 365—371.

³⁷ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 120—121.

³⁸ Bibliografia Romănescă Veche, I, p. 501—508.

переправил из Тырговиште в Бухарестскую типографию греческий шрифт (а не пуансоны), которым в 1715 году была напечатана книга Досифея «История иерусалимских патриархов»³⁸. Антим сообщал из Тырговиште иерусалимскому патриарху Хрисанфу, который просил Антима оказать помощь в издании упомянутой книги: «Книга печатается с большим промедлением, чем мы полагали, но не по вине типографов, а из-за отсутствия многих букв, т. к. более пятидесяти из них было отлито заново, ибо испортились в дороге по невнимательности людей»³⁹.

Несмотря на то, что Антим перевез греческий шрифт из Тырговиште в Бухарест, книгопечатание в Тырговиштской типографии не прекращается. Именно в 1715 году Антим печатает в этой типографии книгу на греческом языке⁴⁰.

Так почему же обнаруженная А. Дечей арабская книга, отпечатанная в Бухаресте в 1709 году, должна быть подтверждением того, что Антим якобы оставил изготовленную им арабскую шрифт-кассу в Валахии, а в Сирию отправил только пуансоны? Разве нельзя предположить, что отправление греческого шрифта из Тырговиште в Бухарест было аналогично факту, имевшему место при создании в Алеппо арабской типографии?

Теперь рассмотрим утверждение Луи Шейхо относительно того, что антиохийский патриарх Афанасий, возвращаясь из Валахии в Сирию, якобы взял с собой Антима для создания в Алеппо типографии, и в этом городе, по его просьбе, Антим изготовил арабский шрифт. Ш. Курдгелашвили полагает, что это утверждение лишено всякого основания. «Вероятно, при освещении этого вопроса, — пишет он, — арабский профессор не располагал биографическими сведениями об Антима Иверийце и не знал того факта, что в организационный период основания Алеппской типографии (т. е. в 1702—1706 гг.)⁴¹ Антим Ивериец не отлучался из Валахии и продолжал там плодотворную издательскую деятельность. Это красноречиво подтверждает тот факт, что на протяжении 1702—1706 гг. Антим издал в Валахии 11 книг под разными названиями»⁴².

Таким образом, количество книг, изданных Антимом в 1702—1706 гг. Ш. Курдгелашвили определяет одиннадцатью названиями, при этом он опирается на данные П. КонстантINESКУ-Яши и Эмиля Пико. На самом же деле в 1702—1706 годах в типографиях, организованных Антимом в Валахии (в Бухарестской

³⁹ Documente, vol. XIV, par. III, p. 115.

⁴⁰ Bibliografia Românească Veche, I, p. 499—500; Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 747—748; Bogdan D. Op. cit., p. 158.

⁴¹ Как уже отмечалось, организационным периодом Алеппской типографии мы должны считать не 1702—1706 гг., а 1705—1706 гг.

⁴² Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 117—118.

и Рымникской типографиях), было издано 22 книги⁴³. Из них Антимом были лично напечатаны 17⁴⁴, а не 11 книг, как это пред-
полагает Ш. Курдгелашвили. Что касается тех пяти книг, которые не подписаны Антимом, все они изданы его учеником Михаем Иштвановичем и, что примечательно, именно в 1706 году (Sic)⁴⁵.

Итак, тот факт, что в 1706 году Антим не принимал участия в издании книг, уже дает повод усомниться в утверждении Ш. Курдгелашвили о том, что в организационный период основания Алеппской типографии, т. е. в 1702—1706 гг., Антим никуда не выезжал из Валахии и по-прежнему продолжал там плодотворную работу. В этом случае вполне естественно поставить вопрос: почему именно в 1706 году, когда в Алеппо по инициативе антиохийского патриарха Афанасия печатается первая арабская книга «Псалтырь», мы не находим следов непосредственного участия Антима в издательской деятельности в Валахии? Может быть, причина заключается в занятости Антима в период его епископства в Рымнике? Но Антим стал епископом рымникским еще в 1705 году⁴⁶ и в том же году он напечатал 5 книг⁴⁷, тогда как в 1706 году при его участии не было напечатано ни одной книги⁴⁸.

К сожалению, мы пока что не располагаем никакими конкретными доказательствами, которые указывали бы на поездку Антима в Алеппо с целью организации там типографии. Но заслуживает внимания тот факт, что Антим в 1706 году не принимал непосредственного участия в печатании книг в Валахии. Поэтому нельзя категорически утверждать, что в указанное время Антим не покидал Валахии, а значит, и не мог изготовить арабского шрифта в Алеппо.

Можно поставить под сомнение саму возможность изготовления шрифта и одновременно издания книг в течение одного года, принимая во внимание условия того времени. Однако, несомненно, является фактом, что Антим по просьбе антиохийского патриарха Афанасия, прибывшего в Валахию в марте 1700 года, не только отлил новый арабский шрифт, но и отпечатал им «Кондак» в объеме 267 страниц.

В заключение необходимо отметить следующее: до приезда в Валахию антиохийского патриарха Афанасия Даббаса в арабских странах не было национальной типографии. Антим Ивериец

⁴³ Şerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 719—734.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem, p. 730—734.

⁴⁶ Documente, vol. XIV, par. II, p. 401.

⁴⁷ Şerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 726—730.

⁴⁸ Ibidem, p. 770—794.

впервые отпечатал в Валахии литургические книги на арабском и греческом языках (параллельные тексты). После возвращения патриарха Афанасия из Валахии в Сирию, в Алеппо закладываются основы первой арабской национальной типографии, организация которой была осуществлена при помощи Валахии. Если же учесть, что все печатное дело в Валахии того времени было связано с именем Антима Иверийца, мы имеем основания заявить, что создание первой арабской национальной типографии было осуществлено при непосредственном его участии.

Первая арабская национальная типография в Алеппо функционировала до 1724 года. После смерти патриарха Афанасия Даббаса она была перевезена в монастырь Балашанд, около Триполи. В дальнейшем часть типографского оборудования оказалась в монастыре св. Иоанна в Сеге, на юге Ливана⁴⁹.

⁴⁹ Simonescu D. și Muracade E. Op. cit., p. 5—6; Simonescu D. Impression de livres arabes et Karamanlis en Valahie et en Moldavie, au XVIIIe siècle, p. 7—20.

ГЛАВА VI

АНТИМ ИВЕРИЕЦ, МИХАИ ИШТВАНОВИЧ И СОЗДАНИЕ ПЕРВОЙ ГРУЗИНСКОЙ ТИПОГРАФИИ В ТБИЛИСИ

Первые грузинские книги «Иберийский алфавит с молитвенником» и «Грузинский и итальянский словарь» были изданы при содействии Никифора Ирбаха (Николая Омановича Ирубакидзе Чолакашвили) в Риме в 1629 году, а в 1643 году в Риме вышла в свет грузинская грамматика, составленная Франческо-Мариа Маджо¹.

Среди деятелей, которые в конце XVII — начале XVIII в. заботились о процветании грузинской национальной культуры, особенно о распространении книгопечатания в Грузии, в первую очередь нужно назвать царя Арчила. Однако Грузия в то время была «страной, сжатой врагами в тиски и обремененной многими несчастьями», и потому Арчил не смог осуществить свои замыслы. Находясь за пределами родной земли, он все же думал о создании грузинской типографии. Несмотря на огромные трудности, он наладил при синодальной типографии в Москве грузинскую книгопечатню, где в 1705 году была издана грузинская книга «Псалтырь»².

Таким образом, прежде чем в самой Грузии начала функционировать национальная типография, за пределами Грузии, в Риме и Москве, уже было осуществлено печатание грузинских книг — в первом случае на 80 лет, а во втором — на 4 года раньше издания «Евангелия» в первой грузинской национальной типографии в Тбилиси в 1709 году.

Следовательно, идея издания грузинской книги созрела намного раньше, чем из национальной грузинской типографии, в Тбилиси вышла первая грузинская книга.

В первой половине XVIII столетия, как и в предыдущем веке, политическая раздробленность, междоусобные распри, произвол и своеволие феодалов и князей оставались уделом Гру-

¹ См: Чикобава А. С. и Ватейшвили Д. Л. Первые грузинские печатные издания. Тбилиси, 1983. Упоминание об этом см. в нашей книге выше, гл. II и IV.

² См. гл. IV настоящей нашей книги.

знии. В то же время Грузия по-прежнему находилась под гнетом Османской империи и Ирана. Цари Картли и Кахети (царствование которых было сосредоточено в Восточной Грузии) считались вассалами иранского шаха. Они обязаны были ежегодно платить ему дань.

Постоянным напоминанием о тяжком иранском господстве являлся персидский гарнизон, размещенный во внутренней крепости Тбилиси, как об этом сообщает выдающийся представитель грузинской исторической и географической наук XVIII века царевич Вахушти (1696—1757)³.

Шах в большинстве случаев утверждал на царский престол законных наследников грузинских царей. Однако вступить на престол они могли, лишь выполнив неременное условие — отречься от веры своих предков и принять мусульманство.

В 1703 году шах Ирана пожаловал престол Картли Георгию XI, которого он оставил при себе в Иране, предоставив ему важный военный пост, а в Картли заместителем (джанишином) царя шах назначил племянника Георгия — Вахтанга Левановича⁴.

В первой четверти XVIII века Картли получила передышку от непрекращавшихся войн. В стране наблюдался некоторый подъем сельского хозяйства. В целях дальнейшего развития феодално-крепостнического хозяйства царская власть провела в Картли некоторые мероприятия. Прежде всего она попыталась вернуть крестьян, бежавших из Картли в другие царства и княжества Грузии от своих господ-крепостников, что являлось самой распространенной формой классовой борьбы в Грузии в XVIII в. Это мероприятие дало положительный результат: давным-давно опустевшие селения и целые районы Картли стали вновь заселяться⁵. Относительному возрождению сельского хо-

³ Царевич Вахушти. История царства Грузинского. — Картлис цховреба, т. IV. Под ред. С. Г. Каухчишвили. Тбилиси, 1973, с. 465 (на груз. яз.).

⁴ Период правления Вахтанга как джанашина длился девять лет (1703—1712). После смерти Георгия XI (1709) и кратковременного царствования в Картли Кайхосро, который погиб в 1711 г., Вахтанг получил картлийский престол в 1716 г., после того как вынужден был принять мусульманство, от чего он долго отказывался. Но и после принятия мусульманства его некоторое время держали в Иране. Лишь в 1719 году удалось Вахтангу вернуться на родину и начать править Картли. Однако Вахтанг VI, очутившись в тисках между шахским Ираном и султанской Турцией, 15 июля 1724 г. был вынужден покинуть страну и выехать в единоверную Россию. Вахтанг VI надеялся с помощью русского оружия вернуть себе престол и освободить Картли от ига иноземных захватчиков. Однако его надежды оказались тщетными.

⁵ См.: Очерки истории Грузии (в восьми томах). Том IV. Грузия с начала XVI в. до 30-х годов XIX века. Тбилиси, 1974, с. 386—387 (на груз. яз.).

зьяства в начале XVIII века способствовало восстановление старых и проведение новых оросительных каналов⁶.

Наряду с развитием отдельных отраслей сельского хозяйства (в частности интенсивным развитием полеводства и виноградарства), оживились ремесленное производство, торговля и городская жизнь. Особое внимание обращалось на улучшение, охрану и ремонт мостов, строительство караван-сараяв и т. п. Все это делалось, разумеется, за счет усиления эксплуатации низших слоев сельского и городского населения. Столица Картли Тбилиси стал центром торговли. Тбилиские купцы торговали с Ираном, Турцией, Индией, Италией, Россией, Польшей, Сирией, Палестиной, Валахией и др. странами. Из Грузии вывозились за границу вино, пушнина, красители и др. товары. Большая работа была проведена по строительству и реконструкции различных архитектурных сооружений. Грузинские зодчие возвели в Тбилиси роскошный дворец. По свидетельству царевича Вахушти, этот дворец был украшен внутри зеркалами, позолотой, лазурью, мрамором и художественной стеной росписью.

Много сил и мастерства потребовалось для реставрации Мцхетского собора Свети-Цховели, крепостных стен Тбилиси, Сионского собора и др. Большую роль в укреплении централизованной власти в Картли сыграло создание так называемого «охранного войска»⁷. Была запрещена торговля пленными, которая являлась настоящим бедствием для народа, опустошала страну, особенно села, лишая их лучшей, наиболее трудоспособной части населения⁸.

Таким образом, в политической и экономической жизни Картли в первой половине XVIII в. произошли некоторые прогрессивные сдвиги, которые явились закономерным результатом развития здоровых тенденций, возникших в Восточной Грузии еще в начале XVII века. Хотя историческая обстановка не позволила этим сдвигам произвести коренной перелом в социально-экономической жизни феодальной Грузии, однако все же их влияние было значительным, что довольно ярко проявилось в мышлении и культурной деятельности передовых людей XVII—XVIII веков. Существенны достижения многогранной грузинской культуры в первой половине XVIII века.

Успехи, достигнутые в социально-экономической и политической жизни Грузии указанного периода поставили на повестку дня вопросы культурных преобразований. Общее направление просвещения и воспитания, естественно, исходило из интересов господствующей верхушки феодалов и духовенства. Высшими целями каждого члена общества считались защита феодального

⁶ Там же, с. 386.

⁷ См: Царевич Вахушти. Указ. соч., Картлис цховреба, т. IV, с. 482.

⁸ Там же.

строю, соблюдение христианской морали. Из этих принципов исходили законодательство, практика гражданской и духовной власти и основы дидактики, или воспитания. Социальная мораль покоилась на классовой формуле—«крестьянин, а вместе с ним и то, что есть у него, принадлежит его господину». Для упорядочения существовавших крепостнических отношений, под руководством правителя Картли царевича Вахтанга были составлены свод законов, отражавший законодательный опыт правящих кругов, и книга «Дастурламали», в которой были определены права и обязанности придворных и провинциальных чиновников.

Классовая сущность вновь составленных законов очевидна⁹, но вместе с тем, следует отметить, что эти законы в целом являлись для своего времени прогрессивным явлением.

Для первой четверти XVIII в. характерно большое оживление и развитие научной мысли в Картли. По поручению Вахтанга комиссия «ученых людей» собрала и привела в порядок существовавшие рукописи по истории Грузии.

Великий гуманист того времени Сулхан-Саба Орбелиани составил сборник басен «Мудрость вымысла», который имел большое воспитательное значение. Перу этого многосторонне одаренного деятеля принадлежит фундаментальный труд — «Толковый словарь грузинского языка».

С расширением литературных интересов зародилась грузинская критика, возникла грузинская поэтика («Чашники») и др. Особое внимание уделялось собиранию, реставрации и хранению разрозненных старинных рукописных книг. Николай Орбелиани обновил рукопись XIII века, так называемую «Категорию» (сборник философских трудов), а Вахтанг восстановил памятник XV века — медицинскую книгу Зазы Панаскертели в объеме 1368 страниц.

Значительное место занимали и переводы с иностранных языков. Переводились на грузинский язык не только замечательные памятники мировой художественной литературы (книга древнеиндийских басен «Калила и Димна»), но и научные труды. К примеру, Вахтанг перевел с персидского языка астрономическую книгу внука Тамерлана Улуг-Бека (XV в.). Это произведение, как писал В. В. Бартольд, было последним словом астрономии средних веков и высшей ступенью, достигнутой астрономией до использования телескопа¹⁰.

Таким образом, в экономической, политической и культурной жизни Грузии описываемого периода имело место определенное прогрессивное движение. Результатом этого движения и

⁹ Очерки истории Грузии. Т. IV, с. 395.

¹⁰ Бартольд В. В. Культура мусульманства. Петроград, 1918, с. 94.

было создание первой грузинской национальной типографии, что надо расценивать как одно из крупнейших достижений культурной деятельности Вахтанга и его сподвижников. Вахтанг построил в Тбилиси помещение, предназначенное специально для типографии. В одном из документов за подписью царя Ираклия II говорится о «доме для типографии»¹¹, который представляет собой десятикомнатное помещение¹². Он был построен на правом берегу р. Мтквари (Куры). Лесоматериал, как указывает П. Карбелашвили, был доставлен из леса Сагареджо. Как было уже отмечено, во время пребывания в Румынии Г. Леонидзе обнаружил грузинское «Евангелие», в которое была вшито стихотворение, напечатанное шрифтом хуцури и написанное 13-стопным руставелевским стихом.

Это стихотворение содержит сведения об основании в Тбилиси первой грузинской типографии.

Согласно тексту этого стихотворения, царевич Вахтанг, задумавший организовать в Грузии типографию, попросил иерусалимского патриарха Хрисанфа «прислать человека, знающего типографское дело». Патриарх, со своей стороны, обратился за помощью к правителю Валахии — Константину Брынковяну. Последний вызвал к себе мастера Михаила (Михая Иштвановича. — О. Г.), который был «типограф искусный, опытный, умный». Михаил приехал в Грузию, где был принят Вахтангом «яко сын». Михаил дал слово Вахтангу, что не пожалеет сил своих и размножит «божьи книги», и он честно выполнил свое обещание. В конце стихотворения говорится о том, что типография в Тбилиси была создана по всем правилам¹³.

Прежде чем рассмотреть историю основания первой грузинской типографии, обратимся к жизни и деятельности Михая Иштвановича¹⁴, с именем которого связано печатание первой грузинской книги в Тбилиси. Хотя исследователи истории грузинского книгопечатания и опубликовали материалы о Михе Иштвановиче, но они весьма малочисленны, противоречат друг другу и дают лишь основание для построения гипотез. Например, Д. Каричашвили писал: «Интересно, кто такой печатник Михаил Стефанишвили? Несомненно то, что он является мастером печатного дела, т. к. он был единственным человеком, который сумел устроить типографию. Он должен был быть человеком довольно знающим и начитанным, о чем свидетельствуют примечания и

¹¹ Жордания Ф. Исторические документы монастырей и церквей Картли и Кахети. Тбилиси, 1903, с. 98 (на груз. яз.).

¹² Иоселиани Пл. Описание древностей г. Тифлиса. Тбилиси, 1866, с. 247.

¹³ Дроша, 1951, № 2, с. 17—18 (на груз. яз.).

¹⁴ Михай Иштванович, или Михаил Унгровалашец, он же Михаил Стефанишвили, как упоминается типограф из Валахии в грузинских источниках.

обращения, которые составлял сам Михаил и помещал в начале или в конце книг, напечатанных им же. Одним словом, он должен был быть образованным и умным мастером типографских дел»¹⁵.

Ф. Жордания высказывает мысль о том, что Михай Иштванович был духовным лицом¹⁶. Против этой гипотезы выступает Д. Каричашвили: «У него, — пишет он про Ф. Жордания, — нет основания утверждать это. Если бы Михаил Унговалашец был священником, в таком случае или он сам, или же другие лица упомянули бы об этом, но нигде и никто не говорит о нем как о священнике»¹⁷.

З. Чичинадзе категорически утверждает, что Михай Иштванович был венгром: «Мы знаем, что приехавший из Валахии Михайл был венгром. Он жил в Валахии и оттуда приехал в Грузию», — пишет он¹⁸. Это предположение З. Чичинадзе опровергает Д. Каричашвили, который пишет: «Мы точно не знаем его (Михая Иштвановича. — О. Г.) имени. Он называет себя Унговалашцем, чтобы указать на свое местожительство, т. к. Валахию в то время называли Унговалахией. Это имя не указывает на то, что он был венгром, как думает З. Чичинадзе»¹⁹.

А. Хаханашвили и Ф. Жордания просто взяли и переименовали Михая Иштвановича в Михаила Стефанова. «Михаил Стефанов, безусловно, привез с собой необходимый материал», — писал Ф. Жордания²⁰. «Устройством типографии грузины обязаны мастеру из Валахии Михаилу Стефанову», — эти слова принадлежат А. Хаханашвили²¹. В связи с этими высказываниями, Д. Каричашвили писал: «Жордания и Хаханашвили думают, что Стефанишвили (сын Стефана) является грузинской формой фамилии, и поэтому они восстановили «настоящую» фамилию Михаила, переделав на русский лад только окончание. Они называют его Стефанов, как будто бы он являлся русским или же подданным России»²². Отрицая версию Ф. Жордания и А. Ха-

¹⁵ Каричашвили Д. История печатания грузинской книги. Тбилиси, 1929, с. 69—70 (на груз. яз.).

¹⁶ Жордания Ф. Краткое историческое исследование о создании и функционировании грузинской типографии в XVIII веке. — Иверия, 1885, № 10, с. 104 (на груз. яз.).

¹⁷ Каричашвили Д. Указ. соч., с. 69—70.

¹⁸ Чичинадзе З. Грузинские типографии (1627—1916 гг.), с. 85 (на груз. яз.).

¹⁹ Каричашвили Д. Указ. соч., с. 70.

²⁰ Жордания Ф. Указ. соч.

²¹ Хаханов А. Очерки по истории грузинской словесности. Вып. III, с. 315.

²² Каричашвили Д. Указ. соч., с. 70.

ханашвили, Д. Каричашвили выдвигает свою гипотезу: «Фамилию Стефанишвили, Стефанов сын, мы должны понять так, что его отца звали Стефан. Возможно, в Валахии того времени и не существовало фамилий, и людей просто различали по имени отца и по месту жительства...»²³.

А. Шанидзе в своем замечательном исследовании «К истории грузинской типографии» замечает, что пока мы не знаем, какое положение занимал этот Стефанишвили раньше, до приезда к нам, надо полагать, что это тот самый Михаил Стефанович, который в 1706 году напечатал две книги на греческом языке в типографии, основанной Антимом-грузином в епархии Рымника²⁴.

Относительно Михая Иштвановича Г. Леонидзе отмечал следующее: «Михаил Унгроталашец был учеником Антима Иверийца и им же был послан в Грузию. Когда я, находясь в библиотеке Румынской Академии наук, просматривал книги, напечатанные Антимом, мое внимание привлек румынский типик, напечатанный Антимом 21 мая 1696 года в Снагове, где в предисловии некий «типограф Михаил» с ученической скромностью обращается к Антиму и указывает: «...типографскому делу я выучился у тебя». По всей вероятности, именно этот самый Михаил, считавшийся еще в снаговский период Антима его учеником, и является тем самым известным типографом, который с большим рвением работал в первой грузинской национальной типографии»²⁵.

В 1955 г. Хр. Шарашидзе опубликовала новые данные, касающиеся жизни и деятельности Михая Иштвановича, ссылаясь при этом на исследование румынского ученого П. КонстантINESКУ-ЯШИ²⁶. По этим данным, Константин Брынквяну в 1699 году послал Михая Иштвановича как опытного типографа в Трансильванию. Там Михай напечатал книгу дидактического характера. Далее Хр. Шарашидзе пишет, что о занятиях Михаила Иштвановича в 1697—1706 гг. пока мало что известно. В 1706 году он работает в Рымнике под руководством своего учителя, он печатает книги на греческом и румынском языках. В тот самый 1706 год прекращается деятельность Михаила Иштвановича в Валахии. В 1707 году Антим-грузин посылает его на свою родину²⁷.

²³ Там же.

²⁴ Шанидзе А. К истории грузинской типографии. — Литературное наследство, кн. I. Тбилиси, 1935, с. 160 (на груз. яз.).

²⁵ Леонидзе Г. Указ. соч. — Дроша, 1951, № 2, с. 18 (на груз. яз.).

²⁶ Constantinescu-Iași P. Legăturile Țărilor Române cu Georgia.—Studii, 1951, № 4.

²⁷ Шарашидзе Хр. Первая типография в Грузии (1709—1722). Тб., 1955, с. 96—97 (на груз. яз.).

Таковы, в основном, сведения, опубликованные грузинскими исследователями о жизни «Михаила-типографа» до его приезда из Валахии в Грузию. Мы, конечно, не претендуем на полное освещение жизни и типографской деятельности Михая Иштвановича в указанный период, но по мере возможности постараемся проанализировать данные, взятые нами из румынских источников и исторической литературы, недоступные в свое время для упомянутых выше грузинских исследователей.

По предположению румынского исследователя В. Молина, Михай Иштванович происходил из Трансильвании (Ардяла). Ничего неизвестно о детстве Михая. Вероятно, юные годы он провел в таких же невыносимо тяжелых условиях, как и многие валашские крестьянские дети. Где получил Михай первые уроки правописания? Видимо, в столице Трансильвании — Алба-Юлии у какого-нибудь православного монаха.

В конце XVII века в Бухарест приезжают не только иерархи, но и простые служители церкви со всех концов Трансильвании, чтобы получить там «советы и благословения». Так, например, Антим Ивериец писал жителям Брашова о том, что двух молодых людей, посланных к нему, он возвел в духовный сан: «дьякона — в священники, а писаря — в дьяконы»²⁸. Как видно, такая же судьба ждала и Михая Иштвановича. «Скорее всего, — размышляет Молин, — на этот проторенный путь вступил и Михай, которого здесь (в Бухаресте. — О. Г.) и произвели в иподьяконы»²⁹.

Разумеется, жаждущего знаний и одаренного талантом Михай не могло не заинтересовать «окутанное тайной искусство», как в то время именовалось типографское дело. Приезд Михая в Валахию совпал с тем периодом, когда в Бухаресте, а затем в Снагове под руководством Антима бурно процветало книгопечатание. В. Молин пишет, что сперва в Бухаресте, затем в Снагове, позднее в Рымнике и Тырговиште и наконец опять в Бухаресте, за весь период правления Константина Брынковяну, наставником и вдохновителем типографской деятельности был Антим Ивериец³⁰. Представляется маловероятным, чтобы Антим не только великолепный мастер, но и «усердный учитель», воспитавший целую плеяду блестящих типографов³¹, не обратил внимания на молодого, одаренного Михая, которого обуревало желание «изучить искусство Гутенберга», и не протянул бы ему руки помощи. Действительно, Михая мы видим рядом с Антимом

²⁸ Sterie Stighe. Documente privitoare la trecutul Românilor din Scheiu-T. I. Brasov, 1901, p. 51.

²⁹ Molin V. Op. cit., p. 319.

³⁰ Ibidem, p. 320.

³¹ Del Chiaro. Op. cit., p. 26.

с 1696 г., когда последний основал типографию в Снагове. Но в 1696 г. Михай Иштванович уже являлся известным мастером, самостоятельно печатавшим книги.

Где же овладел Михай Иштванович искусством печатника? По мнению Молина, азы печатного дела он постиг еще в Бухаресте, в типографии, где набирали шрифт и изготовляли гравюры такие известные мастера, как Митрофан-печатник и епископ Иоаникие-гравер, Кириак-иеромонах и печатник, Дамаскин Герберт-гравер и печатник и прославившийся впоследствии Антим Ивериец. Именно здесь сформировался Михай Иштванович как типограф³². Трудно представить, чтобы его первые шаги в книгопечатании были проделаны без помощи Антима. Несмотря на то, что развитие типографского дела во всей Валахии в то время связано с именем Антима Иверийца, он не держал под замком «тайну печатного искусства». Как известно, он категорически требовал от каждого типографа, чтобы тот постоянно растил и обучал молодые кадры в области книгопечатного дела³³.

Такую задачу ставил перед собой Антим Ивериец как типограф, в таком же духе он воспитал не только своего лучшего ученика Михая Иштвановича, но и других известных печатников: Георгие Радовича и др.³⁴

Как уже отмечалось, в 1694 году Антим переехал из Бухареста в Снаговский монастырь, где заложил основу широко известной впоследствии Снаговской типографии. Из Бухареста в Снагов за ним последовал Михай Иштванович. Приучительно, что первым изданием Снаговской типографии была книга, напечатанная Михаем Иштвановичем в 1696 году под заглавием «Порядок службы в день Святых Константина и Елены». Относительно книг, изданных Михаем Иштвановичем в Снаговской типографии, мы довольно подробно говорили выше. Добавим только, что в предисловии к «Порядку» М. Иштванович высказывает искреннюю преданность своему учителю Антиму, который дал ему возможность выпустить эти «первые плоды и новый урожай типографского ремесла, полученные благодаря заботе, — как пишет Михай, — моего честного отца... Антима Иверийца»³⁵.

Таким образом, Михай Иштванович тесно связал свою

³² Molin V. Op. cit., p. 321.

³³ Antim Ivireanul, Opere, p. 236.

³⁴ Iorga N. Istoria literaturii Românești în secolul al XVIII-lea. Buc., 1919, t. I, p. 421.

³⁵ Rămureanu I. Mitropolitul Antim Ivireanul apărător al Românilor ortodocși din Transilvania. — Biserică Ortodoxă Română, 1955, № 8—9, p. 836—837.

жизнь и деятельность с Антимом Иверийцем. Под его руководством Михай вскоре приобрел имя прославленного печатника. Не исключено, что именно по совету Антима Михай Иштванович был послан Константином Брынковяну в 1699 году с особой миссией в Трансильванию. Эта миссия заключалась в том, чтобы по приезде в Алба-Юлию он должен был организовать типографию и приступить к изданию православных теологических книг³⁶.

В то время как католическое население Трансильвании усиленно снабжалось церковной литературой, православное население испытывало острую нужду в подобных книгах. Объяснить прибытие Михая Иштвановича в Алба-Юлию помогают и следующие слова Брынковяну: «Ныне нашему народу валашскому здесь, в Ардеале³⁷, не хватает для типографского дела мастера»³⁸.

Сам Михай Иштванович в связи со своим прибытием в Трансильванию писал главе православной церкви, имевшему свою резиденцию в Алба-Юлии, столице Трансильвании: «...Светлейший и возвышеннейший правитель Валахии Константин Брынковяну, который является... настоящим попечителем здешней ардеальской святой митрополии (православная христианская церковь в Трансильвании. — О. Г.), а также всех, кто ищет защиты и благословения, не оставил Вашу просьбу без внимания и, во исполнение Вашего желания, прислал меня сюда на службу святого собора, так как здесь нет мастера печатного дела...»³⁹ «Брынковяну послал в Ардеал ардеальца, — отмечал Молин, — человека, который не только был типографом, но разбирался и в вопросах такта, владел пером и являлся его доверенным лицом»⁴⁰.

В 1699 году в Белграде Михай Иштванович на румынском языке напечатал «Букварь»⁴¹ (в объеме 35 страниц), содержащий, между прочим, и тексты нескольких молитв. Целью этого «Букваря» было способствовать обучению трансильванских владхов азбуке и пробудить в них жажду знаний.

В том же 1699 году Михай Иштванович издал «Кириакодромион»⁴² — книгу проповедей, чтобы предостеречь православных от вероотступничества. В предисловии к «Кириакодроми-

³⁶ Istoria României, III. Buc., 1964. p. 299.

³⁷ Ардеал, правильное Эрдели (Erdeli) — наименование Трансильвании, данное ей венграми.

³⁸ Mo l i n V. Op. cit., p. 322.

³⁹ Ibidem, p. 321—322.

⁴¹ Ibidem, p. 322.

⁴² Istoria României, III. Buc., 1964, p. 299.

⁴³ Ibidem.

ону» Михай Иштванович уверял православных влахов из Трансильвании, что господарь Константин Брынковяну является «истинным покровителем святой митрополии в Адреале», «светочем православной веры, которую подкреплял божьими книгами»⁴³.

Книги, напечатанные Михаем Иштвановичем в Трансильвании с точки зрения технико-типографского исполнения стоят на невысоком уровне. Это обстоятельство побудило Михая просить прощения у читателей, оправдывая себя тем, что «печатный станок был очень устаревшим и изношенным». Можно предположить, что Михай приехал в Алба-Юлию «с пустыми руками», но «с авторитетом лучшего мастера» и не привез с собой из Бухареста типографское оборудование, как считают некоторые исследователи⁴⁴.

Заметим, что Константин Брынковяну послал Михая Иштвановича в Трансильванию не только в качестве типографа, но и как лицо, сведущее в теологических вопросах, являвшихся в то время предметом острой дискуссии между представителями православной и католической церковью⁴⁵.

Помимо этого, мы можем назвать Михая Иштвановича «типографом-литератором»⁴⁶, так как его описание положения дел в Трансильвании в предисловии к «Кириакодромиону» имеет определенную художественную ценность.

Но деятельности Михая Иштвановича в Алба-Юлии не суждено было быть продолжительной. Он успел напечатать только вышеназванные книги. Есть данные, свидетельствующие о том, что после издания «Букваря» и «Кириакодромиона» он намеревался напечатать «Псалтырь»⁴⁷. Но как раз в это время Михая пришлось покинуть Алба-Юлию, так как Афанасий Ангел, епископ православных христиан в Трансильвании, признал дог-

⁴³ Molin V. Op. cit., p. 322.

⁴⁴ Ibidem, p. 321.

⁴⁵ Как приобретенным мастерства типографа, так и познаниями в вопросах теологии Михай Иштванович, по всей вероятности, обязан был Антиму Иверийцу. Антим — высокообразованный, всесторонне одаренный человек — при решении дискуссионных теологических вопросов считался компетентным лицом; например, когда иерусалимский патриарх Досифей обвинил «известного ученого того времени» Иоанна Кариофила в пропаганде «лютеранско-кальвинистских» идей, Антим принял активное участие в дискуссии и возвысил голос в защиту Иоанна Кариофила. (См.: Chişescu N. O disută dogmatică din veacul XVII la care au luat parte Dositei al Ierusalimului, Constantin Brîncoveanu și Antim Ivireanul. Buc., 1945). Об Иоанне-Матфее Кариофиле, известном ученом богослове греке-униате см. выше в данной нашей книге, гл. II и примеч. 28 к ней, также гл. III.

⁴⁶ Tribuna. Sibiu, 1899, № 191, 192.

⁴⁷ Molin V. Op. cit., p. 322.

мы католической церкви⁴⁸, а в православной митрополии Трансильвании в качестве незуитского цензора обосновался некий Палли⁴⁹.

Нет сведений о том, где и как протекала жизнь и деятельность Михая Иштвановича в 1700—1705 гг. Но в 1706 году он уже снова работает со своим «знаменитым учителем» Антимом, которого в 1705 году возвели в сан епископа Рымника.

Напомним, что в течение 1706 года в Рымникской типографии, основанной Антимом, Михай Иштванович напечатал пять книг, о технической стороне и цели издания которых мы писали выше⁵⁰.

В фезрале 1708 года Антим Ивериец был провозглашен митрополитом Валахии⁵¹. В связи с этим, он оставил Рымник и переехал в Тырговиште, древнюю столицу княжества, которая стала на определенный срок его резиденций. Здесь же он основал новую типографию. Но рядом с Антимом уже не было его лучшего ученика Михая Иштвановича. С этого времени деятельность Михая приносит пользу родине «его мудрого учителя». Если, с одной стороны, грузин Антим Ивериец был начинателем и организатором всего печатного дела в Валахии того времени⁵² и благодаря ему Валахия превратилась в один из центров книгопечатания всего Востока⁵³, то, с другой стороны, Михай Иштванович наладил печатное дело в Грузии и издал там первую книгу.

Такова жизнь и деятельность Михая Иштвановича до его приезда в Грузию.

А теперь вернемся к вопросу об организации в Тбилиси первой грузинской национальной типографии.

Среди исследователей распространено мнение о том, что устройство в Грузии первой национальной типографии якобы было осуществлено посредством личных контактов и договоренности грузинских царей с представителями восточной православной церкви. Еще в 1885 году Ф. Жордания писал, что кое-какие данные наводят нас на мысль, что Вахтанг, будучи в Имерети, вел переговоры с иерусалимским патриархом Досифеем, который

⁴⁸ Sterie Stinge. Documente, p. 49—50.

⁴⁹ Molin V. Op. cit., p. 322. Конечно, решающую роль при этих обстоятельствах сыграло то, что к концу XVII в. в Трансильвании окончательно установилась власть австрийцев, которые, проводя католическо-реакционную политику, стремились к окончательному искоренению православия.

⁵⁰ См. гл. III нашего сочинения.

⁵¹ Radu Iog. Greseanu. Istoria domniei lui Constantin Basarab Brincoveanu Voievod (1688 — 1714). Ed. Aurora Ilies. Buc., 1970, p. 163. См. также выше, гл. III нашего сочинения.

⁵² Istoria României, III. Buc., 1964, p. 264, 277.

⁵³ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. B. XI, Heft 4.

в 1696—1697 годах путешествовал по Грузии⁵⁴. Хр. Шарашидзе отмечает, что идея создания типографии в Грузии могла возникнуть у Арчила, Георгия XI и их племянника Вахтанга при контакте с патриархами Антиохии и Иерусалима⁵⁵.

Ш. Курдгелашвили не согласен с утверждениями названных исследователей. По его мнению, эти авторы допускают ошибку в установлении точной даты пребывания в Грузии представителей восточной церкви. Ш. Курдгелашвили уточняет, что первое путешествие по Грузии, в основном по Западной Грузии, совершенное иерусалимским патриархом Паисием в сопровождении будущего патриарха Досифея, приходится на 1658—1659 гг. Исходя из этого, он исключает возможность контакта с Паисием и Досифеем как со стороны царя Арчила, который в 1664—1675 годах находился в Имерети, так и со стороны Вахтанга, который родился через 16 лет после пребывания Паисия и Досифея в Кутаиси⁵⁶.

Ш. Курдгелашвили столь же неправдоподобным считает наличие каких-либо контактов между Досифеем и Вахтангом даже в 1681 году, когда иерусалимский патриарх приехал в Грузию, в Тбилиси, т. к. Вахтангу в то время было всего 6 лет⁵⁷.

Однако, хотя Ш. Курдгелашвили и вносит коррективы при установлении точной даты встречи грузинских царей с иерусалимскими патриархами, это еще не свидетельствует о том, что, если не было таких контактов, переговоры не могли вестись, и что первая грузинская типография была основана именно в результате переговоров в Грузии между грузинскими царями и представителями восточной православной церкви. Для подкрепления своего мнения Ш. Курдгелашвили ссылается на книгу П. Иоселиани, где приводится «Послание иерусалимского патриарха Досифея в Грузию»⁵⁸, и приходит к следующему выводу: «Таким образом, будучи в Грузии, патриарх Досифей установил личные контакты с царем Картли Георгием XI и его братом, отцом Вахтанга, царевичем Леваном. Ясно, что идея создания типографии в Грузии должна была возникнуть при встрече Ге-

⁵⁴ Жордания Ф. Указ. соч.—Иверия, 1885, № 101, с. 103—104 (на груз. яз.).

⁵⁵ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 79.

⁵⁶ Курдгелашвили Ш. Из истории грузинской типографии. Тбилиси, 1955, с. 14 (на груз. яз.).

⁵⁷ Там же, с. 15.

⁵⁸ В послании, на которое ссылается Ш. Курдгелашвили, речь идет лишь о том, что во время своего пребывания в Тбилиси Досифей вел переговоры с Георгием XI и его братом Леваном. Георгий XI и Леван дали деньги, на которые были выкуплены и отремонтированы грузинские монастыри в Иерусалиме.

оргия XI и его брата Левана с патриархом Досифеем и вождавшими его лицами»⁵⁹.

Итак, единственное расхождение во мнениях между Ф. Жордания и Хр. Шарашидзе, с одной стороны, и Ш. Курдгелашвили, с другой, состоит в том, что последний инициативу создания грузинской типографии приписывает не Паисию и Досифею, которые вели переговоры с царями Арчилом и Вахтангом, а находившимся в контакте с патриархом Досифеем царю Георгию XI и царевичу Левану.

По мнению вышеупомянутых исследователей, если грузины и вели переговоры и вступали в контакт с греческими патриархами, то, видимо, они ожидали от них и реальной помощи в деле основания типографии.

Но обратимся к фактам. После того, как в 1627 году в Константинополе турки разгромили первую греческую типографию, восточная православная церковь оказалась в весьма тяжелом положении. Приблизительно в 1633 году греки обратились к молдавскому господарю Василию Лупу с просьбой основать греческую типографию в Молдавском княжестве. А в последующие годы они печатали книги в типографиях, функционировавших в Молдавии и Валахии. Константинопольская, Иерусалимская и Антиохийская патриархии такой возможности не имели. Более того, судя по переписке между Антимом Иверийцем и патриархом Хрисанфом⁶¹, в 1713 году, т. е. 4 года спустя после того как в Грузии уже начала действовать первая типография, патриарх Хрисанф просил содействия митрополита Валахии Антима Иверийца в создании типографии в Иерусалимской патриархии. Антим обещал Хрисанфу оказать помощь и прислать в Константинополь не только шрифт и типографское оборудование, но и печатника⁶². Кроме того, даже такое сочинение, как «История

⁵⁹ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 16.

⁶⁰ Răduceanu I. Atmosfera de apărare a Ortodoxiei din Țările Române în care s-a dezvoltat spiritul mitropolitului Antim Ivireanul, p. 834.

⁶¹ А. Шанидзе пишет: «Несколько писем Антима Иверийца к Хрисанфу хранились несколько лет тому назад в Константинополе. Эти письма, составленные на греческом языке, были датированы 15 и 20 сентября 1712 года, 24 июня и 9 августа 1714 года, 14 мая 1716 года. К сожалению, наш ученый коллега Эмиль Легран извещает нас, что эти документы ныне покойный библиотекарь Хаджа Константин передал неизвестному лицу и они утеряны. (См.: Литературное наследство, кн. I, 1935, с. 172). Надо заметить, что все перечисленные здесь письма Антима Иверийца к патриарху Хрисанфу найдены и опубликованы (см: Iorga N., Hurmuzaki E. Documente, vol. XIV, par. III, p. 100, 105—107, 112—113, 115—117, 122).

⁶² Ibidem, p. 107, 115.

Иерусалимской патриархии», было напечатано в типографии Антима Иверийца в Бухаресте в 1715 году⁶³, поскольку Иерусалимская патриархия не имела возможности издать его у себя. Поэтому вряд ли греческая церковь могла оказать действительную помощь грузинам в организации типографии.

Основание первой грузинской национальной типографии в Тбилиси было результатом прогрессивного экономического, политического и культурного развития Восточной Грузии того времени, а не следствием контактов грузинских царей с представителями восточной православной церкви.

В грузинских источниках мы находим сведения, которые связывают создание грузинской национальной типографии с Валахией. В предисловии Николая Орбелиани, редактора «Евангелия», напечатанного в 1709 году в Тбилиси, читаем: «Когда Грузией (подразумевается Картли. — О. Г.) правил племянник благочестивого царя Арчила и именитого царя Георгия и сын Левана, боголюбивый и просвещенный Вахтанг, он приложил старания и получил из Валахии типографию, которой никогда не было в Грузии»⁶⁴. В книге инокa Германэ «Учение, как должен наставник обучать ученика» сказано: «...Вахтанг, да славится имя его во веки веков, приобрел типографию из Валахии...»⁶⁵ Царевич Вахушти, сын Вахтанга VI, в своей книге «История царства Грузинского» отмечал, что «он (Вахтанг. — О. Г.) перенял печатное дело из Валахии и приумножил книги божьи»⁶⁶.

Вопрос о том, почему именно из Валахии, а не из Москвы или из других городов получил правитель Картли Вахтанг типографию, является предметом спора между исследователями. Например, А. Цагарели высказал мнение, согласно которому доставка типографии в Грузию из Валахии, а не из Москвы объясняется отдаленностью последней⁶⁷. М. Гастер не соглашается с Цагарели. Он предполагает, что этот шаг грузин был продиктован не отдаленностью Москвы, а тем, что в то время в Валахии жил и трудился весьма искусный печатник и, к тому же, их соотечественник — Антим Ивериец⁶⁸.

Конечно, царевич Вахтанг был хорошо осведомлен о том, что в России еще с 60-х годов XVI столетия существовала база

⁶³ Bibliografia Românească Veche, I, p. 501—508.

⁶⁴ Евангелие. Тбилиси, 1709 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга, т. I. Тбилиси, 1941, с. 9.

⁶⁵ Учение, как должен наставник обучать ученика, 1711 (на груз. яз.).

⁶⁶ Царевич Вахушти. Указ. соч. — Картлис цховреба, т. IV, с. 482.

⁶⁷ Труды V археолог. съезда в Тбилиси, 1881. М., 1887, с. 106.

⁶⁸ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. В: XI, Heft 4.

книгопечатания. Известно также, что между царевичем Вахтангом и царем Арчилом, находившимся в России и издавшим там в 1705 году грузинскую книгу, в то время были установлены взаимные контакты. Вахтанг послал Арчилу все рукописи «Библии», которые только нашлись в Грузии⁶⁹. Почему же Вахтанг пренебрег такой возможностью для осуществления своих планов и обратил взоры к другой стране? Видимо, грузины знали о состоянии печатного дела не только в России, но и в других государствах. Тбилиси того времени представлял собой значительный торговый центр, который вел широкую международную торговлю. В Тбилиси ежедневно прибывали караваны из Ганджи, Шемахи, Тавриза, Эрзерума. Из Турции привозили европейские товары. Разумеется, вместе с европейскими товарами иностранные или грузинские купцы привозили и новые, интересные вести из разных стран. Не исключено, что они могли сообщить об интенсивном развитии печатного дела в Валахии.

Итак, в Грузии уже были осведомлены о существовании полиграфических баз как в России, так и в Валахии, при этом надо учесть, что уже в XVI веке между Грузией и Россией установились оживленные культурные отношения, чего нельзя сказать о взаимосвязях между Грузией и Валахией; однако грузины связали осуществление своих планов именно с Валахией.

Мы хорошо знаем, перед какими трудностями оказался в свое время царь Арчил, когда он, находясь в Москве, решил организовать грузинскую типографию. Известно также, что Арчилу лишь с помощью своих знакомых — шведского ученого Шпарвенфельда и мэра Амстердама Витсена — удалось установить контакты с Тотфалушем. С другой стороны, грузины, видимо, имели твердую гарантию от какого-то мастера-типографа из Валахии, способного оказать им действительную помощь в организации типографии, что и обусловило их выбор.

П. Карбелашвили⁷⁰, А. Хаханашвили⁷¹, З. Чичинадзе⁷² считают

⁶⁹ В предисловии к «Библии», напечатанной в Москве в 1743 году, редактор книги царевич Вахушти отмечает, что царь Арчил во время своего пребывания в Москве начал собирать тексты Библии. Он обратился к своему племяннику Вахтангу с просьбой прислать ему эти тексты. Просьба была удовлетворена. Хр. Шарашидзе указывает, что тексты «Библии» были пересланы Арчилу между 1708—1709 годами (См.: Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 170).

⁷⁰ Карбелашвили П. Иерархия в грузинской церкви. Тбилиси, 1900, с. 132 (на груз. яз.).

⁷¹ Хаханов А. Указ. соч., с. 367—368.

⁷² Чичинадзе З. Грузинские типографии 1627—1916 гг., с. 56—60, 80—81 (на груз. яз.).

оскование грузинской типографии в Тбилиси результатом переговоров грузин с Антимом. Более того, З. Чичинадзе приписывает Антиму даже саму идею создания грузинской национальной типографии. «Иеромонах Антим, — пишет З. Чичинадзе, — уже в конце XVII века начал писать письма о необходимости открытия типографии в Грузии... Он вел переписку с Вахтангом VI⁷³. Далее, продолжает З. Чичинадзе, Антим Ивериец отлил в Валахии грузинские буквы и образцы переслал в Грузию. Вместе с тем он просил, чтобы, ознакомившись с образцами букв, дали ему знать, хороши ли они. Грузинам очень понравились буквы, и они сообщили об этом Антиму Иверийцу. Они также попросили его взять на себя заботу по приобретению типографского оборудования и подбору толковых мастеров. Антим Ивериец без промедления исполнил желание Вахтанга VI. Он нашел мастеров, собрал типографские принадлежности и отлил грузинские буквы. Все это Антим Ивериец отправил из Бухареста в Грузию⁷⁴. «Приоритет в деле создания грузинской типографии принадлежит только Антиму, а не кому-нибудь другому», — пишет З. Чичинадзе⁷⁵. Далее он заявляет, что эти данные об Антиму Иверийце он получил от М. Тамарашвили⁷⁶.

Мы не настаиваем на том, что цитируемые нами выдержки из книги З. Чичинадзе являются неоспоримыми. К сожалению, при высказывании того или иного предположения З. Чичинадзе не всегда подкрепляет его документальным материалом. Поэтому зачастую трудно отделить истину от домысла. Но было бы несправедливо вообще игнорировать его предположения. Тем более, что З. Чичинадзе в своей книге пишет, что данные об Антиму ему сообщил М. Тамарашвили, который в свою очередь получил их из Румынской Академии наук. Этот факт подтвердился. Будучи в 1951 г. в Румынии, Г. Леонидзе заинтересовался этим вопросом, и в Бухаресте ему сообщили, что тогдашний сотрудник Академии наук, некто Ион, переслал М. Тамарашвили материалы о жизни и деятельности Антима Иверийца.

З. Чичинадзе также отмечает, что, по сообщению М. Тамарашвили, Антим Ивериец прислал из Валахии в Грузию печатников и типографские принадлежности. Мог ли получить М. Тамарашвили сведения такого характера из Румынии? Как утверждают некоторые румынские исследователи, правитель Валахии Константин Брынковяну выделил мастеров, материалы и оборудо-

73 Чичинадзе З. Указ. соч., с. 58, 59.
 74 Там же, с. 80—81.
 75 Там же, с. 59.
 76 Там же, с. 56.

дование, чем способствовал основанию первой типографии в Тбилиси⁷⁷.

Приведенные факты убеждают в достоверности информации З. Чичинадзе. Что же касается вопроса, были ли на самом деле типографские принадлежности посланы из Валахии в Грузию, об этом речь пойдет ниже.

З. Чичинадзе приводит в своей книге сведения, согласно которым Румынская Академия наук якобы сообщила М. Тамарашвили о том, что из книг, напечатанных в Грузии валашским мастером, в Бухаресте имеются лишь две⁷⁸. На сегодняшний день в Румынии на самом деле имеются всего две книги, напечатанные Михаем Иштвановичем в первой грузинской типографии.

Заслуживает внимания еще один момент. З. Чичинадзе в общих чертах довольно точно излагает жизненный и творческий путь Антима. Он пишет: «К концу XVII века в Бухарест приехал грузинский неромонах Антим. Он поселился в этом городе, хорошо изучил их (валахов. — О. Г.) язык, а затем построил монастырь. В монастыре он собрал монахов. Он так свободно владел их языком, что начал писать на нем проповеди. Этот неромонах Антим жил в Бухаресте и там же, в своем монастыре, скончался. После себя он оставил такое количество проповедей, что они составили два тома. И сегодня в Румынии эти книги проповедей занимают первое место среди памятников церковной литературы. Говорят, что они считаются избранными книгами проповедей. То же самое мне пишет М. Тамарашвили»⁷⁹.

Если не принимать во внимание ошибочное утверждение о кончине Антима в монастыре, основанном им же, как об этом пишет З. Чичинадзе, то остальные факты им переданы совершенно верно.

Таким образом, некоторые предположения, высказанные З. Чичинадзе об Антимае, которые раньше могли показаться необоснованными, т. к. они не были подкреплены документальным материалом, после соответствующего уточнения подтвердились полностью. В таком случае, почему же к другим высказываниям З. Чичинадзе об Антимае и о грузинской типографии мы должны отнестись скептически? Быть может, в будущем в процессе исследования обнаружится такой документальный материал, который подтвердит правоту З. Чичинадзе.

Но если допустить, что устройство первой национальной грузинской типографии было осуществлено посредством личных

⁷⁷ Dumitrescu D. Activitatea tipografică a lui Mihei Stefan în Georgia.—Studii, 1958, XI, № 4, p. 135.

⁷⁸ Чичинадзе З. Грузинские типографии 1627—1916 гг., с. 59 (на груз. яз.).

⁷⁹ Там же, с. 56—57.

контактов и договоренности с Антимом, то возникает вопрос: в каком аспекте следует рассматривать найденное Г. Леонидзе в Румынии стихотворение, свидетельствующее, что царевич Вахтанг с просьбой «прислать в Грузию опытного мастера»⁸⁰, обратился не к Антому, а к иерусалимскому патриарху Хрисанфу?

Истолковывать в прямом смысле слова, которыми описано в упомянутом стихотворении интересующее нас событие, по нашему мнению, не совсем правильно. Хотя некоторые исследователи придерживаются иного мнения. Например, Ш. Курдгелашвили пишет: «Почему иерусалимский патриарх сам лично не выполнил просьбу Вахтанга VI? Ведь он мог прислать в Грузию одного из мастеров⁸¹, работавших в типографии Иерусалимской патриархии (разрядка наша.—О. Г.)»⁸².

Ответ на этот вопрос сам Ш. Курдгелашвили находит в том, что «царь Вахтанг попросил иерусалимского патриарха прислать не только мастера-типографа, но и типографское оборудование»⁸³.

Насколько правильно такое решение проблемы? Как известно, между Грузией и Иерусалимской патриархией с давних времен существовали тесные связи⁸⁴. Следовательно, в Грузии должны были быть в курсе всех более или менее значительных событий текущей жизни патриархии, в частности должны были иметь сведения о функционировании патриаршей типографии. Но, как указывалось выше, не только в Иерусалимской, но и в Константинопольской, Антиохийской и Александрийской патриархиях в тот период не существовали типографии. Греческое духовенство печатало книги в типографиях Валахии или Молдавского княжества⁸⁵. Более того, как упоминалось выше, иерусалимский патриарх Хрисанф обратился с просьбой к митрополиту Валахии Антому оказать ему помощь в устройстве типогра-

⁸⁰ Дроша, 1951, № 2, с. 18 (на груз. яз.).

⁸¹ Видимо, и у Е. Лордкипанидзе не вызывает сомнения, что в Иерусалимской патриархии функционировала типография. Он пишет: «Типография, в основном, выполняла заказы патриархии (Иерусалимской. — О. Г.)». (См.: Лордкипанидзе Е. Вахтанг VI и деятели горужинской типографии. Тбилиси, 1969, с. 19, на груз. яз.).

⁸² Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 34.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Цагарели А. Памятник грузинской старины в святой земле и на Синае. — Православный Палестинский сборник, т. IV, вып. I. Спб., 1888; Иоселиани П. Послания иерусалимского патриарха Досифея в Грузию, 1886.

⁸⁵ Xenopol A. Istoria românilor din Dacia Trăiană. Buc., vol. VIII, p. 249; Râmureanu I. Atmosfera de apărare a Ortodoxie din Țările Române în care s-a dezvoltat spiritul mitropolitului Antim Ivireanu, p. 834.

фии⁸⁶. К этому выводу привело нас изучение целого ряда документов и иных источников. Поэтому кажется маловероятным утверждение, что правитель Картли царевич Вахтанг установил контакты с иерусалимским патриархом Хрисанфом с той целью, чтобы тот отправил в Грузию «мастера-типографа и типографское оборудование»⁸⁷.

Скорее всего, царевич Вахтанг надеялся через иерусалимского патриарха добиться установления связи с «мастером-типографом», проживавшим не в Константинополе и не в Иерусалиме, а в Валахии, который мог оказать действительную помощь в организации типографии. По нашему мнению, в стихотворении, обнаруженном в Румынии Г. Леонидзе, роль иерусалимского патриарха Хрисанфа в организации первой грузинской типографии явно преувеличена. «Патриарх направил сюда (в Грузию. — О. Г.) Михаила», — читаем в стихотворении⁸⁸. В то же время автор вложил в уста самого Михаила (Михая) Иштвановича следующее признание: «Я не смог отказать валашскому господарю (Константину Брынковяну. — О. Г.), который послал меня сюда (в Грузию. — О. Г.)»⁸⁹. Думается, истину содержат слова Михаила, а не автора стихотворения. Разумеется, греческие патриархи пользовались уважением и влиянием при дворе валашского господаря, но не в такой степени, чтобы приказать господарю послать своего подданного в чужую страну. Вспомним, что когда антиохийский патриарх Афанасий Даббас решил основать типографию в Алеппо, то он сам приехал в Валахию и покорно просил Константина Брынковяну о содействии⁹⁰.

Так же представляется ошибочной версия Ш. Квасхвадзе о том, что якобы Михай Иштванович приехал в Грузию по воле и приказу «иерусалимского патриарха Хрисанфа»⁹¹. Неточность точки зрения Ш. Квасхвадзе подтверждается письмом Антима к Хрисанфу, опубликованным Г. Леонидзе на грузинском языке: «Милостивый государь, — читаем мы в письме, — напутствуемый твоими молитвами, посланный в Иверию ученик мой, Михаил, уже год, как уехал из этой страны и потратил много времени, чтобы прибыть в столицу»⁹². Перевод текста письма

⁸⁶ Documente, vol. XIV, par. III, p. 107, 115.

⁸⁷ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 34.

⁸⁸ Дроша, 1951, № 2, с. 18 (на груз. яз.).

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ A t a n a s i e D a b b a s. Istoria Patriarhilor de Antiohia, p. 260—262, 851—853.

⁹¹ Квасхвадзе Ш. Книги типографии Вахтанга VI (1709—1722). Тбилиси, 1952, с. 231 (на груз. яз.).

⁹² Дроша, 1951, № 2, с. 18 (на груз. яз.).

не совсем точно передан Г. Леонидзе. 6 апреля 1713 года Антим писал Хрисанфу: «Ученик наш, Михаил, уже год, как уехал из Иверии и, как я слышал, проделал очень тяжелый путь до столицы, но с божьей помощью... прибыл здоровым...»⁹³.

Какая разница между переводом текста письма, сделанным Г. Леонидзе, и нашим переводом? В первом случае говорится о том, что Михаил Иштванович был послан в Грузию с благословения Хрисанфа, а во втором об этом не сказано ни слова.

Вообще следует отметить, что письмо Антима Хрисанфу никоим образом не вносит ясность в вопрос отправления типографа из Валахии в Грузию. Если в этом письме Антим извещает Хрисанфа о судьбе Михая Иштвановича, то это вызвано совершенно иными причинами, о которых речь пойдет позже.

Высказывания вышеперечисленных исследователей дают основания полагать, что в те времена в Грузии на самом деле имелись сведения о жившем в Валахии Антима. Интересно знать, существовало ли конкретное лицо (если не принимать во внимание предполагаемых грузинских и иностранных купцов, а также иерусалимского патриарха Хрисанфа), установившее контакты с Антимом?

Довольно любопытные сведения представляет П. Карбелашвили. По его словам, брат правителя Картли царевича Вахтанга Доментий, будучи в Иерусалиме в 1689 году, был посвящен в дьяконы патриархом Досифеем. В Иерусалиме Доментий сблизился с «людьми, которые стояли во главе типографии», и там же обучился книгопечатанию. Его заветной мечтой было «открытие типографии на родине». «В 1699 году, — продолжает П. Карбелашвили, — царь Арчил, приехав в Москву, тотчас приступил к созданию типографии и уже в 1705 году напечатал «Псалтырь». Вместе с Арчилом был и Доментий. Нет сомнения, что по приезде на родину (1704) Доментий начал уговаривать дядю открыть типографию и добился своего. То, что Доментий познакомился с Антимом во время своего пребывания в Иерусалиме, не вызывает никакого сомнения. В то время у грузин не было возможности ездить в Валахию с целью организации типографии. Мы считаем неоспоримым фактом, что Доментий и Антим еще в Иерусалиме договорились между собой и наметили план создания типографии в Грузии, а возвращаясь из Иерусалима, вместе ехали до Константинополя»⁹⁴.

Что правдоподобно и что сомнительно в этих сведениях П. Карбелашвили? То, что Доментий действительно был в Иерусалиме в конце XVII века, подтверждается документально. Н.

⁹³ Documente, vol. XIV, par. III, p. 107; E r b i c e a n u C. Material pentru complectarea Istoriei bisericești și naționale.—Biserică Ortodoxă Română, 1891—1892, XV, p. 391.

⁹⁴ Карбелашвили П. Указ. соч., с. 131—132.

Марр в Иерусалиме видел грузинскую рукопись и сделал из нее выписку следующего содержания: «Я, Доментий, приношу свой земной поклон священному городу Иерусалиму»⁹⁵. О пребывании Доментия в Иерусалиме мы узнаем также из произведения его современника Иэсе Тлашадзе «Бакарнани», в котором сам Доментий говорит: «Молился я в Иерусалиме, плакал горькими слезами»⁹⁶. Соответствует действительности и утверждение П. Карбелашвили о том, что вновь возвращенный из России Доментий в 1705 году «по воле Вахтанга» был посвящен в католикосы⁹⁷. Но П. Карбелашвили считает, что во время своего пребывания в Иерусалиме в конце XVII века брат Вахтанга Доментий договорился с Антимом об открытии типографии в Грузии и здесь же обучился книгопечатанию.

Однако в конце XVII века (после 1689 года) Антим уже находился в Валахии, поэтому возможность встречи Доментия с Антимом в Иерусалиме кажется неправдоподобной. Кроме того, обучиться искусству книгопечатания в Иерусалиме Доментий не мог, потому что, как уже неоднократно отмечалось, в тот период не было типографии не только в Иерусалимской, но и в Константинопольской, Антиохийской и Александрийской патриархиях. Тем не менее, как было установлено, в конце XVII века Доментий не только побывал в Иерусалиме, но и совершил путешествие в Валахию. Сам Доментий говорил: «Объездил я всю землю: Россию, Турцию, Иран, Валахию...»⁹⁸. Во время пребывания в этой стране Доментий — грузинский культурный деятель и книжник, пекущийся о возрождении своей родины, — не мог, естественно, не заинтересоваться поставленным в Валахии на широкую ногу печатным делом, об организации которого давно мечтали грузины. Следовательно, вовсе не исключается возможность того, что после возвращения на родину Доментий порассказал своему брату, правителю Картли Вахтангу, о «вдохнителе и организаторе» книгопечатания в Валахии—Антиме Иверийце, с которым он, по всей вероятности, установил личные связи и заручился обещанием помочь создать типографию в Тбилиси.

Таким образом, версия П. Карбелашвили, согласно которой Доментий и Антим вели между собой переговоры относительно развития печатного дела в Грузии, не лишена реального основания. Во всяком случае, все румынские исследователи рассматривают

⁹⁵ Марр Н. Краткое описание грузинских рукописей библиотеки греческого патриарха в Иерусалиме. Тбилиси, 1955, с. 10—11 (на груз. яз.).

⁹⁶ Иэсе Тлашадзе. Бакарнани. Тбилиси, 1963, с. 19 (на груз. яз.).

⁹⁷ Царевич Вахушти. Указ. соч. — Картлис цховреба, т. IV, с. 481 (на груз. яз.).

⁹⁸ Иэсе Тлашадзе. Указ. соч., с. 19.

основание первой грузинской национальной типографии как результат договоренности между правителем Картли царевичем Вахтангом, с одной стороны, и Константином Брынковяну и Антимом Иверийцем — с другой, или же целиком приписывают это личной инициативе Антима. Хотя вопрос об имени посредника между Антимом и Вахтангом они, за неимением документов, обходят молчанием.

Приведем несколько примеров. И. Рэмуреану писал, что весть о высокой продуктивности валашских типографий, в отношении которых Константин Брынковяну проявлял большую заботу, достигла Востока, Кавказских гор, где жили иберийцы, или грузины. Антим не порвал связей со своими любимыми соотечественниками, которые находились в тяжелом положении. Когда Вахтанг сообщил Антиму, что грузины желают иметь собственную типографию, тот обратился к Константину Брынковяну с просьбой оказать помощь грузинам. С этой же целью Антим послал в Грузию иподьякона Михая Иштвановича — самого верного и опытного из своих учеников⁹⁹.

Как утверждает Молин, «после возвращения из Рымника в Бухарест вместе с другими лицами, сопровождавшими Антима (1708 г.), Михай сразу же был направлен в Иверию, в Грузию. Антим, несмотря на то, что приобрел вторую родину, ни на мгновение не забывал Иверию, где он родился. Он поддерживал постоянную связь со своими соотечественниками. До Тбилиси дошла слава об Антима как о великом издателе книг. Быстро откликнувшись на просьбу Вахтанга и удовлетворив одновременно и желание Антима, Брынковяну послал в Грузию мастера-типографа Михая Иштвановича»¹⁰⁰. А. Ксенопол сообщает, что уроженец Грузии, Антим Ивериец, став митрополитом Валахии, посылает своего лучшего ученика Михая Иштвановича в Тбилиси¹⁰¹.

П. КонстантINESКУ-ЯШИ указывал, что, стремясь укрепить свою власть путем реформ в области культуры, Вахтанг обратился к Константину Брынковяну с просьбой прислать ему мастеров для создания типографии. Царь Вахтанг подумал и об Антима, митрополите Валахии, грузине по происхождению, человеке огромной культуры и известном политическом деятеле... Так объясняется тот факт, что в 1709 году прибыл в Грузию Михай Иштванович, лучший ученик Антима¹⁰².

⁹⁹ Rămureanu I. Ajutorul dat de mitropolitul Antim Ivireanul credincioșilor ortodocși din Georgia; Patria sa natală.—Biserică Ortodoxă Română, 1956, № 8—9, p. 844.

¹⁰⁰ Molin V. Op. cit., p. 322.

¹⁰¹ Xenopol A. Istoria românilor din Dacia Traiană, vol. VIII, p. 248.

¹⁰² Constantinescu-Iași P. Un român în Gruzia.—Studii, 1959, XII, p. 231.

Д. Богдан писал, что покинувший помимо своей воли родину Антим, конечно, не мог забыть страну, где он появился на свет, где тяжело жилось его близким, и, безусловно, установил связь со своими. А когда представился удобный случай — он получил известие, или, что более вероятно, ему написал сам Вахтанг о намерении грузин организовать типографию, — Антим попросил Константина Брынковяну помочь грузинам в этом деле¹⁰³.

По словам Г. Штремпела, к началу деятельности Антима как митрополита Валахии следует приурочить проявление его интереса к далекой Грузии, что выразилось в направлении туда лучшего его ученика, Михая Иштвановича, с поручением основать там типографию¹⁰⁴.

Аналогичное мнение высказывают Н. Картожан¹⁰⁵, Н. Шербэнеску¹⁰⁶ и другие румынские исследователи.

Документов, прямо подтверждающих существование контактов между Антимом и Вахтангом, пока еще не обнаружено. Но известен следующий факт, который свидетельствует, что Антим принимал непосредственное участие в создании грузинской типографии: грузины переслали Антиму в Валахию экземпляр первой грузинской книги («Евангелие»), отпечатанной в первой национальной типографии в Тбилиси в 1709 году Михаем Иштвановичем. А Антим в свою очередь преподнес валашскому господарю Константину Брынковяну «Евангелие» с надписью, в которой он выражал ему благодарность от имени грузинского народа за «содействие» в «обогащении книгами земли Иверской». В библиотеке Академии наук СРР, в фонде румынских печатных изданий под № 157 А, хранятся два экземпляра грузинского «Евангелия», которые уже в Валахии, по приказу Антима, были вставлены в кожаные переплеты, украшены грузинским орнаментом с позолотой¹⁰⁷ и в таком виде преподнесены Константину Брынковяну к его именинам—21 мая 1709 года. В обоих экземплярах «Евангелия», на 6-й странице, написано посвящение-автограф Антима Иверийца валашскому правителю: «Эта святая книга божественного «Евангелия», которая с поклоном преподносится твоей светлости, просвещеннейшему господарю, является новым плодом, который поспел в этом году на земле иве-

¹⁰³ Damian P. Bogdan. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul).—Studii, 1951, № IV, p. 156—157.

¹⁰⁴ Ș t r e m p e l G. Prefată.—Antim Ivireanul. Opere, p. XXI.

¹⁰⁵ C a r t o j a n. Istoria literaturii române vechi, III. Buc., 1945, p. 212.

¹⁰⁶ Ș e r b ă n e s c u N. Antim Ivireanul tipograf, p. 698.

¹⁰⁷ B o g d a n D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul).—Studii, Revista de Istorie și Filosofie, an. IV, 1951, № 4, p. 151.

ров, оплодотворенной щедрой рекой твоих царских милостей. И эта земля была осчастливлена тем, что смогла занять печать на своем языке, как обогатилась в свое время арабской печатью — Аравия, греческой — Эллада и румынской — Валахия». Далее Антим образно сравнивает деятельность Брынковяну с рекой, из которой вытекают четыре источника; румынская, греческая, арабская и грузинская типографии, подобно «райской реке», из которой «берут начало четыре реки — Фисон, Геон, Тигр и Евфрат». Автографическое посвящение Константину Брынковяну Антим заканчивает следующими словами: «А печатное дело, основу которому заложила твоя мужественная воля, даст повсюду обильный и вечный урожай. И поэтому останется о твоей светлости слава и память бессмертная, поскольку ты — источник этого блага»¹⁰⁸.

Как видно, заслугу развития книгопечатания во всех перечисленных им странах Антим всецело приписывает Константину Брынковяну. В этом еще раз проявилась присущая его натуре скромность, ибо, как писал Ксенопол, в тот период вся типографская деятельность в Валахии была связана лишь с именем Антима Иверийца.

Благодарственные слова Антима в адрес Константина Брынковяну за его «содействие» в «обогащении книгами земли Иверской» следует понимать как выражение благодарности валашскому господарю, который разрешил отправить в Грузию печатника и типографские принадлежности¹⁰⁹. Надо полагать, что Константин Брынковяну пошел навстречу просьбе своего верного соратника Антима, благодаря которому Валахия «наполнилась книгами». На основании проанализированных фактов можно охарактеризовать период, предшествовавший организации первой грузинской типографии в Тбилиси, следующим образом. В конце XVII и в начале XVIII в., когда в результате экономического и культурного прогресса была подготовлена реальная база для создания типографии в Грузии, правитель Картли царевич Вахтанг, которому через иноземных или грузинских купцов или же через своего брата Доментия стало известно о печатной деятельности в Валахии Антима Иверийца, устанавливает с ним контакт с целью устройства типографии в Грузии. Антим же, пользуясь своим положением и возможностями (к тому времени он был уже епископом Рымника), просит содействия у Константина Брынковяну. Получив от господаря Валахии не-

¹⁰⁸ Bibliografia Românească Veche, I, p. 544.

¹⁰⁹ Вопрос о том, были ли отправлены типографские принадлежности из Валахии в Грузию, является спорным. Об этом см. в этой же VI главе нашего сочинения.

обходимую поддержку¹¹⁰, Антим послал в Тбилиси «наиболее преданного и искусного ученика своего Михая Иштвановича» с поручением создать в Грузии первую национальную типографию.

Хотя некоторые исследователи и считают приемлемой версию об отправке печатника из Валахии в Грузию, которая «осуществилась при непосредственной поддержке Антима Иверийца»¹¹¹. Как пишет Хр. Шарашидзе (она категорически отвергает возможность доставки типографского оборудования из Валахии в Грузию), удивляет то обстоятельство, что ни в одном из дошедших до нас официальных документов не содержится конкретных и ясных сведений о роли Антима в основании в Тбилиси первой типографии. Хр. Шарашидзе пишет: «Ни дошедшие

¹¹⁰ О вкладе господаря Валахии Константина Брынковяну в создание первой в Грузии типографии сказано в книге, напечатанной Михаем Иштвановичем в Тбилиси в 1711 году. Автор этой книги, озаглавленной «Учение о том, как следует наставнику обучать ученика», инок Германэ в своем авторском предисловии пишет: «...В ту пору, когда царствовал над грузинами из корней Давидовых возросший царь Кайхосро и за него правил его царством... царевич Вахтанг, он привез типографию из страны Валахской, когда Валахией правил Иоани Константин Брынковяну Басараб» (იოანე კონსტანტინე ბრანკოვიანე ბასარაბი). (См. с. 5; см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I. Изд. Книжной палаты. Тбилиси 1941, с. 18). В связи с упоминанием имени Константина Брынковяну в напечатанной в Тбилиси грузинской книге следует обратить внимание на мнение румынского исследователя И. Биану, который писал: «Наверное, существовала какая-то причина, по которой в книгах, изданных в Тбилиси, во всяком случае в «Евангелии», единственном труде, который у нас имеется в наличии, даже не упоминается имя того щедрого дарителя, на средства которого была организована типография». (См.: *V i a n u I. Din cărțile vechi.—Prinos lui D. A. Sturdza. Buc., 1903, p. 193*).

Теперь мы можем с уверенностью сказать, что эта «причина», заключалась лишь в том, что у Биану не было сведений о книге, напечатанной в Тбилиси в 1711 году. Кроме этого, необходимо указать на то обстоятельство, что некоторые грузинские исследователи не совсем правильно истолковали само появление в грузинской книге имени Константина Брынковяну. По их словам, упоминание полного имени господаря Валахии свидетельствует о том, что передовая общественность Грузии времен Вахтанга была весьма заинтересована в развитии культурных связей с Валахией, которые установились в начале XVIII века, и что просвещенные грузины того времени были знакомы с политической жизнью этого народа, находившегося под турецким игом (см.: Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 88). Все это, разумеется, верно. Но полное имя господаря Валахии, видимо, стало известно в Грузии именно благодаря Михаю Иштвановичу.

¹¹¹ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 81.

до нас официальные документы, ни недавно найденное «Хвалительное стихотворение» (стихотворение, обнаруженное Г. Леонидзе в Румынии. — О. Г.) не дают прямых и точных сведений о роли Антима Иверийца в этом деле (в деле основания типографии в Тбилиси. — О. Г.). Удивительно, что имени Антима нет в предисловиях к книгам Вахтанга. Сам Михаил Иштванович в предисловиях к «Евангелию» (1709 г.) и к «Кондаку» (1710 г.) подробно говорит о своей личной заслуге, ни разу не упомянув имени своего великого учителя»¹¹².

Все сказанное действительно верно. Но констатация лишь некоторых фактов, разумеется, не дает нам основания ставить под вопрос причастность Антима к организации первой грузинской типографии.

До выяснения причины отсутствия имени Антима в соответствующих документах приведем еще несколько различных мнений, которые существуют на этот счет. Ш. Квасхадзе пишет: «Неужели приехавший в Грузию Михаил «Венгровалах» не должен был упомянуть имени того мастера, который был его учителем? Какую должность он занимал в Валахии? Почему в предисловиях к книгам Вахтанга рядом с именем Константина Брынковяну не встречается имя Антима Иверийца, митрополита «Венгровалахии» (1708 г.) или же «епископа Рымника (1705 г.) Ясно, что к моменту отъезда «венгровалаха» в Грузию Антим еще не был утвержден в том почетном звании, которое дало бы ему право, по обычаям того времени, быть упомянутым вместе с правителем страны. Надо полагать, что к моменту отъезда «венгровалаха» в Грузию Антим, вероятно, еще не был утвержден не только в сане митрополита «Венгровалахии» (1708 г.); но даже и рымникского епископа (1705 г.). Таким образом, правильнее будет предположить, что ко времени приезда «венгровалаха» в Грузию Антим Ивериец был простым иеромонахом... Ему (Михаю Иштвановичу. — О. Г.), видимо, не было известно, что «венгровалашское» духовенство избрало Антима епископом Рымника (1705 г.), а затем Басараб назначил его митрополитом «Венгровалахии». Маловероятно, что Михаил Иштванович, зная об этих обстоятельствах, ничего не сказал об этом ни в Грузии, ни в напечатанных им книгах»¹¹³.

«Почему Антим нигде не упомянут официально как основатель Тбилисской типографии?» — задает вопрос Г. Леонидзе и сам же отвечает: «Ясно, что из-за страха перед турками», и далее пишет: «Опасаясь их, даже румынские летописи передавались из рук в руки в виде рукописей или же печатались много времени спустя, — так передает историк М. Роллер.— Ясно, что

¹¹² Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 89.

¹¹³ Квасхадзе Ш. Указ. соч., с. 229—230.

митрополит Валахии вынужден был проявлять осторожность, не-
ред турками с тем, чтобы не раскрыть своих связей с Валахией
гом VI, придерживавшимся русской ориентации»¹¹⁴.

Приведенные предположения представляются неубедитель-
ными. Что касается версии Ш. Квасхадзе, то можно прямо
указать на ее ошибочность. Еще за два года до отправления
Михая Иштвановича в Грузию Антим был избран епископом
Рымника¹¹⁵, и Михай Иштванович об этом, конечно, очень хо-
рошо был осведомлен, т. к. в течение всего 1706 года он печатал
книги в типографии рымнического епископства¹¹⁶.

Но почему же в грузинских первопечатных книгах не упо-
минается имя Антима Иверийца? Как уже было сказано, анти-
охийский патриарх Афанасий Даббас специально приехал в
Валахию и обратился к Константину Брынковяну с просьбой
оказать содействие в издании литургических книг на арабском
языке. А после того, как Афанасию передали типографское обо-
рудование и шрифт, изготовленный Антимом, в Алеппо начинает
функционировать типография. Вспомним, что писал в адрес
Антима Михай Иштванович в предисловии к одной из книг,
изданной им в Рымнике в 1706 году: «Как мудрый Иосиф напол-
нил египетские житницы хлебом, так и твоя любовь к Богу на-
полнила святые церкви нашей страны пищей духовной. Что
говорю я, разве только страны нашей? И стран других тоже.
Православных арабов ты приобщил к радости типографского
искусства...»¹¹⁷.

Таким образом, создание в Алеппо первой арабской наци-
ональной типографии было осуществлено с разрешения Констан-
тина Брынковяну и при непосредственном содействии Антима.
В знак благодарности антиохийский патриарх Афанасий Даббас
послал каждому из них первую отпечатанную в Алеппской типо-
графии книгу «Псалтырь», которая на обратной стороне ти-
тульного листа имела герб господаря Валахии¹¹⁸. Но, несмотря
на все это, в алеппской книге Антим не упоминается ни единым
словом.

Итак, мы получили полную аналогию: как в Сирию (Алеп-
по), так и в Грузию (Тбилиси) при содействии Константина
Брынковяну отправляется изготовленное Антимом типографское
оборудование; отпечатанные в этих типографиях «Псалтырь»

¹¹⁴ Дроша, 1951, № 2, с. 18 (на груз. яз.).

¹¹⁵ Mi g o n e s c u A. Istoria Eparhiei Rîmnîcului-Noul Severin. Buc., 1905, p. 21.

¹¹⁶ Ş e r b ă n e s c u N. Antim Ivireanul tipograf, p. 730—734.

¹¹⁷ Bibliografia Românească Veche, I, p. 512.

¹¹⁸ R ă m u r e a n u I. Antim Ivireanul și legăturile sale cu credineioșii
din Patriarhia Antiohiei, p. 841—842.

(1706 г.) и «Евангелие» 1709 г.) отсылаются валашскому подарю и Антиму. В книгах, изданных как в Алеппо, так в Тбилиси, не упоминается имени Антима, несмотря на то, что он уже утверждён в одном из высших духовных званий и об этом хорошо знает не только Михай Иштванович, но и антиохийский патриарх Афанасий, который лично присутствовал при церемонии избрания Антима епископом Рымника в 1705 году.

Мы сочли необходимым ознакомиться с книгами, изданными не только в Грузии, но и в Валахии во время правления в Картли Вахтанга, чтобы уточнить, кто и по какому поводу в них упоминается. После сравнения этих книг (ввиду обилия их было выбрано лишь несколько наиболее типичных) выяснилось, что в предисловиях к книгам, напечатанным в Грузии и Валахии, упоминаются соответственно: правители двух стран — Вахтанг и Константин Брынковяну; авторы произведений — Германэ и Иоанн Кариофил; редакторы — Николоз Орбелиани и Митрофан Григораш; печатники — Михаил (Михай) Иштванович и Георге Родович и т. д.

Антим, как известно, не был правителем страны и не напечатал лично ни одной книги ни в Тбилиси, ни в Алеппо, а также не был ни автором, ни редактором этих книг. Потому-то его имя и не упоминается в этих книгах.

Кроме того, необходимо отметить еще один, на наш взгляд, немаловажный факт. Известно, что все пять книг, изданных в Рымникской типографии в 1705 году, отпечатаны самим Антимом¹¹⁹. В этих книгах отмечается лишь то, что он является печатником данных книг и ни слова не сказано об его роли в основании Рымникской типографии. Между тем установлено, что до приезда Антима в Рымник (1705 г.) здесь не существовало никакой типографии. Известно также, что Антим привез в Рымник изготовленное им самим типографское оборудование и румынские, греческие и старославянские буквы, что и послужило основой для создания там типографии¹²⁰. Хотя об этом в книгах, изданных в Рымнике, ничего не говорится, нет никаких оснований ставить под сомнение поистине выдающуюся роль Антима в организации типографии в Рымнике и считать его лишь печатником.

Представляется абсолютно необоснованной версия о том, что Вахтанг пригласил для печатания книг Михая Иштвановича.

¹¹⁹ Bibliografia Românească Veche, I, p. 462 — 466, 467; Şerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 727—730; Bogdan D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul), p. 538.

¹²⁰ Sacerdoţeanu A. Tipografia Eparhiei Rîmnicului (1705—1825), pp. 295—296; Coravu D. Tipografia de la Rîmnic din prima jumătate a secolului al XVIII-lea, p. 45.

вича при содействии монахов-католиков, как об этом пишет А. Ерицов¹²¹. В качестве печатника в Грузию Михай Иштванович был отправлен, видимо, именно Антимом, ибо он был его лучшим учеником и не раз организовывал типографии за пределами Валахии. Так, например, в 1699 году с этой целью Антим направил его в Трансильванию¹²², а в 1713 году Антим обещает иерусалимскому патриарху Хрисанфу прислать печатника Михай Иштвановича для организации печатного дела¹²³.

Теперь попытаемся установить время, когда Михай Иштванович уехал из Валахии и когда он прибыл в Грузию.

Из-за отсутствия документального материала мнения исследователей по этому вопросу расходятся. Д. Каричашвили пишет: «Мы можем только предполагать, что до начала функционирования типографии (до напечатания в Тбилиси в 1709 г. первой грузинской книги. — О. Г.) несколькими годами раньше, примерно в 1706 году, Михай Иштванович должен был приехать в Грузию»¹²⁴.

А. Шанидзе в своей статье «К истории грузинской типографии» сообщает, что в 1706 году Михай Иштванович отпечатал две греческие книги в типографии рымникского епископства¹²⁵. Б. Гордезиани, ссылаясь на это указание, полагает, что Михай Иштванович должен был приехать в Грузию не позднее 1707 года, т. к. на отливку букв и печатание громадного «Евангелия» ему понадобилось бы два года¹²⁶.

П. Константинеску-Яши отмечает, что Михай Иштванович прекратил свою деятельность в Валахии и отправился в Грузию в 1706 году¹²⁷.

Ш. Курдгелашвили высказывает следующее мнение: «Михаил Иштванович должен был отправиться из Валахии в Грузию не ранее начала 1708 года»¹²⁸. В подтверждение этого Ш. Курдгелашвили обращается к тексту стихотворения, найденного Г. Леонидзе в Румынии, из которого явствует, что Вахтанг с просьбой оказать помощь в основании первой типографии в Тбилиси обратился к иерусалимскому патриарху Хрисанфу. «Для выяснения вопроса, — пишет Ш. Курдгелашвили, — сле-

¹²¹ Гугушвили П. Грузинская книга в 1629—1929 гг. Тбилиси, 1929, с. 45 (на груз. яз.).

¹²² Molin V. Op. cit., p. 521—522; Rămureanu I. Mitropolitul Antim Ivireanul apărător al Românilor ortodocși din Transilvania, p. 836—837.

¹²³ Documente, vol. XIV, par. III, p. 103—105, 112, 115.

¹²⁴ Каричашвили Д. Указ. соч., с. 68.

¹²⁵ Литературное наследство, кн. I. Тбилиси, 1935, с. 160 (на груз. яз.);

¹²⁶ Мнатоби, 1950, № 1, с. 161 (на груз. яз.).

¹²⁷ Constantinescu-Iași, P. Legăturile Târilor Române cu Georgia. Studii, 1951, № 4.

¹²⁸ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 43.

дует установить точную дату — когда сошел с патриаршего престола Досифей и когда был избран на его место Хрисанф. Как выяснилось, Досифей стоял во главе Иерусалимской патриархии до 1708 года. Из-за тяжелой болезни он вынужден был прекратить свою деятельность и в феврале 1709 года скончался. Такое стечение обстоятельств позволяет нам предположить, что на должности патриарха Хрисанф заменил Досифея в конце 1707 года, примерно в октябре или ноябре. Таким образом, патриарх Хрисанф получил письмо Вахтанга VI, очевидно, приблизительно в октябре или ноябре 1707 года»¹²⁹.

Однако даты, приводимые Ш. Курдгелашвили, неточны. Во-первых, патриарх Досифей скончался не в феврале 1709 года, а 7 февраля 1707 года¹³⁰, во-вторых, Хрисанф заменил Досифея в сане иерусалимского патриарха не в конце 1707 года, а 8 февраля 1707 года. На второй же день после кончины Досифея (т. е. 8 февраля 1707 года) церковный собор избрал иерусалимским патриархом Хрисанфа¹³¹.

Исследуя интересующий нас вопрос, Молин отмечает, что Михайл был направлен в Грузию после назначения Антима митрополитом Валахии¹³². Но он не подкрепляет свои утверждения какими-либо документальными материалами.

Ш. Квасхадзе датой основания грузинской типографии и началом ее работы считает 1701—1702 гг.¹³³, так как, по его мнению, Михаю Иштвановичу на дорогу из Валахии в Грузию через Иерусалим понадобилось бы, приблизительно три года, к чему следует добавить и время, «необходимое для печатания книги, в частности время изготовления шрифта, гравюр, печатного материала, текстов, украшений и т. д.»¹³⁴

К тому же, как полагает Ш. Квасхадзе, эта дата «подкрепляется» практикой «других народов» «при подготовке к печати и издании книг» в тот же период. «Так, например, — пишет Ш. Квасхадзе, — известно, что в России к книгопечатанию приступили при Иване IV в 1556 году, под руководством Ивана Федорова. А готовая продукция появилась лишь в 1564 году»¹³⁵.

На самом деле подготовительный период русского книгопечатания начался еще в 1553 году, однако до 1564 года было напечатано шесть больших книг, «Апостол» же, набранный под

¹²⁹ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 43.

¹³⁰ Сообщения Императорского Православного Палестинского общества, Спб., 1908, т. XIX, с. 23.

¹³¹ Там же.

¹³² Molin V. Op. cit., p. 323.

¹³³ Квасхадзе Ш. Указ. соч., с. 232.

¹³⁴ Там же, с. 235—236.

¹³⁵ Там же, с. 232.

руководством Ивана Федорова, был не первой печатной книгой, а лишь первым изданием, выпущенным казенным печатным делом с указанием места и времени выхода¹³⁶. Следовательно, на подготовку к печати первой книги ушло не 9 лет, как считает Ш. Квасхвадзе, а значительно меньше.

К тому же мы знаем и иные примеры из истории печатного дела «других народов», которые вряд ли могут подкрепить мнение Ш. Квасхвадзе. Так, например, Антим по просьбе патриарха Антиохии Афанасия Даббаса, прибывшего в Валахию в марте 1700 года, не только отлил к началу 1701 года новый арабский шрифт, но и отпечатал им книгу «Кондак». К тому же надо учесть, что весьма сложные по начертанию арабские буквы в Валахии были изготовлены впервые¹³⁷.

Таким образом, односторонность в выборе доказательств привела Ш. Квасхвадзе к неправомерному заключению.

Каким же маршрутом приехал Михай Иштванович в Тбилиси и сколько времени он потратил на дорогу? Известно, что иерусалимский патриарх Досифей побывал в Грузии. В книге «История святого града Иерусалима» описан путь Досифея из Константинополя в Грузию. Иерусалимский патриарх прибыл морем из Константинополя в Трапезунд, затем по суше — через Эрзерум и Карс — достиг Тбилиси¹³⁸. Более точные сведения о пути из Тбилиси до Константинополя дает Иэсе Глашадзе в поэме «Бакариани». Как мы знаем, католикос Доментий, после отъезда его брата Вахтанга VI в Росию, отправился из Тбилиси в Константинополь. По словам Доментия, он выехал из Тбилиси двадцатого апреля и покрыл путь до Константинополя за сорок дней¹³⁹.

Кроме этого, в «Бакариани» детально описаны места и города, которые Доментий проезжал по дороге в Константинополь. От Тбилиси до Эрзерума ему понадобилось 12 дней, в Эрзеруме он провел 7 дней, отсюда направился в ближайшую деревню Кукусю и оставался там 6 дней. Затем через Амасию и Измит он доехал до Ускудара, а оттуда прибыл в Константинополь. Та-

¹³⁶ Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России. — У истоков русского книгопечатания. М., 1959, с. 14, 28.

¹³⁷ Atanasie Dabbas. Istoria Patriarhiilor Antiohia, p. 351—353; Simonescu D. și Muracade E. Tipar românesc pentru arabi în secolul al XVIII-lea. Buc., 1939, p. 2, 3, 14; Simonescu D. Impression de livres arabes et Karamanlis en Valachie et en Moldavie au XVIII-e siècle. — Studii et acta orientalia, 1967, № V—VI, p. 49—50.

¹³⁸ История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших, ч. II. Спб., 1844, с. 338.

¹³⁹ Иэсе Глашадзе. Бакариани, 1963, с. 40 (на груз. яз.).

ким образом, маршрут Домения был таков: «Тбилиси—Эрзерум—Амасия—Ускудар—Константинополь»¹⁴⁰.

Существовал и третий путь.

Как известно, царь Георгий XI в 1695 г., с помощью тбилисских купцов, выплатил долги грузинского монастыря в Иерусалиме¹⁴¹. «...Пошлите людей наших в Гилан, они должны купить шелк и за девять месяцев дойти до Измира и, продав шелк, деньги передать патриарху в Бурсе или Стамбуле... На эти деньги патриарх должен выкупить монастырь»¹⁴², — сказано в письме царя Георгия XI.

Судя по письму Георгия XI, в некоторых случаях купцы выбирали следующий маршрут: Тбилиси—Гилан—Измир—Бурса—Константинополь.

Видимо, одним из этих маршрутов и воспользовался Михай Иштванович, вернее всего маршрутом Досифея или Домения. Сколько времени потратил Михай Иштванович на свое путешествие? Совершенно очевидно, что мнение Ш. Квасхвадзе о том, будто Михаю Иштвановичу потребовалось приблизительно три года на путешествие из Валахии в Грузию через Иерусалим, весьма сомнительно¹⁴³. Ведь у нас имеются два документальных свидетельства, в которых точно указывается время, необходимое для путешествия по интересующему нас маршруту¹⁴⁴. Согласно первому свидетельству, на путешествие по маршруту Константинополь—Ускудар—Измит—Амасия—Эрзерум—Тбилиси требовалось 40 дней. Из другого же документа следует, что купцам, отправлявшимся из Тбилиси в Константинополь не прямым путем, а с заездом в Иран (с учетом времени, необходимого для

¹⁴⁰ Иесе Тлашадзе. Указ. соч., с. 40—42.

¹⁴¹ Марр Н. Описание грузинских рукописей Иерусалима. Тбилиси, 1955, с. 78.

¹⁴² Акты Кавказской Археографической комиссии, т. I. Тбилиси, 1866, с. 26—27.

¹⁴³ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 235—236. Высказывая свое мнение, Ш. Квасхвадзе ссылается на стихотворение, обнаруженное Г. Леонидзе в Румынии, из которого явствует, что выехавший из Бухареста Михай Иштванович якобы сперва посетил иерусалимского патриарха Хрисанфа, а затем направился в Тбилиси. Но нам думается, что если эта встреча и в самом деле состоялась, то местом встречи Хрисанфа с Михаем Иштвановичем вряд ли мог быть Иерусалим, так как резиденцией иерусалимских патриархов в то время был не Иерусалим, а Константинополь (см.: История святого града Иерусалима от времен апостольских и до наших, ч. II. Спб., 1844, с. 298).

¹⁴⁴ Сулхан-Саба Орбелиани, который отбыл из Константинополя 13 мая 1716 года, ехал морем до Хопы и, проезжая через Артанудж и Артаани, прибыл в Грузию в июле 1716 года. (См.: Сулхан-Саба Орбелиани. Путешествие по Европе, Тбилиси, 1940, с. 148—152, на груз. яз.).

приобретения шелка в Гилане), требовалось на дорогу около 9 месяцев. Если к тому же учесть, что путь из Бухареста в Константинополь покрывался в то время приблизительно за 10 дней¹⁴⁵, то мы полагаем, что Михаю Иштвановичу на все путешествие из Бухареста в Тбилиси потребовалось максимум 4—5 месяцев.

Итак, мнения исследователей о времени отъезда из Валахии и прибытия в Грузию Михая Иштвановича расходятся. Называются разные даты, начиная с 1701 и кончая первыми месяцами 1708 года.

Какая же из этих дат соответствует действительности? Утверждения о том, что Михай Иштванович прибыл в Тбилиси до 1706 года, не имеют под собой никакой реальной почвы, так как в течение всего 1706 года Михай находился в Валахии, в Рымнике, и печатал там книги¹⁴⁶. Более того, в библиотеке Академии наук СРР хранится единственный экземпляр книги «Слово, сказанное во славу Иисуса Христа», напечатанной Михаем Иштвановичем на румынском языке. В книге не обозначена дата, а указано лишь место, где она издана — Рымник. В «Древней румынской библиографии» предположительно указана дата издания книги — 1707 г.¹⁴⁷ Эта дата издания книги, видимо, соответствует действительности, так как в предыдущем (1706) году Михай Иштванович отпечатал пять книг, из которых одна содержала 461 страницу. Исходя из этих данных, Михай Иштванович должен был отправиться из Валахии в Грузию в первой половине 1707 года, ибо мы пока не имеем никаких сведений о его пребывании в Валахии, начиная с указанного времени и на протяжении всего 1708 года. А уже в 1709 году Михай Иштванович печатает книги в Тбилиси.

Существует мнение, согласно которому Михай Иштванович приехал в Тбилиси не один, а в сопровождении нескольких печатников из Валахии, как об этом пишут А. Хаханашвили¹⁴⁸,

¹⁴⁵ Engel I. Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer, Band II, 1804, S. 359.

¹⁴⁶ Bădulescu I. Mitropolitul Ungro-Vlahiei Antim Ivireanul, p. 135, 136; Dobrescu N. Antim Ivireanul Mitropolitul Ungro-Vlahiei, p. 60—61, 68; Cartoian N. Istoria literaturii române vechi, III, p. 209; Bogdan D. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul), p. 138, 139, 140; Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 730—734.

¹⁴⁷ Bibliografia Românească Veche, I, p. 478—479.

¹⁴⁸ Хаханов А. Очерки по истории грузинской словесности. М., 1901, с. 368.

Ф. Жордания¹⁴⁹, К. Кекелидзе¹⁵⁰, З. Чичинадзе¹⁵¹. Называют даже число валашских типографов, приехавших в Тбилиси. «Среди них четверо были мастерами, — отмечает З. Чичинадзе, — один печатник и трое наборщиков; один из них — Михай — был главным»¹⁵². Между прочим, румынский исследователь П. КонстантINESКУ-ЯШИ высказывает аналогичное мнение. П. КонстантINESКУ-ЯШИ в 1959 году после возвращения в Румынию из Тбилиси, где он принимал участие в праздновании 250-летия со дня основания первой грузинской типографии, опубликовал статью, в которой писал: «В конце XVII и начале XVIII века правил Грузией, страной древних культурных традиций, царь Вахтанг VI. Стремясь укрепить свою власть путем культурных реформ, он обратился к Константину Брынквяну... с просьбой прислать ему мастеров (разрядка наша. — О. Г.) для создания типографии»¹⁵³. Другой румынский исследователь, В. Молин, отмечал: «Быстро откликнувшись на просьбу Вахтанга и удовлетворив одновременно и желание Антима, Брынквяну послал в Тбилиси мастера Михая Иштвановича. Таким образом, Михай отправился в Грузию вместе со своими учениками и без промедления приступил к делу»¹⁵⁴.

Версию, согласно которой Михай Иштванович приехал в Грузию не один, а в сопровождении своих учеников, опровергают изданные в Тбилисской типографии первопечатные книги, в которых вполне определенно указывается, что в Грузию был приглашен лишь один печатник, а не печатники. В предисловиях к книгам, изданным в Тбилиси в 1709—1722 годах, Вахтанг отмечает, что он «пригласил типографа из Валахии и создал типографию»¹⁵⁵. То же самое говорят и сын Вахтанга VI Бакар и Квирианэ Самтавели, которые, соответственно, пишут: Бакар — «...блаженной памяти отец наш, царь Вахтанг... привел типографа из Валахии и создал типографию»¹⁵⁶, а редактор Квириа-

¹⁴⁹ Иверия, 1885, № 10 (на груз. яз.).

¹⁵⁰ Кекелидзе К. История грузинской литературы. Тбилиси, т. I, с. 369. (на груз. яз.).

¹⁵¹ Чичинадзе З. Указ. соч., с. 81.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Constantinescu-Iași P. Un Român în Gruzia acum 250 de ani.—Studii (Revistă de Istorie), 1959, anul XII, p. 231.

¹⁵⁴ Molin V. Op. cit., p. 323.

¹⁵⁵ Евангелие. Тбилиси, 1709; Апостол. Тбилиси, 1709; Кондак. Тбилиси, 1720 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I. Тбилиси, 1941, с. 9, 13, 15.

¹⁵⁶ Библия. М., 1743 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 44.

нэ — «когда царствовал... Вахтанг, усердствуя, привел из Валахии печатника Михаила, который по его повелению устроил типографию...»¹⁵⁷.

Итак, из первоисточников явствует, что по приглашению правителя Картли царевича Вахтанга из Валахии в Грузию прибыл только один печатник по имени Михай Иштванович. Кроме того, сам Михай Иштванович в предисловии к первой книге, изданной в Тбилиси, особо подчеркивает, что, подобно тому как он доселе не видел Грузии, так и грузины не видели типографии. Михай Иштванович писал: «...если найдете какую-либо погрешность в словах, либо в буквах, не хулите, ибо ведь я был чужим в этой стране (в Грузии. — О. Г.) и не знал языка вашего (грузинского. — О. Г.), а те, которые были учениками моими (подразумеваются, очевидно, грузины, которые помогали Михаилу Иштвановичу в книгопечатании. — О. Г.) были неопытны в этом моем деле (в книгопечатном деле. — О. Г.), и как я не видел Грузии, так и мои ученики — типографии»¹⁵⁸.

Можно привести немало подобных документов, свидетельствующих о том, что Михай Иштванович приехал в Тбилиси один¹⁵⁹. Если принять во внимание аналогичный случай из ранней деятельности Михая Иштвановича, когда дело касалось основания типографии за пределами Валахии и печатания книг¹⁶⁰, то станет ясно, что для выполнения этой миссии Антим послал одного Михая Иштвановича, а не целую группу печатников.

Привез ли Михай Иштванович все типографское оборудование с собой из Валахии или изготовил его в Тбилиси?

«Сведения, почерпнутые из предисловий первопечатных тбилиских книг, иногда противоречат друг другу. Сам царевич Вахтанг в своих предисловиях отмечает, что он пригласил печатника из Валахии и создал типографию¹⁶¹; а редактор изда-

¹⁵⁷ Требник. Тбилиси, 1713 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 22.

¹⁵⁸ Евангелие. Тбилиси, 1709 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 9.

¹⁵⁹ «Для сего [Вахтанг] призвал Валахии типографщика (разрядка наша. — О. Г.) и употребил великое иждивение для заведения грузинской типографии в Тифлисе. М[итроп.] Е[вгений].» (См.: Историческое изображение Грузии в политическом, церковном и учебном ее состоянии. Спб., 1802, с. 6).

¹⁶⁰ Molin V. Op. cit., p. 321; Șerbănescu N. Antim Ivireanul tipograf, p. 699, 711; Bogdan D. Legăturile Târilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul), p. 157; Documente, vol. XIV, par. III, p. 107.

¹⁶¹ См. предисловия царевича Вахтанга к следующим книгам: «Евангелие». Тбилиси 1709; «Апостол». Тбилиси, 1709; «Кондак». Тбилиси, 1710; «Молитвенник». Тбилиси, 1710; сочинение инокa Германэ «Учение о том, как

ваемых в Тбилисской типографии книг Николай Орбелиани, в своих предисловиях редактируемых им книг, не упоминая о приглашении печатника, пишет, что Вахтанг привез из Валахии типографию¹⁶². Это дает исследователям основание высказывать противоположные точки зрения. Например Хр. Шарашидзе, ссылаясь на предисловия Вахтанга к первопечатным грузинским книгам, в которых говорится, что он «призвал печатника из Валахии и создал типографию», приходит к следующему выводу: «Таким образом, — пишет К. Шарашидзе, — согласно предисловию самого Вахтанга, он пригласил из Валахии только типографа. Что касается устройства и наладки самой типографии, то, согласно предисловию Вахтанга, можно предположить, что это дело было сделано в Тбилиси»¹⁶³.

Хр. Шарашидзе в подтверждение своего мнения приводит и другие аргументы. Такими аргументами она считает высказывания Квицпианэ Самтавели и сына Вахтанга Бакара, судя по которым, «Вахтанг пригласил печатника из Валахии и создал типографию». Хр. Шарашидзе ссылается также на стихотворение, обнаруженное Г. Леонидзе, в котором, согласно Хр. Шарашидзе, «Вахтанг просит прислать печатника, а об устройстве типографии не сказано ни единого слова»¹⁶⁴. Ссылаясь на слова самого Михая Иштвановича — «а все, что нужно было сделать, как полагается, — буквы, инструменты и всевозможные приспособления для типографии — от начала до конца — все это сделано мною, недостойным холопом Вашим»¹⁶⁵, — Хр. Шарашидзе заключает: «Михай Иштванович сделал в Тбилиси собственными руками все оборудование типографии с помощью местных мастеров»¹⁶⁶. В доказательство своего мнения, согласно которому Вахтанг якобы привел из Валахии только печатника, Хр. Шарашидзе приводит, по нашему мнению, неубедительный аргумент. Этим аргументом, по словам Хр. Шарашидзе, «имеющим решающее значение», является предисловие Михая Иштвановича к первой грузинской книге, в котором сказано: «...за-

следует наставнику обучать ученика». Тбилиси, 1711; «Псалтырь». Тбилиси, 1711; «Витязь в тигровой шкуре». Тбилиси, 1712; см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 9, 13, 15, 16, 18, 19, 22.

¹⁶² См. предисловия редактора Николая Орбелиани к следующим книгам: «Евангелие». Тбилиси, 1709; «Апостол». Тбилиси, 1709; «Молитвенник». Тбилиси, 1710; см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 9, 13, 16.

¹⁶³ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 91.

¹⁶⁴ Там же, с. 92.

¹⁶⁵ Евангелие. Тбилиси, 1709 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 9.

¹⁶⁶ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 92—93.

чинателем этого незнакомого дела и... неутомимым создателем типографии на родине вашей (грузин. — О. Г.) стал блаженный, просвещенный правитель Грузии, царевич и патрон Вахтанг»¹⁶⁷. Исходя из этого, Хр. Шарашидзе приходит к заключению: «Следовательно, Михаил Иштванович в первую очередь отмечает инициативу Вахтанга в деле создания типографии»¹⁶⁸.

Никто не оспаривает того, что именно правителю Картли, царевичу Вахтангу принадлежит инициатива в создании первой национальной полиграфической базы в Грузии, и никто не сомневается в словах Михая Иштвановича. Но нас интересуют не обстоятельства организации первой грузинской национальной типографии, а выяснение конкретного факта: были ли печатный станок и другие типографские принадлежности (о грузинском шрифте речь пойдет дальше) изготовлены в Тбилиси или же все это было привезено из Валахии? Опираясь на слова Михая Иштвановича, ответить на этот вопрос нельзя ни положительно, ни отрицательно, так как они свидетельствуют лишь о заслуге Вахтанга в создании Тбилисской типографии, но не указывают на место изготовления станка и шрифта.

Можно привести аналогичный пример. В 1699 году в Валахии Антим напечатал книгу «Признание православной веры...», в предисловии к которой сказано: «Хвалился раньше Запад своей ученостью, сейчас христиане удостоились счастья стать просвещенными людьми и обладателями типографии... И это благодаря твоим великодушным и Богом внушенным стараниям и заботам, о, правитель, совершенный среди верующих, великий Константин, просвещенный Басараб...»¹⁶⁹. Итак, здесь, как и в предисловии Михая Иштвановича, говорится о заслуге правителя страны Константина Брынковяну в развитии книгопечатания. Но разве из этого предисловия можно сделать заключение о том, как протекала организационная работа по созданию типографии? Конечно, можно возражать, указывая на слова Михая Иштвановича¹⁷⁰, из которых, как будто, следует, что типографские принадлежности действительно были изготовлены в Тбилиси¹⁷¹. По нашему мнению, интерпретация слов Михая Иштвановича в таком аспекте неверна. Думается, совершенно прав Б. Гордезани, который под ними понимает только трудоемкую работу по изготовлению шрифта.

¹⁶⁷ Евангелие. Тбилиси, 1709 (на груз. яз.).

¹⁶⁸ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 92.

¹⁶⁹ *Mărturisirea ortodoxă a credinței Bisericeii... Snagov, 1639, R. V. № 117.*

¹⁷⁰ Евангелие. Тбилиси, 1709 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 9.

¹⁷¹ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 92—93.

Б. Гордезиани пишет: «Вахтанг VI непременно велел бы доставить усовершенствованные станки и инструменты из Валахии... Вместе с печатными станками унговалах должен был привезти весь тот материал и инструменты, которые необходимы были для устройства типографии. Главным образом, это были инструменты для вырезания и литья букв, стальные и латунные палочки, обработанные ксилографические доски, инструменты для переплета и др... Этими инструментами унговалах должен был начать работу в Тбилисской типографии...»¹⁷². Аналогичного мнения придерживается Ш. Курдгелашвили¹⁷³. Румынский исследователь Д. Думитреску считает, что из Валахии были привезены не только печатный станок и другие типографские принадлежности, но и некоторые гравюры¹⁷⁴.

Таким образом, сведения, почерпнутые из первопечатных тбилисских книг и основанные на них мнения современных исследователей по поводу того, привез ли Михай Иштванович все типографское оборудование с собой из Валахии или изготовил его в Тбилиси, существенно расходятся. За отсутствием прямых свидетельств мы сочли необходимым обратиться к другим документально подтвержденным фактам, сопоставление которых, полагаем, внесет определенную ясность в решение этого спорного вопроса. Например, Хр. Шарашидзе пишет, что возвести из Валахии в Тбилиси «готовые типографские принадлежности не имело никакого смысла вследствие дальности расстояния и дорожных злоклучений». «Михаил Иштванович, — продолжает она, — мог собственноручно, с помощью местных мастеров, изготовить все оборудование для типографии»¹⁷⁵.

Посмотрим, в какой мере соответствует действительности предположение Хр. Шарашидзе.

Во-первых, по нашему мнению, дальность расстояния и дорожные злоклучения, по сравнению с другими трудностями, не могли считаться решающими. Известно, например, что все оборудование Алеппской типографии было изготовлено не в Сирии, а привезено в готовом виде из Валахии¹⁷⁶. А ведь путь

¹⁷² Гордезиани Б. Грузинский шрифт мхедрули. Тбилиси, 1955, с. 40—41 (на груз. яз.).

¹⁷³ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 33—41.

¹⁷⁴ Dumitrescu D. Activitatea tipografică a lui Mihail Ștefan în Gruzia.—Studii, 1958, an. XI, № 4, p. 135.

¹⁷⁵ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 93.

¹⁷⁶ Шейхо Л. История печатного искусства на Ближнем Востоке. Ал-Машрик. Бейрут, 1900, № 8, с. 355—362 (на араб. яз.); Абду И. Развитие египетской прессы и ее влияние на возрождение общественной мысли. Каир, 1948, с. 17—18 (на араб. яз.); Simonescu D. și Murgasade E. Tipar românesc pentru arabi în secolul al XVIII-lea, p. 2, 3, 14; Simonescu D.

из Бухареста до Алеппо был ничуть не ближе и не легче, чем из Бухареста до Тбилиси.

Во-вторых, нам кажется неприемлемой версия К. Шарашидзе, согласно которой Михай Иштванович, прибыв в Тбилиси, мог собственноручно изготовить все оборудование для типографии. Как известно, еще в 1699 году Константин Брынковяну послал Михая Иштвановича из Валахии в Трансильванию с ответственной миссией — наладить там книгопечатное дело¹⁷⁷. Выполняя эту задачу, Иштванович не жалел сил. Но в результате оказалось, что издание книг в Трансильвании стояло на невысоком полиграфическом уровне. Даже сам Михай Иштванович просит прощения у читателя за невысокое качество изданных им книг. Основной причиной этого, по его словам, явилось то, что «печатный станок был сильно изношенным и устаревшим»¹⁷⁸.

Получается, что Михай Иштванович, который якобы собственноручно изготовил типографское оборудование в Грузии, до того, будучи в Трансильвании, печатал книги устаревшими средствами, зная наперед, к какому результату это приведет (ведь Михай Иштванович издал в Трансильвании несколько книг). Почему же в Трансильвании он сам не изготовил новое типографское оборудование, если видел в этом острую необходимость? Исходя из этих соображений, мы считаем необоснованным мнение тех исследователей, которые полагают, что все оборудование Тбилисской типографии было изготовлено самим Михаем Иштвановичем.

Если принять во внимание, что в целом ряде случаев при создании типографий за пределами Валахии все типографское оборудование высылалось из самой Валахии, следует вспомнить, что Константин Брынковяну передал антиохийскому патриарху Афанасию Даббасу типографское оборудование, изготовленное Антимом, благодаря чему, как полагают, и была основана первая национальная типография в Алеппо¹⁷⁹, Антим обещал патриарху Хрисанфу поставить полное оборудование для организации типографии в Константинополе. Следует полагать, что так же поступили и в отношении Тбилисской типографии: все типографское оборудование было доставлено в Тбилиси из Валахии.

Как показал анализ бумаги напечатанных в Тбилиси книг,

с u D. Impression de livres arabes et Karamanlis en Valachie et en Moldavie au XVIIIe siècle, p. 49—50.

¹⁷⁷ R ă m u r e a n u I. Mitropolitul Antim Ivireanul apărător al Românilor ortodocși din Transilvania, pp. 836—837; B o g d a n D. Lagăturile Târiilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul), p. 139.

¹⁷⁸ M o l i n V. Op. cit., p. 321.

¹⁷⁹ См. выше, гл. V нашего сочинения.

Михай Иштванович привез с собой из Валахии не только типографское оборудование, но и печатную бумагу. Книги, издаваемые в типографии Вахтанга, отпечатаны на бумаге с водяными знаками, в то время как бумага, изготовленная в странах Востока, таких знаков, как известно, не имеет.

Интересно выяснить, на чьи средства была организована в Тбилиси первая национальная типография. В тбилисских старопечатных книгах особо подчеркивается, что правитель Картли царевич Вахтанг при создании типографии приложил большие старания и понес крупные расходы. Николай Орбелиани в предисловии отредактированного им «Молитвенника» отмечает, что Вахтанг, «испытывав немалые трудности и понеся крупные издержки, привез типографию»¹⁸⁰. По свидетельству редактора Квириана Самтавели, Вахтанг «привез из Валахии печатника Михаила, который устроил типографию с большими затратами»¹⁸¹. Упоминают о неустанной заботе Вахтанга об организации типографии и некоторые исследователи. Так, например, Е. Болховитинов писал: «Вахтанг употребил великое иждивение для заведения грузинской типографии в Тифлисе»¹⁸².

Есть сведения, что лесоматериал для строительства здания типографии был доставлен в Тбилиси из кахетинского села Сагареджо. Представляет также интерес: платил ли Вахтанг за привезенный Михаем Иштвановичем из Валахии печатный станок, типографское оборудование, бумагу и т. п.? По мнению румынского исследователя И. Биану, все оборудование Тбилисской типографии было изготовлено «за счет щедрого дарителя — валашского господаря Константина Брынковяну»¹⁸³. Конечно, если учесть, что Константин Брынковяну передал антиохийскому патриарху Афанасию Даббасу все типографское оборудование, изготовленное Антимом, и что книги, изданные Антимом в 1701—1702 гг. в Валахии на арабском языке, также безвозмездно были распространены среди православного арабского населения¹⁸⁴, то мнение И. Биану надо признать справедливым. Кроме того, по-видимому, Антим, пользовавшийся большим влиянием и авторитетом при дворе валашского господаря, постарался всячески поспособствовать своим соотечественникам.

¹⁸⁰ Молитвенник. Тбилиси, 1710 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 16.

¹⁸¹ Требник. Тб., 1713 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 22.

¹⁸² Болховитинов Е. Историческое изображение Грузии. Спб., 1802, с. 61.

¹⁸³ B i a n u I. Din cărțile vechi.—Prinos lui D. A. Sturdza. Buc., 1903, p. 193.

¹⁸⁴ A t a n a s i e D a b b a s. Istoria Patriarhilor de Antiohia, p. 860—862.

Теперь относительно шрифта, употреблявшегося в первой Тбилисской типографии. Достоверных сведений о месте изготовления шрифта и его изготовителе пока нет.

Часть исследователей предполагает, что шрифт первых грузинских книг был изготовлен в Валахии Антимом Иверийцем.

Еще в 80-х годах прошлого столетия М. Гастер писал, что грузинские буквы были вырезаны и отлиты Антимом Иверийцем в Валахии¹⁸⁵. Э. Пико считает возможным участие Антима в изготовлении шрифта, использованного Михаем Иштвановичем при печатании грузинских книг¹⁸⁶. По словам А. Хаханашвили, Антим Ивериец послал Вахтангу оборудование типографии и отлитые буквы¹⁸⁷. З. Чичинадзе утверждает, что образцы грузинского шрифта были привезены из Валахии¹⁸⁸. Относительно шрифта, использованного в первой Тбилисской типографии, А. Шанидзе пишет: «Этот шрифт мы называем «вахтангури»¹⁸⁹, но он, возможно, принадлежит выдающемуся деятелю Антиму-грузину»¹⁸⁹. К. Кекелидзе¹⁹⁰, Г. Леонидзе¹⁹¹, И. Вартагава¹⁹² и другие допускают возможность печатания первых грузинских книг шрифтом, изготовленным Антимом Иверийцем.

В последнее время этот вопрос стал предметом особого внимания многих исследователей. Приведем мнение некоторых из них.

По словам Хр. Шарашидзе, «мастер, присланный из Валахии, согласно его собственным словам, все оборудование типографии и в первую очередь шрифт изготовил в Грузии, в частности в Тбилиси»¹⁹³. Ш. Курдгелашвили считает совершенно неприемлемым вывод Шарашидзе, сделанный ею на основе предисловия Михая Иштвановича, т. к. в нем не указывается, где именно был изготовлен шрифт для типографии Вахтанга¹⁹⁴. По утверждению Ш. Курдгелашвили, местом изготовления упомянутого шрифта не мог быть Тбилиси, так как, по его мнению, типограф из Валахии прибыл в Грузию не в 1701—1702 гг. и не в 1706—1707 гг., а в середине 1708 г.

¹⁸⁵ Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. В. XI. Heft 4.

¹⁸⁶ Picot E. Op. cit., p. 522.

¹⁸⁷ Хаханов А. Указ. соч., с. 367—368.

¹⁸⁸ Чичинадзе З. Грузинская типография и Вахтанг VI, с. 36.

¹⁸⁹ Шота Руставели. «Витязь в тигровой шкуре». Изд. А. Шанидзе, с. 409 (на груз. яз.).

¹⁹⁰ Кекелидзе К. Литургические грузинские памятники в отечественных книгохранилищах и их научное значение, 1908, с. 30.

¹⁹¹ Дроша, 1951, № 2, с. 19 (на груз. яз.).

¹⁹² Вартагава И. Грузинская духовная переводная и оригинальная литература, с. 79.

¹⁹³ См. выше, с. 210 нашего сочинения.

¹⁹⁴ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 49.

Исходя из этого, Ш. Курдгелашвили заключает, что Михай Иштванович за оставшиеся до выхода первой книги 6—7 месяцев вряд ли смог бы не только отлить шрифт в Тбилиси, но и отпечатать и отредактировать весьма объемистое «Евангелие»¹⁹⁵.

Мы также не разделяем точку зрения Шарашидзе¹⁹⁶. В предисловии Михая Иштвановича к первой грузинской книге, изданной в Тбилиси, речь идет лишь о самом факте изготовления грузинского шрифта, а не о месте его изготовления. Следовательно, утверждать, основываясь на этом, что шрифт был изготовлен именно в Тбилиси, неправильно. С другой стороны, нам представляется неверным утверждение Ш. Курдгелашвили о невозможности изготовления шрифта в Тбилиси. Мы знаем, что это утверждение основывается на версии, согласно которой Михай Иштванович прибыл в Грузию в середине 1708 года и в течение 6—7 месяцев (первую грузинскую книгу «Евангелие» Иштванович напечатал в 1709 году) он не смог бы отпечатать книгу. Но, во-первых, по нашему предположению, Михай Иштванович должен был прибыть в Грузию в первой половине 1707 года, а не в середине 1708 года¹⁹⁷, а во-вторых, если даже допустить, что этот печатник располагал лишь 6—7 месяцами, то следует вспомнить, что ведь за 8—9 месяцев был отлит совершенно новый арабский шрифт и отпечатан на арабском языке «Кондак»¹⁹⁸, не менее объемистый, чем грузинское «Евангелие».

Существует и такая точка зрения, согласно которой вообще отрицается возможность изготовления грузинского шрифта Михаем Иштвановичем не только в Тбилиси, но и в Валахии. Например, В. Молин считает, что Михай Иштванович не имел никакого отношения не только к изготовлению шрифта, но и к оборудованию самой типографии, если не принимать во внимание изготовление или обновление некоторых деталей печатного станка. По мнению В. Молина, Вахтанг якобы не получал из Валахии ни печатного станка, ни типографского оборудования, ни шрифта, все это ему перешло по наследству от царя Арчила, который, в свою очередь, приобрел типографию в Амстердаме при содействии Тотфалуша¹⁹⁹.

Однако это мнение В. Молина, как отмечалось выше, совершенно неприемлемо по той простой причине, что и самому-то

¹⁹⁵ Курдгелашвили Ш. Указ. соч., с. 49.

¹⁹⁶ См. выше, эту же, VI главу нашего сочинения.

¹⁹⁷ См. там же.

¹⁹⁸ См. выше, гл. V нашего сочинения.

¹⁹⁹ Molin V. Op. cit., p. 323.

царю Арчилу не удалось заполучить типографское оборудование и грузинский шрифт из Амстердама²⁰⁰.

В Молин пытается подкрепить свое мнение еще и другим аргументом: «Вахтанг не говорит даже, что это первая типография в его стране, как обычно делалось при восхвалении того или иного деяния, — пишет он (разр. наша. — О. Г.)»²⁰¹.

Разумеется, в этом случае В. Молин имеет в виду опять-таки предисловие Вахтанга к изданному в 1709 году в Тбилиси «Евангелию». Так же не вызывает сомнения, что у Молина была возможность судить об этой книге, так как посланные из Грузии в Валахию Антиму Иверийцу два экземпляра «Евангелия» по сей день хранятся в библиотеке Академии наук СРР. Хотя в предисловии Вахтанга к «Евангелию» и не сказано, что типография, в которой было отпечатано «Евангелие», была первой в Грузии, но в другом предисловии к тому же «Евангелию», принадлежащему редактору книги. Николаю Орбелиани, прямо указано: «Когда в Грузии правил племянник благочестивого царя Арчила и именитого царя Георгия, сын добродетельного Левана, благочестивый и просвещенный Вахтанг, он приложил старания и получил из Валахии типографию, которой никогда не было в Грузии (разрядка наша. — О. Г.)»²⁰². То же самое сказано в предисловии к «Требнику», изданному под редакцией Квириана Самтавели в Тбилиси в 1713 году: «В свое время Вахтанг, усердствуя, привез из Валахии печатника Михаила, который устроил типографию... В Грузии еще никогда не было типографии и рукой переписчиков были извращены священные писания (разрядка наша. — О. Г.)»²⁰³.

Некоторые исследователи считают, что шрифт первопечатной грузинской книги не мог быть отлит в Валахии Антимом Иверийцем, так как печатники изготовляли шрифт по лучшим рукописным образцам и затем каллиграфически обрабатывали избранную рукопись в соответствии с техникой печатания букв. А Антим, пишет Б. Гордезиани, вряд ли имел в Валахии лучшие грузинские рукописи. Исходя из этого, по его мнению, он не смог бы изготовить ни пуансоны, ни матрицы и, тем более, литеры грузинского шрифта²⁰⁴.

Никто не отрицает того, что вообще печатники изготовляли шрифт по лучшим рукописным образцам. Допустим также, что

²⁰⁰ См. выше наше сочинение, гл. II и IV.

²⁰¹ Molin V. Op. cit., p. 332.

²⁰² Евангелие, Тбилиси, 1709 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 9.

²⁰³ Требник. Тбилиси, 1713 (на груз. языке); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 22.

²⁰⁴ Гордезиани Б. Указ. соч., с. 43.

у Антима действительно не было в Валахии возможности пользоваться грузинские рукописи. Однако нельзя забывать, что Антим был не только отличным печатником, но и великолепным каллиграфом²⁰⁵. Почему же надо исключить возможность того, что воспитанный на традициях грузинского искусства художник, гравер, зодчий и к тому же каллиграф, он сам лично мог подготовить образцы грузинского шрифта. Для Антима, впервые изготовившего в Валахии сложнейший арабский шрифт и отпечатавшего с его помощью книгу, вряд ли было бы трудно отлить шрифт родного его грузинского языка.

Когда в Валахии решили оказать содействие грузинам в создании первой национальной грузинской типографии, перед Антимом, наверное, возник вопрос, что же следовало отправить в Грузию с Михаем Иштвановичем? Необходимость изготовления печатного станка и оборудования в Валахии для будущей грузинской типографии была подсказана трансильванским опытом Михая Иштвановича. Как уже указывалось, именно потому, что Михаю не удалось привести в порядок устаревший и поврежденный печатный станок, напечатанные им там, в Трансильвании, книги сильно проигрывали в полиграфическом отношении²⁰⁶.

В первой половине XVIII века создание шрифта не было лишь технической работой. В те времена изготовление шрифта представляло собой два творческих процесса: первый — создание образца (художественная сторона), второй — полиграфическое воплощение (изготовление букв). Когда не было механизированного производства шрифта и все делалось вручную, качество шрифта зависело от его литья не в меньшей мере, чем от подготовки, от подлинника. Несомненно, что это было известно прежде всего самому Антиму. Кроме того, он, конечно, знал, что с каллиграфической обработкой грузинской рукописи с целью создания образцов букв могли с успехом справиться, в первую очередь, сами грузинские художники-каллиграфы. Создание же на их основе высококачественного грузинского шрифта для такого опытного печатника, каким был Михай Иштванович, не составляло бы особого труда.

Вкратце коснемся художественного оформления книг, изданных в Тбилиси Михаем Иштвановичем, точнее попытаемся сопоставить, с точки зрения художественного оформления, первопечатную грузинскую книгу с книгами, выпущенными Антимом в Валахии. Побывав в Румынии, Н. Бердзенишвили видел две: «одну, написанную рукой Антима и им же художественно

²⁰⁵ Iorga N. Inscrispții din bisericile României, I. Buc., 1905, p. 175; Brătulescu V. Antim Ivireanul miniaturist și sculptor, p. 766—774.

²⁰⁶ Molin V. Op. cit., p. 321.

оформленную («Молитвенник») ²⁰⁷, вторую — «Кондак», напечатанную на арабском языке. Роспись этих книг, по словам Н. Бердзенишвили, такого же характера, как и у грузинского «Евангелия» ²⁰⁸. По мнению Г. Леонидзе, «некоторые орнаменты упомянутых книг (изданных в Валахии. — О. Г.) схожи с украшениями напечатанных книг Вахтанга. Не исключено, что к ним приложил руку Антим» ²⁰⁹.

Сравнение арабского «Кондака», изданного Антимом в 1701 г. в Снагове, с «Евангелием», отпечатанным в 1709 г. в Тбилиси, обнаружило одинаковый характер и даже тождество некоторых украшений этих книг. С другой стороны, сравнение обеих книг с некоторыми рукописями, принадлежащими перу Антима, указывает на общность происхождения рисунков как арабского «Кондака» и грузинского «Евангелия», так и упомянутых рукописей Антима. Для окончательных выводов необходимо полное сравнение всех 10 книг, изданных в типографии Вахтанга со всеми 64 книгами, отпечатанными в Валахии, но это сравнение выходит за рамки задач, поставленных перед нашим сочинением и может стать предметом специального исследования.

Не вызывает сомнения, что в оформлении первопечатной грузинской книги принимали участие грузинские художники и мастера. Однако в ряде случаев наблюдается, что авторам некоторых гравюр, помещенных в первопечатных грузинских книгах, не дается грузинская письменность, и в подписях допущено множество ошибок ²¹⁰. Среди зарубежных исследователей нет единства в объяснении этого вопроса. Так, по мнению Д. Думитреску, «изучение первых книг, напечатанных на территории Грузии, свидетельствует о том, что Михай Иштванович привез с собой из Валахии и различные типографские орнаменты, и некоторые гравюры с подписью «Иваникие» — гравера, имя которого встречается в книгах, изданных Антимом в Валахии» ²¹¹.

В противоположность ему В. Молин, сравнивая гравюру с тремя медальонами (со Спасителем в середине) на титульном листе «Евангелия», использованную Михаем Иштвановичем в

²⁰⁷ Указанная рукопись не могла быть «Молитвенником», как предполагает Н. Бердзенишвили. Из рукописных работ Антима, дошедших до наших дней, известны следующие: 1. Образы Старого и Нового завета. 2. Дидахии. 3. Устав монастыря Всех святых.

²⁰⁸ Бердзенишвили Н. Из путешествия по Румынии и Болгарии. Тбилиси, 1949, с. 63 (на груз. яз.).

²⁰⁹ Дроша, 1951, № 2, с. 17 (на груз. яз.).

²¹⁰ Мнатоби, 1953, № 7, с. 174 (на груз. яз.).

²¹¹ Dumitrescu D. Activitatea tipografică a lui Mihail Ștefan în Gruzia, p. 136.

Тбилиси в 1709 году, с гравюрой такого же содержания, но опубликованной уже на титульном листе многих книг, изданных в Валахии (в том числе «Антологиона», отпечатанного самим Михаем в Рымнике в 1705 году), приходит к следующему заключению: «Они отличаются друг от друга во многих отношениях, на основании чего можно предположить, что мастер Михай не брал с собой клише, гравированных на дереве, и они были изготовлены на месте (в Тбилиси. — О. Г.)»²¹².

На наш взгляд, учитывая все сказанное, было бы неверно объявлять грузинскими все украшения книг из типографии Вахтанга, так же как было бы неверным считать их полностью заимствованными из Валахии.

Здесь мы считаем нужным обратить внимание на помещение в книгах того времени (в частности, в книгах, опубликованных в Валахии) изображения герба, чему Ш. Квасхадзе в своем исследовании посвятил целую главу. Ш. Квасхадзе имел возможность ознакомиться с фотоматериалами, привезенными Г. Леонидзе из Румынии. Они содержат документ с изображением герба митрополита Валахии. По мнению Ш. Квасхадзе, фотокопия герба была сделана с книги, изданной Антимом в Валахии в 1713 году²¹³. На самом же деле фотокопия была сделана с рукописи, в которой как сам текст, так и изображение герба выполнены рукой самого Антима. Поэтому, сделать окончательный вывод — помещал или не помещал Антим свой митрополитский герб в изданных им в Валахии книгах — лишь на основании документа, содержащегося в фотоматериалах Г. Леонидзе, было бы неправильным²¹⁴.

Изучение типографской продукции Валахии того времени не дало ни одного факта помещения в печатных книгах герба митрополита Валахии Антима Иверийца.

Ш. Квасхадзе считает оригинальным элементом появление в грузинских первопечатных книгах герба Багратиони (грузинская царская династия). Исследователь пишет: «По публикации А. Шанидзе известно, что в книгах, отпечатанных Антимом, согласно описанию Пико, часто встречается герб господаря Валахии. Но Г. Леонидзе ничего не говорит о наличии подобных гербов в валашских книгах. Не встречается подтверждающего документа и в фотоматериалах... Если обнаружится такой герб,

²¹² Molin V. Op. cit., p. 334.

²¹³ «Фотокопия с герба Антима Иверийца, — пишет Ш. Квасхадзе, — была снята с книги, изданной в 1713 году. Судя по дате (1713), видно, что случай помещения герба в книге, отпечатанной в типографии Вахтанга (1709 г.), хронологически опережает указанное время... Так что разговор о каком-либо влиянии здесь неуместен». (См.: Квасхадзе Ш. Указ. соч., с. 211).

²¹⁴ Там же.

то тогда нужно будет выяснить, что он собой представляет в сравнении с гербом Вахтанга. В частности, чей это герб? Антима Иверийца, как указывают фотоматериалы из коллекции Г. Леонидзе, или же господаря Валахии, как полагает А. Шанидзе, со ссылкой на Пико... Только после выяснения этих вопросов можно решить проблему генезиса традиции использования герба в грузинских книгах и вопрос об его оригинальности»²¹⁵. Но, видимо, Ш. Квасхвадзе считает этот вопрос уже решенным, т. к. он утверждает, что традиция помещения царского герба в грузинской книге беспрецедентна²¹⁶.

Однако следует заметить, что в первой же книге, изданной Антимом в Валахии еще в 1691 году, помещен герб господаря Валахии. Этот герб обрамлен каймой с цветочным орнаментом. В четырех углах рамки вписаны головы ангелов. В середине герба, в медальоне, изображен орел с раскрытыми крыльями и с крестом в клюве. Чуть выше орла, справа и слева, просматриваются солнце и луна. В нижней части композиции, в центре нарисован ангел с раскрытыми крыльями и по сторонам еще два ангела, держащие в руках скипетр и саблю. Стилизованный ствол в верхней части медальона, от которого отходят две ветки со стилизованными же листьями, охватывающими скипетр и саблю, заканчивает орнамент медальона. Пространство между скипетром и саблей заполнено господарской короной. Верхняя часть композиции делится двумя звездами на две сферы, на которых видны инициалы Константина Брынковяну²¹⁷. Герб господаря Валахии венчает все книги, изданные в этой стране во времена Антима Иверийца²¹⁸.

Еще несколько слов о гербе. Ш. Квасхвадзе отмечает: «Герб книги Вахтанга выгравирован на дереве и напечатан одновременно с книгой; он «представляет собой органический составной элемент всей наборной страницы, неотделимую часть архитектуроники книги. Что же касается фотокопии с клише книги «Кондак», изданной Антимом на греческом и арабском языках, которую для иллюстрации приводит А. Шанидзе в своем исследовании, то можно сказать, что, судя по этой фотокопии герб не напечатан одновременно с книгой, а отштампован на уже напечатанной странице»²¹⁹.

Здесь речь идет о статье А. Шанидзе, опубликованной в 1935 году в сборнике «Литературное наследство». А. Шанидзе

²¹⁵ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 212.

²¹⁶ Там же, с. 218.

²¹⁷ Brătulescu V. Antim Ivireanul miniaturist și sculptor, p. 768—770.

²¹⁸ Șerbănescu N. Op. cit., p. 701 — 749; Bogdan D. Op. cit., p. 135—139.

²¹⁹ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 193—194.

приложил к своей статье фотокопию с титульного листа «Кондака», напечатанного Антимом в 1702 году в Валахии на греческом и арабском языках. На этой фотокопии, как совершенно правильно отмечает Ш. Квасхвадзе, стоит не то печать, не то штамп. Но эта печать или штамп из «Кондака» не имеет ничего общего с гербом господаря Валахии, подробное описание которого приведено нами. По мнению Ш. Квасхвадзе, А. Шанидзе приложил к своей статье фотокопию с титульного листа «Кондака» с той целью, чтобы документально подкрепить положение, согласно которому традиция помещения царского герба в первопечатных грузинских книгах была перенята из Валахии. Но, во-первых, А. Шанидзе никогда не пытался доказать, что печать или штамп на титульном листе «Кондака» является гербом господаря Валахии. Во-вторых, он опирался на Пико, указывающего на факт использования герба господаря Валахии в книге «Кондак», отпечатанной Антимом в 1702 году²²⁰. А Пико имеет в виду не печать или штамп, поставленный на титульном листе «Кондака», а герб, помещенный на втором листе того же самого «Кондака», который представляет собой композицию с орлом с раскрытыми крыльями и т. д.

Что касается утверждения Ш. Квасхвадзе, что в книгах, изданных в типографии Вахтанга, герб напечатан одновременно с книгой и представляет собой органическую составную часть всей наборной страницы, то именно таким образом печатался господарский герб в книгах, изданных в Валахии.

К примеру, на обратной странице титульного листа «Псалтыри», напечатанной Антимом в 1694 году в Бухаресте²²¹, помещен герб господаря Валахии. Под гербом напечатаны слова: «Божьей милостью правитель и господарь всея Валахии Иоанн Константин Брынквяну Басараб». А под этими словами напечатано восьмистрочное стихотворение, посвященное Константину Брынквяну. Оно принадлежит Антиму. Передаем его дословный перевод:

Светлейший герб страны Валахии,
Которым короновались древние Басарабы,
Благочестивому князю Константину был подарен,
Так как из счастливого их семени зародился;
И добрые деяния, сколько может, совершает,
И страну от всех врагов охраняет,
Пусть даст ему Бог многия лета, с миром чтобы правил,
Счастливого имя его как Давида чтобы жило.

²²⁰ Сведения о гербе, помещенном в «Кондаке», Э. Пико излагает со ссылкой на работы Сильвестра де Сасси (см.: P i c o t E. Op. cit., p. 542).

²²¹ Psaltire. Buc., 1694, R. V., № 96.

Итак, как можно было убедиться, обратная сторона титульного листа «Псалтыри», изданной в Бухаресте, служит наглядным доказательством одновременного печатания изображения герба и текста.

Вообще следует отметить, что во всех вышедших в то время в Валахии книгах герб господаря Валахии помещен на обратной стороне титульного листа книги. То же самое наблюдается и в книгах, изданных Михаем Иштвановичем в Тбилиси с 1709 года по 1711 год. Во всех книгах, напечатанных в типографии Вахтанга за этот период, мы встречаем царский герб Багратионов, который, как правило, помещен на обратной стороне титульного листа книги.

Таким образом, положение Ш. Квасхvadзе, согласно которому в грузинских первопечатных книгах появление царского герба надо считать оригинальным элементом, а традицию помещения царского герба в грузинской книге — беспрецедентной, оказывается неправильным. Традиция помещения господарского герба в книге существовала в Валахии задолго до издания книг в первой Тбилисской типографии, и несомненно, что эту традицию оттуда перенес в Грузию Михай Иштванович.

Теперь разберем вопрос об эстампе с изображением Давида Пророка в книге «Псалтырь», изданной в Тбилиси в 1711 году²²². Об этом эстампе Ш. Квасхvadзе писал следующее: центр композиции занимает изображение Давида, торс которого сделан с большим знанием анатомии и очень естественен. Он чуть сдвинут влево с вертикальной линии, проходящей по центру композиции, так, что ось симметрии художественного изображения проходит через голову с короной. На заднем плане подковообразная (характерная для грузинской архитектуры) арка, опирающаяся на мраморные колонны. Через центр арки сверху пропущен светильник, чем художник достигает композиционно симметричного деления арки. Роспись свода, мотив его каймы представляет собой коверный орнамент, довольно широко распространенный в грузинской фресковой росписи или миниатюре. Справа изображен архитектурный пейзаж, а слева лира Давида. Передний план представляет паркетный орнамент пола, на котором стоит стол, покрытый скатертью. Ноги Давида лежат на плитоподобном предмете, орнаментная кайма которого характерна как для памятников грузинской стенной живописи, так и для скульптурной резьбы. Судя по эстампу с этой гравюры, напечатанной в «Псалтыри», Ш. Квасхvadзе утверждает, что он выполнен в стиле типографии Вахтанга, но ему в большей степени свойственны стилистические черты грузинской миниатюры. Этот эстамп с гравюры имеет больше общего с традиционными

²²² Псалтырь. Тб., 1711 (на груз. яз.).

грузинскими рукописными книгами, чем с образцами монументальной живописи²²³.

В заключение Ш. Квасхвадзе пишет: «Эстамп гравюры с изображением Давида Пророка, напечатанный в «Псалтыри», несомненно, подтверждает местное, тбилисское и вообще грузинское происхождение этой гравюры»²²⁴.

Если это так, то возникает вопрос, что общего имеет гравюра Давида Пророка с художественным оформлением книг, изданных в Валахии? Как установлено исследователями, совершенно идентичная гравюра «Давид Пророк» помещена в книге «Псалтырь», изданной в 1694 году в Валахии, в Снагове. Различие состоит лишь в том, что в тбилисском варианте гравюра снабжена грузинской надписью, а в снаговской книге — румынской.

Исходя из этого, источником гравюры «Давид Пророк» в книге «Псалтырь», изданной в 1711 году в Тбилиси, следует считать валашское издание.

По нашему мнению, не лишена основания точка зрения, согласно которой указанная гравюра рассматривается как носитель стилистических особенностей и манеры грузинской миниатюры, имеющей много общего с традициями грузинских рукописных книг. Объясняют это тем, что гравюра была выполнена грузинским мастером в Тбилиси. Представляется, что этому факту можно дать совершенно иное толкование, а именно: Антим, прекрасный типограф и великолепный миниатюрист²²⁵, был, видимо, не только печатником книги «Псалтырь», изданной в Снагове в 1694 году, но и автором гравюры «Давид Пророк», которая нашла свое второе воплощение в тбилисском издании книги «Псалтырь» в 1711 году.

Как уже не раз отмечалось, в 1709 году в Тбилиси вступила в строй первая национальная грузинская типография. «Хотя грузинская книга и ведет историю своего печатания с 1629 года, из Рима, — пишет А. Шанидзе, — но если говорить по существу, техническую базу для грузинской литературы создал Вах-

²²³ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 150—151.

²²⁴ Там же, с. 148.

²²⁵ «Дшедшеце до нас произведения, — писал В. Брэтулеску, — свидетельствуют о великом художественном таланте Антима Иверийца, проявившемся в непревзойденных миниатюрах, рисунках и скульптурах» (см.: Brătulescu V. Antim Ivireanul miniaturist și sculptor, p. 767).

Когда В. Брэтулеску писал эти строки, он в первую очередь имел в виду сочиненные Антимом «Образы Ветхого и Нового завета» — иллюстрированную историю Библии. Рукопись содержит 515 миниатюр и три эскиза в красках, которые свидетельствуют о великолепном мастерстве Антима.

танг VI, организовав в Тбилиси типографию»²²⁶. В этой типографии «с большим прилежанием» работал²²⁷ валашский типограф Михай Иштванович. Он исполнил данное Вахтангу обещание, что размножит «священные книги и наполнит ими всю страну»²²⁸.

На протяжении 1709—1711 годов Михай Иштванович отпечатал в Тбилисской типографии несколько книг. То были: «Евангелие» 1709 г., «Псалтырь» 1709 г., «Апостол» 1709 г., «Кондак» 1710 г., «Часослов» 1710 г. (второе изд.), «Молитвенник» 1710 г., «Библия» 1711 г. (предположительно), «Псалтырь» 1711 г., «Учение о том, как следует наставнику обучать ученика» (сочинение инокa Германа) 1711 г.

Художественно-техническое оформление книг, напечатанных в Тбилисской типографии Михаем Иштвановичем, детально проанализировано в сочинениях П. Гугушвили²²⁹, Хр. Шарашидзе²³⁰, Б. Гордезиани²³¹, Ш. Квасхвадзе²³². Не останавливаясь на этом вопросе подробно, приведем лишь мнение румынского ученого В. Молина. Исследуя первую напечатанную Михаилом Иштвановичем в Тбилиси книгу «Евангелие» с технической точки зрения (шрифт, пагинация, набор, орнаментация и т. д.), В. Молин приходит к заключению, что первый же полученный урожай из Тбилисской типографии — очень высокого полиграфического качества²³². В. Молин особо обращает внимание на уровень печати, которая получена на печатном станке с уравновешенным давлением, строки на противоположных страницах ложатся точно друг против друга, смазывание чернилами удивительно цельное, а чернила — резко черного цвета, не вылинявшие, хорошо перемешаны и растерты, связывающие вещества дистиллированы до обезжиривания, так что они не проникают в бумагу, а бумага, как таковая, хотя увлажненная, предельно натянута, не волнится, хотя недостатков такого рода полно в подобных типографских изданиях того периода²³⁴.

Валашский мастер Михай Иштванович не только организовал первую национальную типографию в Грузии и печатал там

²²⁶ Литературное наследство. Тбилиси, 1935, кн. I, с. 156 (на груз. яз.).

²²⁷ Часослов. Тбилиси, 1710 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 67.

²²⁸ Дроша, 1951, № 2, с. 18 (на груз. яз.).

²²⁹ Гугушвили П. Грузинская книга 1629—1929. Тбилиси, 1929 (на груз. яз.).

²³⁰ Шарашидзе Хр. Указ. соч., с. 93.

²³¹ Гордезиани Б. Указ. соч., с. 43.

²³² Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 150.

²³³ Molin V. Op. cit., p. 333.

²³⁴ Ibidem.

названные книги, но, находясь в этой стране, наряду с повседневной деятельностью по публикации книг и по созданию нового варианта грузинского шрифта (об этом речь пойдет дальше), усиленно занимался обучением учеников-типографов, набравшихся из молодых грузин. Их имена появляются в книгах, напечатанных в Тбилисской типографии после отъезда Мухая Иштвановича из Грузии. А следы пребывания валашского печатника в Грузии теряются с 1712 года.

По утверждению Хр. Рачвелашвили²³⁵ и З. Чичинадзе²³⁶, за заслуги перед Грузией Мухаю Иштвановичу в 1710 году было пожаловано дворянское звание. Пока нет никаких доказательств о пожаловании Мухаю Иштвановичу дворянства, но если учесть, что Вахтанг VI «яко сына возлюбил» валашского печатника, легко предположить, что это мнение не лишено основания.

На дальнейшую судьбу Мухая Иштвановича проливает свет уже упомянутое выше письмо Антима Иверийца, посланное иерусалимскому патриарху Хрисанфу из Тырговиште 6 апреля 1713 года: «Ученик наш Михаил уже год, как уехал из Иверии и, как я слышал, проделал очень тяжелый путь до столицы, но с божьей помощью священными молитвами прибыл здоровым и потом, из желанья дальнейшего обучения, отправился в Голландию, но мы не знаем, сколько времени он пробудет там...»²³⁷.

Как явствует из этого документа, Михай Иштванович отправился из Грузии, приблизительно, в апреле 1712 года. Но прежде, чем продолжить обсуждение этого вопроса, необходимо отметить следующее: как уже выше было сказано, не следует рассматривать письмо, посланное Антимом Хрисанфу, как документ, подтверждающий мнение Ш. Квасхвадзе, согласно которому Антим якобы послал Мухая Иштвановича в Грузию по указанию Хрисанфа²³⁸. Ш. Квасхвадзе, возможно, предполагал, что если Антим сообщил иерусалимскому патриарху об отъезде Мухая Иштвановича из Грузии, то, видимо, Хрисанф со своей стороны был заинтересован судьбой того типографа, которого послали в Тбилиси, по его желанию. На первый взгляд из анализа упомянутого документа и впрямь можно вывести подобное заключение. Однако, как по изолированным отрывкам нельзя судить относительно текста в целом, так и нельзя высказывать какое-либо предположение на основе отдельного документального сообщения, не учитывая весь имеющийся фактический материал.

²³⁵ Рачвелашвили Хр. Книга грузинской типографии. Тб., 1934, с. 15 (на груз. яз.).

²³⁶ Чичинадзе З. Указ. соч., с. 86 (на груз. яз.).

²³⁷ Documente, vol. XIV, pag. III, p. 112—113.

²³⁸ Квасхвадзе Ш. Указ. соч., с. 231.

В данном случае можно сказать, что выдержка из письма Антима патриарху Хрисанфу является продолжением переписки, начатой Антимом с Хрисанфом уже в более ранний период²³⁹.

Но эта переписка касалась не деятельности первой Тбилисской типографии, а создания греческой типографии в Константинополе, в чем иерусалимский патриарх просил содействия у Антима. Если Хрисанфа и беспокоила судьба Михая Иштвановича, то эта заинтересованность была продиктована его желанием в скорейшее время организовать греческую типографию, о чем свидетельствует нижеследующий документ: 21 января 1713 года, т. е. за два с половиной месяца отправления письма от 6 апреля 1713 года, Антим писал Хрисанфу: «Если Бог даст нам здоровье и к тому времени прибудет наш ученик Михаил... Я не нарушу моих слов и исполню, что обещал»²⁴⁰. Из переписки же, которая велась между валашским митрополитом и иерусалимским патриархом, видно, что Антим обещал Хрисанфу дать секцию греческого шрифта из митрополичьей типографии в Тырговиште, а в качестве мастера-организатора прислать своего лучшего ученика Михая Иштвановича.

Таким образом, изучение дошедшей до нас переписки между Антимом и иерусалимским патриархом Хрисанфом, а не обращения к отдельному письму, дает нам возможность установить, что патриарха Хрисанфа интересовали вопросы, связанные с созданием новой греческой типографии, а не грузинская типография. Как в письме Антима к Хрисанфу от 21 января 1713 года, так и в его письме от 6 апреля того же года речь идет именно об этой греческой типографии.

А теперь вернемся к сообщению Антима о том, что Михай Иштванович «проделал очень тяжелый путь до столицы», а затем «отправился в Голландию». По мнению румынских исследователей, в тексте под словом «столица» подразумевается Москва²⁴¹.

²³⁹ Documente, vol. XIV, pag. III, p. 105, 106, 107, 112, 113, 115.

²⁴⁰ Ibidem, p. 107.

²⁴¹ Заслуживает внимания следующее сообщение З. Чичинадзе, который пишет: «О жизни Михаила Иштвановича в Грузии с 1730 года ничего неизвестно. Думаю, что Михаил последовал за царем Вахтангом в Москву и там принял участие в обновлении и устройстве грузинской типографии» (см.: Чичинадзе З. Указ. соч., с. 106). Здесь мы, разумеется, не собираемся оспаривать мнение З. Чичинадзе по поводу его утверждения, что Михай Иштванович до 1730 года находился в Грузии. В данный момент не это главное. Особый интерес представляет сообщение З. Чичинадзе о поездке Михая Иштвановича из Грузии в Москву. Сведения такого характера стали нам доступны только недавно, да и то благодаря румынским исследователям, которые отыскивали соответствующие документы в румынских архивах. Мы ничего

По предположению Д. Думитреску, Михай Иштванович отправился в Голландию «по вопросам, связанным с типографией»²⁴². Не подлежит сомнению, что румынский ученый имел при этом в виду слова Антима о Михеае Иштвановиче: «...из желания дальнейшего обучения, отправился в Голландию»²⁴³.

Вообще, в связи с этой поездкой Михая Иштвановича исследователи выдвинули ряд гипотез. По словам П. Константинеску-Яши, целью поездки Михая Иштвановича в Голландию было не только знакомство с новыми достижениями в области печатного дела, но и приобретение более совершенного печатного станка и шрифта для Тбилисской типографии²⁴⁴. По мнению В. Молина, Михай Иштванович съездил в Голландию в поисках типографского оборудования для будущей греческой типографии, организовать которую Антим обещал Иерусалимскому патриарху Хрисанфу²⁴⁵. Но так как у нас нет документов, проливающих свет на пребывание Михая в Голландии, мы вынуждены довольствоваться лишь гипотезами.

Привлекает внимание точка зрения, согласно которой Михай Иштванович якобы «привез греческий шрифт в Тбилиси из Голландии». Это сообщение принадлежит Д. Кантемиру, который в своей книге «История Оттоманской империи», изданной в 1715 году, пишет: «...около трех лет тому назад привезли (в Грузию.— О. Г.) греческий шрифт из Голландии и напечатали книгу, восхваляющую Деву Марию, и, кажется, заинтересовались греческой литературой»²⁴⁶. Это сообщение Д. Кантемира мы считаем неправдоподобным. На основе письма Антима к Хрисанфу дата выезда Михая Иштвановича из Тбилиси нам известна с приблизительной точностью — апрель 1712 года. С другой стороны, судя по утверждению Д. Кантемира, Михай Иштванович приблизительно в том же 1712 году печатает греческую книгу в Тбилиси (Кантемир в 1715 году писал: «...около трех лет тому назад»). Получается, что Михай Иштванович приблизительно в течение одного года успел съездить из Тбилиси, проездом через Москву, в Голландию, приобрести там греческий шрифт, вернуть-

не можем сказать о том, располагал ли З. Чичинадзе каким-либо грузинским источником, или пользовался материалами М. Тамаришвили. Определенно можно сказать лишь то, что З. Чичинадзе первым среди грузинских исследователей высказал мнение, согласно которому Михай Иштванович отправился из Грузии в Москву, мнение, которое в дальнейшем подтвердилось.

²⁴² Dumitrescu D. Activitatea tipografică a lui Mihail Ștefan în Gruzia, p. 136.

²⁴³ Documente, vol. XIV, par. III, p. 172.

²⁴⁴ Constantinescu-Iași P. Legăturile Țărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul), p. 157, 169—170.

²⁴⁵ Molin Op. cit., p. 336.

²⁴⁶ Ibidem.

ся обратно в Грузию и там отпечатать книгу на греческом языке. Мнение Д. Кантемира разделяет и Д. Богдан. Он пишет: «Иштванович возвращается в Грузию со шрифтом, купленным в Голландии, и в Тбилиси печатает греческую книгу... и иные сочинения»²⁴⁷.

Пока что не имеется никаких сведений относительно книг, изданных Михаем Иштвановичем в Тбилиси после 1712 года. Начиная с этого времени в Тбилисской типографии трудятся грузинские ученики валашского мастера — «печатник Микаэл», который в 1712 году отпечатал «Витязя в тигровой шкуре»²⁴⁸, и другие²⁴⁹. Безусловно, тот факт, что еще не обнаружено греческой книги, отпечатанной в Тбилиси Михаем Иштвановичем, вовсе не исключает существования такой книги. Так, например, ничего не было известно о книге «Псалтырь», изданной в 1716 году в типографии Вахтанга, пока она не была обнаружена в одном из ленинградских книгохранилищ в 1947 году.

Думается, отпадает возможность того, что Михай Иштванович мог привезти греческий шрифт из Голландии в Грузию после 1712 года. Следует отметить, что в Тбилисской типографии с самого ее основания имелся этот шрифт. Об этом свидетельствует то, что еще в 1710 году в опубликованном в Тбилиси «Кондаке» использован греческий шрифт²⁵⁰, а в 1711 году в изданной в той же типографии «Псалтыри» греческим шрифтом был напечатан десятистрочный стих²⁵¹. Таким образом, еще за два года до своего отъезда в Голландию Михай Иштванович употреблял при печатании грузинских книг греческий шрифт.

Другой вопрос: был ли этот греческий шрифт изготовлен в Тбилиси Михаем Иштвановичем, как думает Хр. Шарашидзе²⁵², или же он был отлит Антимом Иверийцем в Валахии и оттуда привезен Михаем Иштвановичем, как полагает Ш. Курдгелашвили²⁵³. В «Кондаке», отпечатанном в Тбилиси в 1710 году,

²⁴⁷ B o g d a n D. Legăturile Tărilor Române cu Georgia (Antim Ivireanul) p. 160.

²⁴⁸ Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1712; см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 22.

²⁴⁹ А. Хаханашвили в качестве одного из учеников Михая Иштвановича называет Романоза Зубашвили. Он пишет: «В 1785 году царь Имерети Соломон II при содействии Романоза Зубашвили, изучавшего у Михаила, уроженца Валахии, типографское дело, устроил в Кутаиси типографию для печатания церковно-богослужбных книг» (Х а х а н а ш в и л и А. Указ. соч., с. 369).

²⁵⁰ Кондак. Тбилиси, 1710 (на груз. яз.); см. также: Грузийская книга. Библиография, т. I, с. 15.

²⁵¹ Псалтырь. Тбилиси, 1711 (на груз. яз.); см. также: Грузинская книга. Библиография, т. I, с. 19.

²⁵² Ш а р а ш и д з е Хр. Указ. соч., с. 139.

²⁵³ К у р д г е л а ш в и л и Ш. Указ. соч., с. 60—61.

рядом с образцами греческого шрифта мы встречаем также виды грузинского шрифта, которые не были использованы в книгах, изданных в 1709 году: все три книги, выпущенные в 1709 году, напечатаны одинаковым крупным шрифтом «нусхури», а в «Кондаке», изданном в 1710 году, использован крупный, среднего размера и мелкий шрифт «нусхури», а также шрифт «мхедрули»²⁵⁴. Представляется невероятным, чтобы течение одного года было возможно наряду с грузинскими шрифтами разного характера и размера изготовить еще и греческий шрифт.

*

* *

Валашский печатник Михай Иштванович внес большой вклад в грузинскую культуру. Он технически устроил первую типографию в Тбилиси, отпечатал книги, которые с полиграфической точки зрения отличались изысканным вкусом и высоким мастерством, вырастил кадры грузинских печатников. Тем не менее истинным вдохновителем и организатором первой грузинской национальной типографии, наряду с правителем Картли царевичем Вахтангом, является «великий учитель» Михай Иштвановича — Антим Ивериец.

²⁵⁴ Кондак. Тбилиси, 1710 (на груз. яз.).

ГЛАВА VII

АНТИМ ИВЕРИЕЦ — БОРЕЦ ПРОТИВ ОСМАНСКОГО И ФАНАРИОТСКОГО ИГА

Как известно, конец XVII века ознаменовался в Юго-Восточной Европе активизацией политической и дипломатической деятельности государств этого региона. Для борьбы с экспансионистскими устремлениями Османской империи Габсбурги и Польша (Речь Посполитая) в 1683 году заключили между собой военный союз. В 1684 году к этому союзу присоединились Венеция и Бранденбург. Была создана антиосманская «Священная лига», выступавшая под лозунгом освобождения христианских народов от ига Османской империи. Поражение армии султана под Веной в 1683 году вновь возродило надежды поработенных балканских народов на освобождение от османского господства.

Валашский господарь Шербан Кантакузино (1679—1688 гг.) тайно сотрудничал с Габсбургами в надежде добиться с их помощью освобождения Валахии из-под власти султана. Но когда Шербан Кантакузино убедился в том, что истинным желанием и затаенной местой Габсбургов была оккупация Валахии, он обратился за помощью к России. Принятое валашским господарем решение установить сношения с Россией совпадает с тем периодом, когда Россия, заключив «Вечный мир» с Польшей (1686 г.), вступила в антиосманский союз, а через год, в 1687 г. послала свои войска под командованием князя Голицына в поход против крымских татар.

Архимандрит Исаяя, посланный в Москву Шербаном Кантакузино в 1688 г., передал русскому правительству грамоту валашского господаря, в которой отмечалось, что «...православные ожидают избавления своего» от господства Османской Порты с помощью русских¹. Вместе с тем Исаяя просил русское правительство не допускать осуществления захватнических планов Габсбургов. С другой стороны, он, от имени господаря, сообщил

¹ Исторические связи народов ССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы в трех томах. Том III, 1673—1711. М., док. № 26, с. 81—82 (далее — Документы).

русскому правительству важные сведения о положении Османской империи, а также план Шербана Кантакузино о совместных действиях против султана².

В ответной грамоте русское правительство сообщало Шербану Кантакузино, что посылает войска в Крым и Аккерман, а затем за Дунай³.

Но указанную грамоту получил не Шербан Кантакузино, скончавшийся 9 ноября 1688 года, а новый господарь Валахии Константин Брынковяну (1688—1714 гг.), который взшел на княжеский престол при активной поддержке братьев Шербана—Константина и Михая Кантакузино⁴.

Хотя Константин Брынковяну свои надежды на освобождение Валахии от османского господства возлагал вначале на Габсбургов, однако со временем политика его по отношению к Габсбургам изменилась и прониклась большим недоверием к ним, ибо он опасался аннексии Валахии с их стороны⁵. Как отмечают современники, в частности И. Некулче, одним из вдохновителей проведения такой политической линии был Константин Кантакузино, несмотря на проавстрийские настроения части валашского боярства. Константин Кантакузино секретно писал своему резиденту в Москву: «Мы не питаем никаких надежд на немцев, как не питали никогда и прежде, и молим Бога никогда не иметь с ними дела»⁶.

Активно стремился к помощи России господарь Валахии Константин Брынковяну. В 1693 году он уполномочил иерусалимского патриарха Досифея заявить русскому правительству о готовности Валахии выступить на стороне русских против Османской Порты. В одной из грамот, посланных Петру I в 1698 году со специальным послом Георге Кастриотом, Константин Брынковяну излагал план совместных действий России и угнетенных православных стран, в том числе Валахии, против Ос-

² Семенова Л. Е. Русско-валахские отношения в конце XVII — начале XVIII в. М., 1969, с. 71—72.

³ Там же, с. 74.

⁴ *Istoria României*, III. Buc., 1964, p. 206. Константин Брынковяну был племянником (со стороны сестры) Кантакузино. Следует отметить, что во время правления Брынковяну доминирующее положение в княжестве занимала семья Кантакузино. Константин Кантакузино руководил внешней политикой княжества; Михай Кантакузино командовал армией; в 1707 г. командующим был назначен Фома Кантакузино, одновременно его двоюродные братья Шербан и Штефан получили посты — великого ворника и великого постельничего.

⁵ *Istoria României*, III. Buc., 1964, p. 208.

⁶ *Sturdsa A. Constantin Brancovan prince de Valachie 1688—1714*, vol. III, p. 78.

манской империи⁷. Посол заверял русское правительство в случае прихода русских на Дунай «...мы будем наперед итить пред войск ваших и не яко люди, но яко львы»⁸.

Потерпев сокрушительное поражение при Зенте (1697 г.), Османская Порты в 1699 г. была вынуждена подписать Карловицкий мирный договор с Габсбургами, Польшей, Венецией и Россией. После заключения этого договора внешняя политика Валахии вступила в новую фазу. Все более тесными становятся ее связи с Россией. Это было обусловлено скорее всего тем, что Константин Брынковяну был хорошо информирован о политической ситуации и планах разных государств в отношении Дунайских княжеств. Так, на конгрессе в Карловицах Габсбурги добивались передачи им Валахии, а Польша — Молдавского княжества.

С другой стороны, Петр I придавал большое значение связям с Валахией, так как она могла стать ценным союзником России в борьбе с Портой. Не случайно Петр I наградил Константина Брынковяну орденом св. Андрея Первозванного⁹. В грамоте, пожалованной Петром Константину Брынковяну в 1701 г., отмечалось, что за заслуги перед Россией, в частности за содействие в пересылке корреспонденции через Валахию, имевшую важное значение для постоянного поддержания связи между русским правительством и его послами в Константинополе, Константину Брынковяну предоставлялось убежище на Украине в случае лишения его господарского престола¹⁰.

Разумеется связи Брынковяну с Россией были тайными, т. к. валашский господарь целиком зависел от власти Османской Порты. Несмотря на это, Брынковяну в 1702 г. направил в Россию с дипломатической миссией Давида Корбя, являющегося доверенным лицом братьев Кантакузино. В докладной записке Давида Корбя, представленной в Посольский приказ, были изложены решения тайного совещания, с участием господаря Константина Брынковяну, стольника Константина Кантакузино, спадфария Михаила Кантакузино и иерусалимского патриарха Досифея, созванного с целью избавить «всех православных христиан, которые стонут под игом нечестивого тирана турченина» с помощью России¹¹. Участники совещания просили Петра I заключить мир со шведами¹², чтобы иметь возможность повернуть

⁷ Документы, док. № 36, с. 123—127.

⁸ Там же, док. № 34, с. 117.

⁹ Семеновна Л. Е. Указ. соч., с. 84.

¹⁰ Документы, док. № 46, с. 162.

¹¹ Там же, док. № 51, с. 176.

¹² В начале XVIII в. Россия вела войну со Швецией, так называемую Северную войну, в которую были вовлечены и другие страны. Ништадский мир 1721 г. положил конец 21-летней войне.

оружие против Османской империи¹³. Петр I в письмах, адресованных Константину Брынковяну и стольнику Кантакузино, обещал свою помощь и поддержку.

В условиях полной зависимости Валахии от Османской Порты, когда основные функции правителя княжества были подчинены «интересам и устремлениям чужеземных угнетателей»¹⁴, Константин Брынковяну, которому хорошо было известно, как жестоко наказывает султан за связи с Россией, приходилось вести осторожную политику, чтобы сохранить за собой трон. Так, в 1703 г. несмотря на то, что после заключения Карловицкого мирного договора Брынковяну был утвержден Портой пожизненным правителем Валахии, он, вызванный в Константинополь, едва не лишился власти. Но вследствие больших даропринищений султану, а также согласия увеличить дань, взимаемую Портой с княжества, Брынковяну заново добился своего утверждения в сане правителя Валахии. Эти события, еще раз подтвердившие нестабильность положения, в котором оказался правитель Валахии под властью Порты, способствовали дальнейшему усилению ориентации Брынковяну на Россию¹⁵.

В последующие годы все больше укрепляются русско-валахские связи. Константин Брынковяну и Константин Кантакузино в своих письмах сообщали русскому правительству не только о стремлении балканских народов освободиться от гнета Османской Порты с помощью России, но и важные сведения о внутреннем положении Османской империи, обо всех действиях Порты, о состоянии османской армии и ее вооружении.

Как известно, в 1709 г. Петр I нанес жестокое поражение шведскому войску Карла XII под Полтавой, чем продемонстрировал всему миру силу русского оружия. 28 июля 1709 года Константин Брынковяну в письме возглавлявшему Посольский приказ Г. И. Головину выразил свою радость по поводу Полтав-

¹³ Документы, док. № 51, с. 179.

¹⁴ *Istoria României*, III. Buc., 1964, p. 27. При режиме османского господства господа Дунайских княжеств обязаны были часто выступать в роли помощников султана во всех областях внешней политики, проводимой Портой; в частности, заниматься сбором сведений, часто шпионского характера, в соседних странах и срочно пересылать эти сведения, посредством специальной системы курьеров, по назначению. Кроме того, вооруженные силы княжеств, вместо защиты границ страны от нападений, должны были поддерживать захватнические войны Порты или же принимать непосредственное участие в боевых операциях на стороне султанских войск, а в некоторых случаях, в качестве полицейских сил, нести охрану коммуникаций и оккупированных областей.

¹⁵ *Istoria României*, III. Buc., 1964, p. 209.

ской победы, вместе с тем известил русское правительство о том, что прибывший в Валахию сербский генерал Иван Тикели заявил о готовности сербов, в случае войны России с Османской Портой, выставить «от 30.000 до 40.000 ратных людей» на стороне русских¹⁶.

Есть сведения, что в 1709 году между Россией и Валахией был заключен союз, по которому Константин Брынковяну обязался при приближении русской армии поддержать ее двадцатитысячным войском¹⁷. В том же году Константин Кантакузино обратился к Петру, выразив надежду, что он окажет помощь Валахии в деле освобождения от «неверных и еретиков»¹⁸, т. е. от Османской империи и Габсбургов.

Разгром шведских войск под Полтавой Петром вызвал тревогу в Константинополе, т. к. в успехах «православного царя» султан увидел серьезную угрозу своему господству в Балканских странах.

Хотя связи Константина Брынковяну с русским правительством были тайными, но в тогдашней прессе некоторых европейских государств появились сообщения, в которых говорилось: «Валашский господарь ведет тайную переписку с Петром Великим по поводу того, как освободить княжество от господства Порты»¹⁹. Шведский король Карл XII также уведомил правящие круги Порты о существовании тайных связей между Россией и Валахией²⁰. А Крынский хан Девлет Гирей внушил султану, что «Брынковяну—сильный и богатый господарь, он располагает многочисленным войском и с давних пор верный друг москалей. Было бы весьма неразумно, в этот трудный час, оставить в его руках такое значительное княжество»²¹.

В описанный нами период внешнее и внутреннее положение Османской империи резко ухудшилось. Как уже отмечалось, после сокрушительного поражения при Зенте Османская Порта была вынуждена подписать Карловицкий мирный договор, по которому она теряла значительные территории и — впервые за

¹⁶ Документы, док. № 106, с. 307—310.

¹⁷ *Istoria României*, III. Buc., 1964, p. 210.

¹⁸ Sturdza A. Constantin Brancovan prince de Valachie 1688—1714, vol. III, p. 269—270.

¹⁹ Xenopol A. *Etudes historiques sur le peuple roumain*. Iassi, 1887, p. 62.

²⁰ Kogălnicean M. *Cronicele României seu letopise tele Moldaviei și Valahiei*. V. 2. Buc., 1872, p. 329 (далее — *Cronicele*).

²¹ Kogălnicean M. *Fragments tirés des chroniques moldaves et valaques pour servir à l'histoire de Pierre-le-Grand, Charles XII (Leszczynski St. Démètre Cantémir et Constantin Brancovan. V. I. Iassi, 1875, p. 182)* (далее—*Fragments*).

все время нашествия османов на Европу — обязывалась выплачивать большую военную контрибуцию. Выход из создавшегося затруднительного положения правящие круги Османской империи начали искать в реваншистских войнах и захвате новых земель. Обеспокоенная ростом влияния России на христианские народы Юго-Восточной Европы, Порты искала контактов со скрытыми и явными врагами России. Так, султан предложил помощь шведскому королю Карлу XII, потерпевшему поражение под Полтавой.

При этом необходимо заметить, что Англия, Франция и Габсбурги, боясь растущего могущества России и стараясь отеснить ее от моря, всячески подталкивали османов к военному конфликту с русскими.

22 декабря 1710 года в Петербурге было получено официальное сообщение об объявлении Османской Портой войны России.

Петр надеялся, что в предстоящей войне валахи и молдаване восстанут против Османской империи и помогут русским войскам. 17 апреля 1711 года был заключен договор между Петром и господарем Молдавии Димитрие Кантемиром. Договор предусматривал освобождение Молдавского княжества от османского господства. Манифест Петра, обращенный к правителям и жителям Молдавского княжества и Валахии²², призывал их соединиться с русскими войсками для освобождения от османского господства. Подчеркивалось, что русское правительство не будет требовать за это «какой-либо корысти и самовластия», а оставит каждый народ «под прежними начальниками» и будет содержать под своим протекторатом как вольные и союзные народы²³.

Маркс и Энгельс придавали большое значение освобождению от османского ига поработенных Портой народов. Но когда Маркс и Энгельс касались политики России в отношении Османской империи и проживавшего на ее территории христианского населения, они всегда различали субъективные цели правящих кругов России и объективные последствия их внешней политики. И действительно, к этому времени важнейшей задачей для России являлся вопрос выхода к Черному морю, что было продиктовано политическими и коммерческими целями и экономическим подъемом страны. А разрешение этого вопроса в пользу России делало неизбежным столкновение с Османской Портой и нанесение ей поражения. Поэтому целый ряд принятых русским правительством шагов — установление связей с христианскими народами, проживавшими на Балканском по-

²² Документы, док. № 114, с. 331—332.

²³ Семенова Л. Е. Указ. соч., с. 122.

луострове, оказание им помощи в деле свержения османского господства служили, в первую очередь, политическим целям Российского государства, в частности созданию опорных пунктов на Балканах для борьбы против Османской империи.

Безусловно, балканскую политику России нельзя рассматривать односторонне, в смысле одних только субъективных устремлений правящих кругов России, но надо учитывать и те возможные объективно-прогрессивные последствия русско-турецкой войны, которые могли иметь огромное значение для освобождения народов Балканского полуострова от османского гнета. Эта война ослабляла и подрывала могущество Османской империи, уже оказавшейся на грани падения и, тем самым, создавала благоприятные условия для национально-освободительного движения балканских народов.

Русско-турецкая война 1710—1713 гг. протекала в сравнительно короткий период времени. Несмотря на то, что по султанскому фирману от 20 ноября 1710 года объявлялась «священная война» против России, военные действия начались лишь весной 1711 года; главные силы двух армий пришли в соприкосновение в начале июля, а через несколько дней между двумя воюющими государствами начались мирные переговоры. Военные приготовления длились четыре месяца, марш на сближение войск — столько же времени, сражение же всего — три дня.

Предметом нашего исследования вовсе не является полное освещение Прутского похода от его начальной стадии до завершающей фазы. Но так как выявляется непосредственная связь между политической деятельностью Антима Иверийца в Валахии и некоторыми важными событиями во время Прутского похода, нам придется коснуться некоторых моментов, связанных с интересующим нас вопросом.

В июне 1711 года русская армия вступила на территорию Молдавского княжества. Это вдохновило широкие массы на борьбу против османского господства. Летописцы того времени отмечают, что в молдавских городах и селах население восставало против турецких гарнизонов, уничтожало их и присоединялось к русским войскам. «Поднялись жители Оргева, Сорок, Лапушни и пошли с рускими до Прута»²⁴, — писал Иоан Некулче, очевидец и участник происходивших событий.

Большой патриотический подъем наблюдался и среди валашского населения после вступления русских войск в Валахию. Даже придерживавшийся проосманской ориентации валашский хронист Раду Гречану вынужден был признать, что население княжества с энтузиазмом приветствовало русскую армию. По

²⁴ Neculce. Letopisetul Țării Moldavei și o samă de cuvinte. Ed. de I. Iordan. București, 1955, p. 272.

его свидетельству, некоторые валашские должностные лица, например, капитан Манта, примкнули к русским войскам, штурмовавшим крепость Брайлу. В то время на сторону русских перешли Йордаке Кокореску, Константин, сын Козмы Банул и др. В летописи также рассказывается, что и «простые люди» с радостью встречали освободителей, напад на турок, находившихся в Брэйле²⁵.

Далее Раду Гречану сообщает, что во время процесса, возбужденного брэильскими купцами-турками против коренного населения, подтвердились факты восстания «местных людей»²⁶.

Всеобщая радость, вызванная приходом русских, вполне естественна, так как они несли избавление от безжалостного османского ига.

Не последнюю роль в единодушной поддержке русских со стороны молдаван и валахов сыграло и исповедание одной с русскими православной веры; ведь русские ходили в такую же церковь, исповедовались тому же священнику, крестились таким же образом. Молдаване и валахи радовались тому, что освободятся от господства османов, что христиане больше не будут подвластны «неверным». А. Ксенопол писал, что Петр I был великим императором. Его имя было знакомо всем с детства, и имя это, озаренное ореолом величия, вселяло в душу народа большие надежды, люди испытывали всемерную радость и ликование, ибо русский император представлялся им как друг, который должен был спасти христиан от тяжелого ярма османского господства²⁷.

Как уже отмечалось, в первом же публичном выступлении Антима в сане митрополита Валахии в 1708 году отразились его прогрессивные устремления, связанные с борьбой против османов. В этой речи красной нитью проводилась идея необходимости освобождения княжества от «ярма язычников». Антим — сын жестоко терзаемого иноземными захватчиками народа, — сам испытал на себе все горести османского господства, и на земле валахов стал очевидцем разгула и насилия поработителей, которые непомерными поборами и кровавыми расправами довели страну до опустошения. Антим говорил о «страшном ущербе, об угрозах врагов, об огорчениях и обидах, приходивших, извне о грабежах, рабстве, невыносимо тяжелых податях». Антим упомянул о том, что он стал «стражем стада, окруженного столькими бедами и скорбью, вызванными непрерывно теми кто владеет землей этой». Хотя в своей речи Антим и не назы-

²⁵ Radu Iog. Greceanu. Istoria domniei lui Constantin Brîncoveanu Voievod (1688—1714). Ed. A. Ilies. Buc., 1970, p. 184 (далее Radu Greceanu).

²⁶ Ibidem.

²⁷ Xenopol A. Op. cit., p. 76.

вал открыто угнетателей валахов — османов, но с его стороны было большой смелостью, что в период полной зависимости Валахии от Османской империи он публично говорил «о вавилонском пленении», «о ярме язычников», «о нужде и бедствии» народа. Разумеется, ни у кого из присутствовавших на торжественной церемонии провозглашения митрополита страны, ни у правителя Валахии, бояр, архиереев, ни у множества народа не вызвало никакого сомнения, что Антим под этими словами подразумевал разгул и насилия, чинимые османскими властями в Валахии.

Свою миссию митрополита страны Антим видел в защите христианства и в облегчении горестной доли валахов: «Чтобы я был вам утешением в скорби вавилонского пленения. — отмечал в своей речи Антим, — и чтобы я вместе с вами терпел и страдал во всем, что приведется, мой долг — трудиться усердно и без усталости день и ночь и каждый час на пользу и для спасения всех, поучая и направляя вас по пути праведному»²⁸.

«Патриотизм Антима, — пишет Г. Штремпел, — характеризовался постоянным отвращением к османскому владычеству и борьбой, которую он вел в разных формах для избавления от этого унижительного господства. Эту непримиримую ненависть легко объяснить, если вспомним, что он был взят в рабство турками, что те же турки разоряли Валахию непомерными требованиями денег и продуктов. Не удивительно поэтому, что Антим готов был на все для удаления турок от границ страны и для победы христиан над ними»²⁹.

Хотя «непримиримую ненависть» Антима к османскому господству и можно объяснить тем, что похищенный и проданный на невольничьем рынке грузин, испытавший всю горечь рабства в Константинополе, мог познать жизнь этого «города эпитимий, очага всяческих вожделений, произвола и беспредельных жестокостей»³⁰ еще до прибытия в Валахию, однако принадлежность митрополита к одной из двух основных валахских политических партий того времени, а именно, к антиосманской, противостоявшей проосмански настроенному боярству, определялась не только его национальной принадлежностью. Истоки прорусской ориентации, которой придерживался Антим во время Прутского похода 1711 г., надо искать в его общественных и социально-политических взглядах и в его действиях, направленных на освобождение Валахии от османского господства. Как известно, в политической ориентации Валахии на Россию и укреплении свя-

²⁸ Antim Ivireanul. Opere, p. 3--8.

²⁹ Ştrempel G. Prefaţă.—Antim Ivireanul. Opere, p. XXII.

³⁰ Duţu A. Antim Ivireanul et les solidarités modernes. Rev. roum. d'histoire. Buc., 1976, T. 15, № 2, p. 316.

зей между ними в конце XVII — начале XVIII в. среди валахских бояр—сторонников сближения с Россией — большую роль играли представители рода Кантакузино³¹.

Но как свидетельствуют некоторые летописи того периода, одним из организаторов и входивителей прорусской группы валахского боярства в период Прутского похода был и Антим Ивериец. Содержащиеся в источниках сведения представляются немаловажными, хотя, разумеется, без критического анализа источников нельзя решить затрагиваемый нами вопрос.

В первую очередь мы имеем в виду обстановку, сложившуюся в Валахии в результате колебаний Константина Брынковяну по поводу открытого перехода на сторону России во время Прутского похода. Как отмечалось выше, несмотря на то, что связи Константина Брынковяну с русским правительством были тайными, Порты уже подозревала о существовании этих связей. Безусловно, об этих подозрениях, зародившихся у турецкого правительства, Константин Брынковяну был извещен его резидентом из Константинополя. Это насторожило правителя Валахии и заставило занять выжидательную позицию. Порты внимательно следила за действиями Брынковяну. Поэтому он прикидывался послушным слугой Порты, но вместе с тем не прекращал тайных связей с Россией.

После начала Прутского похода Константин Брынковяну покинул Бухарест и со своим войском расположился лагерем в местности Урлац. Хотя валахский господарь и не участвовал в военных действиях на стороне Порты, все же он не смог решиться открыто примкнуть к России. По нашему мнению, квалифицировать такие действия со стороны Константина Брынковяну как явную измену по отношению к русским³² было бы не вполне справедливо. Но, с другой стороны, нельзя не отметить, что отказ Брынковяну открыто и решительно перейти на сторону русских во время Прутского похода явился причиной того, что русские начали с недоверием относиться к нему. Совершенно справедливо отмечает Л. Е. Семенова, что выжидательная позиция, внятая валахским господарем в 1711 году, сыграла отрицательную роль как в развертывании военных действий русских войск, так и в развитии валахско-русских связей в этот

³¹ В одном документе, датированном 1703 г., говорится, что «вся фамилия Кантакузино имеет быть к службе великого государя (Петра I. — О. Г.), готова со всякою верностью и радением даже до смерти своей» (см: Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. — Документы и материалы в трех томах, т. III, 1673—1711. М., 1970, с. 194, док. № 53).

³² Энгельгардт Р. Ю. Из истории Прутского похода. — Ученые записки Кишин. гос. ун-та, 1953, т. VI, с. 100, 109.

период. Политика Брынковяну в 1711 году противоречила интересам Валахии³³.

Мы несколько не сомневаемся, что именно такое стечение обстоятельств, а также убежденность в том, что выжидательная политика Константина Брынковяну могла иметь отрицательное последствие в отношении дальнейшей судьбы Валахии, когда валахи свою мечту об освобождении от власти султана возлагали на победу русского оружия, побудили Антима Иверийца, не примирившегося с такими действиями Константина Брынковяну, в тайне от него созвать в Урлаце совещание, в котором принимали участие Фома Кантакузино и сочувствовавшие русским валашские бояре, недовольные политикой господаря.

Рисуя указанную выше обстановку, сложившуюся в княжестве, валашский хронист Раду Попеску писал: «Находясь в [местности] Урлац и видя..., что Константин Водэ (Брынковяну.— О. Г.) колеблется в отношении москалей, владыка Антим держал совет³⁴ с несколькими боярами — со спатарем Фомой Кантакузино и с некоторыми другими недовольными, чтобы соединиться с москалями и оставить Константина Водэ, полагая, что последний хочет изменить москалям; ибо они видели, что господарь не дает москалям обещанной помощи съестными припасами, деньгами и войском. На совете выбрали спатаря Фому Кантакузино, чтобы он поехал с несколькими своими приближенными к царю (Петру I. — О. Г.). Спатарь встретился с царем в Яссах...»³⁵.

Таким образом, по свидетельству Раду Попеску, во время Прутского похода придерживавшиеся прорусской ориентации валашские бояре, которые стремились освободить свою родину от османского господства с помощью России, высказали недовольство выжидательной позицией Константина Брынковяну и приступили к активным действиям с целью укрепления русско-валашских связей. Примечательно, что первенствующую роль в этом Раду Попеску наряду с Фомой Кантакузино отводит митрополиту Антиму³⁶.

³³ Семенова Л. Е. Указ. соч. с. 141.

³⁴ А. Кочубинский ошибочно считает, что инициатором совещания валашских бояр прорусской ориентации в Урлаце был некий епископ Афанасий, а не митрополит Антим. (См.: Кочубинский А. Сношения России при Петре Первом с южными славянами и румынами. — Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете. М., 1872, с. 98).

³⁵ Radu Popescu. Istoriile domnilor Țării Românești, introducerea și ediție critică întocmite de Constantin Grecescu, București, 1963, p. 201.

³⁶ М. Когэлничан, ссылаясь на летопись Раду Попеску, считает, что организатором совещания в Урлаце был Антим Ивериец. (См.: Когăлничан М. Fragments, p. 114; Idem. Cronicele, p. 318).

В этой же летописи, обращаясь к событиям более позднего периода, хронист снова затрагивает упомянутую тему и увязывает переход Фомы Кантакузино с группой бояр в лагерь Петра I в 1711 г. непосредственно с советами Антима. Он пишет, что Антим «коварно предал Константина Водэ, когда москали пришли воевать против турок (тут имеется в виду Прутский поход. — О. Г.). Ибо многими и вредными совещаниями его со спатарем Фомой Кантакузино и с некоторыми боярами уговорил их тогда покинуть господаря (Константина Брынковяну. — О. Г.) и бежать к москалям. И послушав его, спатарь Фома бежал, по советам его, к царю (Петру I. — О. Г.)»³⁷.

Нив одной из валашских или молдавских хроник того периода, кроме летописи Раду Попеску, не говорится о совещении валашских бояр в Урлаце, созванном Антимом, хотя хронисты упоминают о бегстве Фомы Кантакузино с приверженцами из лагеря Урлац в Яссы, где в то время находился Петр I, что документально подтверждается и русскими источниками того времени³⁸.

Разумеется, не являясь сторонником союза Валахии с Россией, Раду Попеску был тенденциозен, когда оценивал тайное совещание Антима с валашскими боярами в Урлаце как «предательство». Вместе с тем сопоставление сведений, летописи Раду Попеску с другими источниками того периода подтверждает активность Антима как участника антиосманского выступления части валашского боярства. Такое же недовольство и раздражение действиями митрополита Валахии отчетливо чувствуется у другого валашского хрониста Раду Гречану, поддержавшего Османскую Порту. Он с возмущением писал: «О... сколь безрассудно и непристойно церковному лицу (то есть Антиму Иверийцу. — О. Г.) вмешиваться в политику и проявлять себя вредным и мятежным... по отношению к доверенному ему стаду и своему благодетелю (то есть Константину Брынковяну. — О. Г.)»³⁹.

Хотя Раду Гречану и не говорит о совещании в Урлаце, но, вероятно, он подразумевал именно организацию этого совещания Антимом для того, чтобы, как писал Раду Попеску, «соединиться с москалями и оставить Константина Водэ»⁴⁰. Хронист осуждал «недостойное», по его мнению, поведение владыки, который «вмешивался в политику» и «проявил себя мятежником» по отношению к Брынковяну.

³⁷ Radu Popescu. Op. cit., p. 225.

³⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962, т. XI, вып. I, с. 556, прим. к № 4535, с. 557, прим. к 4540, 4541; Походный журнал 1711 года. СПб., 1913, с. 49—50.

³⁹ Radu Grecianu. Op. cit., p. 183.

⁴⁰ Ibidem, p. 201.

Существует еще одно наглядное подтверждение прорусской направленности внешнеполитической ориентации Антима. Как известно, решение русского командования от 28 июня 1711 года предписывало кавалерийскому корпусу под командованием генерала Ранне⁴¹ направиться в Валахию, чтобы привлечь на свою сторону местных жителей, захватить провиант, заготовленный турками вдоль реки Серет, и взять крепость Брэилу, важный стратегический пункт в неприятельской оборонительной системе⁴². Вступив на территорию княжества, русские войска начали распространять манифест, призывавший население переходить на сторону России, восстать против турок и помочь в снабжении русской армии продовольствием. По свидетельству Раду Гречану, такой манифест был тайно доставлен «знаменосцем Власием митрополиту Антиму»⁴³. Гречану называет его «приказом... о присылке съестных припасов и о других неподобающих и неуместных вещах»⁴⁴, видимо, разумея под последними словами призыв к восстанию против Порты и помощи русским войскам.

Приведенные выше сведения из летописей, на наш взгляд, убеждают в приверженности Антима к русским⁴⁵, в его стремлении во время Прутского похода освободить страну от османского ига с помощью России. Представляется возможным также считать достоверным свидетельство Раду Попеску о созыве Антимом в Урлаце прорусски настроенных валахских бояр, тем более, что остальные приводимые хронистом факты подтверждаются и другими источниками.

Иной вопрос, в какой степени прав Раду Попеску, утверждая, что спатарь Фома Кантакузино покинул Константина Брынковяну и направился в Яссы к Петру I именно по совету Антима.

Критический подход к высказываниям хрониста заставляет обратить внимание на следующее обстоятельство. Как уже отмечалось, в конце XVII — начале XVIII в. важную роль в укреплении связей Валахии с Россией играли бояре из рода Кантакузино, и Фома Кантакузино вряд ли нуждался в чьих-либо уговорах или советах, чтобы решиться перейти на сторону рус-

⁴¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962, т. XI, вып. I, с. 558, прим. к док. № 4541.

⁴² Şerban C. Un episod al campaniei de la Prut: cucerirea Brăilei (1711).—Studii și materiale de istorie medie, II, 1957, p. 451.

⁴³ Radu Greceanu. Op. cit., p. 183.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Стоит тут вспомнить, что Антим как деятель культуры еще в 1697 году впервые в истории Балканских стран напечатал в Валахии «Славянскую грамматику» русского филолога Мелетия Смотрицкого.

ских. Однако Раду Попеску категоричен в своем мнении, а именно, что спатарь действовал именно под влиянием Антима.

Известно, что Раду Попеску являлся хронистом валашского боярского рода Ээляну, смертельно враждовавшего с Кантакузино. В таком случае было бы вполне естественно, если бы летописец, повествуя о совещании в Урлаце, во всем обвинил Фому Кантакузино с тем, чтобы выслужиться перед правителем страны. Л. Е. Семенова указывает, что в условиях вражды боярских партий, возникшей еще в ходе борьбы Брынковяну за престол, господарь вознаграждал того историографа, который своим пером разил его врагов и защищал его имя⁴⁶. По свидетельству же некоторых молдавских и валашских хронистов и по мнению некоторых исследователей, как раз Фома Кантакузино в 1711 году стремился захватить валашский престол.

Тем не менее, упоминая спатаря в связи с совещанием в Урлаце, хронист рассматривает его дальнейшие действия как следствие советов Антима.

Тенденциозность Раду Попеску по отношению к Антиму, умышленное приписывание ему «неблаговидных» действий могло быть обусловлено существованием дружеских взаимоотношений Антима с представителями рода Кантакузино⁴⁷ и прорусскими настроениями митрополита.

Так или иначе, летопись Раду Попеску еще раз подтверждает переход Фомы Кантакузино во время Прутского похода на сторону русских и дает доказательства прорусской ориентации митрополита Валахии Антима Иверийца, в частности, свидетельствует о его участии в совещании валашских бояр в Урлаце.

Вклад Антима в дело укрепления русско-валашских связей должен был быть значительным, если принять во внимание, что он как митрополит Валахии считался фактически вторым после господаря лицом в княжестве: ведь по обычаям того времени, во время отсутствия господаря вся полнота власти и управление княжеством переходили в руки митрополита⁴⁸. Убедительным подтверждением значения, какое придавалось участию митрополита Валахии в политических акциях и вообще занятой им позиции, служат и события последующих лет, а именно во

⁴⁶ Семенова Л. Е. Указ. соч., с. 35.

⁴⁷ Представители рода Кантакузино субсидировали печатание некоторых книг, изданных Антимом, они выступали за назначение Антима митрополитом Валахии. Существуют сведения, что Антим участвовал в секретных совещаниях Кантакузино. (См.: *Istoria Țării Românești de la cecembrie 1688 pînă la martie*.—*Cronica Anonimă*. Ediție întocmită de Constantin Grecescu-București, 1959, p. 115).

⁴⁸ I o r g a N. *Istoria Bisericii Românești*. Buc., 1930, p. 55.

времена русско-турецкой войны 1735—1739 гг. П. Дрэгэнеску⁴⁹ один из тех валашских бояр, которые стремились установить контакты с Россией, свидетельствовал: «Присутствие митрополита⁵⁰ в инициативной группе повышало авторитет сторонников России в княжестве и должно было склонить русское правительство к доверию»⁵¹.

Именно прорусская позиция, занятая Антимом во время Прутского похода, стала основной причиной конфликта между Константином Брынковяну и митрополитом Валахии после мирного договора, который вынуждена была заключить с Османской Портой Россия 12 июля 1712 года.

Некоторые подробности конфликта становятся известными из двух защитительных речей, поданных Антимом в письменном виде господарю Валахии 13 января и 3 февраля 1712 года. В преамбуле к первой речи Антим указывает, что ему грозит отречение от должности митрополита страны из-за обвинения, выдвинутого против него Константином Брынковяну, заключавшегося в том, что «некоторые события» (переход Фомы Кантакузино на сторону русских. — О. Г.) произошли «вследствие наущения и происков» Антима⁵².

Это обострило и без того критическое положение Константина Брынковяну — Порта получила повод подозревать его в вероломстве, тем более, что Фома Кантакузино был его двоюродным братом.

Г. Штремпел отмечает, что, зная Антима как главного участника заговора Фомы Кантакузино и опасаясь неблагоприятных со стороны Порты последствий измены, Брынковяну решил отстранить Антима с митрополичьего престола⁵³.

Однако впоследствии Брынковяну отказался от принятого им этого решения. По нашему убеждению, не последнюю роль в принятии этого отказа сыграла антиосманская политическая ориентация самого Брынковяну: он не выдал Порте митрополита Антима — сторонника России. Антиосманские настроения валашского господаря проявились и в 1712—1713 гг., когда до окончательной реализации условий Прутского договора он возобновил связи с Россией, подробно информируя русское прави-

⁴⁹ Шульман Е. Б. Прорусская партия в Валахии и ее связи с Россией в 1736—1737 годах. — Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинев, 1969, с. 12.

⁵⁰ С начала 30-х годов XVIII века этот сан в Валахии принадлежал Стефану.

⁵¹ Шульман Е. Б. Указ. соч., с. 12.

⁵² Antim Ivireanul. Opere, p. 226.

⁵³ Ştrempel G. Prefaţă. — Antim Ivireanul. Opere, p. XXIII.

тельство обо всех действиях Порты и содействовал пересылке корреспонденции с его послами в Адрианополь⁵⁴. По обвинению в связях с Россией и в измене Османской Порте⁵⁵ Константин Брынковяну вместе с сыновьями в 1714 году в Константинополе в присутствии султана был казнен⁵⁶.

7 июня 1715 года по приказанию султана Ахмеда III в Константинополе были удушены Штефан Кантакузино, который в 1714 году сменил на престоле Валахии Константина Брынковяну, и его престарелый отец.

В лице Ш. Кантакузино княжество потеряло своего последнего господаря из валашских бояр и вместе с ним последние права Валахии, которые до тех пор Османская Порта номинально еще признавала. «У валахов отняли священное право, право того, чтобы их господарем был сын своего народа»⁵⁷, — писал Реньо. Правящие круги Османской империи хорошо помнили, с какой радостью встречали русских воинов молдоване и валахи во время Прутского похода. Они знали также, что, несмотря на неудачный исход Прутского похода, Молдавское княжество и Валахия с надеждой взирали на Петра I, «христианского царя, который мог избавить их от ига неверных»⁵⁸. Османская Порта оказалась перед сложной задачей — помешать сближению Дунайских княжеств с Россией и одновременно упрочить свое господство над ними. Эту задачу она намеревалась решить либо превратив их в один из пашалыков, либо назначив господарями Валахии и Молдавии людей инонационального происхождения, которые бы силой укрепили в княжествах османское господство и держали в покорности местное население. Султанская Турция избрала второй путь и предоставила всю полноту власти в княжествах фанариотам, представителям греческой аристократии, проживавшей в Фанаре — одном из кварталов Константинополя — и перешедшей на службу к туркам⁵⁹. В лице фанариотов Порта надеялась найти верных слуг, которые не щадили бы своих сил для упрочения ее политического режима в Валахии и Молдавии.

Правящие круги Османской империи не просчитались, «Если нашлась бы неподкупная, твердая рука, — отмечал Заллони, —

⁵⁴ Семенова Л. Е. Указ. соч., с. 162.

⁵⁵ Documente privitoare la Constantin-Voda Brâncoveanu. Publ. de N. Iorga. Buc., 1901, p. 60—64; Del Chiaro. Op. cit., p. 138.

⁵⁶ Documente privitoare la Constantin-Voda Brancoveanu, p. 144—146.

⁵⁷ Regnault Elias. Histoire politique et sociale des principautés Danubiennes. Paris, 1855, p. 58.

⁵⁸ Kogalnicean M. Fragments..., p. 158.

⁵⁹ Pippidi A. Phanar, phanariotes, phanarotisme. — Rev. des études de Sud-Est Europe. Buc., 1975. T. XIII, № 2, p. 231—239.

которая написала бы историю Молдавии и Валахии, тогда страницы этой истории, осветившие период правления фанариотов, были бы полны фактами деспотизма новых правителей. Само слово «Фанар» или «фанариот» наводило ужас на несчастных жителей княжеств»⁶⁰. Установление власти фанариотов в Дунайских княжествах было «ответом Порты» на стремление народов этих княжеств освободиться от османского господства⁶¹. К. Шербан отмечает, что начало эпохи фанариотов должно быть тесно увязано с историей Османской империи, пришедшей тогда в полный политический, экономический и военный упадок, и что время фанариотов в действительности было проявлением новой формы османского господства в Валахии и Молдавском княжестве⁶².

«В Константинополе все зависит от золота», — писал Э. Реньо. Это прекрасно понимает фанариот, так как сам выплачивал огромную сумму денег султану и турецким чиновникам за свое назначение на валахский престол. Он сыплет золотом, не заботясь о понесенных расходах. Сумма растет до невероятных размеров цифры. Это мало беспокоит претендента на валахский престол. Издержки будут во сто крат покрыты будущими доходами с княжества. Это не является тайной и для торгового сословия Фанара, которое со своей стороны преподносит будущему правителю Валахии богатые дары, «от которых не отказался бы сам султан». Взамен этого торгаша лишь об одном просят «его светлость», разрешить им поехать вместе с ним в княжество, потому что глубоко уверены, что «путем грабежа страны затраты окупятся с лихвой»⁶³. Со временем назначение султаном господарей Валахии исключительно из людей, чуждых этой стране, из греков-фанариотов, стало основной политической линией, проводимой Османской Портой в отношении Валахии⁶⁴. Сами же фанариоты считали обладание валахским престолом обыденным явлением (за период правления фанариотов в Валахии, т. е. почти за 100 лет, в этой стране сменилось 39 господарей)⁶⁵, что дало повод одному из историков, хотя и гиперболически, но в целом не удаляясь от реальности, заявить следующее: «Мы видим, что торговцы лимонадом и кондитеры

⁶⁰ Zallony M. Essai sur les princes de la Valachie et de la Moldovie, connus sous le nom de Fanariotes. Paris, 1830, p. 38.

⁶¹ Şerban C. Les préliminaires de l' époque phanariote. — L' époque phanariote. Symposium, 21—25 oct. 1970, Thessaloniki, 1974, p. 39.

⁶² Ibidem, p. 31.

⁶³ Regnault E. Op. cit., p. 77.

⁶⁴ Ciurea A. Quelques aspects essentiels de l' époque phanariote dans l' histoire orthodoxe de Roumanie. — L' époque phanariote. Symposium, 21—25 oct. 1970. Thessaloniki, 1974, p. 17.

⁶⁵ Ibidem, p. 19.

становились господарями и этот факт имел место столь часто, что повивальные бабки Константинополя при рождении младенца-грека пророчили ему, что в один прекрасный день он станет продавцом лимонада, кондитером и господарем Валахии (разрядка наша. — О. Г.)»⁶⁶. Разумеется, эти слова нельзя отнести ко всем грекам, проживавшим в Константинополе. Грек, который терпел нужду и лишения, думал лишь о куске хлеба. Он был далек от политики и ничего общего не имел с фанариотами, «которые свысока смотрели на своих бедных соотечественников, жили обособленно и составляли высокомерную касту аристократов»⁶⁷.

Отметим тут же, что, анализируя вопрос об отношении молдаван в феодальную эпоху к соседним народам, Н. А. Мохов указывал на их антипатии к туркам, крымским татарам и исполнителям воли султана—грекам-фанариотам. Неприязнь к туркам-феодалам была своеобразной и постоянной. Татар ненавидели за разбоничьи набеги. «Более сложным было отношение к грекам. Греки так же, как и молдаване, были православными, они угнетались турецкими феодалами, но фанариоты в Османской империи составляли главную массу чиновников — сборщиков налогов, кандидатов для занятия в княжествах высших церковных и светских постов... Как жестокие исполнители воли султана, они завоевали плохую репутацию»⁶⁸. Этими же словами в полной мере можно охарактеризовать отношение к фанариотам и валахов.

Итак, враждебность, проявленная в Дунайских княжествах к фанариотам, не означала ненависти ко всем грекам вообще. Если в начале XVIII века в Молдавии господарь Д. Кантемир, «почитатель греческой цивилизации, не отличал греческих бояр от местных, порицая их всех за их слепую и ненасытную политику»⁶⁹, то и в Валахии в это же время митрополит Антим Ивериец, прекрасный знаток древнегреческой литературы и философии, «великий ученый, прошедший высоко почитаемую византийскую школу»⁷⁰, не делал никакого различия между боярами

⁶⁶ Desperer M. La Moldo-Valachie et le mouvement roumain, 1848, p. 115.

⁶⁷ Regnault E. Op. cit., p. 63.

⁶⁸ Мохов Н. А. Аспекты социальной психологии феодальных сословий Молдавии (отношение к народам соседних стран). — Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 173—174.

⁶⁹ Stanescu E. Prephanariotes et phanariotes dans la vision de la société roumaine des XVIIe—XVIIIe siècles. — L'époque phanariote. Symposium, 21—25 oct., 1970. Thessaloniki, 1974, p. 357.

⁷⁰ Cioculescu S. Antim Ivireanul scriitorul.—România literară. Buc., 1975, 25 sept., № 39, p. 7.

греческого и валашского происхождения, когда в своих пропове-
дях беспощадно бичевал пороки современного ему боярства.

В этом отношении весьма характерно высказывание Э. Стэ-
неску о молдавском хронисте Н. Костине, который «критиковал
присутствие греческого элемента — фанариотов в общественной
и политической жизни... и тем не менее считал Афины вершиной
древней цивилизации»⁷².

Именно на представителей «высокомерной касты греческих
аристократов» и обратила свой взор Османская Порта, исполь-
зовавшая фанариотов как орудие порабощения и эксплуатации
валашского народа.

В 1716 году султан впервые сделал валашским господарем
фанариота. Церемония назначения происходила так: «Повели-
тель правоверных» подал знак великому визирю, который от
его имени сказал фанариоту: «За твою верность и искреннюю
привязанность даем тебе в управление княжество... и вместе с
тем надеемся на постоянную твою покорность». Тот, став на
колени, отвечал: «Клянусь моей головой употребить все силы
на службу всемогущественнейшему султану, доколе его величество
не обратит очи милосердия от ничтожного раба своего»⁷³. Эту
клятву произнес Николае Маврокордато. 10 февраля 1716 года
он торжественно вступил в Бухарест. «Звон колоколов, — пи-
шет Заллони, — наполняя радостью души его царедворцев, хо-
лодит страхом сердца народа. И может ли народ радоваться но-
вому властителю, который, подобно ястребу, готовится напасть на
свою жертву?»⁷⁴

Новый господарь сразу же стал преследовать валашских
бояр, сочувствовавших русским. Особенно жестоким гонениям
подверглись представители рода Кантакузино. Маврокордато
отобрал у них все движимое и недвижимое имущество, обложил
их колоссальным денежным штрафом; тот, кто не смог его уп-
латить, был публично избит палками и брошен в темницу. Мать
Штефана Кантакузино, казненного турками валашского госпа-
даря (1714—1716), осталась без всяких средств к существова-
нию. Репрессиям подверглись не только сами Кантакузино.
«Быть в родстве или даже в знакомстве с ними уже считалось
преступлением», — писал Энгель⁷⁵.

⁷¹ Stănescu E. Op. cit., p. 357.

⁷² Ibidem.

⁷³ Палаузов С. Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия. Спб.,
1859, с. 131.

⁷⁴ Zallony M. Op. cit., p. 40.

⁷⁵ Engel I. Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer,
Band II, 1804, S. 503.

Может вызвать удивление тот факт, что в такой ситуации митрополита Антима не трогали, хотя именно на него, как на одного из лидеров валашских бояр русской ориентации, должен был обрушиться «гнев султана». По нашему мнению, это объясняется тем, что ни турки, ни Николае Маврокордато ничего не знали о тайном совещании, созванном Антимом в Урлаце. Им было известно лишь об открытом переходе на сторону русских Фомы Кантакузино, потому-то они и расправились так жестоко со всеми представителями его рода. Что касается Константина Брынковяну, то для него, разумеется, не осталась в тайне роль Антима в «заговоре в Урлаце». Именно это обстоятельство имели в виду протурецки настроенные хронисты Раду Гречану и Раду Попеску, когда они обвиняли Антима во «вмешательстве в политику»⁷⁶ и писали, что он «предал» Константина Водэ (т. е. Брынковяну) во время Прутского похода⁷⁷. Но, несмотря на это, как видно, Константин Брынковяну не выдал Антима туркам, т. к. в случае разоблачения «антитурецкой политики» митрополита Валахии, безусловно, ни турки, ни Николае Маврокордато не удовольствовались бы лишь тем, чтобы «следить за его перепиской»⁷⁸, а подвергли бы Антима жестокому наказанию. Это подтверждает страшная трагедия, которая впоследствии разыгралась в Валахии в период правления Николае Маврокордато.

После расправы над валашскими боярами прорусской ориентации Николае Маврокордато, для создания надежной опоры в стране, стал налаживать связи с той частью валашского боярства, которая поддерживала Османскую Порту, и возводить в боярское достоинство пришедших вместе с ним из Константинополя греков. Выходцы из квартала Фанар — торговцы, ростовщики, перекупщики — заняли высокие дворцовые должности, таковыми были при дворе господаря: грамматикос — личный секретарь господаря, великий постельничий — личный докладчик господаря, великий комис — заведовавший господарскими конюшнями, мухурдар — хранитель печати, дивиктар — хранитель письменных принадлежностей господаря, кафтанджи — начальник гардероба господаря, чохадар-баши — надевавший господарю обувь, кафеджи-баши — подававший кофе, шербаджи-баши — подававший шербет, чибукчи-баши — подававший трубку господарю и т. д.⁷⁹

Раздавая придворные должности «льстецам и придворным слугам», которые «подобно голодной саранче налетали на княжество», Николае Маврокордато тем самым открывал им ши-

⁷⁶ Greceanu R. Op. cit., p. 185.

⁷⁷ Popescu R. Op. cit., p. 225.

⁷⁸ Documente, vol. XIV, par. III, p. 122.

⁷⁹ Regnault E. Op., cit., p. 64.

рокую дорогу для обогащения, т. к. занимаемая должность давала боярину возможность получать большие доходы. Согласно султанскому фирману, Валахия должна была снабжать Порту сельскохозяйственными продуктами⁸⁰. Обязательные натуральные поставки из Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии — играли для Османской империи важную роль.

«Когда по каким-то причинам экспорт из княжеств в Османскую Порту прекращался, в крупных городах, в частности в Константинополе, наступал голод»⁸¹.

В определенное время господарь Валахии получал фирман, в котором было указано число крупного и мелкого рогатого скота и количество пшеницы, которое надлежало послать в Порту. Именно этот султанский фирман господарь-фанариот и использовал в своих корыстных целях. Если, согласно приказу султана, налог составлял 100 тыс. килл пшеницы и 40 тыс. овец, то господарь взимал с населения 500 тыс. килл пшеницы и 200 тыс. овец, а в Константинополь посылал столько, сколько от него требовалось, остальное он продавал и огромную прибыль прикарманывал⁸². Аналогичная ситуация повторялась, когда Османская Порта требовала пять тысяч рабочих рук на строительные работы (строительство и ремонт крепостей, прокладка дорог и т. п.). Господарь договаривался с представителями Порты и получал от них согласие (с помощью взяток, разумеется) на то, чтобы на строительные работы вышло 1500 человек, а остальные 3500 человек, не вышедшие на работу, заплатили за это деньги господарю⁸³.

Сбор дани для Порты, непомерные налоги, расходы на содержание господарей, их приближенных и бояр, усиление крепостнического гнета привели в первой половине XVIII века к полному обнищанию трудового населения Валахии. Д. М. Драгнев считает, что вызванные войной разорения, изменение к худшему внешнеторговой конъюнктуры, наплыв иностранных купцов и ростовщиков в сочетании с новым ростом требований Порты вызвали сокращение поголовья скота и посевных площадей, застой городской жизни, значительное обезлюдение страны, массовую эмиграцию податного населения⁸⁴.

⁸⁰ Reghault E. Op. cit., p. 75.

⁸¹ Подградская Е. М. К вопросу о турецкой монополии на внешнюю торговлю Молдавии и Валахии и ее влиянии на историческое развитие княжеств. — Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 98.

⁸² Regnault E. Op. cit., p. 75.

⁸³ Ibidem, p. 75—76.

⁸⁴ Драгнев Д. М. Процесс, замедленное развитие или экономический упадок? (Об особенностях экономического развития Дунайских княжеств в XVII—XVIII вв.). — Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 107.

Существует весьма важное сообщение о переписи населения Валахии, относящейся, правда, к более позднему времени, однако характерной и для периода правления Николае Маврокордато — вместо 147.000 семейств, ранее облагавшихся налогами в Валахии, после восшествия на престол фанариота оставалось лишь 70.000 дворов⁸⁵. Д. М. Драгнев указывает, что при фанариотах в Валахии по переписи 1739 года числилось 147 тыс., а по оценке уездных исправников 1772 г. — лишь 90 тыс. семейств⁸⁶. «Такое стечение обстоятельств, — писал Реньо, — послужило бы любому человеку, кроме Маврокордато, наглядным уроком для того, чтобы облегчить положение народа. Но у Николае Маврокордато нет никакого желания сократить свои доходы, и раз народонаселение сократилось почти вдвое, то он, естественно, увеличивает налог вдвое, и, таким образом, «баланс уравновешен».

Господарский двор Николае Маврокордато «утопал в золоте и шелках», в то время как у простого валаха «не было ни одежды, ни постели, ни утвари, и лишь сено и холодная земля служили ему постелью»⁸⁷. Фанариоты-сподручные Николае Маврокордато состязались с господарем в честолюбии, стяжательстве и насилии. Их примеру следовали и те валашские бояре, которые верной службой османским и фанариотским угнетателям заслужили доверие Николае Маврокордато. Выведенные из терпения валахи «проклинают и фанариотов, и бояр». Опасаясь народного гнева, Николае Маврокордато раздавал земли туркам и поселял их на территории Валахии⁸⁸, чтобы в случае необходимости всегда иметь возможность опереться на них.

В эпоху правления греков-фанариотов процесс проникновения в разных формах греческого элемента в Валахию, начавшийся еще в XVI в., достиг апогея. «Чтобы иметь возможность глушить как можно больше стремление к эмансипации Дунайских княжеств, — пишет Ал. Чуря, — правители-фанариоты пытались сделать своим союзником... высшую церковную иерархию (валашскую. — О. Г.), которую они старались пополнять в основном элементами преданными и греческого происхождения»⁸⁹. Поэтому во времена правления фанариотов из 12 митрополитов Валахии 7 были греками⁹⁰. Такая же картина наблюдалась и в отношении национального состава епископов, игуменов и других церковных служителей.

В правление Николае Маврокордато в Валахии все пере-

⁸⁵ Vaillant M. La Roumanie, T. II, p. 151.

⁸⁶ Драгнев Д. М. Указ. соч., с. 107.

⁸⁷ Vaillant M. Op. cit., p. 150.

⁸⁸ Engel I. Op. cit., p. 501.

⁸⁹ Ciurea A. Op. cit., p. 17.

⁹⁰ Ibidem, p. 19.

страивалось на греческий лад. Национальные школы закрывались, румынский язык как «постыдный жаргон» вытеснялся греческим⁹¹, которому отводилось место языка господарского двора, администрации и преподавания. В греческой академии, основанной Николае Маврокордато, преподавателями могли быть только греки, субсидии должны были выдаваться лишь тем монастырям и церквям, где служителями были греки⁹².

Некоторые историки при оценке периода правления Николае Маврокордато пытаются выдвинуть на передний план личность господаря Валахии как «деятеля-литератора» и тенденциозно освещают его государственную деятельность. Высказывалось мнение, «что, несмотря на добросовестное выполнение Николае Маврокордато всех директив Османской Порты относительно подавления национальной оппозиции местных бояр, он все-таки проявил себя довольно гуманным во многих вопросах внутреннего благоустройства...» Валахии⁹³. И действительно, Николае Маврокордато был одним из самых образованных людей своего времени. Он владел многими иностранными языками и занимался переводческой деятельностью⁹⁴. Но говорить о его «гуманности» или считать его правление «фазой, могущей... быть названной счастливой»⁹⁵, нам представляется далеким от реальности. Недаром после смерти Николае Маврокордато валахи с проклятиями провожали его гроб в Вэкэрешетский монастырь, стены которого были воздвигнуты при этом фанариоте ценой обнищания нескольких сотен семейств⁹⁶.

О жизни и деятельности Антима Иверийца в этот период мы знаем очень мало. Судя по сохранившимся документам, можно сказать лишь, что между Антимом и Николае Маврокордато, вскоре после его назначения господарем Валахии, состоялась встреча в резиденции митрополита. Кроме того, известно, что Антим присутствовал на похоронах супруги Маврокордато⁹⁷.

На положение Антима в этот период до некоторой степени проливает свет его письмо к иерусалимскому патриарху Хрисанфу. «Настали тяжелые дни, — сетовал Антим, — нескончаемы подозрения и небезопасна переписка, мы были вынуждены молчать столько времени, чтобы не дать повода для придинок тем, кто нас преследует со злобой...»⁹⁸

⁹¹ Regnault E. Op. cit., p. 69.

⁹² Борецкий-Бергфельд Н. История Румынии. Спб., с. 131.

⁹³ Там же, с. 137.

⁹⁴ Russo D. Studii istorice greco-române, 1959, t. II, p. 532.

⁹⁵ Борецкий-Бергфельд Н. Указ. соч., с. 137.

⁹⁶ Палаузов С. Н. Указ. соч., с. 139.

⁹⁷ Del Chiaro. Op. cit., p. 79.

⁹⁸ Documente, vol. XIV, par. III, p. 122.

Однако было бы неверно думать, что, подавленный «тяжелыми днями», Антим отошел от общественной жизни и смирился с бедственным положением Валахии. Неустанная борьба за освобождение страны от турецко-фанариотского гнета пронизывает всю политическую деятельность митрополита. Но, как явствует из документов, Антима «беспокоила не только судьба валахов». Еще в 1715 году он советовал предшественнику господаря-фанариота Николае Маврокордато Штефану Кантакузино быть покровителем и других христианских народов, так же находившихся под османским игом. «Особенно помогай бедным, страждущим и чужестранцам, — обращался Антим к Штефану Кантакузино, — чтобы они везде прославляли благородство рода твоего и поминали добром тебя и издали устремлялись к тебе, ибо гибнут сии несчастные от несметных податей и непосильного труда на земле неверных. Взгляни на страдания их и пожалей их, как сирот, будь к ним всегда добр и терпелив, как к собственным детям»⁹⁹.

После вшествия на валашский престол Николае Маврокордато Антим не отошел от политической жизни и не занимал выжидательной позиции. Он активно включился в борьбу валашских бояр, возмущенных режимом, который установил в стране Маврокордато, и объединившихся стремлением избавиться Валахию от османского и фанариотского ига.

Карловицкий мир (1699 г.) оказался лишь временным перемирием, т. к. сложившееся после него положение не удовлетворяло ни одну из воевавших сторон. Оттоманская Порта не желала смириться с утратой Морей и Трансильвании. Возвращение Азова вернуло ей веру в свои силы. В 1715 году, повернув оружие против Венеции, она захватила Морею и осадила Корфу. До 1714 года из-за войны за испанское наследство (1701—1714 гг.) Габсбурги не могли заняться восточным вопросом. Подписанный в Раштатдте мирный договор (1714 г.), зафиксировавший поражение Франции и Испании, возвратил Габсбургам свободу действий на востоке, и, воспользовавшись турецко-венецианской войной и завоеванием Морей, они объявили Османской империи войну.

Австро-турецкая война 1716—1718 гг., развернувшаяся в непосредственной близости, и отчасти на территории Валахии, дала толчок к острой борьбе в стране между различными группировками господствующего класса за власть, продиктованную, с одной стороны, новой системой правления, введенной Портой через назначение в княжестве господаря-фанариота, с другой, австрийскими победами, вселявшими надежду на освобождение Валахии от османского господства. Начало австро-турецкой вой-

⁹⁹ Biserică Ortodoxă Română, an. XXX (1906—1907), p. 1208.

ны, а в особенности победа знаменитого австрийского полководца принца Евгения Савойского над войсками Порты под Петерварадом (Петервардайн), 5 августа 1716 года¹⁰⁰, создали, по мнению антитурецки настроенных валашских бояр, благоприятные условия для осуществления намеченной цели.

Среди антитурецки настроенных бояр источники называют Михаила Кантакузино, Барбу Брэилой, Бужоряну, Стойко Бенджеску, Григоре Бэлияну¹⁰¹. Узнав о поражении Порты под Петерварадом, валашские войска, посланные Маврокордато для защиты границы, восстали под командованием Барбу Брэилой, образовали в Чернце совет бояр и капитанов, который обратился за помощью к австрийцам; а отряд Стойко Бенджеску обратил в бегство около Тыргу-Жиу войско под командованием греческих офицеров, посланное господарем-фанариотом¹⁰².

Но, судя по развернувшимся впоследствии событиям, важную роль среди этих бояр играл митрополит Валахии Антим Ивернец. Антиосманское выступление валашских бояр не опиралось на сей раз на поддержку России, как было во время Прутского похода, когда Антим, Фома Кантакузино и их сподвижники надеялись, при помощи русского оружия, добиться освобождения своей родины от османского господства. К этому времени между Россией и Портой уже были установлены мирные отношения. В 1716 году валашские бояре решили избавиться от османского гнета при содействии австрийцев. Касаясь сравнительно позднего периода из истории Валахии, когда во время австро-турецкой войны 1737—1739 гг.¹⁰³ валашские бояре вновь попытались уничтожить османское иго с помощью австрийцев, Е. Б. Шульман писал: «Бояре делились в те годы на две основные партии: протурецкую и антитурецкую. Последняя пользовалась широкой поддержкой в народе, всегда готовом принять участие в борьбе за освобождение, и, несмотря на трудные условия, пытались использовать любые шансы, чтобы своими действиями приблизить час свержения турецкого гнета»¹⁰⁴. Именно такой «шанс» — начало австро-турецкой войны 1716—1718 годов — и предполагали использовать Антим и другие антитурецки настроенные валашские бояре для избавления страны от османского и фанариотского владычества.

¹⁰⁰ Istoria României, III. Buc., 1964, p. 462.

¹⁰¹ Radu Popescu. Op. cit., p. 222—224.

¹⁰² Istoria României, III. Buc., 1964, p. 462.

¹⁰³ Австро-турецкая война 1737—1739 гг. началась выступлением Австрии против Турции на стороне России в русско-турецкой войне 1735—1739 гг.

¹⁰⁴ Шульман Е. Б. Прорусская партия в Валахии и ее связи с Россией в 1736—1737 годах. — Русско-румынские и советско-румынские отношения. Кишинев, 1969, с. 9—10.

Здесь же следует заметить, что Антим и некоторые его движники, решаясь на союз с австрийцами для достижения своей цели, по нашему мнению, никак не могли придерживаться проавстрийской ориентации, т. к., во-первых, как известно, в 80-х годах XVII века свои устремления освободиться из-под власти султана Валахия хотя и связывала с успехами Габсбургов в борьбе с Портой, но тогдашний валахский господарь Шербан Кантакузино очень скоро понял, что австрийцы думали прежде всего о захвате Валахии, об установлении господства Габсбургов в Дунайском бассейне. Аналогичная ситуация сложилась и в период правления Брынковяну. В этих условиях Дунайские княжества искали поддержки у России, с которой их связывали и единство религии, и исконные экономические, политические, культурные взаимоотношения. Этот урок истории хорошо знали и учитывали Антим и часть антиосмански настроенных валахских бояр. Во-вторых, недопустимо, чтобы Антим, валахский митрополит, глава Валахской ортодоксальной-православной церкви, который резко ополчался против догматов римско-католической веры и выступал в защиту православного населения Трансильвании от «притеснений и засилья католиков», придерживался проавстрийской ориентации, т. е. ориентации на римско-католическое государство. Внешнеполитическая ориентация Антима, безусловно, была не проавстрийской, а прорусской, подтверждением чему служат события 1711 года, когда во время Прутского похода митрополит созвал в Урлаце совещание валахских бояр, которое решило наладить контакты с Петром I и сбросить османское иго с помощью России. Что касается решения Антима и его приверженцев начать действовать при первом же известии о победах австрийцев над турками во время австро-турецкой войны 1716—1718 годов, то это решение можно рассматривать как проявление активности той части валахского боярства, которое пыталось использовать «любые шансы», чтобы приблизить час освобождения своей родины от османского господства.

После победы, одержанной ими под Петерварадом, австрийцы, преследуя разбитых турок, в 1716 году проникли на запад Валахии. Как повествует летопись, они в день св. Девы Марии (15 августа 1716 года) перешли перевал Кыйнень и направились в Питешть. Окраинные капитаны и таможенники послали поспешно письмо господарю Николае Маврокордато, уведомляя господаря о вторжении австрийского войска и намерении австрийцев идти на Бухарест¹⁰⁵.

По сообщению А. Стурдза, один из командиров валахской армии, капитан Обедяну отдал приказ воинским частям не ока-

¹⁰⁵ Padu Popescu. Op. cit., p. 224.

зывать сопротивления австрийцам, перешедшим валахскую границу в погоне за турками, а бояре Барбу Корнеа и Радужеску отдали без боя Тыргу-Жиу¹⁰⁶. Здесь необходимо указать на то, что большинство исследователей, затрагивающих вопрос о взаимоотношениях между Антимом и Николае Маврокордато в период вторжения австрийцев в Валахию, в основном, довольствуются лишь констатацией некоторых фактов и сведений, почерпнутых ими из первоисточников, не обобщая и не приводя их в связь друг с другом. Так, приказ о том, чтобы валахские войска не оказывали сопротивления вступившим в Валахию австрийцам, или же восстание войск под командованием Барбу Брэилой, на наш взгляд, были не односторонними, изолированными актами, а, по всей видимости, представляли собой первую фазу общего плана, выработанного «конспиративной группой во главе с Антимом Иверийцем, выступавшей против Николае Маврокордато». Убедиться в этом не трудно.

Николае Маврокордато всячески стремился утаить от бухарестских жителей весть о поражении турок. Но 4 сентября перед заходом солнца в Бухаресте распространилась весть о приближении австрийских войск к городу. Эта весть была ложной: хотя военный отряд австрийцев (по сообщению Дель Киаро — 2 роты)¹⁰⁷ и вступил на территорию Валахии, он достиг лишь Питешети. Этот слух распространили Антим и его единомышленники из валахских бояр. Хронист Митрофан Григораш отмечает, что митрополит Антим вместе с боярами устроили заговор против Николае Маврокордато и распространили слухи, будто австрийские войска вторглись в страну и хотят пленить господаря Валахии. Антим и бояре (сторонники Антима) «объявили ему (Николае Маврокордато. — О. Г.) об этом вымышленном вторжении вечером, чтобы ночное время пришло на помощь их козням»¹⁰⁸.

Какую цель преследовали Антим и его сподвижники, распространяя слухи о приближении австрийских войск к Бухаресту? Их устремления, вероятно, были рассчитаны на то, чтобы вынудить Николае Маврокордато и защищавший его турецкий отряд оставить Бухарест и тем самым развязать себе руки. Расчет оказался верным. По-видимому, Антим хорошо изучил характер Николае Маврокордато, о котором Энгель писал: «Фанарнот боится и своей тени»¹⁰⁹. Даже слухов о приближении

¹⁰⁶ Sturdza A. L'Europe Orientale et le rôle historique des Maurocordato. Paris, 1915, p. 113.

¹⁰⁷ Del Chiaro. Op. cit., p. 210.

¹⁰⁸ Mitrofan Grigoraş. Cronica Ţării Româneşti (1714—1716). Publicată de Russo în Studii greco-române, vol. 11. Buc., 1939, p. 442 (далее — Grigoraş M).

¹⁰⁹ Engel I. Op. cit., p. 153.

австрийцев оказалось достаточно для того, чтобы Николае Маврокордато со своей семьей, близкими, турецким отрядом и свитой срочно покинул Бухарест и двинулся к турецкой крепости Джурджу¹¹⁰. Очевидно, во избежание всех подозрений, Антим тоже уехал с фанариотом. Через несколько часов путешествия Николае Маврокордато, Антим и сопровождавшие господаря лица прибыли в Кэлугэрень. Раду Попеску пишет, что в этой деревне Маврокордато решил остаться до утра и ожидать более определенных известий о действиях «солдат (австрийских. — О. Г.), внесших в страну такую смуту»¹¹¹. Но Антим, должно быть, учел и то, что Николае Маврокордато вряд-ли покинул бы Бухарест и княжество только из-за неподтвержденных слухов. Приблизительно к двум часам ночи в дверь крестьянского дома, где остановился Антим, постучался Иоанн Аврамие¹¹². Антиму доложили о том, что Иоанн Аврамие приехал из Бухареста и немедленно хочет видеть митрополита. Как пишут Дель Киаро и Митрофан Григораш, Иоанн Аврамие привез письмо из Бухареста, в котором было сказано, что Георге Кантакузино, сын бывшего господаря Валахии Шербана Кантакузино, вторгся в Валахию с 12000-м австрийским войском и намеревается захватить власть в княжестве¹¹³ и что «лес около Бухареста полон неприятелями»¹¹⁴.

Митрофан Григораш считает, что письмо, привезенное Иоанном Аврамие из Бухареста, было «поддельным»¹¹⁵, а Попеску добавляет, что сказанное в этом письме «оказалось потом ложью и уловками владыки Антима, придуманными для того, чтобы господарь (Николае Маврокордато. — О. Г.) испугался бы и бежал»¹¹⁶. Далее Митрофан Григораш обвиняет Антима в том, что он «пытался интригами лишить господаря (Николае Маврокордато. — О. Г.) трона и выгнать его из Валахии».

То, что письмо, привезенное Иоанном Аврамие, было «поддельным», не вызывает сомнения, т. к. на самом деле в окрестностях Бухареста в описанный нами период не появилось не только 1200-е войсковое соединение, но даже не было ни одного австрийского солдата. Правильно и то предположение

¹¹⁰ *Istoria României*, III. Buc., 1964, p. 462.

¹¹¹ Radu Popescu. *Op. cit.*, p. 225.

¹¹² Как свидетельствует М. Григораш, Иоанн Аврамие был участником заговора, возглавляемого митрополитом Антимом Иверийцем, который ставил своей целью изгнание Николае Маврокордато из Валахии. (См.: Grigoraș M. *Op. cit.*, p. 451).

¹¹³ Del Chiaro. *Op. cit.*, p. 138.

¹¹⁴ Grigoraș M. *Op. cit.*, p. 442.

¹¹⁵ *Ibidem*.

¹¹⁶ Radu Popescu. *Op. cit.*, p. 225.

хрониста, что в планы Антима входило свержение с престола господаря Николае Маврокордато. Митрофан Григораș в своей летописи называет эту попытку Антима и его сподвижников сбросить с престола господаря-фанариота и освободить Валахию от османского ига не иначе, как «предательством», и считает, что жестокая расправа, учиненная Николае Маврокордато над «бунтовщиками» после его возвращения в Бухарест с турецким отрядом, была учинена «по заслугам»¹¹⁷.

Если учесть то обстоятельство, что Митрофан Григораș примыкал к кругу хронистов, которые были приверженцами Николае Маврокордато и его правления, станет совершенно ясным, почему вздумал он осуждать деятельность Антима. Но Митрофан Григораș не являлся исключенным в своих тенденциозных высказываниях. Хронист Раду Попеску тоже считал Антима «изменником». Он пишет, что митрополит Валахии пытался ввести в заблуждение Николае Маврокордато и задумал осуществить «коварное свое намерение, сокрытое в его сердце»¹¹⁸.

Эмиль Пико весьма метко и решительно дает отпор обвинению Раду Попеску, брошенному им в адрес Антима: «...валахский хронист льстит иноземным порабителю и порочит человека, который искал пути спасения страны»¹¹⁹.

А теперь вернемся к Николае Маврокордато, которому Антим передал письмо, привезенное Иоанном Аврамие. «Фанариот, — пишет Энгель, — долго упрашивал митрополита Антима бежать вместе с ним и ни в коем случае не возвращаться в Бухарест»¹²⁰. Когда Антим убедился в том, что фанариот не только не собирается вернуться в Бухарест, но и подумывает о том, чтобы оставить Валахию, он решил покинуть господаря. Такой шаг он мотивировал тем, «что ему, как митрополиту Валахии, не подобает оставлять на произвол судьбы свою паству»¹²¹. Но, видимо, Николае Маврокордато в чем-то заподозрил Антима. Как сообщает Дель Киаро, господарь обратился к Антиму со следующими словами: «Митрополит не желает ехать с ним потому, что решил возвратиться в Бухарест. А из этого следует, что митрополит Валахии намерен способствовать избранию нового господаря»¹²². И с угрозой добавил, что он «скоро вернется в Валахию с турецкими войсками и расправится с бунтовщиками»¹²³. Антим не обратил внимания на его угрозы, будучи уве-

¹¹⁷ Grigoraș M. Op. cit., p. 443.

¹¹⁸ Radu Popescu. Op. cit., p. 225.

¹¹⁹ Picot E. Op. cit., p. 315.

¹²⁰ Engel I. Op. cit., p. 315.

¹²¹ Radu Popescu. Op. cit., p. 225.

¹²² Del Chiaro. Op. cit., p. 138.

¹²³ Engel I. Op. cit., p. 316.

ренным в том, что «Маврокордато навсегда покидает Валахию» и вернулся в Бухарест. По словам Григораша, он заявил фанариоту, чтобы тот продолжал путь без него, «так как с этой поры нет ничего общего между ним, правителем, и Валахией»¹²⁴.

Город Джурджу встретил приехавшего Николае Маврокордато паникой. Видимо, слухи о приближении австрийцев дошли и сюда. Но когда через некоторое время выяснилось, что в Бухаресте нет ни единого австрийского солдата (эту весть принесли в Джурджу из Бухареста приближенные Николае Маврокордато), то турок обуяла ярость. Они обвинили фанариота в измене Османской Порте и решили под конвоем отправить его в Константинополь¹²⁵. Однако валашскому господарю удалось оправдаться перед султаном. Он объяснил свое бегство из Бухареста тем, что «был введен в заблуждение несколькими бунтовщиками»¹²⁶.

Николае Маврокордато, конечно, понял, почему Антим и его единомышленники вынудили его покинуть Бухарест, и его подозрения, что целью возвращения митрополита Валахии в Бухарест было избрание нового господаря, казались не лишены оснований. И действительно, как сообщает Митрофан Григораш, боярское собрание под руководством Антима избрало новым господарем Валахии великого ворника Пэтрашку Брезоану, валаха по происхождению¹²⁷. Раду Попеску пишет, что Антим, по возвращении в Бухарест, «начал собирать в резиденции митрополита некоторых устранившихся от должностей бояр и держать с ними совет против господаря, убеждая их войти в соглашение с австрийцами, подобно тому, как коварно предал он Константина Водэ (имеется в виду совещание валашских бояр, созванное Антимом в Урлаце. — О. Г.), когда москали пришли воевать против турок»¹²⁸. «Господарь (Николае Маврокордато. — О. Г.) узнал, что все то, о чем говорил ему владыка Антим, — ложь и козни (имеется в виду распространение слухов о приближении австрийских войск к Бухаресту. — О. Г.). Он узнал также о совещаниях владыки с некоторыми враждебными ему боярами и обо всех действиях Антима, направленных против него»¹²⁹.

10 сентября 1716 года Николае Маврокордато «с многочисленным турецким войском» поспешно вернулся в Бухарест. Возвращение фанариота ознаменовалось «кровью и слезами» по

¹²⁴ Grigoras M. Op. cit., p. 443.

¹²⁵ Del Chiaro. Op. cit., p. 158.

¹²⁶ Ibidem.

¹²⁷ Grigoras M. Op. cit., p. 443.

¹²⁸ Radu Popescu. Op. cit., p. 225.

¹²⁹ Ibidem.

всей Валахии. Чтобы «восстановить порядок и спокойствие в стране», Николае Маврокордато приказал арестовать и зарубить саблями Брезояну, которого обвинили в том, что за время отсутствия Маврокордато, он был избран Антимом новым господарем Валахии¹³⁰. После зверского убийства Брезояну по всему Бухаресту начались репрессии. Михая Кантакузино и Голеску повесили, Лупелу и Бужерону отрубили головы, Иоанна Аврамие, который привез письмо Антиму в Кэлугэрень, приговорили к смертной казни; десятки валашских бояр были брошены в тюрьмы и подверглись страшным пыткам. «В первую очередь гонения обрушились на тех бояр, — писал Реньо, — которые поддерживали национальную партию (Реньо имеет в виду Антима и его сподвижников. — О. Г.). В проскрипционные списки попали все, кто выражал недовольство турецко-фанариотским режимом... Конспираторами были объявлены все, кто не лицемерил. Их избили палками и выслали из Валахии. Многие валахи, обуреваемые страхом, сами покинули страну и скрылись в Трансильвании»¹³¹.

Опасаясь возмездия, Николае Маврокордато окружил свой дворец турецкими войсковыми частями. Перед порталом дворца были установлены 14 пушек¹³².

Валахи окрестили Маврокордато новыми прозвищами: «тиран», «угнетатель», «палач», «враг валахов».

Мы уже говорили о том, как расправился Николае Маврокордато со всеми валашскими боярами, которые боролись против османского владычества и тирании фанариота, со всеми теми, кто видел благополучие своей родины в освобождении страны от османского господства.

Но какая участь постигла самого митрополита Валахии Антима, который был вдохновителем антиосманской борьбы в стране? Как явствует из документов, Николае Маврокордато велел ему явиться во дворец. Несмотря на то, что Антиму должны были быть хорошо известны все последствия этой аудиенции, он не сделал ни малейшей попытки уклониться от встречи или спастись бегством. Победенный в неравной борьбе митрополит Валахии смело направился навстречу неминуемой опасности. Вот что пишет один из хронистов: «Когда Антим въезжал в рыдване в господарский двор... солдаты-турки остановили его, вытащили из рыдвана и, вырывая ему бороду и волосы и влоча его по земле, заперли тут же в каком-то домике»¹³³. Николае Мавро-

¹³⁰ Del Chiaro. Op. cit., p. 139.

¹³¹ Regnault E. Op. cit., p. 55.

¹³² Del Chiaro. Op. cit., p. 155.

¹³³ Grigoraş M. Op. cit., p. 443.

кордато потребовал от Антима, чтобы он отрекся от сана митрополита. Тот ответил отказом. Тогда Маврокордато обратился к вселенскому патриарху Иеремии III, прося лишить Антима духовного сана. Патриарх Иеремия, «заурядная личность и ставленник турок»¹³⁴ (как его именует Йорга), не замедлил дать свою санкцию. Патриаршая грамота обвинила Антима в намерении свершить «восстание и революцию» и низвергнуть господара Валахии Николае Маврокордато¹³⁵. «Вина свершающего революцию и восстание очень тяжела и осуждена Богом и людьми как причина множества беспорядков... Поэтому, тем, кто так или иначе отваживается на это, божеские законы предписывают тяжкие наказания, и революционеры подвергаются заслуженным страданиям... Он (Антим. — О. Г.), проклятый Богом, затеял дела недозволенные и дьявольские. И среди других его злодеяний он обвиняется в магии¹³⁶ и участии во многих преступлениях, и на сегодняшний день мы считаем, что его надо исключить из числа архиереев. А вину его — безбожную революцию и восстание — считаем доказанной и очевидной. Он стал злодеем, бунтовщиком и заговорщиком против могущественной державы (Османской империи. — О. Г.) и против светлейшего правителя (господаря Валахии. — О. Г.), любимого и желанного сына нашего... Поэтому постановляем: тот, кто восстанет против власти, тем самым оказывает сопротивление приказу господнему... Мы показали на синоде в присутствии преосвященных архиереев, окружающих нас и высокопоставленных и любимых во святом духе братьев наших по литургии, что злой Антим, названный Унговалашским и признанный революционером и бунтовщиком, из-за чего и был уволен из митрополии, лишается права носить архиерейские украшения и выполнять какую-либо архиерейскую службу, как лишенный сана... и остается монахом Антимом. Чтобы никто не поддерживал с ним сношений, не целовал ему руку, не оказывал ему честь как архиерею, не получал от него благословение»¹³⁷. Антим также лишился права иметь какой-нибудь церковный приход. Патриаршая грамота датирована августом 1716 года. Ее подписали: Авксентий Кизикский, Дионисий Амасийский, Неофит Артский, Никодим Деркский, Константин Халкедонский, Кирилл Брусский, Калиник Филиппопольский, Теоклит Приконийский, Герасим Никейский, Христофор Иконийский, Никодим Митиленский. Все перечисленные здесь

¹³⁴ I o r g a N. Istoría biscricii române, II, p. 56.

¹³⁵ Condica sfîntă, p. 111—114.

¹³⁶ Под «магией», по мнению Э. Пико, «безусловно, подразумевались выдающиеся способности Антима как типографа и мастера искусств».

¹³⁷ Condica Sfîntă, p. 111—114.

епископы были греками, а греческие иерархи, по причинам, о которых речь была выше, недолюбливали Антима. Ни одно духовное лицо из Валахии не приняло участия в этом позорном судилище. «Благодаря именно этим «тяжким грехам революционера, бунтовщика и заговорщика» против османского господства, — пишет Г. Штремпел, — великий митрополит стал личностью, глубоко почитаемой всем румынским народом»¹³⁸.

При дворе Николае Маврокордато привели в исполнение решение, содержащееся в патриаршей грамоте. Но, видимо, господарю Валахии показалось недостаточным наказанием лишить Антима сана архиерея. Он был выведен и из монашеского сословия, и ему возвратили мирское имя Андрей¹³⁹. С него сняли митру и надели ему на голову «красный турецкий колпак»¹⁴⁰. Затем ему прочитали решение о пожизненной ссылке в монастырь св. Екатерины на горе Синай¹⁴¹. Ночью Антима посадили в телегу и под конвоем солдат-турок во главе с неким Колфеску отправили в путь. Но до места своей ссылки Антиму так и не суждено было добраться—до Галлиполи на берегу р. Тунджи (притока р. Марицы, впадающей в залив Энос, во Фракии), протекающей через Адрианополь (по-турецки — Эдирне), турецкие солдаты зарубили Антима саблями и труп его бросили в реку¹⁴².

По мнению некоторых исследователей, турецкие солдаты получили в Бухаресте от Николае Маврокордато тайный приказ о расправе над Антимом¹⁴³.

По другим сведениям, Антима убили после того, как по пути в Синай турецким конвоем Антима было получено распоряжение султана, который приговорил Антима к смертной казни¹⁴⁴.

Но выяснение того, когда и от кого получили турецкие солдаты приказ расправиться с Антимом, не имеет существенного значения. Несомненно, физическое уничтожение Антима было в интересах как Николае Маврокордато, так и его патрона — османского султана.

Точная дата убийства Антима Иверийца неизвестна. Сох-

¹³⁸ Antim Ivireanul. Opere. Ed. G. Ştrempel. Buc., 1972. p. XXXIV.

¹³⁹ Del Chiaro. Op. cit., p. 143.

¹⁴⁰ Ibidem, p. 142.

¹⁴¹ Ibidem.

¹⁴² Del Chiaro. Op. cit., p. 124; М. Григораш считает, что до Эноса Антим был жив. Здесь он был убит и брошен в море. (См.: Grigoraş M. Op. cit., p. 443). А. Одобеску утверждает, что Антим был брошен в Дунай. (См.: Odorescu A. Op. cit., p. 402).

¹⁴³ Russo D. Op. cit., p. 415.

¹⁴⁴ Iorga N., Hurmuzaki E. Documente. vol. XIV, par. I, p. 402.

ранился документ, который подтверждает, что 22 сентября 1716 года он еще был жив. Документом этим являются денежные счета — какие долги были у митрополита и сколько должны были ему его должники¹⁴⁵. Другие документы, относящиеся к более позднему периоду, пока не обнаружены.

Высокопоставленные служители греческой церкви, эти сподручные правящих кругов султанской Турции, не скрывали своего злорадства по поводу смещения Антима и его гибели. Ведь уже не было в живых истинного патриота валашского народа, который всеми силами боролся против османского господства и домогательств греческого духовенства. 12 сентября 1716 года Дмитрий Юлиано писал патриарху Хрисанфу о том, что Николае Маврокордато «дошел до Джурджу, взял оттуда турецкое войско, вернулся в Бухарест, где узнал, что владыка (Антим. — О. Г.) строил козни, и, обнаружив письма и договоры с немцами (имеются в виду австрийцы. — О. Г.), немедленно посадил его под стражу и вытребовал отсюда решение, по которому должны были лишить его духовного сана, чтобы на его место посадить другого митрополита. Вот каков твой хороший друг, но он получил по заслугам за все его зло»¹⁴⁶. Великий ритор Константинопольской патриархии Спандонис в письме, датированном 20 сентября 1716 года, рассказал патриарху Хрисанфу о «заговоре против Николае Маврокордато». Он сообщал: «И будучи уличены, отступники и бунтовщики были осуждены, ворника (Брезояну. — О. Г.) казнили, а Унгровалашского (Антима. — О. Г.) отстранили от митрополии, согласно господарскому (Николае Маврокордато. — О. Г.) приказу, как ярого отступника и бунтовщика, решение о лишении его духовного сана было выслано отсюда несколько дней тому назад, после донесения и просьбы господаря-правителя»¹⁴⁷. А 29 сентября 1716 года Митрофан Ниса писал патриарху Хрисанфу: «Бывший митрополит Унгровалашский Антим не соблюдал порядка, положенного архиереям, и начал вмешиваться в политические дела... поэтому был лишен сана валашской церковью»¹⁴⁸.

По мнению румынского историка А. Дуцу, Антим Ивериец пал жертвой двух политических сил — «Османской империи, встревоженной сопротивлением ее ставленнику на троне Валахии (Николае Маврокордато. — О. Г.), и вселенской патриархии, обеспокоенной судьбой чиновника, патронировавшего ее»¹⁴⁹.

¹⁴⁵ C a z a s c u M. Magarinul istorie, III, 1966, № 4, p. 47—48.

¹⁴⁶ Documente, vol. XIV, par. II, p. 794.

¹⁴⁷ Ibidem, p. 796.

¹⁴⁸ Documente, vol. XIV, par. III, p. 114.

¹⁴⁹ D u f u A. Antim Iviréanul et les solidarités modernes.—Revue roum. d'histoire. Buc., 1976, t. 15, № 2, p. 320.

Весть о трагической смерти Антима Иверийца потрясла Валахию. Народ считал, что он был сослан на гору Синай. Николоае Маврокордато и султан прибегли к такой уловке лишь с той целью, чтобы избежать волнений в стране. По этой же причине расправа над Антимом произошла далеко за пределами Валахии. Велико было горе валашского народа. «Страшное убийство митрополита, — писал Дель Киаро, — повергло всю Валахию в ужас»¹⁵⁰. От поколения к поколению передавались запятанные кровью имена убийц Антима. Улисс де Марсиляк, путешествовавший по Валахии в середине прошлого века, в своих записках отмечал, что на месте, где был выстроен дворец господаря, раньше «стоял дом Колфеску, махмендара (начальника конвоя), который якобы убил Антима Иверийца и тем самым навеки навлек на свой род проклятие»¹⁵¹. «Сколько раз ни глянет солнце на румынскую землю», столько же раз с любовью и уважением вспомнят Антима Иверийца, который заложил краеугольный камень в фундамент румынской национальной культуры и до конца своих дней боролся за свободу»¹⁵².

¹⁵⁰ Del Chiaro. Op. cit., p. 143.

¹⁵¹ Iorga N. Istoria românilor prin călători, ed. II, vol. III. Buc., 1929, p. 347.

¹⁵² Biserică Ortodoxă Română, 1956, № 8—9, p. 689.

ОГЛАВЛЕНИЕ

О книге О. Ш. Гвинчидзе «Антим Ивериец»	3
Введение	5
Глава I. Жизнь и деятельность Антима Иверийца до его поселения в Валахии	38
Глава II. Где изучил Антим Ивериец книгопечатное дело	79
Глава III. Типографская деятельность Антима Иверийца в Валахии	97
Глава IV. Антим Ивериец и первая грузинская типография в Москве	145
Глава V. Антим Ивериец и первая арабская национальная типография в сирийском городе Алеппо	157
Глава VI. Антим Ивериец, Михай Иштванович и создание первой грузинской типографии в Тбилиси	171
Глава VII. Антим Ивериец — борец против османского и фанариот- ского ига	228

Отар Шалвович Гвинчидзе

АНТИМ ИВЕРИЕЦ

ТБИЛИСИ
«МЕЦНИЕРЕБА»
1989

ოთარ შალვას ძე გვინჩიძე

ანტიმოცი ივერიელი

თბილისი
„მეცნიერება“
1989

Напечатано по постановлению научно-издательского совета
Академии наук Грузинской ССР

ИБ 3437

Редактор издательства Э. Е. Кобахидзе
Художник Т. О. Кохреидзе
Худредактор Г. А. Ломидзе
Техредактор Н. Б. Бокериа
Корректор Э. В. Гогава
Выпускающий Е. Г. Майсурадзе

Сдано в набор 27.05.88. Подписано к печати 10.07.89.
Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печать высокая.
Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 16.5. Уч.-изд. л. 16.85. Усл. кр.-отт. 16.5.

Тираж 1000 экз. Заказ 1829.
Цена 3 р. 70 к.

Издательство «Мецниереба», Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
გამომცემლობა „მეცნიერება“, თბილისი, 380060, კუტუზოვის ქ., 19

Типография АН Грузинской ССР, Тбилиси, 380060, ул. Кутузова, 19
საქართველოს სსრ მეცნ. აკადემიის სტამბა, თბილისი 380060, კუტუზოვის ქ., 19

